

ДРУЗЬЯ ПУШКИНА

*И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей.*

А. С. Пушкин

ДРУЗЬЯ ПУШКИНА

Д. В. ДАВЫДОВ
Е. А. БАРАТЫНСКИЙ
СЕМЬЯ РАЕВСКИХ
Н. С. АЛЕКСЕЕВ
СЕМЬЯ
ОСИПОВЫХ-ВУЛЬФ
А. П. КЕРН
П. А. ПЛЕТНЕВ
С. А. СОБОЛЕВСКИЙ
П. В. НАЩОКИН
Е. Н. УШАКОВА
А. А. ОЛЕНИНА
СЕМЬЯ
ХИТРОВО-ФИКЕЛЬМОН
Н. Н. ПУШКИНА
А. О. СМИРНОВА
К. К. ДАНЗАС

ДРУЗЬЯ ПУШКИНА

ПЕРЕПИСКА
ВОСПОМИНАНИЯ
ДНЕВНИКИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ

2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1985

*Составление,
биографические очерки и примечания
В. В. Кунина*

- Д 76 **Друзья Пушкина:** Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х томах. Т. II. /Сост., биографические очерки и прим.. В. В. Кунина.— М.: Правда, 1985.— 640 с., 2 л. вкл.

В двухтомнике собраны документы и материалы, характеризующие отношения А. С. Пушкина с тридцатью его близкими друзьями. В отрывках из писем, мемуаров, дневников передается атмосфера трудной и прекрасной жизни великого поэта и тех людей, которые были ему близки и дороги. Все подборки материалов предваряются биографическими очерками о друзьях Пушкина.

Д $\frac{4702010100-927}{080(02)-85}$ 927—85

84 Р 1

Поэта-партизана Пушкин узнал гораздо раньше, чем познакомился с ним. Не будет преувеличением сказать, что ни у одного из друзей Пушкина не было такой истинно всенародной славы, как у Дениса Васильевича Давыдова. Знаменитое изображение (народный лубок) легендарного героя, партизанского вождя Дениса Давыдова на лошади, в крестьянском армяке с окладистой бородой и иконой на груди, долгие годы можно было встретить в России буквально повсюду — от крестьянской избы до знатного дома. В далеком заточении декабрист Вильгельм Кюхельбекер вспоминал об этой картине:

...Софа, в углу комод, а над софю
Не ты ль гордишься рамкой золотою,
Не ты ль летишь на ухарском коне,
В косматой бурке в боевом огне,
Летишь и сыплешь на врагов перуны,
Поэт наездник, ты, кому и струны
Волшебные и меткий гром войны
Равно любезны и равно даны.

Более того, портрет Давыдова-партизана, как символ Отечественной войны и народного гнева, перед которым не устояла наполеоновская армия, вышел за пределы российские и украсил, например, кабинет шотландского поэта и романиста Вальтера Скотта. Давыдов писал Скотту: «Горжусь весьма, милостивый государь, что гравированный портрет мой давно

уже находится в вашем кабинете оружия, столь тщательно вами собираемых». Отношения между русским гусаром, поэтом, партизаном, военным историком и шотландским писателем впоследствии заинтересовали Пушкина, и он попросил у Давыдова подробностей. В ответ последовало письмо, дошедшее до нас лишь в отрывке (№ 5). Исследователи рисунков Пушкина (сотнями разбросанных на полях его рукописей) определили несколько профилей Дениса Давыдова, нарисованных быстрым пером Пушкина. Обычно первые из них относят к 1819 г., когда поэты познакомились. Однако внешний облик Давыдова, несомненно, был перед глазами Пушкина еще в Лицее. Как бы то ни было — правда и легенды об отважном поэте-партизане волновали поэта-лицеиста.

* * *

В 1832 г. в сборнике стихотворений Давыдова было напечатано его жизнеописание, составленное якобы неким «сослуживцем» автора. Современники, не искушенные в литературных мистификациях, не все и не сразу распознали в этой биографии остроумную и художественно яркую автобиографию, но нынешнему читателю и без литературоведческих разъяснений ясно, кто такой таинственный «сослуживец». Итак, Денис Давыдов говорит о себе в третьем лице: «Его благословил великий Суворов: благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие... Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит средь битв как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты...»

Если перевести это на язык биографических фактов, получится примерно такая картина. Вырос Денис Васильевич в военной среде, отец его был сподвижником Суворова (отсюда и благословение на военную стезю, которое дал Суворов сыну командира бригады В. Д. Давыдова во время одного из войсковых смотров). При Павле I, как ни изгоняли суворовский дух из армии, многие командиры оставались

верны Суворову. Отец Дениса Васильевича пережил полное крушение карьеры, но сын не забыл впечатлений детства и ранней юности. Военное образование он получил отменное и в своих военно-исторических трудах и мемуарах неизменно настаивал на том, что столь любимое аракчеевской школой «глубокое изучение ремешков и правил вытягивания носков» никогда не заменит профессиональной военной выучки.

В 1801 г., с воцарением Александра I, благоволившего к людям, обиженным при Павле, и обещавшего устроить все как было «при возлюбленной бабке», перед Давыдовым, казалось бы, открывалась быстрая военная карьера. Даже малый рост не помешал ему стать эстандарт-юнкером гвардейского кавалергардского полка. Но, вольнолюбивый дух, независимость натуры, лютая ненависть к бездарным подхалимам и невежественным выскочкам всю жизнь мешали Денису Васильевичу ладить с властями. А тут еще проявилось его немалое поэтическое дарование, которое облекало настроения и мысли Давыдова в острую и небезопасную для правительства форму. Могла ли остаться, например, без последствий сочиненная в 1803 г. и ходившая по рукам басня «Голова и Ноги»:

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться?»

Добро бы еще поэт задавал «от имени Ног» риторические вопросы, а он ведь прозрачно намекал и на реальные действия:

«...А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись,— как же быть,—
Твое Величество об камень расшибить».

«Смысл этой басни всякий знает»,— заключил Денис Давыдов свое произведение. Еще бы не знать! В ответ на такие выходки Александр I испытал на Давыдове тот самый «надежный» метод удаления

поэтов в глушь, который впоследствии применил к Пушкину. Денис Васильевич был выдворен из гвардии и направлен под Киев в захолустье, в армейский полк. Однако слава литературная, которую поэт скромно называл «карманною», уже прочно (задолго до славы партизанской) закрепилась за его именем. «Карманная слава,— писал он,— как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных надсмотрщиков. Запрещенный товар — как запрещенный плод: цена его удваивается от запрещения».

Через несколько лет Давыдов по видимости был прощен, но навсегда остался у правительства под подозрением. Даже слава его партизанская, даже блестящие операции, им проведенные, не меняли положения. Вдобавок он был родственником и другом двух генералов — Н. Н. Раевского и А. П. Ермолова,—которые всегда были прославлены более в глазах армии и народа, нежели царя и его приближенных. К Давыдову придирались на каждом шагу. В 1813 г. геройски отбив у французов Дрезден, он был «в благодарность»... отстранен от командования, поскольку обидел штабного генерала, мечтавшего рапортовать о победе (№ 17); генеральское звание, присвоенное в 1814 г., отобрали, объяснив, что произвели в генералы по ошибке: перепутали с каким-то другим Давыдовым. Тогда и появились стихи Вяземского:

Пусть генеральских эполетов
Не вижу на плечах твоих,
От коих часто поневоле
Вздымаются плеча других;
Не все быть могут в равной доле,
И жребий с жребием не схож *:
Иной, бесстрашный в ратном поле,
Застенчив при дверях вельмож.

Давыдов свою «застенчивость» объяснял так: «Я только в куклы играть не хочу и не хочу быть куклою, но от дела я не только не прочь, а из кожи готов лезть».

---

* Строки «Не все быть могут в равной доле, // И жребий с жребием не схож» любил повторять Пушкин.

Генеральское звание Давыдову скоро вернули, но, как ни парадоксально, при каждой новой военной кампании ему предварительно приходилось вести сражение за право участвовать в сражениях. В 1822 г. Александр I отказал Давыдову в просьбе служить на Кавказе под началом Ермолова; едва убедили и Николая I допустить Давыдова к боевым действиям в 1826 г. и в 1831 г. Но генерал упрямо стремился в бой, руководствуясь собственной поэтической формулой: «За тебя на черта рад, // наша матушка Россия!»

Однако заслуженного признания, завоеванного Денисом Давыдовым в битвах 1812—1814 годов, завоеванного в седле, а не на паркете, и даже не в штабной палатке, никто у него отнять был не в силах. Слава партизанского вождя оказалась бессмертной: она укоренилась в народе в 1812 г. и вспыхнула снова, освещенная заревом народной памяти, во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. ...

Судьба распорядилась так, что генеральное сражение было дано Наполеону Кутузовым у деревни Бородино, принадлежавшей семье Дениса Давыдова. Перед сражением, на биваке, завернувшись в бурку и раскурив любимую трубку, Денис Васильевич вспоминал: «Там, на пригорке, где некогда я резвился и мечтал, где я с жадностью читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о перекатах грома русского оружия на границах Франции,— там закладывали редут Раевского. Красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кипел егерями, как некогда стаю гончих собак, с которыми я носился по мхам и болотам. Всё изменилось!.. Я лежал за Семеновским, не имея угла не только в собственном доме, но даже и в овинах, занятых начальниками. Я глядел, как шумные толпы солдат разбирали избы и заборы Семеновского, Бородина и Горок для строения биваков и костров».

Но еще за несколько дней до Бородинской битвы подполковник Давыдов явился к любимому своему начальнику князю Батрахиону, с которым бок о бок прослужил несколько лет, и развернул перед ним продуманный в деталях план партизанских действий, которые должны были дополнить операции регуляр-

ных частей русской армии. «Если нужно будет,— сказал Давыдов,— я умру под знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропщущие на насилие и безбожие врагов наших». Багратион сказал: «Ну, с богом! Я на тебя надеюсь»,— и доложил план Давыдова главнокомандующему М. И. Кутузову. И хотя самому Багратиону не довелось увидеть исполнение смелого замысла — он был смертельно ранен при Бородине,— но страница героической истории оказалась уже перевернутой. Всенародная партизанская война началась. Давыдов в полной мере применял в этой войне свои принципы: «быстроту в действиях, ловкость в изворотах, внезапность в нападениях, единство в натиске».

Литературная известность поэта-гусара, бездумного храбреца и безудержного гуляки, как-то слилась с партизанской славой Давыдова и превратилась в своеобразную легенду — пожалуй, оправданную с точки зрения чисто поэтической, но не выдерживающую проверки биографией Дениса Васильевича. Даже «сослуживец» характеризует литературные занятия Давыдова в эмоционально-приподнятом тоне: «Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов... Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйного разгула». Стихи Давыдова (хотя не все, и, пожалуй, даже не большая часть) подтверждают эту «саморекламу». Вот, скажем, «Песня старого гусара»:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,

Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечером
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!*

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

На первый взгляд, автор тоскует здесь о тех временах, когда гусары в застолье, «ни полслова» не говоря, предавались бесконечным возлияниям. Однако на самом деле упрек «Жомини да Жомини...»** больше подходил к самому Денису Давыдову, чем «гусарство», с преувеличениями описанное в первых строфах. На сей счет имеется объективное свидетельство Вяземского: «Не лишним будет заметить, что певец вина и веселых попоек в этом отношении несколько поэтизировал. Радушный и приятный собутыльник, он

---

* Жомини — известный генерал и военный историк. Последние две строки стали поговоркой.

** Т. е. беседы о военной истории.

на самом деле был довольно скромнен и трезв. Он не оправдывал собою нашей пословицы: *пьян да умен, два угодья в нем*. Умен он был, а пьяным не бывал». Столь же преувеличены были слухи о любовных победах Давыдова, хотя, как герой войны, человек обаятельный и остроумный, он в самом деле пользовался успехом у женщин (в него была влюблена, например, не слишком скрывая это, Ольга Сергеевна Пушкина).

* * *

Таков был старший современник Пушкина Денис Васильевич Давыдов, когда они познакомились в Петербурге зимой 1818—1819 годов. Давыдов стал членом «Арзамаса» при самом его учреждении, но вместе с Вяземским и В. Л. Пушкиным составлял как бы его «московское отделение». Приехав в 1818 г. в Петербург, он сблизился со многими арзамасцами, включая и «Сверчка» — Пушкина.

В те годы Давыдов ближе, чем когда-либо, стоял к декабристским кругам и ранним декабристским организациям. Это вполне естественно, поскольку среди будущих декабристов были и его военные друзья, и многие родственники. Однако в тайное общество Давыдов не вступал, и вовсе не из преданности самодержавию. По этому вопросу у него сложилось собственное суждение. «Что мне до конституционных прений! — писал он. — Мне жалок Орлов (Михаил Федорович, один из руководителей Союза Благоденствия. — В. К.) с его заблуждением, вредным ему и бесполезным Отечеству; я ему говорил и говорю, что он болтовнею своею воздвигает только преграды к службе, которую он мог быть истинно полезен Отечеству. Как он ни дюж, а ему... не стряхнуть самовластие в России. Этот домовый долго еще будет давить ее, тем свободнее, что, расслабься ночью грезой, она сама не хочет шевелиться... Я представляю себе свободное правление как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою, приступом — много стоит, смотри Францию. Но рано или поздно поведем осаду и возьмем с осадой... войдем в крепость и раздробим монумент Аракчеева... Но Орлов об осаде и знать не хочет, он идет к крепости по чи-

стому месту, думая, что за ним вся Россия двигается».

Как бы ни оценивать эти политико-стратегические рассуждения Дениса Давыдова, в них нет и тени верноподданнических идей, зато есть отвращение к «домовому самовластью» и горячая любовь к отечеству, которую поэт-партизан доказал на поле брани. Можно представить себе, что до ссылки на юг Пушкин не сходил с Давыдовым в общественных взглядах, но уважение к нему испытывал неподдельное. Легенда о гуляке-гусаре и отважном воине оборачивалась куда более глубокой и интересной реальностью.

Отношения Пушкина с Давыдовым были достаточно тесными, хотя они сводятся к нескольким эпизодам (точнее, не эпизодам, а группам фактов).

Во-первых. Пушкин, умевший воспринимать все самое яркое и оригинальное в творчестве других поэтов, многому научился у Давыдова. Он даже однажды высказался в том смысле, что именно Давыдов помог ему найти свой собственный путь в поэтическую эпоху Жуковского и Батюшкова (№ 29). Давыдов необыкновенно гордился тем обстоятельством, что, сам того не ведая, учил Пушкина «круче» писать стихи.

Во-вторых. Несколько раз Пушкин обращался к Давыдову с поэтическими посланиями*. Наиболее интересны и значительны два из них (№ 2 и № 3), вместе составляющие своего рода сюжет, в котором отразилась эволюция взглядов Пушкина. В 1821 г. вышло в свет первое военно-историческое сочинение Давыдова «Опыт теории партизанского действия». Вполне вероятно, что еще в начале 1821 г., встретившись с Давыдовым в Киеве, Пушкин получил если не экземпляр самой книги, то отчет о ней из уст автора. В 1822 г., из Кишинева, Пушкин обратился к Давыдову со стихами, в которых, отдав должное искусной аргументации Давыдова-историка и его «неподражаемому слогу», все же вздохнул о том, «как мог унизиться до прозы // венчанный музами поэт». Исследователи не раз отмечали, что такая постанов-

---

* Самое первое — стихотворение «Наездники» (1816); второе — две строки на полях рукописи «Руслана и Людмилы»: «Красноречивый забияка, || Повеса, пламенный поэт», третье — «Певец-гусар...» (№ 1).

ка вопроса могла возникнуть лишь у молодого Пушкина, которого «лета не клонили еще к суровой прозе». Однако в послании 1822 г. проглядывает и известная доля доброжелательного лукавства. Пушкин понимал, конечно, пользу и ценность «Опыта партизанского действия», не говоря уж о бесспорном праве и даже обязанности Давыдова рассказать о прошедшей войне *. Но Пушкин намеренно противопоставил военно-историческую прозу Давыдова его же поэзии, тонко польстив этим не лишенному тщеславия поэту-гусару.

Между тем литературная судьба Пушкина и его собственные интересы поэта-историка сложились так, что в 30-х годах и он обратился к исторической (а отчасти и военно-исторической) прозе. Во всяком случае, для автора «Истории Пугачева» «Опыт теории партизанского действия» предстал в несколько ином свете, чем для автора «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана». Теперь Пушкин сам писал о народной войне. И вот через 14 лет после кишиневского послания к Давыдову (18 января 1836 г.) появляется стихотворная дарственная надпись при передаче поэту-партизану экземпляра «Истории Пугачевского бунта»: «Тебе певцу, тебе герою!» Теперь Пушкин стал иным: ему уже мало назвать Давыдова своим «отцом и командиром» в трудной поэтической службе. Он добавляет:

Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

О каком отряде говорит здесь Пушкин? Только ли о том, которым командовал Давыдов в свои партизанские годы и где вправду мог пригодиться отважный народный вожак? Или, может быть, о другом «передовом отряде» — немногочисленной дружине историков-патриотов, под знамена которой встает рядом с Давыдовым не сам, конечно, «Пугач», а его автор? По-видимому, и то и другое. Во всяком случае, послание 1836 г. читается как своеобразное про-

---

* Тем более, что, как доказано теперь, Пушкин в Кишиневе работал над историческими заметками.

должение и вместе с тем — антитеза послания 1822 г. Есть в стихах 1836 г. и еще одна немаловажная особенность — они представляют собой тонкую стилизацию «под Дениса Давыдова».

В-третьих. После 1823 г. Давыдов с семьей* жил в Москве, отлучаясь порой в свои имения в Московской и Симбирской губерниях. Почти в каждый приезд в Москву Пушкин встречался с Давыдовым. Пушкин читал ему многие новые стихи и прозу («Выстрел» — несколько раз), спорил о «Борисе Годунове», вместе с ним ездил в январе 1831 г. в Остафьево к Вяземскому. Есть свидетельства, что Давыдов был среди друзей, для которых Пушкин устроил «мальчишник» перед своей свадьбой. Выпустив, наконец, в 1832 г. первый сборник стихов, Давыдов сразу же прислал его Пушкину.

В-четвертых. Особенно тесным и содержательным стало общение (большей частью, правда, эпистолярное, поскольку Давыдов жил тогда в деревне Маза близ Симбирска**) Пушкина с Давыдовым во время работы над журналом «Современник». Принявшись за журнал не только литературный, но и общественно-исторический, Пушкин не мог не привлечь к сотрудничеству Давыдова в обеих частях «Современника». Сохранилась их интересная переписка, связанная с этим (№ 14—23). Статья Давыдова «Занятие Дрездена», несмотря на «героическую оборону», которую вел Пушкин, была до неузнаваемости искажена цензурой. То же случилось и со второй статьей «О партизанской войне». Но все же обе они были напечатаны в журнале***.

* * *

Во второй половине 30-х годов Давыдов стал понемногу «сдавать»: болел, хандрил, хотя порой с прежней страстью «вскидывался» на литературных

---

* Денис Васильевич женился поздно — в 1818 г. — на Софье Николаевне Чирковой. Он стал примерным семьянином, отцом девяти детей.

** В письмах 1836 г. Пушкин стал называть Давыдова на «ты», что, как писал Давыдов, «сняло мне двадцать пять лет с костей» (№ 14).

*** Цензурную историю статей Давыдова см.: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». М., 1972.

и политических противников. Написанная в 1836 г. «Современная песня» отмечена нарочитым неприятием и полным непониманием западничества вообще и «Философических писем» Чаадаева в частности (см. письмо Давыдова к Пушкину в подборке материалов о Чаадаеве в т. I). Однако в этом стихотворении есть обличительные строки, попавшие не в бровь, а в глаз псевдолибералам, жрецам политической моды, объявлявшим себя чуть ли не выразителями народной души:

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок
Корчит либерала.

Томы Тьера и Рабо . . . . .
Он на память знает
И как ярый Мирабо *
Вольность прославляет.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло...

Личные нападки и перехлесты в стихах Давыдова время унесло, а патриотический пафос их остался...

С грустью он писал Жуковскому (почти что своему ровеснику): «Если вздумаете стареть, то чур вместе. Ох, тяжелое это дело! Как я ни храбрюсь, а все-таки чувствую, что не тот уже, что был! Прошедшую войну (1831 г.— В. К.) стал уже закрываться от непогоды; дай уж мне шалаш, тогда как прежде весь шалаш состоял из чарки водки; стал кряхтеть на седле при усиленном переходе, чего я никогда не делал и не понимал, как можно это делать».

Смерть Пушкина была для Давыдова внезапным ударом, о чем читатель может судить из его писем к Вяземскому (№ 24, 26). Самому ему оставалось жить еще два года. 22 апреля 1839 г. генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов скончался в име-

---

* Мирабо—деятель Великой французской революции XVIII в.; Тьер и Рабо — французские историки и политические деятели.

нии Верхняя Маза, где и похоронен. П. А. Вяземский посвятил его памяти стихотворную эпитафию:

Богатыри эпохи сильной,
Эпохи славной, вас уж нет!
И вот сошел во прах могильный
Ваш сослуживец *, ваш поэт!

Смерть сокрушила славы наши —
И смотрим мы с слезой тоски
На опрокинутые чаши,
На упраздненные венки...

Но песнь мою, души преданье
О светлых, безвозвратных днях,
Прими, Денис, как возлиянье
На прах твой, сердцу милый прах!

Прошло без малого полтора столетия, а благороднейшая личность, своеобразные стихи и военно-исторические труды Давыдова не забыты. Не забыта и его дружба с Пушкиным. Среди многочисленных стихотворений, посвященных поэту-партизану, есть и прекрасные строчки Ярослава Смелякова:

Утром, вставя ногу в стремя —
Ах, какая благодать! —
Ты в теперешнее время
Умудрился доскакать.

И это правда.

Основная литература

Д. В. Давыдов. Стихотворения. Л., 1959. (Библиотека поэта. Малая серия).

Д. В. Давыдов. Сочинения. Сост., вступит. статья и коммент. Вл. Орлова. М., 1962.

Д. В. Давыдов. Стихи и проза. Вступит. статья Вл. Орлова. М., 1979.

Н. Задонский. Денис Давыдов. Историческая хроника. Кн. 1—2. М., 1958 (см. также Н. Задонский. Избранные произведения. Т. I. М., 1973).

---

* Вяземский намекает на предисловие к сборнику стихов Давыдова 1832 г.

1

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыл.

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

Я всё люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

1821

А. С. Пушкин

2

* * *

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал

Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
Но перевертывал листы
И — признаюсь — роптал на бога.
Я думал: ветренный певец,
Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!
И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою,
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокий ментик за спиною
И кивер чудо набекрень.

1822

А. С. Пушкин

3

Д. В. ДАВЫДОВУ

*При посылке
«Истории Пугачевского бунта»*

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.

Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

1836

А. С. Пушкин

4

Кланяйся Давыдову, который забыл меня. Сестра Ольга в него влюблена и поделом. Кстати или нет: он критиковал ей в Бахчисарайском фонтане Зареминны очи. Я бы с ним согласился, если б дело шло не о востоке. Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидосской невесте и проч. —

*Пушкин — П. А. Вяземскому.
Конец марта — начало апреля 1825.*

5

Мне писал племянник мой Владимир Петрович Давыдов, который учится в Эдинбурге, что он часто видится с Вальтером Скоттом и часто бывает у него в деревне. Что Вальтер Скотт долго его обо мне рас-

спрашивал и показывал ему портрет мой, находящийся у него в кабинете. Это весьма польстило моему самолюбию, и я написал Вальтеру Скотту благодарное письмо, на которое немедленно он отвечал. Сверх того он,—спустя несколько времени прислал мне свой портрет с надписью: *Вальтер Скотт, Денису Давыдову*. Теперь я ему пишу благодарное письмо за портрет, а между тем, узнав, что он составляет себе кабинет разного оружия, на днях посылаю ему курстанской дротик, черкесский лук и стрелы и кинжал. Вот вся история моего знакомства с Вальтер Скоттом.

*Д. В. Давыдов — Пушкину. Конец сентября —
первая половина октября 1827.*

6

Примись издавать журнал, я тебе буду помощником по какой-нибудь части. Жуковский, Пушкин, Баратынский, Дельвиг и множество лучших наших литераторов поддержат нас, и с таким ополчением, я уверен, что мы все журналы затопчем в грязь.

*Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому.
28 июля 1828.*

7

Он [Пушкин], хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои круче и приноравливаясь к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку. Это комплимент и почти насмешка, но самолюбие всякий комплимент, всякую насмешку принимает за истину. Ты знаешь, что я не цеховой стихотворец и не весьма ценю успехи мои, но при всем том слова эти отозвались во мне и по сие время меня радуют.

*Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому.
29 января 1830.*

8

Ты и Пушкин имеете дар запенить меня как бутылку шампанского. Вот уже месяца три, как я закупоренный стою во льде прозы, после же стихов твоих вино закипело и пробка хлопнула.

*Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому.
7 декабря 1832.*

9

Я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 27 сентября 1832.

10

Жду с нетерпением «Пугачева». Я уверен, что это будет презанимательная книга. Уведомь, что он еще пишет. Да ради бога заставьте его продолжать «Онегина»: эта прелесть у меня вечно в руках, — тут все для сердца и для смеха.

Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому. Весна 1834.

11

Помилуй! что за дьявольская память? — бог знает когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой М. А. Нарышкиной насчет *les suivantes qui sont plus fraîches* *, а ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений Пиковой Дамы. Вообрази мое удивление, а еще более восхищение мое жить в памяти твоей, в памяти Пушкина, некогда

---

* камеристок, которые свежее (франц.).

любезнейшего собутыльника и всегда моего единственного, родного душе моей поэта! Право, у меня сердце облилось радостью, как при получении записки от любимой женщины.

Как мне досадно было разъехаться с тобою прошлого года! Я не успел проехать Симбирск, как ты туда явился, и что всего досаднее, я возвращался из того края, в который ты ехал и где я мог бы тебе указать на разные лица или рожи, от которых ты мог получить и бумаги и сведения, тебе нужные. После того ты был у Языкова, и я не знал о том! Неужели ты думаешь, чтобы я усидел дома и не прилетел бы обнять тебя. Злодей! зачем не дать было знать мне?

Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На днях я написал много стихов, так и брызгало ими. Право, я думал, что рассудок во мне так разжирел, что вытеснил поэзию; не тут-то было; встрепенулась небесная, и он — дай бог ноги, так что и по сю пору не отыщу его.

Совестно мне посылать тебе сердечные мои бредни, но, если прикажешь, исполню повеление Парнасского отца и командира. Надо только, чтобы повеление писано было нецеремониально, и слово *вы* заменилось словом *ты*. Тогда на все готов.

Д. В. Давыдов — Пушкину. 4 апреля 1834.

12

Приезжай сегодня к нам, будет
Наш боец чернокудрявый
с белым локоном во лбу.

П. А. Вяземский — Пушкину. 22 января 1836.

13

Кланяйся Жуковскому и Пушкину; вы трое сделали то, что я о кратковременном пребывании моем

в Петербурге вспоминаю с душевным удовольствием.

*Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому.
20 февраля 1836.*

14

Твое *ты* сняло мне двадцать пять лет с костей и развязало мне руки — по милости его я молод и свободен. Теперь слово о журнале: Смирдин давал мне по 300 р. за печатный лист с тем, что статьи, помещаемые им в «Библиотеке для Чтения», я имел право печатать в особой книжке. Хочешь так? или как тебе угодно, я с тобой на всё согласен, только уведомь.

Жаль, что не дождусь тебя в Москве. Я сегодня еду отсюда в мои степи. Баратынский хочет пристать к нам, это не худо; Языков верно будет нашим; надо бы Хомякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы в комплекте.

Д. В. Давыдов — Пушкину. 2 марта 1836.

15

Я был у Языкова. — Он готов и поступает под знамены твои. Уведомь ради бога, пропустит ли ценсура мою статью? Если будут споры на какие-нибудь слова или даже целые периоды — я уполномочиваю тебя вымарывать, изменять во всей статье что твоей душе угодно. В случае же, что всю статью остановят на таможене просвещения, то дай знать — я примусь за работу и другую пришлю тебе. Нет ли прижимки журналу твоему от наследника Лукулла? Я знаю, что *Наблюдатель* охает; было замечание Строгонову насчет какой-то статьи Погодина. Считай на меня —

я под твоим начальством лихо служить буду. Клянйся Вяземскому и Жуковскому и повергни меня к стопам жены своей.

Д. В. Давыдов — Пушкину. 6 апреля 1836.

16

Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудравый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии.

Пушкин — Н. М. Языкову. 14 апреля 1836.

17

Правда твоя, видно, какая-нибудь особого рода немецкая ведьма горой стоит и за Дрезден и за Винценгерода. Вот другой раз, как я в дураках от этого проклятого городишка, и другой раз, как Чернышев спасает Винценгерода: первый раз от французских жандармов, которые везли его *на заклатие* во Францию; в другой раз от анафемы, воспетой мною поганой его памяти. Право, это замечательно! Надо, чтоб в 1812 году Чернышев, шедший с партией казаков от Бреста к Полоцку, неожиданно повстречал Винценгерода там, где уже он не имел никакой надежды на избавление, и избавил его от смерти, и потом надо, чтобы в министерство его, 23 года после, я вздумал потешиться над человеком, которого он продолжает прикрывать своею егидою и за пределами гроба, — что, впрочем, с его стороны и честно, и благородно. Если немецкие бароны допускаются в рай и молитвы их доступны всевышнего, важного покровителя приобрел себе Чернышев; но если слабости наши сопутствуют нам и на тот свет, то защита его втуне: неблагодарность Винценгерода продолжается, и, верно, он то же говорит о Чернышеве там, что говорил мне про него здесь при выговоре, делаваемого

им мне за взятие Дрездена: в пылу гнева он обрушился на партизанов вообще и разругал более Чернышева, чем меня.

Как бы то ни было, а эскадрон мой, как ты говоришь, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею цензуры, прошу тебя привести в порядок: убитых похоронить, раненых отдать в лазарет, а с остальным числом всадников — ура! — и снова в атаку на военно-ценсурный комитет. Так я дельвал в настоящих битвах, — унывать грешно солдату — унывать грешно солдату — надо или лопнуть или врубиться в паршивую колонну Цензуры. Одного боюсь: как ты уладишь, чтобы, при исключении погибших, эскадрон сохранил связь, узел, единство? возьми уже на себя этот труд ради бога, составь разорванные части — и сделай из них целое. Между тем — не забудь без замедления прислать мне чадо мое (рукопись), потерпевшее в битве; дай мне полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные в неровной борьбе, смело предпринятой и храбро выдержанной, — я его оставлю *дома до поры и до время...* Это мне приводит на память Берниса, который был в том же почти отношении к кардиналу Флёри, как я к Чернышеву. Флёри с гневом сказал Бернису: *Tant que je vis, monsieur, vous n'imprimerez pas ce mandement;** — тот ему отвечал: *Monseigneur, j'attendrai*** . Если успею, то к 2-му номеру, а если не успею, то к 3-му пришлю тебе такой эскадрон, который пройдет через военную цензуру нос кверху, фуражка набекрень и с сигаркою в зубах — как, бывало, я хаживал в трактирах и борделях мимо общества приказных. Пожалуйста, присылай рукопись искаженную; умираю хочу видеть ее в этом положении. Прости.

Д. В. Давыдов — Пушкину. 18 мая 1836.

---

* Пока я жив, сударь, вы не напечатаете этого послания (франц.).

** Ваше высокопреосвященство, я подожду (франц.).

Я сейчас из Москвы —

Статью о Дрездене не могу тебе прислать прежде нежели ее не напечатают, ибо она есть цензурный документ. Успеешь наглядеться на ее благородные раны.

Покаместь благодарю за позволение напечатать ее и в настоящем ее виде.— А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № Современника, который будет весь полон Наполеоном? куда бы кстати тут же было заколоть у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, чорт его поberi.

Вяземский советует мне напечатать *Твои очи* без твоего позволения. Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени?..

*Пушкин — Д. В. Давыдову. 20-е числа мая 1836.
(Черновое)*

Посылаю тебе того удальца-партизана, о котором писал тебе; ты увидишь, что писал правду. Он может пройти бодро и смело мимо Ценсурного комитета, не ломая шапки, а в случае каприза наплевать членам в глаза,— *так,— здорово живешь*, от нечего делать, чтобы показать, что никого не боится. Прочти со вниманием эту статью и исправь слог ее, потому что я ее писал сплеча, наскоро,— а между тем заметь: мысль богатая. Это открытие нового рудника силы империи и намека, как из него бить монету славы. Недостаток статьи состоит в гомеопатической ее краткости, что вовсе не действует на наших государственных мужей; у них горлы аллопатически широкие и любят глотать огромные пилюли, хотя бы они сделаны были из одного белого хлеба. Я это знаю, и потому статья, к тебе посылаемая, есть только

вступление к сочинению довольно обширного размера: *Опыт партизанского действия*, некогда мною изданного и теперь совершенно переделанного...

Д. В. Давыдов — Пушкину. 2 июня 1836.

20

Сделай милость отсеки весь хвост у статьи моей *О партизанской войне*, от самого слова «в отдельных действиях» и приставь хвост, тебе посылаемый. Кажется, этот будет лучше. При всем том прошу поправить слог как в нем, так и во всей статье. Я их писал во все поводы, следственно, перескакивал чрез кочки и канавы; надо одни сгладить, другие завалить фашинником, а твой фашинник из ветвей лавровых.

Д. В. Давыдов — Пушкину. 6 июня 1836.

21

Ты меня совсем забыл. Обещал прислать 1-й номер журнала, и по сю пору нет его. Вот и 2-й номер на дворе, а 1-й все еще не едет.

Уведомь, получил ли ты статью мою «О партизанской войне» и еще к ней Variante... * Мне хотелось бы, чтоб ты эту статью напечатал прежде *Занятия Дрездена*, охолощенного военной цензурою. Не забудь, возврати мне рукопись искаженную; мне она необходима.

В Пчеле есть ругательство на Современника. По слогу, кажется, Булгарин машет лаптою, нельзя ли махнуть его ладонью по ланите, как некогда ты махнул его в Литературной Газете.

Д. В. Давыдов — Пушкину. 20 июля 1836.

---

* вариант (франц.).

22

Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтоб доказать, что они читают.

Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех?..

*Пушкин — Д. В. Давыдову.
Август 1836. (Черновое)*

23

Я совсем переселился в Москву; живу в собственном доме на Пречистенке (бывшем доме Бибиковой). Слышу, что вышел 3 номер Современника, в котором и Партизаны мои и Башилов, — пожалуйста присылай скорее этот номер, дай взглянуть на моих детищ; да не забудь прислать и пострадавшего в битве с цензурою, ты давно мне это обещал; мне рукопись эта и потому нужна, что нет у меня черновой; черт знает куда делась...

Д. В. Давыдов — Пушкину. 13 октября 1836.

24

Милый Вяземский! Смерть Пушкина меня решительно поразила, я по сю пору не могу образумиться. Здесь бог знает какие толки. Ты, который должен все знать и который был при последних минутах его, скажи мне, ради бога, как это случилось, дабы я мог опровергнуть многое, разглашаемое бабами обоого пола. Пожалуйста, не ленись и уведомя обо всем с начала до конца и как можно скорее. Какое ужасное происшествие! Какая потеря для всей России... Более писать, право, нет духа. Я много терял

друзей подобною смертью на полях сражений, но тогда я сам разделял с ними ту же опасность, тогда я сам ждал такой же смерти, что много облегчает, а это бог знает какое несчастье! А Булгарины и Сенковские живы и будут живы, потому что пощечины и палочные удары не убивают до смерти.

*Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому.
3 февраля 1837.*

25

Понимаю твою скорбь и знал наперед, что ты живо почувствуешь нашу потерю. Чье сердце любило русскую славу, поэзию, знало Пушкина не поверхностно, как знал его равнодушный или недоброжелательный свет... может ли тот не содрогнуться от участи, постигнувшей Пушкина, и не оплакивать его горячими, сердечными слезами.

*П. А. Вяземский — Д. В. Давыдову.
9 февраля 1837.*

26

Веришь ли, что я по сию пору не могу опомниться — так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать так должно, а не так, как умрут те из знакомых нам с тобою литераторов, которые теперь втихомолку служат молебны и благодарят судьбу за счастливейшее для них происшествие. Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнью, и смертью парит над ними. И эти навозные жуки думали соперничать с этим громодержавным орлом!

Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому. 6 марта 1837.

27

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «Главкомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить». Багратион отвечал: «Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать».

А. С. Пушкин. Исторические анекдоты.

28

В бытность Пушкина у Нащокина в Москве к ним приезживал Денис Васильевич Давыдов. С живейшим любопытством, бывало, спрашивал он у Пушкина: «Ну что, Александр Сергеевич, нет ли чего новенького?» — «Есть, есть», — приветливо говаривал на это Пушкин и приносил тетрадку или читал ему что-нибудь наизусть. Но все это без всякой натяжки, с добродушною простотою.

П. В. и В. А. Нащокины. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым.

29

В бывших у нас литературных беседах я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и даже в самых первых своих опытах не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне отвечал, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным.

М. В. Юзефович. Памяти Пушкина.

Философ, критик и публицист Иван Васильевич Киреевский прекрасно знал Пушкина и круг его друзей. Его суждению об этих людях можно довериться. Киреевский писал: «Общее мнение скоро соединило имя Баратынского с именами Пушкина и Дельвига, в то же время как внутреннее сродство сердечных пристрастий связало их самую искреннюю дружбу, цело сохранившеюся до конца жизни всех трех». Казалось бы, в словах Киреевского нет ничего нового и оригинального. Между тем, это не совсем так. Молва, стоустая и не всегда доброжелательная, проникавшая до недавних времен и на страницы литературных изданий, склонна была противопоставлять Пушкина и Баратынского. Последнего обвиняли даже в ревности и зависти — и все это на основании вырванных из контекста фраз (Пушкин: «мы как-то холодны друг к другу»; Баратынский: «Как-то из нас двух ничего не выходит как из двух математических линий» и еще нескольких в том же роде). Обычно считается, что первым опроверг эту литературную клевету в своих работах о Пушкине Валерий Брюсов. Но, как видим, правда была ведома еще Киреевскому.

Удивительно, как частности порой заслоняют главное! А главное заключалось в том, что Пушкин едва ли не первым оценил огромность и своеобычность

редкостного поэтического дара Баратынского; в том, что тревога за его судьбу — творческую и личную — долго не покидала Пушкина. И, с другой стороны, — в том, что Баратынский не способен был к преклонению перед какими бы то ни было явлениями литературы и жизни без критического анализа самих явлений. Одни создания Пушкина нравились ему более, другие — менее, и он не скрывал этого (№ 32, 33). Конечно, в том обстоятельстве, что Баратынский, восхищавшийся первыми главами «Евгения Онегина», не оценил романа в целом, не понял пушкинских сказок (зато восторгался «Полтавой», «Борисом Годуновым», «Повестями Белкина»), сказалась субъективность взгляда. Но сказалась и прямота. Кстати, и время вносило свои поправки: просмотрев у Жуковского, после смерти Пушкина, некоторые рукописи погибшего поэта, Баратынский понял, что великое иной раз легче увидеть на расстоянии. Как бы то ни было, «математические линии» двух вершин русской поэзии сошлись в какой-то иной — высшей — геометрии и увенчали собой пушкинскую, эпоху — золотой век нашей литературы. Но и в жизни их нередко тянуло друг к другу: Пушкин звал Баратынского в Михайловское, ему наедине читал «Бориса Годунова»; с ним свершил тризну по Дельвигу; его пригласил на «мальчишник» накануне свадьбы. Когда умер Дельвиг, Пушкин сам назвал Баратынского в числе немногих близких людей, оставшихся у него на земле: «Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё» (из письма к П. А. Плетневу). В сущности, в этих словах завещание Пушкина — числить Баратынского среди его любимых друзей.

* * *

О Баратынском * написано в последние десятилетия так много, его стихи издаются так часто и пользуются такой читательской любовью, что можно счи-

---

* Исторически правильное написание этой фамилии: «Баратынский» — от названия замка Боратынь, которым владели его предки. Однако еще при жизни поэта укоренилось написание «Баратынский». Так писал и Пушкин. В последнее время в некоторых изданиях вновь возвращаются к варианту «Баратынский».

тать сбывшимся предсказание самого поэта, выраженное в скромных и гордых строках:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Читатель найден. Он знает стихи и биографию поэта. Помимо многочисленных предисловий и комментариев, о творчестве Баратынского написано несколько книг; жизни его посвящен роман Дм. Голубкова «Недуг бытия»; норвежский исследователь-русист Г. Хетсо, на материалах советских архивов, написал о Баратынском серьезную книгу, обогащенную рядом интереснейших документальных публикаций*. Все это позволяет ограничиться здесь самыми краткими биографическими сведениями.

Родился Евгений Баратынский в родительском имении Мара Тамбовской губернии. Он очень любил родные края и возвращался в родную сень всякий раз, когда позволяли жизненные обстоятельства. Побывав там, например, осенью 1833 г., он писал:

В осенней наготе стояли деревья
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой морозная трава,
И листья мертвые, волнуясь, шумели;

С прохладой резкою дышал
В лицо мне запах увяданья;
И не весеннего убранства я искал,
А прошлых дней воспоминанья.

Это были счастливые воспоминания детства: об отце, боевом генерале, попавшем в опалу еще до рождения сына Евгения и ушедшем из жизни, когда будущему поэту было всего десять лет; о заботах матери — бывшей фрейлины Александры Федоровны Черепановой, женщины доброй, ласковой, необычайно энергичной и образованной (она блестяще закончила

---

* См.: Г. Хетсо. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло — Берген, 1973.

Смольный институт); и еще воспоминания о безмятежных детских годах, проведенных среди людей любящих, но плохо подготовивших будущего поэта к превратностям судьбы. «Начальной любовью» своей называл Баратынский тамбовские степи, где протекли его первые годы.

Не имея сколько-нибудь достаточных средств для воспитания детей после смерти мужа, Александра Федоровна добилась определения старшего сына в Пажеский корпус в Петербурге. Однако там не было и тени той атмосферы культурных устремлений и поощрения свободной мысли, которая стараниями талантливых педагогов до известной степени была создана в Царскосельском Лицее. Баратынский страдал от грубости многих соучеников и невежества преподавателей, а еще больше — от разлуки с родными. Он писал матери: «Нева теперь вся очистилась от льдин, сколько парусных лодок и кораблей! Но вместе с тем, маменька, без вас мне все кажется неладным. Когда я уезжал, я еще не чувствовал всей тягости нашей разлуки и не знал ее; но теперь, маменька, какая разница! Петербург поразил меня своею красотою, все мне казалось счастливым, но здесь со всеми были матери. Я думал, что с товарищами мне будет весело: но нет, всякий играет с другим как с игрушкой, без дружбы, безо всего! Какая разница, когда мы были с вами! Последние дни, когда мне было грустно, я все же чувствовал удовольствие быть еще с вами, и — сказать вам откровенно — я думал, уезжая, что будет гораздо веселее с мальчиками моих лет, чем с маменькой, потому что она уже большая; но увы, я очень ошибся! Я думал найти дружбу, а нашел лишь холодную учтивость, расчетливую дружбу: пока у меня было яблоко или что другое, все были моими друзьями, но потом все было потеряно...» Поразительно, как в письме 12-летнего, не по годам взрослого мальчика отразилась натура будущего поэта Баратынского: благородство, нежная привязанность к близким, склонность к меланхолии, пессимизм, неумение быстро сходить с людьми. Внутреннее одиночество, которое так дорого стоило ему в жизни, вместе с тем способствовало созданию многих глубоких лирических строк.

Дальнейшее пребывание в Пажеском корпусе ничего, кроме несчастья, омрачившего всю жизнь, Баратынскому не принесло. Было организовано какое-то полудетское общество мстителей («мстили» мучителям-преподавателям: протыкали шляпы, отрезали шарфы, рисовали плакаты с надписью — «такой-то — горький пьяница» и незаметно прикрепляли к спине жертвы и т. п.), в которое он вступил для испытания собственной храбрости. Шалили, досаждали начальству, а кончили тем, что похитили позолоченную табакерку у отца одного из товарищей и проели на сладости. Суд был скорый и приговор убийственный: из корпуса исключить и в службу не принимать, «разве что пожелает рядовым».

Так с 1816 г. началась несчастная для Баратынского жизненная полоса, которая отягчалась еще и тем, что винить в своих злоключениях (а еще больше — в неутешном горе матери!) было некого, кроме самого себя. Всегдашний заступник русских поэтов, В. А. Жуковский, получив откровенную исповедь Баратынского, писал: «Он споткнулся на той неровной дороге, на которую забежал потому, что не было хранителя, который бы с любовью остановил его и указал ему другую; но он не упал. Убедительным тому доказательством служит еще и то, что именно в такое время, когда он был угнетаем и тягостною участью и еще более тягостным чувством, что заслужил ее, в нем пробудилось дарование поэзии. Он поэт!»

Более двух лет провел Евгений на Смоленщине в деревенском уединении под надзором дядюшки Богдана Андреевича Баратынского, а в начале 1819 г. принял неизбежное решение: поступил рядовым в лейб-гвардии Егерский полк, стоявший в Петербурге. Здесь ждала его встреча, счастливо изменившая судьбу. Он подружился и даже поселился вместе с Антоном Дельвигом (справедливости ради надо сказать, что некоторые льготы у Баратынского-солдата все же были: ему позволили, например, поселиться не в казарме, а на частной квартире). Поэты бедствовали, но проводили дни в атмосфере нежной, драгоценной для обоих дружбы и молодого поэтического вдохновения. Тут-то они, между прочим, и со-

чинили совместные шуточные стихи, которые так любили Пушкин и Вяземский:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили шутя: «Какое в россиянах чувство!»

Дельвиг гордился тем, что «певца Пиров», т. е. Баратынского, он «с музой подружил». В равной мере мог бы гордиться он тем, что познакомил его с верховным жрецом русской музыки — Александром Пушкиным. Баратынский бывал на вечерах у Плетнева и Жуковского, близко сошелся с Кюхельбекером, Рылевым, А. Бестужевым — словом, со всем пушкинским кругом литераторов. Он сам сказал в стихотворном послании, что значила для него встреча с Дельвигом:

Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил.
Я погибал: ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой.
Не ты ль тогда мне бодрость возвратил?
Не ты ль душе повеял жизнью новой.
Ты ввел меня в семейство добрых муз...

Друг Дельвига не мог быть безразличен Пушкину. Вспомним, что с Баратынским приятельствовал и Лев Пушкин — живой «информатор» о брате и неутомимый декламатор его стихов. В трудный час жизни Пушкин признался: «Поэзия как ангел-утешитель спасла меня, // и я воскрес душой». С друзьями сосланный Пушкин был разлучен. Баратынскому, казалось бы, повезло больше: наряду с поэтическим даром судьба дала ему неразлучных друзей; в начале 1820 г., произведенный в унтер-офицеры, он был направлен в Нейшлотский полк в Финляндии, но несколько раз получал продолжительные отпуска в Петербург, да и в Финляндии нашел общество, ему не чуждое. Однако тяготы подневольного положения, бесправие, невозможность распорядиться своей судь-

бой мучили Баратынского. Послание «Н. И. Гнедичу» он закончил словами: «Свободу дайте мне, найду я счастье сам». У этой строки есть и другой вариант: «Отдайте мне друзей, найду я счастье сам». Пять лет продолжались хлопоты за Баратынского. Не только Жуковский, но и А. И. Тургенев, Денис Давыдов пытались помочь поэту. Наконец, в мае 1825 г. он был произведен в прапорщики. Поэт любил суровую природу Финляндии, где родилась в его воображении Эда — героиня северной поэмы, но домашние обстоятельства и отвращение к военной службе сделали свое дело: Баратынский в офицерах не задержался, уже в январе 1826 г. выйдя в отставку. Не последнюю роль сыграло в этом решении и декабрьское восстание, кончившееся гибелью и заточением многих близких Баратынскому людей. В стихотворении 1827 г. «Стансы» он объяснил свое душевное состояние:

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?

Я братьев знал, но сны молодые
Соединили нас на миг,
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других...

«Миг» — это те полтора года, что пробыл он в дружеском кругу Пушкина — Рылеева. «Далече бедствуют» декабристы в заточении и близкий друг среди них — Кюхельбекер, а «в мире нет» — Рылеева.

Все годы борьбы Баратынского с выпавшими на его долю испытаниями Пушкин не переставал думать о нем и тревожиться за него. Две мысли преобладают в то время в пушкинских посланиях к Баратынскому и упоминаниях о нем в переписке: Баратынский имеет огромное поэтическое дарование, проявляющееся прежде всего в элегиях («наш первый элегический поэт»); Баратынского необходимо спасти от солдатчины, ибо его больно ранимая натура не выдержит этого гнета. В 1822 г. Пушкин писал Вяземскому: «Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впредь

зашагает, как шагал до сих пор — ведь 23 года счастливцу!»

О предстоящем выходе в свет «Эды» Пушкин узнал от Дельвига. Как ждал он в своем псковском изгнании поэтический подарок от изгнанника финского! «Что ж чухонка Баратынского? я жду», — писал он брату в ноябре 1824 г.; «торопи Дельвига, присылай мне чухонку Баратынского, не то прокляну тебя», — шутил вскоре; «пришли же мне Эду Баратынскую. Ах он чухонец! Да если она милее моей черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду», — «угрожал» 4 декабря. Пушкин не знал еще, что в предисловии к «Эде» автор скромно предупреждает, что «не осмеливается вступить в состязание с певцом «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана»» (№ 29).

Лишь в феврале 1826 г. получил Пушкин тонкую книжечку, озаглавленную «Эда, финляндская повесть и Пыры, описательная поэма...». 20 февраля он буквально прокричал в письме к Дельвигу: «Что за прелесть эта Эда!» (№ 11). П. А. Осиповой Пушкин аттестовал «Эду» как образец грациозности, изящества и чувства. Особенно восхитили Пушкина описания природы. Они и вправду прекрасны:

Суровый край: его красам
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады.
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит,
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нем гранит пирамидальный;
По дряхлым скалам бродит взгляд;
Пришлец исполнен смутной думы:
Не мира ль древнего лежат
Пред ним развалины угрюмы.

На злобные и несправедливые выпады против «Эды» Ф. В. Булгарина, которому предмет поэмы показался «вовсе не пиитическим», а «рассказ...

прозаическим и вялым», Пушкин словно кинжальным ударом ответил своеобразным мадригалом-эпиграммой, посвященной Баратынскому (№ 4).

С освобождением Пушкина из ссылки их отношения, как говорил Баратынский, стали «короче прежнего». «Борис Годунов» был для Баратынского изумительным откровением; «Граф Нулин» и «Бал» вышли в 1827 г. под одной обложкой; золотые плоды Болдинской осени 1830 г. (в том числе «Моцарта и Сальери») Пушкин едва ли не первому позволил отвесть именно Баратынскому. «Повести Белкина» привели Баратынского в восхищение. Пушкин писал Плетневу, что Баратынский от них «ржет и бьется».

К 1827 г. относятся воспоминания одной из московских жительниц: «Мы увидали Пушкина с хором Благородного Собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека. Один был блондин, высокого роста; другой — брюнет, роста среднего, с черными кудрявыми волосами и выразительным лицом. — „Смотрите, сказали нам: блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин“. Они шли рядом, им уступали дорогу». Это достаточно яркий штрих, показывающий, какой любовью и популярностью пользовались оба поэта в кругу читающей публики.

7 апреля 1829 г. Пушкин подарил Баратынскому «Полтаву» (экземпляр с дарственной надписью сохранился). И подарок этот не случаен: недаром в черновиках 2-й песни «Полтавы» легко узнаваем блестяще схваченный Пушкиным профиль Баратынского — поэта-философа. О тризне по Дельвигу и «мальчишнике» в 1831 г. уже упоминалось. Спрашивается: когда же возникло «охлаждение», «отчуждение», кочующие из статьи в статью, даже «взаимная неприязнь», когда же разошлись «математические линии»? Считается, что с начала 30-х годов. Но в таком случае, почему непритворно радостной была неожиданная встреча поэтов в Казани в сентябре 1833 г.? Казанская знакомая Пушкина и Баратынского вспоминала: «Баратынский вышел ко мне в комнату с таким веселым лицом, что мне стало даже досадно. Я приготовилась было сделать ему упрек за такой равнодуш-

ный прощальный визит, но он предупредил меня, обрадовав меня новостью о приезде в Казань Александра Сергеевича Пушкина».

Трижды принимался Пушкин за статью о любимом поэте-современнике. В первый раз — в 1827 г., когда вышло в свет первое собрание стихотворений Баратынского, Пушкин начал набрасывать заметки для статьи (№ 25). В черновике, в частности, есть фраза, которая теперь цитируется в сотнях, если не в тысячах статей и рецензий: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Эти слова универсальны по смыслу и относятся к художественной литературе вообще; но Пушкин нашел и конкретную афористическую характеристику творчества Баратынского: «Никто более не вложил чувства в свои мысли и более вкуса в свои чувства. Они в нем неразделимы». Обе эти (общую и частную) характеристики Пушкин включил в «Отрывки из писем, мысли и замечания», опубликованные в «Северных цветах» в 1828 г. 1830-м или 1831-м годом датируется и набросок последней статьи Пушкина о Баратынском, открывающейся словами: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит» (№ 28). По воспоминаниям современника, Пушкин был даже несвойственным ему образом пристрастен к стихам Баратынского, о которых «при нем нельзя было сказать ничего дурного».

Читателю, желающему знать, как отнесся Баратынский к смерти Пушкина и как оценивал его творения последних лет, достаточно заглянуть в письма (№ 23, 24). Мы же расскажем кратко о дальнейшем пути Баратынского.

* * *

В 1826 г. Баратынский «захотел продолжиться», как выразился Вяземский,— он женился на Анастасии Львовне Энгельгардт. Человек ясного ума, твердой воли и мягкого отзывчивого сердца, Анастасия Львовна покорила «бунтующую музу» поэта: он стал все дальше отходить от своих прежних литературных

друзей и все заметнее превращаться в примерного мужа и отца. Позже он обращался к жене со словами любви и благодарности:

Когда дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.
Ты смелая и кроткая со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.
О сколько раз к тебе, святой и нежной
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

Однако природная склонность к меланхолии, замкнутости вскоре снова стала проявляться и в его стихах и в самой его жизни. Смерть Дельвига словно пошатнула Баратынского. Он писал Плетневу: «Потеря Дельвига для нас незаменима. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще в одну субботу сядем вместе за твой стол,— боже мой! как мы будем еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига нам показала, что такое невосвратно прошедшее, что такое опустелый мир, про который мы говорили, не зная полного значения наших выражений»...

Внешних событий в дальнейшей жизни Баратынского было совсем немного. Он построил для семьи дом в подмосковном имении Мураново, нисколько не догадываясь, что этот уголок земли, связанный с его именем и с именем еще одного славного русского поэта — Ф. И. Тютчева, станет через столетие местом паломничества всех, кому дорого наше прошлое. Уклад жизни Баратынских ничуть не напоминал светское времяпрепровождение московской аристократии. Отец Пушкина Сергей Львович рассказывал: «Видим Баратынских в Москве очень часто; не зная бессонных ночей на балах и раутах, Баратынские ведут жизнь самую простую: встают в семь часов утра во всякое время года, обедают в полдень, отходят ко сну в девять часов вечера и никогда не выступают из этой рамки, что не мешает им быть всем довольными, спокойными, следовательно — счастливыми».

Но безмятежность не была присуща ни характеру, ни лирике Баратынского. Грубый нажим властей на

литературу, смерть друзей, резкие отзывы критики, утверждавшей, что поэт деградирует,— все это не способствовало хорошему настроению. «Что делать! — с печалью писал Баратынский. — Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще... Булгариным... Будем писать, не печатая. Может быть, придет благопоспешное время». Однако именно в последнее десятилетие жизни Баратынский создал психологически тонкие и, быть может, самые значительные стихи, которые сделали его в глазах потомков поэтом-философом. «Последний поэт», «Осень», да и весь сборник «Сумерки», вышедший в 1842 г., — это трагические и глубочайшие образцы русской лирики...

Осенью 1843 г. Баратынские решились осуществить давнюю мечту и с двумя старшими детьми отправились путешествовать. Их маршрут: Берлин, Дрезден, Лейпциг, Франкфурт-на-Майне, Кельн, Брюссель и, наконец, Париж. «Я очень наслаждаюсь путешествием, — писал он домой, — и быстрой сменой впечатлений. Железные дороги чудная вещь: это апофеоза рассеяния. Когда они обогнут всю землю, на земле не будет меланхолии». Во Франции Евгений Абрамович нашел опытейшего и доброжелательного гида в лице Александра Ивановича Тургенева; кроме того, он вез с собой рекомендательное письмо общего с Пушкиным друга Сергея Александровича Соболевского к писателю Просперу Мериме. Это знакомство открыло ему двери парижских салонов.

Но, как ни хорошо показалось Баратынскому в Европе, очень скоро его потянуло на родину. Его новогоднее поздравление московским друзьям звучит как объяснение в любви к России: «Поздравляю вас, любезные друзья, с Новым годом, желаю вам его лучше парижского, который ничто иное как привидение прошлого в морщинах и праздничном платье. Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо, поздравляю вас с нашими степями, ибо это простор, который ничем не заменит здешняя наука; поздравляю вас с нашей зимой, ибо она бодрее и блистательнее и красноречием мороза зовет нас к движению лучше здешних ораторов; поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями

других народов и переживем их, может быть, 12-ю столетиями». Матери он писал: «Я вернусь в мою родину исцеленным от многих предубеждений и с полной снисходительностью к некоторым нашим истинным недостаткам, которые мы часто и с удовольствием преувеличиваем».

Но возвратиться домой поэту не было суждено. В апреле 1844 г. Баратынские направились из Парижа через Марсель в Италию. Во время морского пути в Неаполь было написано предпоследнее (и одно из прекраснейших!) его стихотворений «Пироскаф»:

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душой
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ.

В Неаполе он прожил два месяца и полюбил итальянский живительный воздух, итальянскую зелень, итальянское солнце. Он написал стихотворение «Дядьке-итальянцу», оказавшееся для него последним. Оно обращено к воспитателю и учителю Баратынского Жьячинто Боргезе, который, волею судьбы оказавшись в начале XIX века в России, был приглашен гувернером-преподавателем в Мару — имение Баратынских. Своеобразно замыкается круг жизни: Пушкин перед смертью прощался с товарищем детства — Данзасом, Баратынский — со спутником детских лет, дядькой-итальянцем.

29 июня 1844 г. в Неаполе Баратынский внезапно умер. Тело его в кипарисовом гробу перевезли на родину и 30 августа 1845 г. похоронили в Александроневской лавре.

Жизнь порой дописывает неожиданные эпилоги к истории отношений людей, давно от нас ушедших. Познакомившись в 1843 г. с Мериме, Баратынский подарил ему «Эду и Пиры» — то самое издание 1826 г., которое когда-то доставило столько радостей михайловскому изгнаннику. На титульном листе автор написал: «Просперу Мериме — переводчику нашего Пушкина. Евгений Баратынский». Через четверть века Иван Сергеевич Тургенев прислал в дар Мериме экземпляр первого посмертного собрания сочине-

ний Баратынского, выпущенного сыновьями поэта к 25-летию со дня смерти отца. Тургенев назвал Баратынского «одним из лучших и благороднейших деятелей лучшей эпохи нашей литературы».

Проспер Мериме умер в Канне в 1870 г. Его парижский архив и часть библиотеки сгорели при обстреле Парижа немецкой артиллерией. Две старушки, ухаживавшие за больным писателем, по дешевке сбыли оставшиеся книги букинистам.

И вот через 40 лет произошло чудо. Будущий известный советский писатель, а тогда начинающий поэт и революционер, уехавший от преследования царских властей во Францию, Илья Григорьевич Эренбург впервые в жизни гулял по Парижу. Конечно, его влекло к бесчисленным лоткам букинистов, расположившихся вдоль Сены. Эренбург рассказал об этом в мемуарах «Люди. Годы. Жизнь»: «Я бродил по набережным и рылся в ящиках со старыми книгами. Букинисты были пыльными и шершавыми, как переплеты истлевших книг. Там я иногда встречал пожилого человека, он походил на букиниста: он брал в руки книгу как мясник берет кусок мяса, страстно и однако ж равнодушно. Это был Анатоль Франс. Как-то среди старых молитвенников я нашел «Эду» Баратынского. На титульном листе было написано...» Читатель знает уже эту надпись. «Эда» с прощальным, самым последним упоминанием Евгения Баратынского об Александре Пушкине возвратилась в Россию.

Основная литература

Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Вступит. ст. Е. Н. Купреяновой. Л., 1957.

Е. А. Баратынский. Стихотворения. Сост. С. Г. Бочаров. М., 1976.

Е. А. Баратынский. Стихотворения. Проза. Письма. Сост. В. А. Расстригина и А. Е. Тархова. М., 1983.

Л. Г. Фризман. Творческий путь Баратынского. М., 1966.

Дм. Голубков. Недуг бытия. Хроника дней Евгения Баратынского. М., 1974.

1

БАРАТЫНСКОМУ

Из Бессарабии

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов:
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

1822

А. С. Пушкин

2

ЕМУ ЖЕ

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.

1822

А. С. Пушкин

3

Певец Пиров и грусти томной,
Когда б еще ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:

Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

*А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»,
глава III, строфа XXX.*

4

К БАРАТЫНСКОМУ

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

1826

А. С. Пушкин

5

О, если б, теплою мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту).
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.
Дубравой темной осененный,
Родной отцам моих отцов,

Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смиренной.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...
Мы, те же сердцем в век иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Дельвиг мой,
Мой брат по музам и по лени,
Ты, Пушкин наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой.
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья!

1820   *Е. А. Баратынский. «Пир».*

6

НОВИНСКОЕ

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила.
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей легкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви — для вдохновенья.

1826   *Е. А. Баратынский*

7

Уведомь о Баратынском — свечку поставлю за Закревского, если он его выручит.

Пушкин — Л. С. Пушкину. 14 марта 1825.

8

Благодарю очень за *Отрывок* из письма *Баратынского*. Дельвига здесь еще нет.

Пушкин — Л. С. Пушкину. 7 апреля 1825.

9

Здесь Баратынский на четыре месяца. Я очень ему рад. Ты, кажется, меня считаешь каким-то противуположником ему, и не знаю с чего. Вполне уважаю его дарование. Только не соглашался с твоим *смирением*, когда ты мне говорил, что после него уже не будешь писать элегий.

*П. А. Вяземский — Пушкину.
16 и 18 октября 1825.*

10

Благодарю тебя за письмо, милый Пушкин: оно меня очень обрадовало, ибо я очень дорожу твоим воспоминанием. Внимание твое к моим рифмованным безделкам заставило бы меня много думать о их достоинстве, ежели б я не знал, что ты столько же любезен в своих письмах, сколько высок и трогателен в своих стихотворных произведениях...

Жажду иметь понятие о твоём Годунове. Чудесный наш язык ко всему способен, я это чувствую, хотя не могу привести в исполнение. Он создан для

Пушкина, а Пушкин для него. Я уверен, что трагедия твоя исполнена красот необыкновенных. Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений! Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело — признательность и удивление...

Эду для тебя не переписываю, потому что она на-днях выйдет из печати. Дельви́г, который в Петербурге смотрит за изданием, тотчас доставит тебе экземпляр и, пожалуй, два, ежели ты не поленишься сделать для меня, что сделал для Рылеева. Посетить тебя живейшее мое желание; но бог весть когда мне это удастся. Случая же верно не пропущу. Покамест будем меняться письмами. Пиши, милый Пушкин, а я в долгу не останусь, хотя пишу к тебе с тем затруднением, с которым обыкновенно пишут к старшим.

Прощай, обнимаю тебя. За что ты Левушку называешь Львом Сергеевичем? Он тебя искренно любит и ежели по ветрености как-нибудь провинился перед тобою — твое дело быть снисходительным. Я знаю, что ты давно на него сердишься; но долго сердиться не хорошо. Я вмешиваюсь в чужое дело; но ты простишь это моей привязанности к тебе и твоему брату.

*Е. А. Баратынский — Пушкину.
Первая половина декабря 1825.*

11

...Что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякий говорит по-своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо!

*Пушкин — А. А. Дельви́гу.
20 февраля 1826.*

12

Баратынский пишет нам, что он женится, его невеста — барышня 23 лет, дурная собою и сентиментальная, но в общем очень добрая особа, до безумия влюбленная в Евгения, которому нет ничего легче, как вскружить голову, что друзья девицы Энгельгардт и не преминули сделать, чтобы ускорить этот брак. Я знаю эту молодую особу; мы видались в Казани, а потом один раз здесь. Она пишет Ольге, с которою она также связана, что она хочет возобновить знакомство со мною и что она надеется, что мы будем очень любить друг друга, так как наши мужья нам дадут в том пример. Вот еще одна *интимная подруга*, которая свалится на меня как бомба после своего замужества.

С. М. Дельвиг — А. Н. Карелиной. 4 мая 1826.

13

Ты знаешь, что твой Евгений захотел продолжиться и женится на соседке моей Энгельгардт, девушке любезной, умной и доброй, но не элегиаческой по наружности. Я сердечно полюбил и уважил Баратынского. Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем, кроме дарования, и основа плотная и прекрасная.

П. А. Вяземский — Пушкину. 10 мая 1826.

14

Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум <...> Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу. Прощай и пиши.

Пушкин — П. А. Вяземскому. Май 1826.

15

Про «Онегина» что и говорить. Какая прелесть! Какой слог блестящий, точный и свободный! Это рисовка Рафаэля. Живая и непринужденная кисть живописца из живописцев.

*Е. А. Баратынский — Н. А. Полевому.
25 ноября 1827.*

16

Давно бы я писал к тебе, милый Пушкин, ежели бы знал твой адрес и ежели бы не поздно пришла мне самая простая мысль написать: Пушкину в Петербург. Я бы это, наверно, сделал, ежели б отъезжающий Вяземский не доставил мне случай писать к тебе — при сей верной оказии. В моем тамбовском уединении я очень о тебе беспокоился. У нас разнесся слух, что тебя увезли, а как ты человек довольно увозимый, то я этому поверил. Спустя некоторое время я с радостью услышал, что ты увозил, а не тебя увозили. Я теперь в Москве сиротствующий. Мне, по крайней мере, очень чувствительно твое отсутствие. Дельвиг погостил у меня короткое время. Он много говорил мне о тебе: между прочим передал мне одну твою фразу и ею меня несколько опечалил — ты сказал ему: «Мы нынче не переписываемся с Баратынским, а то бы я уведомил его» — и проч. — Неужели, Пушкин, короче прежнего познакомясь в Москве, мы стали более чуждыми друг другу? — Я, по крайней мере, люблю в тебе по-старому и человека, и поэта.

Вышли у нас еще две песни Онегина. Каждый о них толкует по своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и, разумеется, не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла, они

не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse! * Я думаю, что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие. Портрет твой в Северных Цветах чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете, в благопристойном окладе. Василий Львович пишет романтическую поэму. Спроси о ней у Вяземского. Это совершенно балладическое произведение. Василий Львович представляется мне парнасским Громобоем, отдавшим душу свою романтическому бесу. Нельзя ли пародировать балладу Жуковского? Между тем прощай, милый Пушкин! Пожалуйста, не поминай меня лихом.

*Е. А. Баратынский — Пушкину.
Конец февраля 1828.*

17

Баратынский у меня — я еду часа через три.обеда не дождусь, а будет у нас завтрак вроде en petit couragé **. Постараемся напиться не en grand cordonnier, как сапожники — а так, чтобы быть en petit couragé ***, под куражем. Приезжай, мой ангел.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.
5 или 7 января 1829.*

---

* но пусть их черт возьмет и благословит бог! (франц.).

** маленького поощрения (франц.).

*** здесь: немного навеселе (франц.).

18

Пушкин здесь, и я ему отдал ваш поклон. Он дожидается весны, чтобы ехать в Грузию. Я с ним часто вижусь, но вы нам очень недостаете. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух математических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и вы были ею. Вы мне очень лестно советуете приняться за прозу, и признаюсь, Ваше одобрение для меня очень искучительно. Ваши разговоры произвели уже на меня свое действие, и я уже планировал роман, который напишу, ежели станет у меня терпения, а в особенности дарования. Кстати о романах, вышел роман Булгарина «Выжигин». Неимоверная плоскость! Четыре тома, в которых Вы не найдете не только ни одной мысли, ни одного положения, ни одной картины, ни даже того достоинства, которого можно ожидать от Булгарина, т. е. особенного знания некоторого рода людей, с которыми не знают порядочные люди, оригинальности шпионских, ежели не литературных замечаний. Нет, душа Булгарина — такая земля, которую никакой навоз не может удобрить.

*Е. А. Баратынский — П. А. Вяземскому. 18 марта—
1 апреля 1829.*

19

Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я — а тут он будет мы.

Пушкин — П. А. Плетневу. 29 сентября 1830.

20

Говоря, что Баратынский должен создать нам нового рода комедию, я основывался не только на проницательности его взгляда, на его тонкой оценке лю-

дей и их отношений, жизни и ее случайностей, но больше всего на той глубокой, возвышенно-нравственной, чуть не сказал гениальной деликатности ума и сердца, которая всем движениям его души и пера дает особенный поэтический характер и которая всего более на месте при изображениях общества. Впрочем, вы лучше других знаете Баратынского и лучше других можете судить об нем...

*И. В. Киреевский — Пушкину.
Март — апрель 1832.*

21

Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся. А до жен нам и дела нет. Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc. Знаешь русскую песню —

Не дай бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. Сентябрь 1832.

22

Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве, и что я говорил с ним о издании *полных Стихотворений Евгения Баратынского*. Я говорил о 8 и о 10 тыс., а Смирдин боялся, что Баратынский не согласится; следственно, Баратынский может с ним сделаться. Пускай он попробует.

Пушкин — П. В. Нащокину. 2 декабря 1832.

Пишу к вам под громовым впечатлением, произведенным во мне, и не во мне одном, ужасною вестью о гибели Пушкина. Как русский, как товарищ, как семьянин, скорблю и негодую; мы лишились таланта первостепенного, может быть, еще не достигшего своего полного развития, который совершил бы непредвиденное, если бы разрешились сети, расставленные ему обстоятельствами, если бы в последней, отчаянной его схватке с ними судьба преклонила весы в его пользу. Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясен глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя спрашиваю: зачем это так, а не иначе? Естественно ли, что великий человек, в зрелых летах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик? Сколько тут вины его собственной, чужой, несчастного предопределения? В какой внезапной неблагоприятности к возникающему голосу России провидение отвело око свое от поэта, давно составлявшего ее славу и еще бывшего (что бы ни говорили злоба и зависть) ее великою надеждою? Я навестил отца в ту самую минуту, как его уведомили о страшном происшествии. Он, как безумный, долго не хотел верить. Наконец, на общие весьма неубедительные увещания сказал: «Мне остается одно — молить бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл». Это было произнесено с раздирающею ласковостию. Есть люди в Москве, узнавшие об общественном бедствии с отвратительным равнодушием, но участвующее пораженное большинство скоро принудит их к пристойному лицемерию.

*Е. А. Баратынский — П. А. Вяземскому.
5 февраля 1837.*

Был у Жуковского. Провел у него часа три, разбирая ненапечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом,

и формою. Все последние пьесы его отличаются — чем бы ты думала? — силою и глубиною! Он только что созревал. *Что мы сделали, Россияне, и кого погребли!* Слова Феофана на погребение Петра Великого. У меня несколько раз наворачивались слезы художнического энтузиазма и горького сожаления...

Е. А. Баратынский — А. Л. Баратынской. 1840.

* * *

25

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше мнение об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание.— Знатоки с удивлением увидели в первых опытах стройность и зрелость необыкновенную.

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей, может быть, зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом.

Первые произведения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии — как в старину старались осмеять оды; но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

А. С. Пушкин.

Стихотворения Евгения Баратынского. 1827 г. (1827).

26

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

А. С. Пушкин.

Отрывки из писем, мысли и замечания. 1827.

27

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностью журналов.— Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (*exagération*) модной поэзии, потому ли, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной,— как бы то ни было, критики изъясляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение.

<...>Появление «Эды», произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление «Эды» подало только повод к неприличной статейке в «Северной Пчеле» и слабому возражению, кажется, в «Московском Телеграфе». Как отозвался «Московский Вестник» об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался — последние его произведения являются плодами зрелого таланта. Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее.

Его последняя поэма «Бал», напечатанная в «Северных Цветах», подтверждает наше мнение. Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красок и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию.

А. С. Пушкин.

«Бал» Баратынского. 1828.

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одаренного вкусом и чувством. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и поминутно столь неудачно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех<...>

...Беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики, очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудом неблагодарным, редко замеченным, трудом отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам увлекающего свой век гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своею дорогой один и независим.

А. С. Пушкин. Баратынский. 1830.

Он не принял лирического тона в своей повести, не осмеливаясь вступить в состязание с певцом Кавказского Пленника и Бахчисарайского Фонтана. Поэмы Пушкина не кажутся ему безделками. Несколько лет занимаясь поэзией, он заметил, что подобные

безделки принадлежат великому дарованию, и следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новою, собственною дорогою.

*Е. А. Баратынский. Предисловие сочинителя
к 1-му изданию «Эды». 1825.*

30

Пушкин здесь, читал мне Годунова: чудесное произведение, которое составит эпоху в нашей словесности.

*Е. А. Баратынский — А. А. Муханову.
29 октября 1826.*

31

Полтава вообще менее нравится, чем все другие поэмы Пушкина: ее критикуют вкрявь и вкось. Странно! Я говорю это не потому, чтобы чрезмерно уважал суждения публики и удивлялся, что на этот раз оно оказалось посрамительным; но Полтава, независимо от настоящего ее достоинства, кажется, имеет то, что доставляет успех: почтенный титул, занимательность содержания, новость и народность предмета. Я право уже не знаю, чего надобно нашей публике? Кажется, Выжигиных!

Е. А. Баратынский — П. А. Вяземскому. 1829.

32

Читал ли ты 8-ю главу «Онегина», и что ты думаешь о ней и вообще об «Онегине», конченном теперь Пушкиным? В разные времена я думал о нем разное. Иногда мне «Онегин» казался лучшим произведением Пушкина, иногда напротив. Ежели б все, что есть в «Онегине», было собственностью Пушкина, то, без сомнения, он ручался бы за гений писателя.

Но форма принадлежит Байрону, тсн тоже. Множество поэтических подробностей заимствовано у того и у другого. Пушкину принадлежат в «Онегине» характеры его героев и местные описания России. Характеры его бледны. Онегин развит не глубоко. Татьяна не имеет особенности. Ленский ничтожен. Местные описания прекрасны, но только там, где чистая пластика. Нет ничего такого, что бы решительно характеризовало наш русский быт. Вообще это произведение носит на себе печать первого опыта, хотя опыта человека с большим дарованием. Оно блестящее; но почти все ученическое, потому что почти все подражательное. Так пишут обыкновенно в первой молодости из любви к поэтическим формам более, нежели из настоящей потребности выражаться. Вот тебе теперешнее мое мнение об «Онегине». Поверяю тебе за тайну и надеюсь, что она останется между нами, ибо весьма некстати критиковать Пушкина. От тебя же утаить настоящий мой образ мыслей мне известно.

Е. А. Баратынский — И. В. Киреевскому. 1832.

33

Я прочитал здесь «Царя Салтана». Это — совершенно русская сказка, и в этом мне кажется ее недостаток. Что за поэзия — слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу? И что это прибавляет к литературному нашему богатству? Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде или соберем их в одно полное целое, которое настолько бы их превосходило, сколько хорошая история превосходит современные записки. Материалы поэтические иначе нельзя собрать в одно целое, как через поэтический вымысел, соответственный их духу и, по возможности, все их обнимающий. Этого далеко нет у Пушкина. Его сказка равна достоинством одной из наших старых сказок — и только. Можно даже сказать, что она между ними не

лучшая. Как далеко от этого подражания русским сказкам до подражания русским песням Дельвига! Одним словом, меня сказка Пушкина вовсе не удовлетворила.

Е. А. Баратынский — И. В. Киреевскому. 1833.

34

Я еще вспомнила несколько литературных суждений, которые мне удалось слышать от Александра Сергеевича. Он любил и восхищался стихотворениями Евгения Абрамовича Баратынского; после Дельвига он, кажется, больше всех любил Евгения Баратынского как человека и как поэта! Баратынский присылал Дельвигу свои произведения, и они до напечатания читались в присутствии Пушкина. Он с чувством их прослушивал и всегда восхищался.

А. П. Керн — Анненкову. 17 июня 1859.

35

Три поэта составляли для него плеяду, поставленную им почти вне всякой возможности суда, а еще менее, какого-либо осуждения: Дельвиг, Баратынский и Языков. На Баратынского Пушкин излил, можно сказать, всю нежность сердца, как на брата своего по музе. Почти нельзя было сделать при нем ни малейшего замечания о стихах Баратынского и авторы критик самых снисходительных на певца Эды принуждены были оправдываться пред Пушкиным, и словесно, и письменно.

П. В. Анненков.

Достаточно прочитав внимательно один единственный документ — письмо Пушкина брату из Кишинева (№ 1), чтобы не понадобились дополнительные доказательства той роли, которую сыграла семья Раевских в судьбе поэта. Однако жизнь распорядилась так, что связи Пушкина с Раевскими (и с семейством в целом, но еще более — с каждым из них по отдельности) были столь сложны, многообразны и неоднозначны, что в пушкиноведении на протяжении многих десятилетий не утихают споры и не уменьшается число гипотез об этом.

В описаниях П. И. Бартенева (№ 6), П. В. Анненкова (№ 5), а главное, в письмах самого Пушкина, содержатся все необходимые сведения о южной поездке поэта. Обратим внимание читателя только на одно обстоятельство. Уезжая из Петербурга в 1820 г., Пушкин отрывался от привычной обстановки, от, казалось бы, всех близких и любимых людей. Вдобавок, неосторожно выкупавшись в Днепре, он свалился в Екатеринославе в жестокой горячке. Настроение было — хуже некуда. Легко понять, каким подарком судьбы оказалось выхлопотанное для юного поэта генералом Раевским разрешение отправиться с его семьей в «полуденные края». Да и вся обстановка в семье способствовала спокойствию: очаровательные, образованные молодые девуш-

ки, давний приятель Пушкина младший сын генерала Николай Раевский; глава семьи — живая история русского мужества и русской славы. Встречи и беседы с ними проходили на фоне впервые увиденной Пушкиным уже проснувшейся, но еще не истомленной летним зноем южной природы. Все это поражало воображение поэта, звало к творчеству, дружбе, любви. И составляло такой немыслимый контраст с тем, что предвещали ему первые дни ссылки. Удивительно ли, что острота впечатлений его была тогда необычайная, а влияние семейства Раевских и всего, что с ним связано, — исключительным. Конечно, мы имеем возможность дать читателю лишь самые основные сведения и отметить некоторые проблемы пушкиноведения, имеющие отношение к Раевским.

Главное, что интересует исследователей, — многочисленные отражения встреч, бесед, переписки с Раевскими в творчестве Пушкина. Пожалуй, легче перечислить крупные произведения Пушкина, вовсе не имеющие отношения к Раевским, чем те, которые в той или иной степени связаны с ними. В этом последнем списке окажутся и все южные поэмы, и головокружительные вершины гения — «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», а вслед за ними — «Полтава», и даже «Арап Петра Великого», не говоря уже о лирике.

Однако, помимо творческих отражений, всех, кто любит Пушкина, волнует и хроника его жизни, его личная человеческая судьба. К семье Раевских приковано пристальное внимание биографов Пушкина: сотни страниц написаны о том, что Мария Николаевна Раевская была «утаенной любовью» поэта, свято пронесенной через всю жизнь. Можно ли считать, что авторы, писавшие на эту тему, окончательно доказали свои утверждения? Ни в коем случае. Другое дело, что тончайший анализ текста «Посвящения» к «Полтаве», проделанный такими знатоками Пушкина, как П. Е. Щеголев, Н. В. Измайлов, Т. Г. Цявловская, и другими, подтвердил: речь в нем идет именно о Марии Раевской (Волконской). Но биографические выводы, сделанные на основании художественных произведений Пушкина, никогда не будут

окончательными. Ибо художественное творчество, исходящее из жизни, никогда не бывает адекватно фактам жизни. То же относится к неповторимой в биографии Пушкина, немало лет мучившей поэта, но и питавшей его творчество, дружбе-вражде с Александром Раевским. Если мы и решились включить стихотворения «Демон», «Коварность» и «Ангел» в подборку материалов, то не потому, что они воссоздают биографическую ситуацию «Пушкин — Раевский», а потому что исследования специалистов убеждают: создание глубочайших по мысли и прекраснейших по форме творений поэта — несравненно более насыщенных философски, чем любая сумма обстоятельств, вызвавших их к жизни, — в известной степени связано с упомянутой биографической ситуацией.

Прежде чем перейти к рассказу о нескольких членах семьи Раевских, приведем еще два примера творческого отображения Пушкиным жизненных встреч — отображения, всегда неадекватного самому эпизоду или характеру, всегда более общего и глубокого, но все же отображения. Стихотворение Пушкина «Увы! Зачем она блистает», написанное в Гурзуфе, обычно относили к болезненной дочери генерала Раевского Елене Николаевне (1803—1852). Но впоследствии было высказано показавшееся обоснованным предположение, что автор обращал эти стихи к другой дочери Раевского, Екатерине Николаевне (в замужестве Орловой), поскольку именно ее недомогание было одной из причин поездки Раевских в Крым, столь счастливой для них и для Пушкина. Истина не установлена до сих пор. И существует ли она? Но вне конкретных обстоятельств, связанных с пребыванием поэта в семейном кругу Раевских, стихотворение все же появиться не могло.

Еще сложнее вопрос с элегией «Редет облаков летучая гряда...»:

Редет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,

Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополя в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижину сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

Стихотворение это написано уже в самом конце 1820 г. в Каменке, имении Раевских, где гостил Пушкин. В первых строках описывается гористый берег реки Тясмина. Но затем следует воспоминание об ином пейзаже — крымском и о юной деве «во тьме искавшей» «звезду печальную, вечернюю звезду». В сущности, с поиска героини этого стихотворения, т. е. «юной девы, искавшей звезду», начались все бесконечные разговоры и размышления об утаенной «южной любви» Пушкина. Первым написал об этом П. И. Бартенев (№ 6).

Отправив элегию в Петербург друзьям, Пушкин обусловил ее публикацию исключением последних трех строк, носящих особо интимный характер. Однако по стечению обстоятельств «Элегия» появилась в «Полярной звезде» А. Бестужева и К. Рылеева без всяких изменений. Это необычайно взволновало Пушкина. Он пенял Бестужеву: «Конечно, я на тебя сердит и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра. Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь, до какой степени это мне досадно». В другом письме тому же адресату Пушкин объяснил подробнее: «Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти<...> Бог тебя простит! но ты острамил меня в нынешней «Звезде» — напечатав три последние стиха моей элегии; чорт дернул меня написать еще кстати о «Бахчисарайском фонтане» какие-то чувствительные строчки * и припоминать тут же элегическую мою

---

* Пушкин, по-видимому, имеет в виду эпилог «Бахчисарайского фонтана»:

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...

красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными. Журнал может попасть в ее руки; что ж она подумает, видя с какой охотой беседую об ней с *одним из петербургских моих приятелей?* <...> Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики. Голова у меня закружилась...»

Кто же была дорогая сердцу поэта женщина, воспетая в элегии? Долгое время комментаторы категорически утверждали: Мария Раевская. В комментариях к 10-томному академическому изданию сочинений Пушкина (1949) один из наиболее авторитетных знатоков его творчества, Б. В. Томашевский, твердо заявляет: Екатерина Раевская (Орлова). В последние десятилетия пушкинисты возвращаются к имени Марии Раевской. Существуют, правда, и иные точки зрения*. Но читателю, интересующемуся ими, придется самому пуститься в плавание по морю пушкиноведения, которое вовсе не свободно от бурь. Напомним только одну из недавних гипотез: никого конкретно Пушкин вообще не имел в виду. «Все это свидетельствует,— пишет автор книги «Александр Сергеевич Пушкин» (1979) Ю. М. Лотман,— о сознательном и целенаправленном стремлении Пушкина создать себе в литературе «вторую биографию», которая служила бы в глазах читателей связующим контекстом для его произведений». Что ж — и такой подход, отличающийся от традиционного, правомерен (но не бесспорен!), если, как в книге Ю. М. Лотмана, он базируется на тщательном изучении и осмыслении биографического и творческого материала. Однако и это несколько не противоречит тому факту, что семья Раевских не только согрела душу молодого поэта, высланного из столицы, но и вдохновила его на создание многих великих произведений.

а также свое признание, что в «Бахчисарайском фонтане» он «суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины».

* См., например, исследование Л. П. Гроссмана «У истоков Бахчисарайского фонтана». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Том III. М.-Л., 1960.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ РАЕВСКИЙ (старший)
(14.IX.1771—16.IX.1829)

Прославленный герой Отечественной войны, горячий патриот, человек чести, несгибаемой воли и легендарной храбрости, генерал Раевский всегда импонирует Пушкину.

Представитель древнего рода, Раевский с отроческих лет вступил на ратную стезю: в возрасте 18 лет он был майором и отличился в турецкой кампании; еще через год, став подполковником, храбро воевал против персов; в 1805 г. он уже командовал авангардом корпуса Багратиона и получил пулевое ранение в ногу; излечившись, в 1808 г. воевал против шведов. 11 июля 1812 г. в сражении с войсками наполеоновского маршала Даву при деревне Салтановке, близ Могилева, Раевскому долго не удавался приступ позиций французов. Тогда, если верить распространенной легенде, генерал, взяв за руки своих сыновей, пошел с ними во главе войск на одну из батарей противника, воодушевляя солдат: «Вперед, ребята, за царя и отечество! Я и дети мои укажем вам дорогу!» Батарея была взята. Этот эпизод поэтически передан Жуковским в стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Сам Раевский намеренно «снижал» пафос бесчисленных рассказов об этом знаменитом подвиге, да и вообще не любил славословия. В 1813 г. адъютантом при нем служил поэт К. Н. Батюшков. Как-то в разговоре он заметил скромному генералу: «„Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: вперед, ребята; я и дети мои откроем вам путь ко славе, или что-то подобное“. Раевский засмеялся: „Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей мо-

их не было в эту минуту. Младший сын собирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок, и пуля прострелила ему панталоны); вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем...». Не нужно доказывать героизм Раевского, решившегося держать сыновей при себе в армии. Дело в ином: его отличали среди прочих качеств и чувство юмора, и способность не упиваться славой. Все это было очень близко психологическому складу Пушкина.

Уместно привести здесь незначительный, но любопытный эпизод, связанный с темой о «снижении пафоса». В 1819 г. в Петербурге Пушкин вместе со своим другом Николаем Раевским (младшим), тем самым, которому «пуля прострелила панталоны» в бою под Могилевом, зашел к Жуковскому, чтобы передать приглашение на обед к генералу Раевскому, и, не застав поэта дома, оставил ему такую записку:

Раевский, *молодонец* прежний,
А там уже *отважный сын*,
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но к неописанной печали
Поэта дома не нашли —
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью *«Борисом»* *
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуковского со мной?
Скажи — не будешь ли сегодня
С Карамзиным, с Карамзиной? —
На всякий случай — ожидаю,
Тронися просьбою моей,
Тебя зовет на чашку чаю
Раевский — *слава наших дней*.

«Певец во стане русских воинов» выходил многими изданиями с поправками автора. В одной из ранних редакций строка «с отважными сынами» звучала «с младенцами-сынами». Отсюда — «молодонец прежний...» в первой строке. В последней же — пря-

---

* Сочинение Ипполита Оже.

мая цитата из Жуковского. Так 20-летний Александр Пушкин в шутливой записке намеренно «снижал пафос». Но несколько не «снижалось» его высокое уважение к тем, кто грудью стоял за родину в 1812 г., и среди них — к сподвижнику и любимцу Кутузова и Багратиона генералу Раевскому.

Чтобы дополнить боевую и личную характеристику этого человека, приведем еще выдержки из воспоминаний его адъютанта, тем более, что этот адъютант был одним из главных учителей Пушкина в поэзии. «Под Лейпцигом мы бились у красного дома, — вспоминал К. Н. Батюшков. — Направо, налево все было опрокинуто. Одни гренадеры (под командованием Н. Н. Раевского. — В. К.) стояли грудью. Раевский стоял в цепи мрачен, безмолвен. Дело шло не весьма хорошо. Я видел неудовольствие на лице его, беспокойства ни малого. В опасности он истинный герой, он прелестен... Французы усиливались, мы слабели, но ни шагу вперед, ни шагу назад. Минута ужасная. Я заметил изменение в лице генерала и подумал: «Видно, дело идет дурно». Он, оборотясь ко мне, сказал очень тихо, так что я едва услышал: «Батюшков, посмотри что у меня», взяв меня за руку (мы были верхами), и руку мою положил себе под плащ, потом под мундир. Второпях я не мог догадаться, чего он хочет. Наконец, и свою руку освободя от поводов, положил за пазуху, вынул ее и очень хладнокровно поглядел на капли крови. Я ахнул, побледнел. Он сказал мне довольно сухо: «Молчи!» Еще минута, еще другая, пули летали беспрестанно; наконец, Раевский, наклонясь ко мне, прошептал: «Отъедем несколько шагов: я ранен жестоко»... Кровь меня пугала, ибо место было важно; я сказал это на ухо хирургу. «Ничего, ничего, — отвечал Раевский, который, несмотря на свою глухоту, вслушался в разговор наш, и потом, оборотясь ко мне, — чего бояться, господин поэт...» Издранная его рубашка, ручьи крови, лекарь, перевязывающий рану, офицеры, которые суетились вокруг тяжело раненого генерала, лучшего, может быть, из всей армии...» Раевский получил рану с раздроблением кости, надолго оторвавшую его от армии.

Все это было известно Пушкину. Он мог бы добавить еще и рассказ о редуте Раевского при Боро-

дине, о его подвигах в сражениях под Малым Ярославцем, под Красным и многих других. Ибо Пушкин всегда интересовался военной историей и хорошо ее знал. Понятно то жадное любопытство и то стремление слушать и запоминать рассказы Раевского, которые владели поэтом во все время их южной поездки. Мы не будем о ней рассказывать подробнее, поскольку она отражена в документальной подборке.

* * *

Женившись на внучке М. В. Ломоносова Софье Алексеевне Константиновой, Раевский создал чудесную семью — одну из самых передовых и просвещенных в пушкинское время. Он горячо любил двух своих сыновей и четырех дочерей и готов был всем пожертвовать для их счастья. Однако после восстания декабристов наступил конец спокойствию в семье генерала Раевского. Оба сына его были арестованы (хотя вскоре освобождены с «очистительным аттестатом»). Два его зятя — М. Ф. Орлов (муж Екатерины) и С. Г. Волконский (муж Марии) были в числе руководителей восстания. Первого удалось избавить от Сибири — брат его А. Ф. Орлов, один из душителее декабристов, выпросил эту «награду» у Николая I. Второй испил чашу страданий до конца. Среди осужденных оказался и любимый единоутробный брат генерала — В. Л. Давыдов. Но самым страшным было для старика Раевского то, что любимая дочь его Мария, несмотря на отчаянные попытки семьи не допустить этого, поехала за мужем в Сибирь. Она прожила там без малого тридцать лет и никогда больше не увиделась с отцом. А он винил в ее судьбе самого себя: ведь это он, совсем недавно, в начале 1825 г., поддавшись традиционным представлениям о «выгодных и невыгодных» партиях, не только одобрил, но и устроил этот брак. При этом он не посчитался ни с тем, что С. Г. Волконский почти на двадцать лет старше Марии, ни с тем, что она мало его знала и не успела полюбить. Как выяснилось впоследствии, глубоко личная, семейная драма омрачила жизнь этой изумительной женщины. Раевский знал о связях Волконского с тайным обществом и уговаривал его по-

рвать эти связи. Но Волконский был благородным фанатиком идеи освобождения России от тиранов.

Позиция Раевского-старшего во всем, что относится к отъезду Марии в Сибирь, не проста, но вполне согласуется с теми представлениями о чести и долге, которые он внушал своим детям. Он писал Марии 2 сентября 1826 г.: «Муж твой заслужил свою участь, муж твой виноват перед тобой, перед нами, перед твоими родными, но он тебе муж, отец твоего сына, и чувство полного раскаяния и чувства его к тебе — все сие заставляет меня душевно сожалеть о нем и не сохранять в моем сердце никакого негодования: я прощаю ему и писал это прощение на сих днях». Сначала он не мог примириться с ее решением ехать за мужем и даже написал дочери Екатерине неожиданные для себя строки: «Энтузиазм в некоторых случаях, до некоторой степени, есть дар божий, преступая же черту, обращается в сумасшествие». Но уже в прощальной записке отца перед отъездом Марии слышится неподдельное «будничное» горе: «Пишу тебе, милый друг мой Машинька, наудачу в Москву. Снег идет, путь тебе добрый, благополучный. Молю бога за тебя, жертву невинную, да укрепит твою душу, да утешит твое сердце». Чем дольше и безнадежнее была разлука с дочерью, тем нежнее становились отцовские письма в Сибирь. Николай Николаевич понял, что дочь генерала Раевского иначе поступить не могла. Узнав, что она добивается разрешения переехать к мужу в тюрьму, он писал ей 21 января 1829 г.: «Мое дорогое дитя... не зная ни места острога, ни условий — я не позволяю себе даже высказываться об этом; действуй как подскажут тебе разум и сердце, но я не буду участвовать в этом деле». Отцовская твердая воля сменилась жалостью и готовностью помочь, но не добиваться же ему было заточения в тюрьму собственной дочери!

Завершим рассказ об одном из «богатырей эпохи сильной» (слова П. А. Вяземского) последним эпизодом, связавшим его с Пушкиным. 17 января 1828 г. умер в Петербурге маленький сын Волконских Николай, «Николитино», как ласково называла его мать. Ребенка похоронили на кладбище Александро-Нев-

ской лавры. Когда в феврале 1829 г. генерал Раевский приехал в столицу, он решил заказать надгробие внуку и попросил Пушкина сделать поэтическую надпись. Она приведена в отрывке из воспоминаний М. Н. Волконской (№ 26). Скажем только, что поэт сумел с истинным мастерством превратить христианскую формулу «изгнание земное» в напоминание об участии декабристов, и в словах поэта «благословляет мать» есть скрытый смысл: ужасных душевных мук стоила Марии Волконской разлука с ребенком. Будь мать с ним неразлучна, быть может, его удалось бы сберечь. «Благословляет мать» — значит у Пушкина «прощает». Долгое время эти стихи были известны по воспоминаниям Волконской и по письму отца ее (№ 29). Но в 1952 г. советские исследователи нашли в Александро-Невской лавре покосившийся и осевший саркофаг с четырьмя строчками Пушкина. Значит, надпись эту с 1829 г. могли видеть люди, посещавшие кладбище.

Горестный «заказ» был последним соприкосновением поэта и генерала. В том же году измученный душевными ранами, которые оказались страшнее полученных на войне, и тоской по дочери, генерал Раевский умер в своем имении на Украине. В 1830 г. М. Ф. Орлов анонимно напечатал брошюру, посвященную памяти Н. Н. Раевского. Пушкин откликнулся на нее рецензией в «Литературной газете» (№ 4), высказав сожаление, что автор не упомянул об эпизоде с «отважными сынами». Мария Николаевна получила этот номер газеты и через В. Ф. Вяземскую сердечно поблагодарила поэта за память об отце (№ 31).

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАЕВСКИЙ
(16.XI.1795—23.X.1868)

Казалось, старший сын пойдет по стопам отца: шестнадцати лет он был участником Отечественной войны, двадцати двух — полковником. Потом стал адъютантом графа М. С. Воронцова, побывав с ним во Франции и Англии. С 1823 г. Александр Раевский жил в Одессе на правах сначала подчиненного Воронцова по службе, а потом, после своей отстав-

ки (1824), — дальнего родственника жены графа М. С. Воронцова. Тут и происходили события, которые спасли от забвения его имя. Ибо если бы не встреча с гениальным поэтом, который был столь же велик разумом и открыт душой, сколь раним внутренне и даже беззащитен (особенно, когда удар исподтишка наносил тот, кто долго прикидывался другом), то Раевского просто-напросто никто бы не знал и в справочниках значилось бы только: «старший сын выдающегося русского полководца». Когда в 1820 г. Пушкин писал брату об Александре Раевском: он «будет более нежели известен», поэт менее всего имел в виду ту известность, которую привелось испытать Раевскому: быть освещенным лучами его, Пушкина, бессмертной славы. И теперь Раевский нам интересен только в той степени, в какой его мысли, слова и поступки влияли на жизнь и литературные труды Пушкина.

Если мы хотим получить истинный очерк его характера, нам достаточно прочесть невеселое письмо Раевского-старшего к дочери Екатерине (№ 14) — это горькие размышления недоумевающего отца.

Встретились Александр Пушкин с Александром Раевским в июне 1820 г. на Северном Кавказе*. Там старший сын генерала лечил давнюю рану, поджидая своих родителей, брата и сестер. С ними, как мы знаем, приехал Пушкин. Здесь и начал Раевский «вливать хладный яд» в неокрепшую еще душу молодого поэта. Скептическое, даже циничское отношение к жизни и к людям соединялось у Раевского с острым, как скальпель, умом и безукоризненным европейским образованием. Надо заметить, что дух отрицания, определявший каждый шаг Александра Раевского, проявлялся и в его отношении к отечественной словесности, которую он считал неспособной к высоким созданиям. Лишенный эстетического вкуса, он в Пушкине не видел великого поэта. Получив от сестры в 1825 г. «Горе от ума» Грибоедова, он писал ей: «Твоя глупая пьеса, которую я читал всю эту ночь, отвратительна во всех отно-

---

* Вероятнее всего, они были знакомы и прежде — в Петербурге, но конкретных сведений об этом нет.

шениях, две три меткие черты не составляют картины и не могут искупить ни отсутствие плана, ни нелепость характеров, ни жесткость и беспорядочность версификации, достойной Тредьяковского. Меня всегда удивляет, как Грибоедов, с его острым умом, становится тяжел и нелеп как только возьмет в руки перо». Скептицизм, не смягченный ни добротой, ни умением взглянуть на себя со стороны и избежать безапелляционности суждений, — такова основная суть характера Раевского.

Раевский, безусловно, оказал влияние на Пушкина, хотя, может быть, и не в той степени, о которой говорится иногда в биографической литературе. Даже такой глубокий и сроднившийся с Пушкиным исследователь, как Т. Г. Цявловская, по-видимому, преувеличивает, когда пишет: «Впечатлительный и восприимчивый поэт совершенно подпал под влияние этого скептика. Язвительный Раевский в самом прямом смысле подавил волю Пушкина». Это с подавленной-то волей писал Пушкин первую главу «Евгения Онегина»? Когда В. Г. Белинский назвал роман в стихах Пушкина «энциклопедией русской жизни», он включил в это понятие и многообразие русских настроений пушкинской эпохи: от светлого, полного юмора и ощущения полноты и радости жизни, до мрачного и скептически безысходного. Раевский олицетворял собою последнее, но Пушкин-то всегда, даже в самые горькие периоды, умел видеть солнце и радоваться ему. Это доказывается творчеством поэта, его перепиской, всей его жизнью.

Для того, чтобы родились «Демон», а впоследствии «Коварность», нужна была какая-то событийная канва, какое-то столкновение, которое обнаружило бы натуру Раевского — не в бесконечных разговорах и саркастических умозаключениях, а в обыденной жизни. Таким «проявителем» явилась любовь их обоих к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. Раевский был влюблен в нее с 1822 г. Однако умел ли он любить? Судя по отзывам его близких — едва ли. Здесь были тщеславие, неудержимое желание подчинить себе молодую, знатную и богатую красавицу, да еще и жену всесильного вельможи — только не любовь. Для Пушкина все было не так — страстное увлече-

ние, вовсе лишенное какого-либо расчета и обещавшее скорее гибель, чем счастье. Столкновение в Одессе с Раевским — с его изощренной хитростью, неожиданным коварством и даже с прямым предательством было одним из самых тяжелых разочарований в жизни Пушкина. Вот почему не хочется соглашаться с мыслью, будто Пушкин своим творчеством создавал как бы «вторую биографию». Нет, он *жил* и мукой собственного сердца платил за то, что писал.

Стихотворение «Демон» было сразу же воспринято современниками как психологический портрет Александра Раевского. Н. И. Греч даже намекнул об этом в печати: «Демон Пушкина не есть существо воображаемое: автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностью и лжемудрствованием». В ответ на это Пушкин написал (но не напечатал) заметку, отводящую всякие конкретные сопоставления, связанные со стихотворением «Демон» (№ 8). Он, как всегда, не хотел указаний на личности в своих стихах. Устранению таких намеков очень часто подчинена авторская редакция произведений Пушкина. Но от этого благородного нежелания автора стихи не становятся менее личными. Нужно помнить только, что сила поэтического гения и мастерства Пушкина способна превратить его стихи в подлинное обобщение — т. е. сделать их личными и для читателей разных времен.

В какой-то момент Александр Раевский, видимо, почувствовал в Пушкине реального соперника — не только у Воронцовой (хотя прежде всего у нее), но и в обществе тех людей в Одессе, расположением которых он хотел бы пользоваться безраздельно.

Скорее всего именно он «пѹдстроил» в мае 1824 г. командировку на борьбу с саранчой, унижительную для Пушкина. Он же, Раевский, убедил Пушкина написать Воронцову резкое письмо с просьбой об увольнении со службы. Конкретные шаги Раевского для высылки Пушкина из Одессы выяснить теперь нелегко, но тот факт, что эти шаги были им предприняты, пушкинисты (в частности Т. Г. Цявловская) доказали с большой долей вероятности.

В конце июля Воронцов и Раевский добились своего: Пушкин был выслан из Одессы в псковский

край. В «Записках» Пушина есть фраза: «Пушкин приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова *из ревности...*» Можно подумать, что поэт и в самом деле недооценивал еще тогда «коварство дружбы» Раевского и не до конца понимал, что ревность была не только со стороны Воронцова. Однако едва ли это так: ведь стихотворение «Коварность», где говорится о человеке, который «святую дружбы власть употреблял на злобное гонение», написано в 1824 году!

В свою очередь, «Коварность», как утверждает Т. Г. Цявловская, чья трактовка в данном случае представляется логически непогрешимой, была ответом на письмо Раевского, полученное Пушкиным в Михайловском (№ 10). Это письмо, в котором Раевский, так сказать, перестарался в лицемерии, уже не могло обмануть Пушкина. Теперь, когда мы многое знаем об истории их отношений (увы, далеко не все), фальшивый тон послания Раевского очевиден: «Теперь, когда мы так далеко друг от друга (ему стало легче! — В. К.), я не стану сдерживаться в выражении чувств, которые питаю к вам: знайте же, что, не говоря о вашем прекрасном и большом таланте (нисколько не ценим автором письма! — В. К.), я с давних пор проникся к вам братской дружбой, и никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от нее». Раевский охотно рассказывает Пушкину новости о «Татьяне» (так, по-видимому, они называли между собою Воронцову*). Еще бы — расстояние делает Пушкина бессильным что-либо предпринять, а Раевского превращает в хозяина положения. Можно себе представить, каково было поэту услышать именно от Раевского: «Она приняла живейшее участие в вашем несчастии; она поручила мне сказать вам об этом, и я пишу вам с ее согласия». Ответив «Коварностью», Пушкин словно расколдовал себя от чар демона — Раевский больше не был ему страшен.

Исследователи усматривают намек на отношения с Раевским и в некоторых других произведениях

---

* Некоторые исследователи считают, что в письме А. Н. Раевского речь идет не о Воронцовой, а о другой женщине. — См.: «Нева», 1974, № 5.

Пушкина. В стихах на лицейскую годовщину 1825 г. («Роняет лес багряный свой убор») он писал:

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой прежних лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

Все это глубже прямых намеков, но «небратский привет» Александра Раевского воистину был горек поэту. Т. Г. Цявловская считает, что одесская история отражена даже в «Арапе Петра Великого» (треугольник: Ибрагим, графиня Д., Мервиль). Может быть, воображение пушкиниста в этом случае оказалось слишком смелым. Но, когда в сентябре 1835 г. Пушкин приехал в Михайловское, ему снова вспомнились все радости и все муки давних лет и он написал тогда в черновом варианте одного из величайших своих созданий («Вновь я посетил...»):

Я помышлял <...>
О дружбе, заплатившей мне обидой
За жар души доверчивой и нежной —
И горькие кипели в сердце чувства.

Остальные встречи и упоминания Пушкина об А. Н. Раевском также относятся к области мемуаров. Страсти улеглись. Любовь к Воронцовой сохранялась дольше, чем неприязнь к Раевскому. После 14 декабря Пушкин с тревогой осведомлялся о судьбе обоих братьев Раевских. Зная о больных ногах Александра, он опасался, что «сырость казематов будет для него смертельна». К счастью, оба сына генерала скоро оказались на свободе. Перед тем, как отпустить полковника Раевского, Николай I спросил его: «Я знаю, что вы не принадлежите к тайному обществу; но имея родных и знакомых там, вы все знали и не уведомили правительство; где же ваша присяга?» Раевский ответил: «Государь! Честь дороже присяги; нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще». В отношениях с Пушкиным он нарушил собственную заповедь, но... существовал.

После освобождения из тюрьмы Александр Николаевич был вновь назначен в Одессу — состоять при Воронцове «по особым поручениям». «Особые поручения» он, видно, понимал расширительно. Во всяком случае, в октябре 1828 г. разразился ужасный, фактически публичный скандал. Александр Раевский, если верить свидетельствам очевидцев, остановил карету Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой на улице и наговорил ей неслыханных дерзостей. Воронцов, моральной чистоплотностью, как известно, не отличавшийся, тут же добился высылки Раевского из Одессы в Полтаву (с запрещением въезжать в столицу)... по политическим мотивам. Раевский-старший вынужден был обратиться с жалобой к Николаю I. Защищая сына от политических обвинений, он, однако, писал: «несчастливая страсть моего сына к графине Воронцовой вовлекла его в поступки неблагоразумные, и он непростительно виноват перед графиней. Графу Воронцову нужно было удалить моего сына по всей справедливости, что он мог сделать образом благородным... Но он не рассудил сего. Граф Воронцов богат, военный генерал-губернатор, может деньгами и другими награждениями найти кого донести и присягнуть графу Воронцову». В черновике письма царю генерал Раевский, между прочим, заметил: Воронцов «на средства неразборчив, что уже доказал прежде», и пояснил под строкой: «т. е. Пушкина история». Знал ли он, какую роль играл в «Пушкина истории» его сын? Поднявший меч, погибал теперь от меча. Однако и Воронцову пришлось не сладко: как писал старик Раевский, «граф Воронцов потерял в публике жену, себя безвозвратно; все в Одессе знают всю истину».

В начале 1834 г. Раевскому разрешили поселиться в Москве. Здесь с ним встретился Пушкин и нашел его «слегка приглупевшим». Правда, 11 мая 1836 г. Пушкин в письме к Наталье Николаевне исправил эту оценку: «Раевский (Александр), который прошлого разу казался мне немного приглупевшим, кажется опять оживился и поумнел. Жена его собою не красавица — говорят, очень умна». Раевский женился в 1834 г. на Екатерине Петровне Киндяковой, которая через пять лет умерла, оставив ему дочь.

Он никогда более не вступал в брак, отдав все силы души и добра, отпущенные ему природой, этому ребенку, а потом взрослой девушке. Ни о ком и ни о чем другом он не мог говорить, ничто более его не интересовало. «Сатана с Чистых прудов», как называли его в Москве, намекая на пушкинского «Демона», сильно переменялся... В глубокой старости он уехал в Ниццу, где и умер.

Пушкин незадолго до кончины в последний раз вспомнил Раевского. В ноябре 1836 г. он сказал В. Ф. Вяземской: «...я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как станут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит того человека в грязь; громкие подвиги Раевского * — детская игра в сравнении с тем, что я намерен сделать». Невеселая ассоциация!

Прежде чем закончить рассказ об Александре Раевском, зададимся вопросом, который может возникнуть и у читателя. Почему имя этого человека включено в книгу, которая называется «Друзья Пушкина»? Во-первых, измена дружбе, предательство друга возможны только там, где некогда были дружеские отношения, и только в том случае, если по крайней мере один из партнеров считает второго своим другом. Во-вторых, отношения с Раевским позволили Пушкину навсегда избавиться от наивности и отделить истинную дружбу от мнимой. Но если когда-нибудь появилась бы книга «Враги Пушкина», то Александру Раевскому нашлось бы место и там.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ РАЕВСКИЙ (младший)
(14.IX.1801—24.VII.1843)

Бывают братья, совершенно противоположные по натуре при несомненном внешнем сходстве. Такой пример являли собой Александр и Николай Раевские. Старшего читатель уже знает. Младший во многом пошел в отца: полное отвращение к интригам, открытость чувств, способность к дружбе и преданно-

---

* т. е. скандал, устроенный А. Н. Раевским в Одессе графине Воронцовой.

сти. Но при этом он обладал и достоинствами совсем иного рода: глубоким знанием истории, прежде всего отечественной; несомненным литературным вкусом. Это определило впоследствии тот факт, что, стремясь сформулировать основную идею «Бориса Годунова», Пушкин сделал это в форме письма к Николаю Раевскому, с которым на равных обсуждал самые трудные проблемы литературы и истории (№ 17).

Тринадцати лет Раевский был подпоручиком и ветераном Отечественной войны! Ведь он был с отцом и при Бородине и под Смоленском и дошел до Парижа. В конце 1814 г. он получил назначение в лейб-гвардии Гусарский полк, расквартированный в Царском Селе. Там он познакомился с Пушкиным, по-видимому, у Чаадаева. В петербургские послелицейские годы поэта их дружба продолжалась, что следует не только из полушутливой стихотворной записки к Жуковскому, которая приведена выше, но и из многих других свидетельств. В письме к Льву Сергеевичу из Кишинева Пушкин говорит о «важных» и «вечно незабвенных» услугах, оказанных ему Раевским. Каких? Это неизвестно по сию пору и составляет одно из белых пятен в биографии Пушкина, число которых, как ни парадоксально, по мере углубления и детализации исследований не уменьшается. Отголоски благодарности Пушкина Раевскому можно найти и в посвящении «Кавказского пленника» (№ 16).

Дальнейшие страницы в их дружбу вписало южное путешествие. Встреча на Украине не была неожиданной: Николай Раевский знал, что увидит Пушкина, и заранее попросил отца остановиться в Екатеринославе, чтобы выхлопотать у генерала Инзова отпуск для поэта. Отец и сын Раевские вместе вошли в хату на окраине города и увидели больного Пушкина, лежавшего в лихорадке на дощатом диване.

Приятное общество сестер Раевских несколько не заслонило дружеские отношения поэта к Николаю. Вместе они читали в Гурзуфе Байрона в подлиннике и, как вспоминала Екатерина Раевская (Орлова), обращались к ней за справками, если не знали какого-нибудь слова. В том, что четыре месяца, проведенные в семействе Раевских, были прекрасными для

Пушкина,— первостепенная заслуга именно Николая Раевского.

Жизнь не баловала их встречами в дальнейшем. Военная служба бросала Раевского в разные концы России. В 1823 г. он был уже полковником, а в 1829 г.— генералом. В начале 1824 г. Николай приезжал в Одессу к брату, виделся с Пушкиным и недолгое время был свидетелем его одесских радостей и бед. С 1826 г. в должности командира Нижегородского драгунского полка, которым когда-то, в 1792 — 1797 гг., командовал его отец, Николай Николаевич Раевский-сын служил на Кавказе.

Раевский был строгим критиком южных поэм Пушкина. Однако автор, как правило, с ним соглашался. Перед тем, как уничтожить одну из своих рукописей (как показалось ему — неудачную) Пушкин послал отрывок из нее Раевскому, которому понравилась «простота слога». Благодаря этому мы знаем теперь «Братьев-разбойников». Ему же предназначал Пушкин черновое письмо из Михайловского, задуманное как своего рода предисловие к «Борису Годунову» (№ 17). Трудно сказать, было ли оно отправлено. Видимо, переписка о народной трагедии завязалась между ними еще раньше. Раевский предсказывал Пушкину: «Итак вам будет суждено проложить дорогу к национальному театру... Вы вдохнете жизнь в наш шестистопный стих... Вы окончательно утвердите у нас тот простой и естественный язык, который наша публика еще плохо понимает... Вы окончательно сведете поэзию с ходуль». Познакомившись с планом «Бориса Годунова», он дал Пушкину совет, показывающий понимание истинных задач литературы. «Я желал бы,— пишет Раевский,— чтобы вы справлялись с источниками, которыми пользовался Карамзин, а не следовали бы его рассказу». Помимо «Кавказского пленника», Пушкин посвятил Раевскому одно из любимейших своих произведений — «Андрея Шенье» (1825). Все это говорит о *литературной содержательности* их дружбы и о том, что Пушкин включил Раевского-младшего в то «малое число людей избранных», чье одобрение давало ему стимул для продолжения работы даже в тех случаях, когда произведения его долго не про-

пускались в печать, как это случилось с «Борисом Годуновым».

Узнав о высылке Пушкина из Одессы и, надо думать, не ведая о причастности своего старшего брата к этой истории, Николай Раевский писал поэту в начале сентября 1824 г.: «Пишите ко мне по-прежнему, побольше и почаще*. Не бойтесь поставить меня в неловкое положение: моя дружба с вами завязалась гораздо раньше несчастной вашей истории; она независима от того, что случилось, и что вызвано заблуждениями нашей ранней молодости. Советую вам: будьте благоразумны. Не то, чтоб я опасался новых невзгод, но меня все еще страшит какой-нибудь неосторожный поступок, который может быть истолкован в другую сторону; а по несчастию ваше прошедшее дает к тому повод. Мне очень хочется вас увидеть и, если ваше положение не переменится, я обещаю приехать к вам раньше года; а если с вами последует перемена, то дайте мне слово навестить меня тоже раньше года». Как видим, был и еще один друг, собиравшийся к опальному поэту в Михайловское. Но события повернулись неожиданным образом: в начале 1826 г. Раевский был арестован в полку по подозрению в причастности к тайному обществу и отвезен в Петербург. Вскоре оба брата, как мы знаем, получили «очистительный аттестат» и младший был назначен в полк на Кавказе. Пушкин вздохнул с облегчением, когда до него дошло письмо Дельвига, опровергающее ложные слухи о судьбе Раевского.

Следующая встреча произошла только в 1829 г. По меньшей мере три обстоятельства сделали для Пушкина особенно желанной поездку на Кавказ в июне — сентябре 1829 г.: возможность повидаться с братом, служившим под началом Николая Раевского; встретиться после долгой разлуки с самим Раевским; поговорить с декабристами, сосланными на Кавказ,— в том числе и с братом Ивана Пущина Михаилом. На Кавказе Пушкин фактически был неразлучен с Раевским. Несмотря на приглашение

---

* Переписка их почти полностью пропала. Сохранились только три письма Раевского к Пушкину, и одно (черновое) Пушкина к Раевскому.

остаться при штабе, Пушкин, как пишет мемуарист, «предпочел не расставаться со своим старым другом Раевским; с ним и занимал он палатку в лагере его полка; от него не отставал и при битвах с неприятелем». Пушкин описал это в 3-й главе «Путешествия в Арзрум» в нарочито сниженном тоне, стараясь не подчеркивать собственную смелость: «В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уже несколько лет не видался. Настала ночь; мы остановились в долине, где все войско имело привал... Здесь увидел я и Михаила Пушина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем, как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время... На заре войско двинулось вперед. Мы подъехали к горам, поросшим лесом. Мы въехали в ущелие. Драгуны говорили между собою: «Смотри, брат, держись: как раз картечью хватят!». Остановимся на этом, не лишая читателя удовольствия перечитать «Путешествие в Арзрум» и убедиться в том, как много времени проводил Пушкин с Раевским и как хладнокровен был он в минуты опасности.

Вскоре после отъезда поэта над головою Раевского разразилась гроза (не исключена здесь даже и определенная причинная связь). Начальству поступил донос, будто генерал намеренно окружает себя декабристами, сосланными на Кавказ и служившими в различных воинских частях; при этом «доброжелатель» сообщал, что Раевский общается с ними, как с товарищами, хотя все они разжалованы в нижние чины. Этого оказалось достаточно, чтобы Раевский был посажен под домашний арест с выражением ему «высочайшего выговора за нарушение порядка службы», а затем отставлен от командования.

Сперва он собрался ехать в Полтаву, где на положении ссыльного (совсем по другим причинам) жил его брат вместе с незамужними сестрами. Пушкин пытался посетить Раевских в Полтаве и 24 марта 1830 г. обратился с соответствующей просьбой к Бенкендорфу, но получил отказ. Довольно было правительству и того, что поэт самовольно ездил на

театр военных действий — все к тому же Раевскому! Несколько лет Раевский добивался нового назначения и возвращения потерянных наград. Сохранился черновик его письма к военному министру с поправками Пушкина. Хотя Раевский много времени проводил в Крыму, на даче Тессели, но по делам приезжал в Петербург и в Москву, где не раз встречался с Пушкиным. Они всегда радовались друг другу, шутили и шумели, как в юности вместе бродили по книжным лавкам...

В 1837—1841 гг. Николай Раевский был начальником Черноморской береговой линии — в период вооруженных столкновений за нее. При нем снова служил Лев Сергеевич Пушкин, и даже без документальных подтверждений нетрудно отгадать главную тему их бесед. В 1839 г. Раевский получил чин генерал-лейтенанта. В том же году женился — на фрейлине Анне Михайловне Бороздиной. Вскоре вышел в отставку и поселился в селе Красном Новохоперского уезда Воронежской губернии. Недавно там нашли его могилу. Когда он умер, его сыну, будущему полковнику Николаю Николаевичу Раевскому-третьему, не было и четырех лет.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА (РАЕВСКАЯ)
(10.IV.1797—22.I.1885)

Александр Иванович Тургенев, сообщая Вяземскому в 1821 г. о предстоящей свадьбе генерала, члена общества «Арзамас», впоследствии одного из руководителей Южного тайного общества, Михаила Федоровича Орлова, и дочери генерала Раевского Екатерины Николаевны, напоминал: это та самая, «по которой вздыхал поэт Пушкин».

Уже говорилось о том, на какой зыбкой почве строятся выводы об адресате стихотворения Пушкина «Увы! Зачем она блистает». К этому надо добавить и другие стихи, возможно, посвященные Орловой: «Красавица перед зеркалом», «Зачем безвременную скуку...». Наконец, остаются еще три загадочные строчки стихотворения «Редеет облаков летучая гряд...», за которые «соперничают» сестры Раевские и несколько других претенденток. Найти адресата лири-

ческого послания — вовсе не самое главное в пушкиноведении, но если эти поиски помогают понять творчество поэта, они закономерны. В кратком очерке мы лишь соберем самые основные сведения о взаимоотношениях Пушкина и Екатерины Орловой.

Они были знакомы в Петербурге, но, кроме самого факта, сведений об этом никаких нет. Знакомство возобновилось в Гурзуфе (с 19 августа по 5 сентября 1820 г.). Екатерина Николаевна, несомненно, произвела на Пушкина большое впечатление, показалась «женщиной необыкновенной». Она и вправду была умна, горда, обладала сильным характером и твердой волей. Вдобавок она знала литературу (в частности Байрона), и Пушкину было необычайно интересно беседовать с нею. Однако общение было не таким уж тесным. Недаром впоследствии Орлова решительно отвергала легенду, будто она давала Пушкину уроки английского: ведь ей было в то время 23 года, а ему 21, и уже одно это обстоятельство по тогдашним строгим понятиям препятствовало их сближению. Обойдем вопрос о посвящении стихов — о том, какая женщина была рассказчицей сюжета «Бахчисарайского фонтана» и кому адресованы три строки элегии «Редет облаков летучая гряда...». Обратим внимание читателя лишь на строчку из письма Пушкина к Дельвигу (1824 или 1825 год), где он рассказывает об истории создания «Бахчисарайского фонтана»: «Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного Хана. К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes**». Было немало умозаключений об этой литере К**. Кто за ней скрывается? Высказывались предположения, что Пушкин намеренно поставил другую букву, а не ту, с которой начиналось имя женщины (то есть не Катерина, а кто-то другой). Но зачем этот двойной шифр в письме к Дельвигу — ведь и без того имя скрыто звездочками? Трудно предположить и литературный прием — опять-таки он не соответствует тону и адресату письма. Между прочим, в сентябре 1825 г. Пушкин написал Вяземскому о «Борисе Годунове»: «Сегодня кончил я 2-ю часть моей трагедии — всех, думаю, будет 4. Моя Марина славная

---

* фонтан слез (франц.).

баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори однако ж этого никому». Здесь любопытны и само уподобление гордого характера Екатерины Николаевны и то обстоятельство, что Пушкин называет ее «Катерина». Иначе говоря, инициал К** в письме к Дельвигу вполне вероятен*. В этом случае вся переписка с А. Бестужевым, о которой мы рассказывали, относится все-таки к Екатерине Николаевне. Эту ассоциацию укрепляет и просьба к Вяземскому «не разглашать сведений» о прототипе Марины Мнишек.

Но, как бы то ни было, интерес Пушкина к этой женщине и истинное уважение к ней не подлежат никакому сомнению. Вскоре после крымской поездки к Екатерине Раевской посватался Михаил Орлов. Генерал Раевский дал свое согласие (хотя знал о принадлежности Орлова к тайному обществу). Свадьба была назначена на 15 мая 1821 г. В апреле Пушкин в дружеском послании к родственнику Раевских В. Л. Давыдову шутил:

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименя —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя**.

После того как «рекрутский набор» Гименя был совершен, Орловы поселились в Кишиневе. Пушкин

---

* В интереснейшей работе Л. П. Гроссмана «У истоков Бахчисарайского фонтана» (Пушкин. Исследования и материалы. Т. III) криптоним раскрывается по-другому: С. С. Потоцкая-Киселева. Этот вывод принят и комментаторами «Переписки Пушкина» (Т. I).

** *Обритый рекрут Гименя* — М. Ф. Орлов был лысым с молодых лет; Гименей — бог брака; рекруты «подходили под меру» для определения годности к военной службе; *безрукий князь* — А. Ипсиланти, руководитель восстания греков против турецкого ига.

стал частым гостем в их доме. Екатерина Николаевна постоянно переписывалась с отцом* и обоими братьями, нередко упоминая о Пушкине. В конце 1821 г. она сообщала Александру Николаевичу: «У нас беспрестанно идут шумные споры — философские, политические, литературные и др.; мне слышно их из дальней комнаты. Они заняли бы тебя, потому что у нас немало оригиналов». Из другого письма (21 ноября 1821 г.) следует, что Пушкин принимал участие в спорах декабристского кружка, собиравшегося у Орловых: «Пушкин больше не корчит из себя жестокого; он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно. Он только что кончил оду на Наполеона, которая, по моему мнению, хороша, сколько я могу судить, слышав ее частью один раз». Любопытно суждение Екатерины Николаевны о стихотворении «Наполеон» и о настроении Пушкина («не корчит жестокого»). Сама она, видимо, редко появлялась в гостиной, поскольку ждала ребенка. 20 марта 1822 г. она родила сына, названного традиционным в этой семье именем Николай.

Наибольший интерес исследователей вызвало другое письмо брату Александру (23 ноября 1821 г.), которое важно для изучения общественных взглядов Пушкина в кишиневский период. Е. Н. Орлова пишет: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его — теперешний конек — *вечный мир аббата Сен-Пьера*. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия. Я хотела бы видеть, как бы ты сцепился с этими спорщиками». Концепция Сен-Пьера и Ж.-Ж. Руссо, популяризовавшего его учение, а также интерес Пушкина к этой доктрине детально проанализирова-

---

* Генерал Раевский относился к дочери с любовью и уважением, поверя ей семейные тайны и советуясь с нею.

ны академиком М. П. Алексеевым*. Здесь обратим внимание только на ясность мысли и четкость изложения, на «мужской стиль» письма, свойственный Екатерине Николаевне. Следила она и за литературными успехами Пушкина. Помимо отзыва о «Наполеоне», в одном из ее писем есть такое упоминание: «Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать ни кончать. Это странный замысел, отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона». Речь шла о «Братьях-разбойниках».

Сведения о встречах Пушкина с Екатериной Николаевной после Кишинева настолько скудны, что есть смысл привести несколько отрывков из ее позднейших писем к другому брату — Николаю, не так давно обнаруженных и опубликованных. В октябре 1826 г. она рассказывала брату в письме, отправленном в Тифлис: «Я получила письмо от Вяземского, который сообщает мне о возвращении Пушкина в Москву... Он закончил трагедию «Борис Годунов», о которой говорят, что это прекрасное поэтическое произведение. Государь принял Пушкина со всей возможной добротой и милостью и сказал ему, что сам будет цензором его произведений». Последняя фраза традиционна для общей оценки первого разговора Пушкина с Николаем I; такое отношение, видимо, разделял тогда и Вяземский, поскольку именно он был «информатором» Екатерины Николаевны (запрет Пушкина рассказывать что-либо о параллели «Орлова — Мнишек» Вяземский, видимо, соблюдал). 28 апреля 1829 г. Екатерина Николаевна сообщала брату о предстоящей поездке Пушкина на Кавказ: «Пушкин... который только что приехал из Петербурга в Москву, вероятно, расскажет тебе все то, что ты захочешь узнать. Он конечно привезет тебе литературные новинки, поэтому я ничего не посылаю тебе в этом роде...»

11 октября 1832 г. Орлова с огорчением писала брату Николаю из Москвы **: «Пушкин провел здесь две недели, я его не видела, он был у нас только один раз утром и больше не появлялся, он казался

---

* М. П. Алексеев. Пушкин. Л., 1972.

** Только в 1831 г. Орлов получил «высочайшее разрешение» жить в Москве. Он поселился на Малой Дмитровке (ныне — ул. Чехова, д. 12).

недовольным и словно избегал нас». Это очень важное свидетельство, поскольку оно подтверждает отношение Пушкина к Орлову, выраженное в письме к жене от 11 мая 1836 г. «На днях обедал я у Орлова,— писал Пушкин.—...Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям...» Какие прежние «счеты» имел в виду Пушкин? Некоторые исследователи прямо утверждают: чувство ревности, которое отравляло отношения с Орловым, когда он видел Екатерину Николаевну его женой. Однако для 30-х годов такой подход кажется уже анахронизмом. Скорее всего, в данном случае имелись в виду все же резкие политические и философские споры кишиневского периода, в ходе которых Орлов, как свидетельствуют очевидцы, порой обижался на Пушкина...

Екатерина Николаевна надолго пережила братьев, сестер и мужа. Властная и умная женщина, она, как свидетельствует П. В. Анненков, умела покорять окружающих и всегда была полновластной хозяйкой в своем семействе. В альбоме ее сохранились забавные силуэты — карикатуры, на которых изображен «рекрут Гименея» Михаил Федорович Орлов, «управляемый» своей «Марфой-Посадницей», как шутя называли его жену. Прямых воспоминаний и отзывов Орловой о Пушкине в последние десятилетия ее жизни не публиковалось. Известно только, что в семье Орловых бережно хранились документы и переписка генерала Раевского, портреты и другие реликвии далеких лет. Умерла Е. Н. Орлова в Москве и похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ (РАЕВСКАЯ)

(25.XII.1805—10.VIII.1863) *

Бывают странные совпадения. В 1826 г. княгиня Волконская, та самая, что меньше двух лет тому назад была еще Марией Раевской, приехала в Петербург для свидания с мужем-декабристом, заточенным в Петропавловской крепости. Она остановилась в доме родственников мужа на Мойке — в квартире

---

* В справочниках иногда дается другой год рождения—1807-й.

нижнего этажа при въезде в ворота, той самой квартире, где 11 лет спустя умер великий поэт.

Жизнь ее была мукой. Жизнь ее стала подвигом. Вероятно, человека, который в 1820 году, когда она, прекрасная полудетской красотой, сияющая, как само солнце, и бесконечно счастливая, чем-то похожая в нашем нынешнем представлении на толстовскую Наташу Ростову, бежала к впервые увиденному южному морю, предположил бы, какая участь ее ожидает, сочли бы безумцем. Тогда, в 1820-м, рядом с ней был поэт, который тоже в первый раз увидел южное море. Позже он вспомнил и встречу с морем и тех, кто был с ним тогда:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства не таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

Мария Николаевна была уверена, что ей и только ей посвящены строки:

Я помню море пред грозою;
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам.

Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид *,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

Она даже указала место, где произошла описанная Пушкиным сцена: «недалеко от Таганрога». Пушкинисты доискались еще точнее: это было 30 мая 1820 г. во время остановки путешественников у почтовой станции Сумбей. Но вот вопрос — насколько соответствует действительности «школьная» истина, будто XXXIII строфа — 1-й главы «Онегина» посвящена именно Марии Раевской? Ведь свои «Записки» М. Н. Волконская писала в конце 1850-х годов, когда «Онегина» знала наизусть не только она сама, но и ее дети. Вполне понятно, что, живо представив давнюю поездку с Пушкиным, она могла отнести эти строки к себе самой.

Вера Федоровна Вяземская 11 мая 1824 г. писала мужу из Одессы: «...иногда у меня не хватает храбрости дожидаться девятой волны, когда она слишком приближается, тогда я убегаю от нее, чтобы тут же воротиться. Однажды мы с гр. Воронцовой и Пушкиным дожидались ее, и она окатила нас настолько сильно, что пришлось переодеваться». Значит, не исключено, что строфа относится к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. Такой вариант, кстати, заставляют предпочесть и последние строки, которые, может быть, слишком смело было бы отнести к девочке-подростку. Но стоит вспомнить и еще один любопытный факт. XXXIII строфа введена в роман значительно позже основного текста главы. Посылая Вяземской из Михайловского в Одессу дополнение к I главе (по-видимому, эти самые строки), Пушкин писал ей: «Вот, однако, строфа, которою я вам обязан». Так выходит, что вовсе — Вяземская?

Уместно вспомнить в связи с этим замечание

---

* Армида — героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Здесь — волшебница.

биографа Пушкина Петра Ивановича Бартенева: «Князь Вяземский журил нас, что мы в каждом произведении Пушкина ищем черт автобиографических, тогда как многое писал Пушкин, вовсе забывая о себе лично». Сказано, конечно, не совсем точно: Пушкин всегда переживал то, что писал, но творческое воображение, как правило, уводило его далеко от первоначальных впечатлений. Что же касается эпизода у моря, то можно согласиться с автором последнего комментария к «Евгению Онегину» Ю. М. Лотманом: «Основной смысл строфы, видимо, не в обращении ее к какому-либо реальному прототипу, как мы видели, проблематичному и, вероятно, собирательному, а в художественной необходимости контрастно противопоставить строфам, проникнутым литературно-условными образами, стихи, которые звучали бы как голос непосредственного чувства»*. Творческий процесс Пушкина был сложнее и естественнее, чем намеренное контрастное противопоставление, но буквального прототипа (по крайней мере — единственного) в этой строфе скорее всего нет.

Вопрос об автобиографичности творчества Пушкина не случайно возникает именно в связи с Марией Николаевной Волконской. Пожалуй, трудно назвать кого-нибудь другого из его близких друзей, с кем предположительно, осторожно, а иногда и безапелляционно связывали столько самых различных произведений Пушкина. Здесь и «Бахчисарайский фонтан», и «Цыганы», и «Редет облаков летучая гряда», и «На холмах Грузии...», но главное — «Полтава». Собственно, с «Полтавы», точнее, с «Посвящения» к ней все и началось.

Еще в 1911 г. П. Е. Щеголев, которому пушкиноведение обязано рядом ценнейших открытий, документальных публикаций и увлекательных гипотез, обосновал предположение о том, что адресат «Посвящения» к поэме «Полтава» — Мария Николаевна Волконская. Одновременно П. Е. Щеголев утверждал, что она же — «утаенная любовь Пушкина». Читатель, интересующийся ходом дискуссий пушкини-

---

* См.: Ю. М. Лотман. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980.

стов, должен будет обратиться к «Основной литературе», а от нее пойти дальше — к той, что указывают исследователи. Здесь же отметим, что основной текстологический аргумент П. Е. Щеголева — строка «Твоя далекая пустыня» в одном из черновых вариантов читалась: «Сибири хладная пустыня» — остается неопровергнутым и вполне убедительным. Напомним и разночтение другой строки. В окончательном тексте: «Как некогда его любовь», а в одном из вариантов: «Как утаенная любовь». Отсюда — название работы Щеголева «Утаенная любовь Пушкина», отсюда и все последующие споры.

Постепенно даже наиболее решительные оппоненты Щеголева пришли к выводу, что он был прав: «Полтава» посвящена Марии Николаевне Волконской*. Другой вопрос — стоит ли связывать признание автора «Посвящения» с многими и многими другими его произведениями. Каждый раз это решается конкретно, но справедливости ради надо отметить, что таких убедительных доказательств, как со строкой «Сибири хладная пустыня», ни в одном случае нет.

Приведем два коротких примера. Первый. Заключительные строки стихотворения «Редет облаков летучая гряда», о котором уже шла речь, звучат так:

И дева юная во тьме тебя ** искала
И именем своим подругам называла.

Один из исследователей заметил, что в католическом мире Венера носит название «Звезды Марии». Совпадение? Вероятнее всего. Но если принять за истину этот аргумент, то получается, что вся переписка Пушкина с Бестужевым, Дельвигом, Вяземским, которую с некоторой долей вероятности можно связать с Екатериной Орловой, относится к ее младшей сестре Марии.

Второй. Стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (вариант первой строки: «Все тихо. На Кавказ легла ночная мгла») чаще всего трактовалось как воспоминание о совместной поездке Пушкина с Раевскими в 1820 г. Высказывалось да-

---

* Это вовсе не значит, что не было и нет других толкований. См., например, очерк об А. А. Олениной.

** Т. е. звезду.

же предположение, что первую строку автор исправил для того, чтобы отвести всякий намек «на личности». Ведь он был с Раевскими на Северном Кавказе, но не был в Грузии! В. Ф. Вяземская послала эти стихи Марии Николаевне в Сибирь. С ее реакцией читатель может познакомиться (№ 32). Можно ли допустить, что она не поняла, о ком идет речь? Вряд ли. Скорее, с трактовкой этого произведения еще не все ясно. Однако следует иметь в виду, что, как справедливо подчеркнул П. Е. Щеголев, Мария Волконская «принадлежала к тем лицам, которые признают, что право на их душу принадлежит только им и никому больше».

Посвящение к «Полтаве» было написано в 1828 г., когда Пушкин был полон восхищения, даже преклонения перед той, о которой писал. Он многое уже знал о ее жизни, о том, какую отчаянную борьбу пришлось ей выдержать, на какие ужасные жертвы пойти для того, чтобы исполнить высший долг жены революционера и совершить свой жизненный подвиг. Неужели этого не достаточно, чтобы появились у величайшего русского поэта проникновенные строки посвящения, неразрывно связанного со всей сложной, многослойной тканью самой поэмы?

* * *

В октябре 1824 г. Пушкин получил письмо от своего давнего знакомого по Киеву и Одессе генерал-майора Сергея Григорьевича Волконского. «Имея опыты вашей ко мне дружбы,— писал Волконский,— и уверен будучи, что всякое доброе о мне известие будет вам приятным, уведомляю вас о помолвке моей с Мариєю Николаевною Раевскою — не буду вам говорить о моем счастье, будущая моя жена была вам известна». Свадьба состоялась 11 января 1825 г. Невесте не было еще и 20 лет, жениху исполнилось 37. В своих «Записках» С. Г. Волконский вспоминал: «давно влюбленный в нее, я наконец решил просить ее руки. Это дело я начал вести через Михаила Орлова, но для очищения себя от упрека в том, что я виною всех тех испытаний, которым подвергалась она впоследствии от последовавшего

опального моего гражданского быта — я должен сказать, что, препоручив Орлову ходатайствовать в пользу мою у ней, у ее родителей и братьев, я положительно высказал Орлову, что если известные мои сношения и участие в тайном обществе будут помехой в получении руки той, у которой я просил согласия на это, то, хотя скрепя сердце, я лучше откажусь от этого счастья, нежели решусь изменить своим политическим убеждениям и своему долгу».

Мария Николаевна ничего не знала об этих колебаниях, как, впрочем, почти не знала она своего жениха. Скоро после свадьбы она заболела и уехала для лечения в Одессу. Волконский не получил отпуска из дивизии и не смог сопровождать жену. До ареста Волконского они пробыли вместе не более трех месяцев. В ноябре 1825 г., когда Мария Николаевна была на последнем месяце беременности, муж отвез ее в имение Раевских, а сам возвратился к месту службы, где был немедленно арестован и препровожден в Петербург.

Марии Николаевне, только что родившей сына, долго не говорили об истинном положении дел, но она заподозрила неладное, а узнав истину, твердо решила разделить участь мужа. А. И. Герцен так оценивал то трудное время: «Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплого слова о родных и друзьях, которым еще вчера жали руки, но которые за ночь были взяты, напротив являлись дикие фанатики рабства: одни из подлости, а другие хуже — бескорыстно». В этих условиях борьба Марии Николаевны за горькое право — следовать за мужем, осужденным к двадцати годам каторжных работ, борьба не только с могущественной императорской властью, но и с родными, стремившимися не допустить ее отъезда, уже была великим подвигом. А ведь она еще рвала пополам собственное сердце: сына взять с собой ей не разрешили; со стариком-отцом, которого горячо любили все дети Раевские, приходилось прощаться навсегда. Но она поехала! Не помогли ни мольбы отца, ни интриги брата Александра, ставшего настоящим ее тюремщиком. Мария Николаевна исполнила свой долг. Да и Сергей Григорьевич умолял ее приехать: «Машинька,

посети меня прежде, нежели я опущусь в могилу, дай взглянуть на тебя еще хотя один раз, дай излить в сердце твое все чувства души моей. Друг мой, приди принять от меня благословение, которое я пошлю сыну нашему».

26 декабря 1826 г. в Москве Пушкин пришел проститься с нею (№ 26). Поэт часто думал о ней. Свидетельство тому не только «Полтава», но и многочисленные профили Марии Николаевны в его рукописях. Пушкин попросил Николая Раевского снять копию с письма Марии, в котором она благодарит его за эпитафию маленькому Николино, и сохранил этот документ дружбы.

Перед самым отъездом Мария Николаевна обращалась к матери: «Дорогая, обожаемая матушка, я отправляюсь сию минуту; ночь — превосходна, дорога чудесная». И к сестрам: «Сестры мои, мои нежные, хорошие, чудесные и совершенные сестры, я счастлива, потому что я довольна собой». П. А. Вяземский писал В. А. Жуковскому после отъезда Марии Николаевны: «Спасибо женщинам — они дадут несколько прекрасных страниц нашей истории».

Историю своей жизни М. Н. Волконская рассказывала в умных и скромных «Записках», которые с 1904 г. выходили многими изданиями. Одним из первых, в 1860-х годах в рукописи прочитал их Н. А. Некрасов, автор поэмы «Русские женщины». Подробности ее сибирских испытаний известны по воспоминаниям С. Г. Волконского, переписке Пушкина и многочисленным исследованиям. Жизнь Марии Николаевны сложилась трудно. Первая дочь, рожденная в Сибири, умерла младенцем. Сын Михаил и дочь Нелли выросли и стали утешением матери. Иркутский старожил писал, вспоминая о ней: «Эта женщина должна быть бессмертна в русской истории. В избу, где мокро, тесно, скверно, лезет, бывало, эта аристократка и зачем? — да посетить больного. Она исполняет роль фельдшера, приносит больным здоровую пищу и, разузнав о состоянии болезни, идет в каземат к Вольфу (врачу. — В. К.), чтобы он составил лекарство». Увы, не всегда гладко складывались отношения с Сергеем Григорьевичем: очень разные они были люди. Личного счастья не было.

Но, к чести обоих,— до самых последних дней жизни они отзывались друг о друге с величайшим уважением и в этой традиции воспитали детей.

В 1856 г. сын Марии Николаевны Михаил, живший уже в Петербурге, примчался к декабристам вестником освобождения. После этого возвратился из Сибири его отец. Мать уехала чуть раньше — в 1855 г.

С фотографии 1861 г. на нас смотрит молоджавое, прекрасное, но безмерно усталое лицо много повидавшей женщины. Мария Николаевна возвратилась больной. Ездил на лечение за границу, но это не помогло. Умерла и похоронена княгиня Волконская в селении Вороньки Черниговской губернии, принадлежавшем семье ее дочери Нелли, в замужестве Кочубей — по случайному совпадению с именем героя «Полтавы». Сергей Григорьевич жил в это время в имении сына под Ревелем (ныне — Таллин). Он надеялся съездить проститься с Марией Николаевной, но больные ноги подвели. В 1865 г. не стало и его.

В 1829 г., перед смертью, генерал Раевский, показывая на портрет дочери Марии, произнес: «Вот самая удивительная женщина, которую я знал». Может быть, с этим согласился бы и Пушкин?

Основная литература

П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.-Л., 1931.

О. И. Попова. История жизни М. Н. Волконской.— В кн. Звенья. Т. III—IV. М., 1935.

Т. Г. Цявловская. Мария Волконская и Пушкин. Новые материалы.— В кн.: Прометей. Т. I. М., 1966.

Т. Г. Цявловская. «Храни меня, мой талисман...» — В кн.: Прометей. Т. 10. М., 1974.

Т. П. Мазур, Н. Н. Малов. Новые материалы о Пушкине.— В кн.: Прометей. Т. 10. М. 1974.

Ю. М. Лотман. Посвящение «Полтавы». — В кн.: Проблемы пушкиноведения. Л., 1975.

Н. В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976.

1

Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Судя, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался — счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение — горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского...

Пушкин — Л. С. Пушкину. 24 сентября 1820.

2

* * *

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;

С волнением и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам
дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые,
Подруги тайные моей весны златая,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

1820

А. С. Пушкин

Н. Н. РАЕВСКИЙ (СТ.)

3

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Во время турецкой войны, обедая у главнокомандующего графа Каменского, он заметил, что кондитор вздумал выставить графский вензель на крыльях мельницы из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он сказывал мне, что Каменский был трус, и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского вдавшегося в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: «Кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку без прикрытия».

Раевский говорил об одном бедном майоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

А. С. Пушкин. Исторические анекдоты

4

В конце истекшего года вышла в свет «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского», умершего 16 сентября 1829. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестно-

го некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло.

А. С. Пушкин. О «Некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского». 1830.

5

Старый генерал Раевский, которого Пушкин, в одном из своих писем, называет *человеком без предрассудков*, был родственником Потемкина и живым остатком екатерининского века, сохранившим от него, при критическом отношении ко многим темным его сторонам, одно существенное его предание, именно учение о праве главы избранной дворянской фамилии понимать службу государству и свои обязанности перед ним так же, как честь и доблесть своего звания, независимо от каких-либо посторонних требований и внушений, что не мешало ему самому быть очень твердым и подчас суровым истолкователем личной своей воли с другими. Семейство его состояло тоже из гордых и свободных умов, воспитанных на тех же доктринах личного, унаследованного права судить явления жизни по собственному кодексу и не признавать обязательности никакого мнения или порядка идей, которые выработались без их прямого участия и согласия. Старшая дочь Раевского, Катерина Ник., та, о которой Пушкин отзывался, как о женщине необыкновенной, умела покорять людей твердостью характера и прямоотой своего слова. В Кишиневе, куда она явилась позднее и уже супругой генерала М. Ф. Орлова, ее называли за эти качества в шутку друзья дома «Марфой Посадницей». Под ее руководством и под руководством ее сестры, впоследствии кн. Волконской, Пушкин принялся на Кавказе за изучение английского языка, основания которого знал и прежде. Книга, которую они выбрали для практических упражнений, была — «Сочинения Байрона». Таким образом, благогове-

ние к великому поэту росло в Пушкине по мере самого углубления в смысл его идей; а известно, какие душевные отношения образуются между читателем и автором от подобных долгих, непрерывных бесед друг с другом. На Кавказе же к семейству генерала Раевского присоединился и старший сын его, Александр Николаевич, с которым Пушкин сошелся тотчас же и очень близко. Пушкин возымел с самого начала весьма высокое понятие о качествах своего друга. Он прямо писал брату, что старший сын Раевского будет более нежели известен; а на словах, как нам передавали, выражался еще решительнее. При тогдашнем всеобщем ожидании политических перемен во всех углах Европы Пушкин говорил об Алекс. Н — е, как о человеке, которому предназначено, может быть, управлять ходом весьма важных событий. Друзья часто сиживали, как вспоминает сам поэт в другой, позднейшей своей поездке на юг (путешествие в Арзрум, 1829), на берегах Подкумка, в виду величавого Бештау, и долго беседовали. Содержание этих бесед никто, конечно, передать не может, но вот что любопытно: А. Н. Р. уже пользовался тогда репутацией скептического ума в нашем обществе. Когда, в 1823 г., Пушкин напечатал свое лирическое стихотворение «Демон», общественное мнение узнавало в недовольном, разочарованном человеке пьесы лицо его друга, хотя никаких дельных оснований для такого предположения вовсе не существовало. Даже и в печать проникло мнение, что стихотворение списано с живого и существующего оригинала. Пушкин вздумал приготовить по этому поводу заметку, которую собирался послать в журналы, без подписи имени и как бы от постороннего лица, но которая, однако же, не попала в печать, хотя по изворотливости языка и некоторому тону лицемерия, обусловливаемых тогдашней цензурой, видимо приготавлилась для опубликования.

П. В. Анненков

6

Во второй половине мая месяца 1820 года проезжал через Екатеринослав на Кавказские воды Николай Николаевич Раевский с семейством. Это тот самый Раевский, который в сражении под Смоленском вывел в дело двух почти малолетних сыновей своих, который прославился и личною храбростью и способностями искусного полководца, под Лейпцигом, под Роменвилем и в других битвах. В это время он командовал 4-м корпусом первой армии, главная квартира которого была в Киеве. Младший сын его (тоже Николай Николаевич), тогда ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, находившийся в отпуску, подружился с Пушкиным в Петербурге, и там оказал ему какие-то важные (нам неизвестные) услуги. Узнав, вероятно, по письму из Петербурга, о ссылке поэта, а может быть и видевшись с ним в его проезд через Киев, он поспешил сыскать его в Екатеринославе...

Молодому Раевскому ничего не стоило уговорить отца взять с собою Пушкина. Воспитанник князя Потемкина, женатый на внучке Ломоносова, имевший своим адъютантом поэта Батюшкова, почтенный генерал и сам, без сомнения, рад был оказать услугу молодому поэту...

С Раевским ехали на Кавказ, кроме сына Николая и военного доктора Рудыковского, две младшие дочери его, Мария (лет 14) и девочка Софья, при них англичанка мисс Мятен и компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала, родом татарка, удержавшая в выговоре и в лице свое восточное происхождение). Все это общество помещалось в двух каретах и коляске. Пушкин сначала ехал с младшим Раевским в коляске, а потом генерал пересадил его к себе в карету, потому что его сильно трясла лихорадка...

Путешественников наших везде встречали с большим почетом; в городах обыватели с хлебом и солью выходили к славному защитнику отечества. При этом старик Раевский шутя говаривал Пушкину: «Прочти-

те-ка им свои стихи! Что они в них поймут?» Думая почему-то, что Пушкин принадлежит к масонам, Раевский подшучивал над ним, утверждая, что из их совещаний не выйдет ничего путного. Достоинно замечания, что он взял слово с обоих сыновей ни за что не вступать ни в какое тайное общество.

В первых числах июня месяца (1820) наши путешественники приехали на Кавказские минеральные воды. В Пятигорске их ожидал старший сын Раевского, отставной полковник Александр Николаевич, прибывший туда заранее. Они всем обществом уезжали на гору Бештау пить железные, тогда еще малоизвестные, воды, и жили там в калмыцких кибитках за недостатком другого помещения. Эти оригинальные поездки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсем непохожая на прежнюю, эта новость и печальность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым южным небом, и кругом причудливые картины гор, новые нравы, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горских черкесов, а в нескольких часах пути упорная, жестокая война, с громким именем Ермолова,— все это должно было чрезвычайно как нравиться молодому Пушкину...

И Раевские не могли не полюбить молодого поэта, потому что сумели открыть в нем высокий ум, нежное привязчивое сердце, благородную гордость души. Несмотря на французское воспитание, старик Раевский был настоящий русский человек, любил русскую речь, по собственной охоте и, может быть, через Батюшкова, служившего при нем адъютантом, и через своего родственника Д. В. Давыдова, знаком был с нашею словесностью, знал и ценил простой народ, сближаясь с ним в военном быту и в своих поместьях, где, между прочим, любил заниматься садоводством и домашнею медициною. В этих отношениях он далеко не походил на своих товарищей по оружию, русских знатных сановников, с которыми случалось встречаться Пушкину и которым очень трудно было понять, что за существо поэт, да еще русский. Раевский как-то

особенно умел сходитья с людьми, одаренными свыше...

По отношению к Пушкину генерал Раевский важен еще для нас как человек с разнообразными и славными преданиями, которыми он охотно делился в разговоре. Недавно прошедшая история России прошла в глазах у него. Он был родной по матери племянник графа Самойлова, генерал-прокурора при Екатерине; он начал службу при другом своем родственнике, представителе века, князе Потемкине и пользовался особенною любовью его. Вблизи Гурзуфа находится Артек, опустелая и некогда великолепная дача Потемкина, и уже одно это должно было часто наводить разговоры на Потемкина и его время. Отсюда у Пушкина такое близкое знакомство с новою русской историей. От Раевского он наслушался рассказов про Екатерину, XVIII век. Некоторые из этих рассказов были записаны Пушкиным и дошли до нас как важные исторические черты и в то же время как доказательства высокой любознательности поэта. Достойно замечания, что в 1829 г., когда умер Раевский, Пушкин писал письмо к графу Бенкендорфу, ходатайствуя об увеличении пенсии его семейству: так хотелось ему чем-нибудь заплатить долг благодарного сердца...

К воспоминаниям о жизни в Гурзуфе несомненно относится тот женский образ, который беспрестанно является в стихах Пушкина, чуть только он вспомнит о Тавриде, который занимал его воображение три года сряду, преследовал его до самой Одессы, и там только сменился другим. В этом нельзя не убедиться, внимательно следя за стихами того времени. Но то была святыня души его, которую он строго чтит и берег от чужих взоров, и которая послужила внутреннею основою всех тогдашних созданий его гения. Мы не можем определенно указать на предмет его любви; ясно, однако, что встретил он его в Крыму и что любил без взаимности.

П. И. Бартенев.

А. Н. РАЕВСКИЙ

7

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистоимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1823

А. С. Пушкин

8

О СТИХОТВОРЕНИИ «ДЕМОН»

Думаю, что критик ошибся. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихо-

творении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в «Демоне» цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гёте называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей *дух отрицания или сомнения*, и в приятной картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оного на нравственность нашего века.

1825

А. С. Пушкин

9

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главою поникшею сиял,
А демон, мрачный и мятежный,
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости,— он рек,— тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

1827

А. С. Пушкин

Вы совершили большую оплошность, дорогой друг, не дав мне своего адреса и воображая, что я не сумею разыскать вас в глуши Псковской губернии; вы избавили бы меня от лишней траты времени на розыски и раньше получили бы мое письмо. Вы пишете, что боитесь скомпрометировать меня перепиской с вами. Такое опасение ребячливо во многих отношениях, а к тому же бывают обстоятельства, когда не приходится считаться с подобными соображениями. Да и что может быть компрометирующего в нашей переписке? Я никогда не вел с вами разговоров о политике; вы знаете, что я не слишком высокого мнения о политике поэтов, а если и есть нечто, в чем я могу вас упрекнуть, так это лишь в недостаточном уважении к религии — хорошенько запомните это, ибо не впервые я об этом вам говорю. Я испытываю настоящую потребность писать вам. Нельзя безнаказанно прожить вместе столько времени; даже оставляя в стороне множество причин, которые заставляют меня питать к вам истинную дружбу, одной привычки было бы достаточно, чтобы создать между нами истинную прочную привязанность. Теперь, когда мы так далеко друг от друга, я не стану сдерживаться в выражении чувств, которые питаю к вам; знайте же, что, не говоря уже о вашем прекрасном и большом таланте, я с давних пор проникся к вам братской дружбой, и никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от нее. Если после этого первого письма вы мне не ответите и не дадите своего адреса, я буду продолжать вам писать, надоедать вам до тех пор, пока не заставлю вас ответить мне, не считаясь с мелкими опасениями, которые должна рассеять самая невинность нашей переписки.

Откладывая до другого письма удовольствие рассказать вам о происшествиях и черточках из жизни наших прекрасных соотечественниц; а сейчас расскажу вам о Татьяне. Она приняла живейшее участие в вашем несчастье; она поручила мне сказать вам об

этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали; она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны. Даже ее прелестная дочка вспоминает о вас, она часто говорит со мною о сумасбродном г-не Пушкине и о тросточке с собачьей головкой, которую вы подарили ей. Я все время поджидаю маленький портрет с двумя первыми строками стихов, которые вы для нее написали. Ради бога, дорогой друг, не предавайтесь отчаянию, берегитесь, чтобы оно не ослабило вашего прекрасного дарования, заботьтесь о себе, будьте терпеливы: ваше положение изменится к лучшему. Поймут несправедливость той суровой меры, которую применили к вам. Ваш долг перед самим собой, перед другими, даже перед вашей родиной — не падать духом; не забывайте, что вы — украшение нашей зарождающейся литературы, и что временные невзгоды, жертвою которых вы оказались, не могут повредить вашей литературной славе. Я знаю, что ваша первая ссылка пошла на пользу вашему характеру; что вы теперь уже не такой взбалмошный, опрометчивый. Продолжайте в том же роде, затем — питайте уважение к религии, — и я не сомневаюсь, что в самом непродолжительном времени вас выпустят из проклятой вашей деревни. Прощайте. Ваш друг А. Раевский. (Франц.)

А. Н. Раевский — Пушкину. 21 августа 1824.

11

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
 Ответствует язвительным молчаньем;
 Когда свою он от руки твоей,
 Как от змеи, отдернет с содроганьем;

Как, на тебя взор острый пригвоздя,
 Качает он с презреньем головою,—
 Не говори: «Он болен, он дитя,
 Он мучится безумною тоскою»;
 Не говори: «Неблагодарен он;
 Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
 Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
 Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
 Ах, если так, он в прах готов упасть,
 Чтоб вымолить у друга примиренье.
 Но если ты святую дружбы власть
 Употреблял на злобное гоненье;
 Но если ты затейливо язвил
 Пугливое его воображение
 И гордую забаву находил
 В его тоске, рыданиях, унижение;
 Но если сам презренной клеветы
 Ты про него невидимым был эхом;
 Но если цепь ему накинул ты
 И сонного врагу предал со смехом,
 И он прочел в немой душе твоей
 Всё тайное своим печальным взором,—
 Тогда ступай, не трать пустых речей —
 Ты осужден последним приговором.

1824

А. С. Пушкин

12

Милый барон! вы обо мне беспокоитесь и напрасно. Я человек мирный. Но я беспокоюсь — и дай бог, чтобы было понапрасну. Мне сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности. Но он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня. Прощай, мой милый друг.

Пушкин—А. А. Дельвигу. 20 января 1826.

13

Раевский (Александр), который прошлого разу казался мне немного приглупевшим, кажется опять оживился и поумнел. Жена его собою не красавица — говорят, очень умна.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 11 мая 1836.

14

С Александром живу в мире, но как он холоден! Я ищу в нем проявления любви, чувствительности и не нахожу их. Он не рассуждает, а спорит, и чем более он неправ, тем его тон становится неприятнее, даже до грубости. Мы условились с ним никогда не вступать ни в споры, ни в отвлеченную беседу. Не то, чтобы я был им недоволен, но я не вижу с его стороны сердечного отношения. Что делать! таков уж его характер, и нельзя ставить ему это в вину. У него ум наизнанку; он философствует о вещах, которых не понимает, и так мудрит, что всякий смысл испаряется. То же самое с чувством: он очень любит Николашку и беспрестанно его целует, но он так же любил и целовал Аттилу. От него зависит, чтобы я его полюбил или, вернее, чтобы я открыл ему мою любовь. Я думаю, что он не верит в любовь, так как сам ее не испытывает и не старается ее внушить. Я делаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждает меня к этому, потому что он равнодушно принимает все, что бы я ни делал для него. Я не сержусь на него за это. Делай и ты так, Катенька; он тебя любит настолько, насколько способен любить. Говорю тебе это для того, чтобы тебе не пришлось страдать от ошибки, тягостной для женского сердца. Николай будет, может быть, легкомыслен, наделает много глупостей и ошибок; но он способен на порыв, на дружбу, на жертву, на великодушие. Часто одно слово искупает сто грехов.

Н. Н. Раевский — Ек. Н. Раевской. 1820.

В нем не было честолюбия, но из смешения чрезмерного самолюбия, лени, хитрости и зависти составлен был его характер. Не подобные ли чувства святое Писание приписывает возмущившимся ангелам? Я напрасно устраиваюсь здесь изобразить его: гораздо лучше меня сделал сие Пушкин в немногих стихах под названием «Мой демон». Но подробности о нем могут более объяснить действия его, о коих приходится мне говорить... В Молдавии, в самой нежной молодости, говорят, успевал он понапрасну опозоривать безвинных женщин; известных по своему дурному поведению не удостаивал он своего внимания: как кошка, любил он марать только все чистое, все возвышенное, и то, что французы делали из тщеславия, делал он из одной злости. Я не буду входить в тайну связей его с графиней Воронцовой; но, судя по вышесказанному, могу поручиться, что он действовал более на ее ум, чем на сердце и на чувства.

Он поселился в Одессе и почти в доме господствующей в ней четы... Козни его, увь, были пагубны для другой жертвы. Влюбчивого Пушкина не трудно было привлечь миловидной Воронцовой, которой Раевский представил, как славно иметь у ног своих знаменитого поэта. Известность Пушкина во всей России, хвалы, которые гремели ему во всех журналах, превосходство ума, которое внутренне Раевский должен был признавать в нем над собою, все это тревожило, мучило его. Он стихов его никогда не читал, не упоминал ему даже об них: поэзия была ему дело вовсе чуждое, равномерно и нежные чувства, в которых видел он одно смешное сумасбродство. Однако же он умел воспалять их в других; и вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкравшись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом, самым искусным образом дурачил его.

Еще зимой чутьем слышал я опасность для Пушкина, не позволял себе давать ему советов, но раз шутя сказал ему, что по африканскому происхождению его все мне хочется сравнить его с Отелло, а Раевского с неверным другом Яго. Он только что засмеялся.

Ф. Ф. Вигель.

Н. Н. РАЕВСКИЙ (м.л.)

16

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Повесть

ПОСВЯЩЕНИЕ
Н. Н. РАЕВСКОМУ

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношение:
Тебе я посвятил изгнанной лиры пенье
И вдохновенный свой досуг.
Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шепот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство находил;
Я сердцем отдыхал — друг друга мы любили:
И бури надо мной свирепость утомили,
Я в мирной пристани богов благословил.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.

Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души молодые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой,
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?
Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые страданья
И тайный глас души моей.

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умилением,
Как жертву милую, как верный свет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.

1820—1821

А. С. Пушкин.

17

Где вы? из газет я узнал, что вы переменили полк.
Желаю, чтоб это развлекло вас. Что поделывает ваш
брат? вы ничего о нем не сообщаете в письме вашем
от 13 мая; лечится ли он?

О себе могу сказать следующее: друзья мои уси-
ленно хлопотали о том, чтобы получить для меня раз-

решение ехать лечиться; матушка писала его величеству, после чего мне разрешили поехать в Псков и даже поселиться там, однако делать этого я не стану, а только съезжу туда на несколько дней. Покамест я живу в полном одиночестве: единственная соседка, у которой я бывал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме старушки няни и моей трагедии; последняя подвигается, и я доволен этим. Сочиняя ее, я стал размышлять над трагедией вообще. Это, может быть, наименее правильно понимаемый род поэзии. И классики и романтики основывали свои правила на *правдоподобии*, а между тем именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения. Не говоря уже о времени и проч., какое, к чорту, может быть правдоподобие в зале, разделенной на две половины, в одной из коих помещается две тысячи человек, будто бы невидимых для тех, кто находится на подмостках; 2) *язык*. Напр., у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, произносит на чистейшем французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки эллинской речи» и проч. Вспомните древних: их трагические маски, их двойные роли, — всё это не есть ли условное неправдоподобие? 3) *время, место и проч. и проч.* Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобии. Посмотрите, как Корнель ловко управился с Сидом. «А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте» — и нагромоздил событий на 4 месяца. На мой взгляд ничего не может быть бесполезнее мелких поправок к установленным правилам: Альфиери крайне изумлен нелепостью речей *в сторону*, он упраздняет их, но зато удлиняет монологи, полагая, что произвел целый переворот в системе трагедии; какое ребячество!

Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии. (Я не читал ни Кальдерона, ни Веги), но до чего изумителен Шекспир! Не могу придти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! Байрон, который создал всего-

навсего один характер (у женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости; вот почему так легко изображать их), этот самый Байрон распределил между своими героями отдельные черты собственного характера: одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это вовсе не трагедия.

Существует еще такая замашка: когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые посторонние вещи, всё носит отпечаток данного характера (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит: *Дайте мне пить*, как заговорщик — это просто смешно. Вспомните Озлобленного у Байрона (*ha pagato!*) * — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве всё это естественно? Отсюда эта принужденность и робость диалога. Вспомните Шекспира. Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру.

Вы спросите меня: а ваша трагедия — трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то и другое. Я пишу и размышляю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену — такой способ работы для меня совершенно нов. Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить (*Франц.*).

Пушкин — Н. Н. Раевскому (младшему). Июль 1825. (Черновое)

---

* он уплатил! (*итал.*)

Еще мы не кончили обеда у Раевского с Пушкиным, его братом Львом и Семичевым, как пришли сказать, что неприятель показался у аванпостов. Все мы бросились к лошадям, с утра оседланным. Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня: не видал ли я Пушкина? Вместе с ним мы поскакали его искать и нашли отделившегося от фланкирующих драгун и скачущего, с саблею наголо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами уланы с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкой, и он, хотя с неудовольствием, но нас более не покидал, тем более что нападение турок со всех сторон было отражено и кавалерия наша, преследовав их до самого укрепленного их лагеря, возвратилась на прежнюю позицию до наступления ночи.

Быстрое движение Гагки-паши, с незначительною потерей нескольких казаков убитых и раненых, вывело главнокомандующего из бездействия, всех сердившего. Мы стали подвигаться вперед, но с большою осторожностью. Через несколько дней, в ночном своем разъезде, я наткнулся на все войско сераскира, выступившее из Гассан-Кале нам навстречу. По сообщении известия об этом Пушкину, в нем разыгралась африканская кровь, и он стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно схватится с турком; но схватиться опять ему не удалось, потому что он не мог из вежливости оставить Паскевича, который не хотел его отпускать от себя не только во время сражения, но на привалах, в лагере, и вообще всегда, на всех стоянках и в свободное от занятий время за ним посылал и порядочно — по словам Пушкина — ему надоед. Правду сказать, со всем желанием Пушкина убить или побить турка, ему уже на то

не было возможности, потому что неприятель уже более нас не атаковал, а везде, до самой сдачи Арзерума, без оглядки бежал, и все сражения, громкие в реляциях, были только преследования неприятеля, который бросал на дороге орудия, обозы, лагеря и отсталых своих людей. Всегда, когда мы сходились с Пушкиным у меня или Раевского, он бесился на турок, которые не хотят принимать столь желанного им сражения,— я же, напротив, радовался тому, что мог чаще ехать в коляске и отдыхать, потому что делал поход 1829 года еще с не залеченною раной в грудь, полученною в 1828 году на штурме Ахалцыха, и всякая усиленная верховая езда чрезвычайно мне вредила.

М. И. Пущин.

19

С Пушкиным был походный чемодан, дно которого было наполнено бумагами. Когда речь зашла о прочтении нам еще не напечатанных «Бориса Годунова» и последней песни «Онегина», он отдал брату Льву и мне этот чемодан, чтоб мы сами отыскиали в нем то, чего нам хочется. Мы и нашли там тетрадь «Бориса Годунова» и отрывки «Онегина», на отдельных листиках. Но мы этим, разумеется, не удовольствовались, а пересмотрели все и отыли, между прочим, прекрасный, чистый автограф «Кавказского пленника». Когда я показал Пушкину этот последний, говоря, что это драгоценность, он, смеясь, подарил мне его; но Раевский, попросив у меня посмотреть, объявил, что так как поэма посвящена ему, то ему принадлежит и чистый автограф ее, и Пушкин не имеет права дарить его другому. Можно себе представить мою досаду! Я бросился отнимать у Раевского, но должен был уступить его ломовой силе. После Раевский, взяв с меня честное слово возвратить, дал мне

эту рукопись, чтоб выписать из нее места, пропущенные в печати. Но таких пропусков оказался всего один. После слов:

Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы... —

в печати пропущены следующие восемь стихов:

Свобода! Он одной тебя
Еще искал в подлунном мире.
Страстями сердце погубя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

Затем, как в печати:

Свершилось! Целью упования
Не зрит он в жизни ничего — и т. д.

Жаль мне и теперь этого автографа, так как у Раевского он пропал бесследно: ни у вдовы, ни у сыновей его не оказалось. Взамен отнятого у меня подарка Пушкин дал мне другой автограф — «К морю», тоже чистый, но с поправками и с добавлением лучшей строфы о Байроне сбоку:

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим;
Как ты, глубок, могуч и мрачен,
Как ты, ничем неодолим.

Этот автограф и теперь хранится у меня...

«Бориса Годунова» и отрывки последней части «Онегина» Пушкин читал нам сам. Он, по-моему, не был чтецом-мастером: его декламация впадала в искусственность. Лев Сергеевич читал его стихи лучше, чем он. При чтении «Бориса Годунова» случился забавный эпизод. Между присутствовавшими был генерал М., известный прежде всего своим колоссальным

педантизмом. Во время сцены, когда самозванец, в увлечении, признается Марине, что он не настоящий Димитрий, М. не выдержал и остановил Пушкина: «Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну, а если она его выдаст?» Пушкин с заметной досадой: «Подождите, увидите, что не выдаст».

После этой выходки Пушкин объявил решительно, что при М. он больше ничего читать не станет; и когда потом он собрался читать нам Онегина, то поставлены были маховые, чтоб дать знать, если будет к нам идти М. Он и шел; но, по данному сигналу, все мы разбежались из палатки Раевского. М. пришел, нашел палатку пустою и возвратился восвояси. Тогда мы собрались опять и чтение состоялось.

М. В. Юзефович.

20

Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами — и всё за твое здоровье, красота моя. На другой день в книжной лавке встретил я Николая Раевского. — *Sacré chien*, — сказал он мне с нежностью, — *pourquoi n'êtes-vous pas venu me voir*. — *Animal*, — отвечал я ему с чувством, — *qu'avez-vous fait de mon manuscrit petit-Russien?* * После сего поехали мы вместе как ни в чем не бывало, он держа меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроем с бутылкой мадеры).

Потом, для разнообразия жизни, провел опять вечер у Нащокина; на другой день он задал мне прощальный обед со стерлядями и с жженкой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 2 сентября 1833.

---

* Собачий сын, почему ты не зашел ко мне? — Скотина, — что ты сделал с моей малороссийской рукописью? (*Франц.*)

Е. Н. ОРЛОВА (РАЕВСКАЯ)

21

* * *

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей;
Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаживать...
Спешу в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей —
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

1820

А. С. Пушкин

22

К ***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!

Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

1820

А. С. Пушкин

23

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном, и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

1821

А. С. Пушкин

24

О кавказско-кишиневской эпохе жизни и поэзии Пушкина я имел недавно случай беседовать с почтенной Екатериной Николаевной Орловой, рожденной Раевской, с именем которой связываются воспоминания о двух знаменитейших русских писателях (она по женской линии правнучка Ломоносова). Большинству читателей, конечно, известно, что Пушкин, возвращаясь с Кавказа, нашел Ек. Н. Раевскую в числе обитателей крымского имения Юрзуфа, и потом, в первых письмах из Кишинева, говорил о ней с особенным уважением. Эта замечательная женщина сохраняет еще и в глубокой старости всю свежесть своего живого ума, ясность души и приветливость общительного нрава; она по-прежнему следит за литературой, и то, что пишется о Пушкине, не ускользает от ее внимания. Не

касаясь некоторых неточностей, замеченных Катериной Николаевной в рассказах его биографов, упомяну только о двух любопытных обстоятельствах, не совсем согласных с ходячими преданиями и еще раз показывающих, как иногда «делается история», как по канвѣ иногда самых простых случайностей выводятся впоследствии затейливые узоры.

Старший из братьев Раевских, приятелей Пушкина, Александр Николаевич, родился в 1795 г.; меньшой, Николай, в 1801-м. Александр, страдая от раны в ноге, лечился на Кавказе еще до приезда туда Пушкина с некоторыми из членов этого семейства. Александр там и оставался долее прочих и потом проехал прямо в калужскую деревню, ту самую, где впоследствии, в царствование Николая, Катерина Николаевна жила с мужем своим, М. Ф. Орловым. Александр Раевский был чрезвычайно умен и тогда уже успел внушить Пушкину такое высокое о себе понятие, что наш поэт предрекал ему блестящую известность. Позднее, когда они видались в Каменке и Одессе, Александр Раевский, заметив свое влияние на Пушкина, вздумал потрунить над ним и стал представлять из себя ничем не довольного, разочарованного, над всем глумящегося человека. Поэт поддался искусной мистификации, и написал своего *Демона*. Раевский долго оставлял его в заблуждении, но наконец признался в своей шутке, и после они часто и много смеялись, перечитывая вместе это стихотворение, об источниках и значении которого впоследствии так много было писано и истощено догадок.

С меньшим братом, Николаем, Пушкин был еще более дружен и считал себя ему обязанным за какую-то важную услугу. Они познакомились еще в Петербурге. Николай Раевский страстно любил литературу, музыку, живопись и сам писал стихи. На обратном пути с Кавказа он как-то повредил себе ногу, и это было поводом остановки путешественников в Юрзуфе. Катерина Николаевна решительно отвергает недавно напечатанное сведение, будто Пушкин учился там под

ее руководством английскому языку. Ей было в то время 23 года, а Пушкину 21, и один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием к такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Катерине Николаевне за справкой. Здесь же Николай Николаевич первый познакомил Пушкина с поэзией Шенье.

К. Н. отрицает также, чтобы Пушкин из Крыма проводил Раевских до киевского имения Каменки. После посещения Бахчисарая, он, по ее словам, доехал с ними только до Симферополя или, может быть, до Перекопа. Но в этом она едва ли права, судя по двум небольшим пьесам Пушкина, под которыми стоит имя Каменки. Это село принадлежало матери Раевского (второй муж ее был Лев Денисович Давыдов). Там все семейство съезжалось обыкновенно к Екатеринину дню, 24-му ноября, а уже в первых числах декабря возвращалось в Киев. Свадьба старшей дочери Кат. Н. Раевской с М. Ф. Орловым была в мае 1821 г. Пушкин на ней не присутствовал; во второй раз был он в Каменке до того зимою.

Я. К. Грот.

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ (РАЕВСКАЯ)

25

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе — но голос музы тёмной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?

Иль посвящение поэта,
 Как некогда его любовь,
 Перед тобою без ответа
 Пройдет, непризнанное вновь?
 Узнай, по крайней мере, звуки,
 Бывало, милые тебе —
 И думай, что во дни разлуки,
 В моей изменчивой судьбе,
 Твоя печальная пустыня,
 Последний звук твоих речей
 Одно сокровище, святыня,
 Одна любовь души моей.

1828   А. С. Пушкин. «Полтава».

26

Отец когда-то принял участие в этом бедном молодом человеке с таким огромным талантом и взял его с собой на Кавказские воды, так как здоровье его было сильно подорвано. Пушкин никогда этого не забывал; связанный дружбой с моими братьями, он питал ко всем нам чувство глубокой преданности.

Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался. Мне вспоминается, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картинка была очень грациозна, и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи; мне было тогда лишь 15 лет.

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

Позже, в поэме «Бахчисарайский фонтан», он сказал:

...ее очи
Яснее дня,
Темнее ночи.

В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел. Но во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое «Послание к узникам» для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александре Муравьевой...

Пушкин говорил мне: «Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на место происшествия, перелезу через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках». Он написал свою прекрасную книгу, которая привела всех в восхищение, но в наш край так и не попал.

В Чите я получила известие о смерти моего бедного Николая, моего первенца, оставленного мною в Петербурге.

Пушкин прислал мне на него эпитафию:

В сиянье, в радостном покое,
У трона Вечного Отца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца...

М. Н. Волконская. Записки.

27

Посылаю я вам письмо от Мельмота; сожалею, что сам не имею возможности доставить оное и вам подтвердить о тех сплетнях, кои московские вертушки вам настряпали. Неправильно вы сказали о Мельмо-

те, что он в природе *ничего не благословлял*, прежде я был с вами согласен, но по опыту знаю, что он имеет чувства дружбы — благородными и не изменными обстоятельствами.

Имея опыты вашей ко мне дружбы и уверен будучи, что всякое доброе о мне известие — будет вам приятным, уведомляю вас о помолвке моей с Мариею Николаевною Раевскою — не буду вам говорить о моем счастье, будущая моя жена была вам известна...

Я сего числа еду в Киев, надеюсь прежде половины ноября пред олтарем совершить свою свадьбу. Пробуду несколько времени в Киеве — буду в поместьях новых моих родственников и там, как и здесь, буду часто о вас говорить и общее воспоминание о вас — будет в вашу пользу. Поручаю себя вашей дружеской и благосклонной памяти.

С. Г. Волконский — Пушкину. 18 октября 1824.

28

Хотя письмо мое, друг мой Машинька, несколько заставит тебя поплакать, но эти слезы будут не без удовольствия: посылаю тебе надпись надгробную сыну твоему, сделанную Пушкиным, он подобного ничего не сделал в свой век.

*Н. Н. Раевский (старший) — М. Н. Волконской.
2 марта 1829.*

29

Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию моему дорогому ангелочку. Она прекрасна, сжата, полна мыслей, за которыми слышится столь многое. Как же я должна быть благодарна автору; дорогой папа, возьмите на себя труд выразить ему мою признательность (*Франц.*).

М. Н. Волконская — Н. Н. Раевскому. 11 мая 1829.

30

В моем положении никогда нельзя быть уверенной, что доставишь удовольствие, напоминая о себе. Тем не менее скажи обо мне Александру Сергеевичу, поручая тебе повторить ему мою признательность за эпитафию Николино. Слова утешения материнскому горю, которые он смог найти,—выражение его таланта и умения чувствовать. (*Франц.*).

М. Н. Волконская — Н. Н. Раевскому (младшему)
28 сентября 1829.

31

Присылка «Литературной газеты» доставляет мне двойное утешение: вновь увидеть имена любимых писателей моей родины и получать некоторые сведения о мире, к которому я уже не принадлежу. Прошу их проявлять и впредь то же участие ко мне, продолжая присылать свои произведения и продлевать счастливые мгновения, какие они мне уже доставили. Возможно, что я слишком назойлива, но я хотела бы абонироваться у вас не только на этот год, но и на все время нашего изгнания.

Поблагодарите тех, кто сумел принести дань уважения моему отцу, его памяти. Я разделяю их справедливое недовольство его биографом: он многое упустил или забыл. Я прочитала эту заметку с живейшей благодарностью и с глубоким чувством боли, которая покинет меня лишь с последним моим вздохом. Поручаю вам, добрая и дорогая княгиня, передать от меня особый привет вашему мужу и Пушкину. Прошу вас обязательно передать им выражение моего высокого уважения и почтения. Убедите их, пожалуйста, посылать мне все их новые произведения и какие-либо другие литературные новинки, если это не будет сколько-нибудь им в тягость. (*Франц.*).

М. Н. Волконская — В. Ф. Вяземской. 12 июня 1830.

Я очень обязана вам за аккуратность, с какой вы мне пересылаете газету, равно как и за стихотворение нашего великого поэта *. Признаюсь, что я злоупотребила вашим доверием и сообщила его здешним. В первых двух стихах поэт пробует свой голос. Извлекаемые им звуки, нет сомнения, очень гармоничны, но не имеют отношения к дальнейшим мыслям, столь достойным нашего великого поэта и, судя по тому, что вы пишете мне, достойным предмета его вдохновения. Эти мысли так новы, так привлекательны, они возбуждают в нас восхищение, но окончание, извините меня, милая Вера, за вашего приемного сына, — это окончание старого французского мадригала, это любовный вздор, который нам приятен потому, что доказывает, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливо-го будущего. Поручаю вам передать ему наши искренние, самые сердечные поздравления. (*Франц.*).

*М. Н. Волконская — В. Ф. Вяземской
19 октября 1830.*

Вера Вяземская перестала мне писать с тех пор, как я назвала стихи ее приемного сына, обращенные к его невесте, любовным вздором или же мадригалом, «что не любить оно не может».

«Борис Годунов» вызывает наше общее восхищение; по нему видно, что талант нашего великого поэта достиг зрелости; характеры обрисованы с такой силой, энергией, сцена летописца великолепна, но, признаюсь, я не нахожу в этих стихах той поэзии, которая

---

* «На холмах Грузии лежит ночная мгла».

очаровывала меня прежде, той неподражаемой гармонии, как ни велика сила его нынешнего жанра. (Франц.).

*М. Н. Волконская — З. А. Волконской.
20 марта 1831.*

34

Повести Пушкина, так называемого Белкина, являются здесь настоящим событием. Нет ничего привлекательнее и гармоничнее этой прозы. Все в ней картина. Он открыл новые пути нашим писателям. Несколько новых романов и литературные журналы, вот что в настоящую минуту занимает Петровск или, вернее, его заключенных (Франц.).

*М. Н. Волконская — С. Н. Раевской.
19 февраля 1832.*

35

Моего мужа лишили титула, состояния и гражданских прав и приговорили к двадцатилетним каторжным работам и к пожизненной ссылке. 26 июля его отправили в Сибирь с князьями Трубецким и Оболенским, Давыдовым, Артамоном Муравьевым, братьями Борисовыми и Якубовичем. Когда я узнала об этом от брата, я ему объявила, что последую за мужем; брат, который должен был ехать в Одессу, сказал мне, чтоб я не трогалась с места до его возвращения, но на другой же день после его отъезда я взяла паспорт и уехала в Петербург. В семье мужа на меня сердились за то, что я не отвечала на их письма. Не могла же я им сказать, что мой брат их перехватывал. Мне говорили колкости, а о деньгах ни слова. Не могла я также говорить с ними о том, что мне приходилось переносить от отца, который не хотел отпу-

скать меня. Я заложила свои брильянты, заплатила некоторые долги мужа и написала письмо государю, прося разрешения следовать за мужем. Я особенно опиралась на участие, которое его величество оказывал к женам сосланных, и просила его завершить свои милости разрешением мне отъезда. Вот его ответ:

«Я получил, Княгиня, ваше письмо от 15 числа сего месяца; я прочел в нем с удовольствием выражение чувств благодарности ко мне за то участие, которое я в вас принимаю; но, во имя этого участия к вам, я и считаю себя обязанным еще раз повторить здесь предостережения, мною уже вам высказанные, относительно того, что вас ожидает, лишь только вы проедете далее Иркутска. Впрочем, предоставляю вполне вашему усмотрению избрать тот образ действий, который покажется вам наиболее соответствующим вашему настоящему положению.

*Благодарасположенный к вам
(подпись) Николай.
1826, 21 декабря».*

Теперь я должна вам рассказать сцену, которую я буду помнить до последнего своего издыхания. Мой отец был все это время мрачен и недоступен. Необходимо было, однако же, ему сказать, что я его покидаю и назначаю его опекуном своего бедного ребенка, которого мне не позволяли взять с собою. Я показала ему письмо его величества; тогда мой бедный отец, не владея более собой, поднял кулаки над моей головой и вскричал: «Я тебя прокляну, если ты через год не вернешься». Я ничего не ответила, бросилась на кушетку и спрятала лицо в подушку.

Мой отец, этот герой 1812 года, с твердым и возвышенным характером,—этот патриот, который при Дашкове, видя, что войска его поколебались, схватил двоих своих сыновей, еще отроков, и бросился с ними в огонь неприятеля,—нежно любил свою семью; он не мог вынести мысли о моем изгнании, мой отъезд представлялся ему чем-то ужасным...

Сестра Орлова приехала в Москву проститься со мной. Ее муж, один из главных деятелей общества, проживал тогда спокойно в деревне: его спас брат его — граф Орлов как при помощи ответов, которые он помогал давать ему на запросы, присылаемые в тюрьму, так и в силу благосклонности, которую он пользовался у его величества. Я забросала сестру вопросами о деле, она отвечала уклончиво...

Но возвратимся к моему путешествию. Сестра, видя, что я уезжаю без шубы, испугалась за меня и, сняв со своих плеч салоп на меху, надела его на меня. Кроме того, она снабдила меня книгами, шерстяными для рукоделья и рисунками. Я должна была провести два дня в Москве, так как не могла не повидать родственников наших сосланных; они мне принесли письма для них и столько посылок, что мне пришлось взять вторую кибитку, чтобы везти их. Я покидала Москву скрепя сердце, но не падая духом; со мной были только человек и горничная, которая все «по паспорту ходила» и оказалась очень ненадежной. Я ехала день и ночь, не останавливаясь и не обедая нигде; я просто пила чай там, где находила поставленный самовар; мне подавали в кибитку кусок хлеба или что попало, или же стакан молока, и этим все ограничивалось. Однажды в лесу я обогнала цепь каторжников; они шли по пояс в снегу, так как зимний путь еще не был проложен; они производили отталкивающее впечатление своей грязью и нищетой. Я себя спрашивала: «Неужели Сергей такой же истощенный, обросший бородой и с нечесаными волосами?».

М. Н. Волконская. Записки.

Весьма не во-время приходится мне прибегнуть к благосклонности вашего превосходительства, но меня обязывает к тому священный долг. Узами дружбы и благодарности связан я с семейством, которое ныне

находится в очень несчастном положении: вдова генерала Раевского обратилась ко мне с просьбой замолвить за нее слово перед теми, кто может донести ее голос до царского престола. То, что выбор ее пал на меня, само по себе уже свидетельствует, до какой степени она лишена друзей, всяких надежд и помощи. Половина семейства находится в изгнании, другая — накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов по громадному долгу. Г-жа Раевская ходатайствует о назначении ей пенсии в размере полного жалованья покойного мужа, с тем, чтобы пенсия эта перешла дочерям в случае ее смерти. Этого будет достаточно, чтобы спасти ее от нищеты. Прибегая к вашему превосходительству, я надеюсь судьбой вдовы героя 1812 года — великого человека, жизнь которого была столь блестяща, а кончина так печальна, — заинтересовать скорее воина, чем министра, и доброго и отзывчивого человека скорее, чем государственного мужа. (Франц.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу. 18 января 1830.

Пушкин не мог жить без дружеского окружения. Да и никогда не жил — потому что личность его была необычайно притягательна для самых лучших людей, встречавшихся на его пути. Он неизмеримо много отдавал друзьям, но и получал немало. Сам он в черновом варианте «Путешествия Онегина» ясно и просто сказал о своей преданности дружбе:

О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.

В Лицее отзывчивость Пушкина на дружбу проявилась с особой силой, потому что то была первая дружба, как бывает первая любовь. В Петербурге после Лицея завязывались новые отношения, укреплялись старые. О некоторых из них мы рассказали. Друзьями его были старшие поэты: Жуковский, Давыдов, Вяземский, отчасти и Батюшков; знакомцы по Царскому Селу — Чаадаев, Николай Раевский, семья Карамзиных; соученики Льва Сергеевича — Соболевский, Нащокин; друзья друзей — Баратынский, Плетнев, Рылеев, Бестужев. Потому и тяжело было Пушкину уезжать из Петербурга, что нити дружеских свя-

зей обрывались. Однако тотчас же появились Раевские. А когда пришла пора расстаться с ними и отправиться к месту службы, в Кишинев, там оказался Николай Степанович Алексеев.

Некоторые особенности обстановки, в которую окунулся Пушкин в Кишиневе, ощутил и передал П. В. Анненков: «Кишиневское общество, как и всякое другое, искало удовольствий и развлечений, но благодаря своему составу из помеси греко-молдавских национальностей оно имело забавы и наклонности, ему одному принадлежащие... По внешности кишиневская жизнь ничем не отличалась от жизни губернских городов наших: те же рауты, балы, игрецкие дома, чопорные прогулки в известной части города по праздникам, беготня и поздравления начальников в торжественные дни и проч., но эта обстановка едва прикрывала своеобразные черты домашнего и нравственного быта жителей, не встречавшиеся нигде более, кроме этой местности... Правда, что в некоторых домах все крупные этнографические черты подобного рода стояли открыто на виду, а в других таились глубоко в недрах семей, но отыскать их там находились всегда охотники... Пушкин не отставал от других». Однако для того, чтобы кишиневские впечатления естественнее и глубже отразились в жизненном и творческом опыте Пушкина, необходим был человек, близкий поэту и вместе с тем знавший местный уклад. Вспомним, что даже по Москве, после 15-летней разлуки с нею, «путеводителем» его стал Соболевский. Итак, заслугой Николая Степановича было то, что он — коренной москвич, проживший до Пушкина в Кишиневе три года, помог поэту «адаптироваться» (как теперь бы сказали) в местном обществе.

Однако это не единственная и, может быть, не самая главная его заслуга. Пушкину недостаточно было местного «высшего общества», где он представал, вольно или невольно, в «романтическом одеянии» ссыльного столичного поэта. Ему необходим был друг, с которым он мог оставаться самим собой — без малейшей позы. Анненков пишет об этом: «Были минуты, и притом минуты, возвращавшиеся очень часто, когда весь байронизм Пушкина исчезал без остатка... Случалось это всякий раз, как он становился лицом

к лицу к небольшому кругу друзей и хороших знакомых. Они имели постоянное счастье видеть простого Пушкина без всяких примесей, с чарующей лаской слова и обращения, с неудержимой веселостью, с честным и добродушным оттенком «в каждой мысли». Радость знать Пушкина таким в Кишиневе выпала Алексееву. Но и это не все. В отношениях Пушкина и Алексеева была еще одна сторона, долго остававшаяся мало известной, и только недавно «распутанная» исследователем (см. «Основную литературу»).

Алексеев был поверенным поэтических и, как выясняется, историко-литературных замыслов Пушкина. В 1821—1822 гг. Николай Степанович составил рукописный сборник сочинений Пушкина, которые в тех условиях не только печатать было нельзя, но и держать у себя в доме было крайне опасно. В сборнике Алексеева сохранилось аккуратно переписанное первое историческое сочинение Пушкина, озаглавленное «Заметки по русской истории XVIII века». Там же «пряталась» «Гаврилиада», созданная в 1821 г., и некоторое время, помимо автора, доступная только Алексееву. До сих пор неизвестно, где находилась (или находится?) авторская рукопись этой поэмы. Вполне вероятно, что Пушкин оставил ее у Николая Степановича. В альбоме Алексеева был и антимонархический Noël * Пушкина — «Ура! В Россию скачет// Кочующий деспот», который печатается именно по альбому Алексеева. Наконец, у Алексеева, судя по всему, хранились письма Пушкина к их общему кишиневскому приятелю И. П. Липранди.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что в кишиневский и отчасти в одесский период Николай Степанович был одним из самых близких друзей Пушкина: поэт безраздельно ему доверял.

* * *

Если о Нащокине и Соболевском (см. очерки в настоящем томе) приходится говорить, что еще недавно они были не слишком известны, биографам Пушкина, то к Алексееву это относится в большей степени.

---

* нозэль, рождественская сказка (франц.).

Даже с датами рождения и кончины до сих пор не все ясно. Обнаруженное Н. Я. Эйдельманом свидетельство о смерти Николая Степановича гласит: «...умер в Москве 26 февраля 1854 года 64 лет». Таким образом устанавливается точная дата смерти, но в этом случае оказывается неверной традиционно указываемая в справочниках дата рождения — 1788-й год: либо Н. С. Алексееву было 66 лет, либо он родился в 1790-м году.

Учился он в московском французском пансионе Форсевиля. Служил в армии (последний чин — майор), участвовал в Бородинском бою, а затем в европейском походе русской армии — брал Париж. Вскоре вышел в отставку и по ходатайству своего родственника, знакомого Пушкина, начальника штаба 2-й армии П. Д. Киселева был определен на службу в Бессарабию. Алексеев состоял чиновником особых поручений при генерале И. Н. Инзове, но к карьере не стремился, и она за ним не гналась. Есть не до конца проверенные сведения, что в 1820-х он покидал юг России и ездил в Персию с одной из миссий А. С. Грибоедова. Впоследствии Алексеев имел возможность переехать в Одессу, но предпочел остаться в Кишиневе по личным мотивам (не хотел прерывать давний роман). 30 октября 1826 г. он грустно писал Пушкину из Кишинева: «Ты, может быть, захочешь узнать, почему я живу здесь так долго; но я ничего тебе сказать не в состоянии: какая-то тягостная лень душою овладела! Счастье по службе ко мне было постоянно: за все поручения, мною выполненные с усердием, полу-милорд наградил меня благодарностью и несколько раз пожатием руки; чины же и кресты зависели от окружающих, коих нужно было просить, а я сохранил свою гордость и не подвинулся ни на шаг. Теперь его чорт взял, он отправился в Англию, но я ожидаю способов возвратиться в Москву белокаменную и соединиться с друзьями; но:

Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!»

Две строки Жуковского, которые цитирует Алексеев, были написаны о русских воинах, павших на поле брани, но в 1826 г. он имел в виду, конечно, декабри-

стов. Любопытно в этом письме и отношение к Воронцову, выраженное одним кратким пушкинским словом: «полу-милорд». Увы, вместо белокаменной он отправился в 1829 г. на службу в Бухарест. Лишь выйдя в отставку, возвратился в Москву; встречался со старыми знакомыми по Кишиневу. Никогда не был женат. Вот, кажется, и все биографические сведения.

Но годы, проведенные с Пушкиным, как бы поворачивают к свету всю жизнь Николая Степановича. Факты, которые в иных условиях не представляли бы особого интереса, оказываются важными даже в мелочах. Сперва в Кишиневе Пушкин жил под гостеприимным кровом генерала Инзова, но когда в 1822 г. землетрясение основательно покорежило генеральский дом, поэт перебрался к Алексееву и некоторое время даже делил с ним комнату. Их называли «Орестом и Пиладом», т. е. неразлучными друзьями. Воспоминания Алексеева, отраженные в письмах к Пушкину (№ 3, 5, 7), точны и не содержат преувеличений. Они действительно «были друзья-соперники и жили приятно». Пушкин шутливо «приволакивался» за Марией Егоровной Эйхфельд (прозванной в Кишиневе «Еврейкой» — кажется, по ассоциации с Ревеккой, героиней романа Вальтера Скотта «Айвенго»), отлично зная о ее серьезном романе с Николаем Степановичем. Алексеев «сердился и негодовал», отлично зная при этом, что Пушкин шутит. Отсюда: «соперник мой широкоплечий» (№ 1), «лукавый соперник» (№ 3), которого нужно «бесить». В одной из дуэлей Пушкина — с подполковником Н. И. Старовым — Алексеев был секундантом и сумел примирить противников. В другом случае он отвел руку Пушкина, замахнувшегося на оскорбившего его молдавского боярина.

26 мая 1821 г. Пушкину исполнилось 22 года. Он отметил этот день дневниковой записью: «Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пушин*, Алексеев и Пестель». Известно, что Алексеев, как и Пушкин, жил в Кишиневе в атмосфере подготовки революционного выступления декабристов. Оба они были завсегдатаями дома М. Ф. Ор-

---

* Павел Сергеевич — знакомый Пушкина по Кишиневу, генерал, участник декабристских организаций.

лова, состояли членами масонской ложи «Овидий», известной своими оппозиционными настроениями. Наконец, оба были довольно близко знакомы с П. И. Пестелем. В связи с этим весьма любопытно четверостишие, которым Пушкин заканчивает письмо к Алексею (№ 4). О какой «русской правде» говорит он? Не о той ли, в которой была изложена самая радикальная программа декабристов? Поскольку автором «Русской правды» был Пестель, их общий знакомый по Кишиневу, и поскольку письмо датировано декабрем 1826 г., когда смерть Пестеля и его друзей была еще незажившей раной, трудно предположить какой-либо другой смысл этой строки. А упрятан он в сопоставление со «сказочкой арабской» намеренно, как своего рода шифр, понятный корреспонденту. Впрочем, и такое письмо можно было послать только с оказией, что Пушкин и сделал. Конечно, могут быть и иные толкования четверостишия, но они не столь вероятны.

Многие исследователи высказывают уверенность, что Пушкин посвятил Алексею «Гавриилиаду». В черновом наброске посвящения, открывающемся строками «Вот Муза, резвая болтуня, //Которую ты так любил», скорее всего скрывается обращение к «лукавому сопернику».

Перебравшись в Одессу, Пушкин весной 1824 г. ездил в Кишинев навестить Алексея и прожил у него две недели. В свою очередь, и Алексей побывал у Пушкина в Одессе. Любопытна запись И. П. Липранди об отношениях Пушкина и Воронцова в Одессе. Упрекая Пушкина в горячности, мемуарист замечает: «Нашлись люди, которые вместо успокоения его раздражительности старались еще более усилить оную или молчанием, когда он кричал во всеуслышанье, или даже поддакиванием (А. Н. Раевский.— В. К.), и последствием этого было... письмо его к графу, в сильных и, можно сказать, неуместных выражениях. Я вполне убежден, что если бы в это время был Н. С. Алексеев... то Пушкин не поступил бы так, как он это сделал: он не был чужд гласу благоразумия». Как видим, Алексеев не первый уже раз оказывается в ряду друзей, к которым Пушкин с охотой прислушивался.

В дальнейшем жизненные дороги их разошлись. Узнав об освобождении Пушкина из ссылки, Алексеев написал ему радостное письмо (№ 3) и получил дружеский ответ с упомянутым четверостишием (№ 4). Если судить по сохранившимся письмам, он писал Пушкину еще трижды — в 1827, 1831 и 1835 гг.

Трудно сказать с уверенностью, удалось ли им когда-нибудь свидеться. Но скорее всего удалось: Пушкин не стал бы посылать по почте «Историю пугачевского бунта» с надписью «Любезному другу Алексею от Пушкина в память былова». Из писем Алексеева следует, что у него был целый ряд изданий Пушкина с дарственными надписями, но сохранилось это единственное.

Николай Степанович берег память о Пушкине и «вещественные доказательства» их дружбы: письма, альбомы с копиями «тайных» произведений; он, можно предположить, написал и свои воспоминания о кишиневской жизни, до нас, к сожалению, не дошедшие (см. № 8). По определению Н. Я. Эйдельмана, осуществившего исследование-поиск пушкинских материалов, оставшихся у Алексеева, это была одна из самых значительных рукописных коллекций, сохранявшихся у знакомых поэта. Прямых наследников у Николая Степановича не было. Все материалы остались в семье его брата. Кое-что пропало, но большая часть была передана разными поколениями семьи Алексеевых в Пушкинский дом в Ленинграде. Эти сокровища — память не только о Пушкине, но и о его кишиневском «черном друге». В 1827 г. Николай Степанович мечтал о том, чтобы когда-нибудь сказали: «Пушкин был приятелем Алексеева, который, не равняясь... с ним в славе, превосходил всех чувствами привязанности к нему». Он был достаточно прозорлив, и мечта его сбылась.

Основная литература

Н. Эйдельман. «По смерти Петра I». — В кн.: Прометей. Т. 10. М., 1974.

Н. Эйдельман. Пушкин и декабристы. М., 1979.

1

ПРИЯТЕЛЮ

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий!
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи.
Дай руку мне: ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;
Я вижу всё и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гожусь.
1821   А. С. Пушкин

2

АЛЕКСЕЕВУ

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнические мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых,
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.
Их томный взор, приветный лепет
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно.
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.

Прошел веселый жизни праздник,
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призрак ложный,
Без упоительных страстей,
Я стал наперсник осторожный
Моих неопытных друзей.
Когда любовник исступленный,
Тоскуя, плачет предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда в жару своих желаний
С восторгом изъясняет он
Неясных, темных ожиданий
Обманчивый, но сладкий сон
И, крепко руку сжав у друга,
Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать,—
Его безумным увереньям
И поминутным повтореньям
Люблю с участием внимать;
Я льщу слепой его надежде,
Я молод юностью чужой
И говорю: так было прежде
Во время оно и со мной.

1821

А. С. Пушкин

3

С какою завистью воображаю я московских моих знакомых, имеющих случай часто тебя видеть; с каким удовольствием хотел бы я быть на их месте и с какою гордостью сказал бы им: мы некогда жили вместе; часто одно думали, одно делали и почти — одно

любили; иногда ссорились, но расстались друзьями, или по крайней мере, я так льстил себе. Как бы желал я позавтракать с тобою в одной из московских ресторанов и за стаканом Бургонского пройти трехлетнюю кишиневскую жизнь, весьма занимательную для нас разными происшествиями. Я имел многих приятелей, но в обществе с тобою я себя лучше чувствовал, и мы кажется оба понимали друг друга: несмотря на названия: *лукавого соперника и черного друга* я могу сказать, что мы были друзья-соперники,— и жили приятно! Теперь сцена кишиневская опустела, и я остался один на месте, чтоб как очевидный свидетель всего бывшего, мог со временем передать потомству мысли и дела наши.

Н. С. Алексеев — Пушкину. 30 октября 1826.

4

Приди, о друг, дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизнью повеи!..

Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк опрятный и чопорный, кишиневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского----- . Опять рейн-вейн, опять Шампан*, и Пущин, и Варфоломей, и всё..... Как ты умен, что написал ко мне первый! мне бы эта счастливая мысль никогда в голову не пришла, хоть и часто о тебе вспоминаю и жалею, что не могу ни бесить тебя, ни наблюдать твои маневры вокруг острога. Был я в Москве и думал: авось, бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга, или в креслах театральных или в ресторане за бутылкой. Нет — так и уехал во

---

* Шампанское (франц.).

Псков — так и теперь еду в белокаменную. Надежды нет иль очень мало. По крайней мере пиши же мне почаще, а я за новости кишиневские стану тебя потчевать новостями московскими. Буду тебе сводничать старых твоих любовниц — я чай дьявольски состарелись. Напиши кто? Я готов доньше идти по твоим следам, утешаясь мыслью, что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь.

Прощай, отшельник бессарабской,
Лукавый друг души моей —

Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

*Пушкин — Н. С. Алексееву.
1 декабря 1826.*

5

Мое самолюбивое желание было, чтоб через несколько лет сказали: Пушкин был приятель Алексеева, который, не равняясь с ним ни в славе, ни познаниях, превосходил всех чувствами привязанности к нему.

Н. С. Алексеев — Пушкину. 20 марта 1827.

6

Мой милый, как несправедливы — твои упреки моей забывчивости и лени! Из писем твоих вижу я, душа моя, что мои до тебя не доходят. Не знаю, кого винить, не смею никого винить; но я писал к тебе несколько раз или (чтоб не солгать) два раза — стихами и прозою, как бывало в старину. Ты пишешь, что ты постарел, мой вечно юный; желал бы посмотреть на твою лысину и морщины; вероятно, и ты не узнал бы меня: я оброс бакенбардами, остригся под гребенку.

шок — остепенился, обрюзг — но это еще ничего — я сговорен, душа моя, сговорен и женюсь! и непременно дам тебе знать, что такое женатая жизнь. Пиши мне, мой милый, о тех местах, где ты скучаешь, но которые сделались уже милы моему воображению, — о берегах Быка, о Кишиневе, о красавицах — вероятно, составившихся — о Еврейке, которую так долго и упорно таил ты от меня, своего черного друга — о Пульхерии, о Стамо, о Худобашеве, об Инзове, об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию, женщинах и мужчинах, живых и мертвых. Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто. Прости, радость моя. Пиши же мне.

Пушкин — Н. С. Алексееву. 26 декабря 1830.

7

И письмо твое, любезный Пушкин, и твое милое воспоминание, все оживило закатившуюся мою молодость — и обратило меня к временам протекшим, в кои так *сладко текла наша жизнь и утекала*. Если она не обильна была блеском и пышностью, то разными происшествиями может украсить несколько страниц нашего романа! —

Ты переменяешь свое положение! — поздравляю тебя! — Не вхожу в расчеты, заставляющие тебя откинуть беспечную холостую жизнь; желаю тебе только счастья — и с переменою жизни неизменных чувств к своим друзьям. Судьба может еще соединить нас — и, может быть, весьма скоро, тогда я потребую от тебя прежнего расположения и искренности — и за чашей, в края коей вольется полная бутылка, мы учиним взаимную исповедь во всех наших действиях и помышлениях... —

Я прошу тебя, старый друг, пришли мне *Годунова*, *Онегина* и еще кое-что читательное для души моей. Я прежде имел от тебя подобные сюрпризы, а теперь

они еще будут иметь двойную цену, потому что я почти начинаю забывать по-русски.— Ты можешь все, мной требуемое, передать Киселеву, который, зная мою к тебе привязанность и жадность к твоим произведениям, поспешит ко мне отправить.— Прости.

Н. С. Алексеев — Пушкину. 14 января 1831.

8

Пользуясь отправлением своего человека в Санкт-Петербург, я позволил себе написать к тебе несколько строк, любезный Пушкин, не с тем, чтоб доставить тебе ими удовольствие, но в доказательство, как мне приятно везде и всегда о тебе помнить.

В скором времени я обещаю тебе сообщить некоторую часть моих записок то есть: эпоху Кишиневской жизни; они сами по себе ничтожны; но, с присоединением к твоим, могут представить нечто занимательное, потому что волею или неволей, но наши имена не раз должны столкнуться на пути жизни.

В заключение напому тебе о обещанном экземпляре Пугачева с твоей подписью, которая не раз уже украшала полученные мною от тебя книги.—

Прости и верь чувствам преданного тебе

Николая Алексеева.

Н. С. Алексеев — Пушкину. 23 января 1835.

9

Коллежский секретарь Николай Степанович Алексеев, по крайней мере, десятью годами старше Пушкина, был вполне достоин дружеских к нему отношений Александра Сергеевича. У них были общие знакомые в Петербурге и Москве; и в Кишиневе Алексеев, будучи старожилом, ввел Пушкина во все общества. Русская и французская литература не были ему чужды. Словом, он из гражданских чиновников был один, в

лице которого Пушкин мог видеть в Кишиневе подобие образованным столичным людям, которых он привык видеть...

Сколько я знаю, то главным деятелем в примирении Пушкина с Старовым был Н. С. Алексеев, обладавший, как замечено, невозмутимым хладнокровием, тактом и общим уважением; я не знаю никого, кто бы в то время мог с успехом уладить это трудное дело между такими противниками...

В эту мою поездку в Одессу, где пробыл я неделю, я начал замечать, но безотчетно, что Пушкин был недоволен своим пребыванием относительно общества, в котором он, как говорится, более или менее вращался. Находясь в Одессе, я не проникал в эти причины, хотя очень часто с ним и еще с двумя-тремя делали экскурсии, где, как говорится, все распоясывались. Я замечал какую-то отчужденность в Пушкине, но не искал проникать в его задушевное и оставлял, так сказать, без особенного внимания. В дороге, в обратный путь в Кишинев, мы разговорились с Алексеевым и начали находить в Пушкине большую перемену, даже в суждениях. По некоторым вырывавшимся у него словам Алексеев, бывший к нему ближе и интимнее, нежели я, думал видеть в нем как будто бы какое-то ожесточение.

И. П. Липранди.

10

...Это был Н. С. Алексеев, недавний переселенец из Москвы, назначенный состоять при полномочном наместнике Бессарабии. Скромность приемов Николая Степановича и какая-то исключительная вежливость невольно к нему располагали. С полным доверием старого приятеля я разговорился с ним и обо всем его расспрашивал. Алексеев охотно удовлетворял моему любопытству. В числе многих особенно обратил мое

внимание вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы до того было увлекательно, что невольно хотелось бы спросить: что с тобою? Какая грусть мрачит твою душу? Одежду незнакомца составлял черный фрак, застегнутый на все пуговицы, и такого же цвета шаровары.

Кто бы это, подумал я, и тут же узнал от Алексеева, что это Пушкин, знаменитый уже певец Руслана и Людмилы. После первого акта какой-то драмы, весьма дурно игранный, Пушкин подошел к нам; в разговоре с Алексеевым он доверчиво обращался ко мне, как бы желая познакомиться; но это сближение было прервано поднятием занавеса. Неловкие артисты сыграли второй акт еще хуже первого. Во втором антракте Пушкин снова подошел к нам. При вопросе Алексеева, как я нахожу игру актеров, я отвечал решительно, что тут разбирать нечего, что каждый играет дурно, а все вместе очень дурно. Это незначашее мое замечание почему-то обратило внимание Пушкина. Пушкин начал смеяться и повторял слова мои; вслед за этим, без дальних околичностей мы как-то сблизились разговором, вспомнили наших петербургских артистов, вспомнили Семенову, Колосову. Воспоминания Пушкина согреты были неподдельным чувством воспоминания первоначальных дней его петербургской жизни, и при этом снова яркую улыбку сменила грустная дума. В этом расположении Пушкин отошел от нас и, пробираясь между стульев, со всею ловкостью и изысканною вежливостью светского человека, остановился пред какой-то дамою; я невольно следил за ним и не мог не заметить, что мрачность его исчезла, ее сменил звонкий смех, соединенный с непрерывною речью, оживляемой всею пышностью

восторжений. Пушкин непрерывно краснел и смеялся; прекрасные его зубы выказывались во всем блеске, улыбка не угасала.

В. П. Горчаков.

11

Я уже сказал, что Пушкин, по приезде, жил в доме наместника. Кажется, в 1822 году было сильное землетрясение в Кишиневе; стены дома треснули, раздались в нескольких местах; генерал Инзов принужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже. Тогда в Пушкине было еще несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постеле и стрелял из пистолета в стену. Но уединение посреди развалин наскучило ему, и он переехал жить к Алексееву. Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город, с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист был исписан стихами, но из этого разбросанного жемчуга он выбирал только крупный, не более десяти жемчужин; из них-то составлялись роскошные нити событий в поэмах: «Кавказский пленник», «Разбойники», начало «Онегина» и мелкие произведения, напечатанные и ненапечатанные. Во время этих-то прогулок он писал «К Овидию» и сказал:

Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный,—
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье...

Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал,—

Но не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Вероятно, никто не имеет такого полного сборника всех сочинений Пушкина, как Алексеев. Разумеется, многие не могут быть изданы по отношениям.

А. Ф. Вельтман.

12

Из чиновников, состоявших при Инзове, Пушкин был особенно дружен с недавно умершим Николаем Степановичем Алексеевым, переведенным на службу в Кишинев из Москвы.

П. И. Бартенев.

Пушкин познакомился с ними летом 1817 г., когда счастливым выпускником Лицея впервые приехал в село Михайловское Опочецкого уезда Псковской губернии — вотчину своей матери. Пушкин простился с одной из сестер Вульф накануне дуэли с Дантесом. Почти вся короткая и необозримая жизнь его, уместившаяся в эти два десятилетия, так или иначе связана с семьей Осиповых — Вульф.

Конечно, это были образованные люди, обладавшие достаточным опытом чтения и литературным вкусом, чтобы оценить гениального поэта. Но еще больше любили они доброго соседа и свойственника Александра Сергеевича Пушкина *, ставшего всей семье родным и близким. Для них, проводивших в деревне большую часть жизни, появление Пушкина всегда было светом в окошке. А как они за него тревожились, когда он поссорился с отцом, опрометчиво согласившимся от имени властей надзирать за собственным сыном; как всполошились, когда ранней осенью 1826 г. фельдъегерь неожиданно увез Пушкина в Москву; как думали-гадали, переживали (и ревновали!), когда дошла до них весть о женитьбе поэта; как печалились за него в 1830-х годах, узнавая о том, что живет ему не весело — нет ни мира в душе, ни достатка в доме; как го-

---

* Родственник матери Пушкина Я. И. Ганнибал был женат на родной сестре П. А. Осиповой.

рестно встречали Александра Ивановича Тургенева в феврале 1837 года и вместе с ним, единственные из всех друзей Пушкина, хоронили поэта. Если добавить, что встречи Пушкина с Прасковьей Александровной Осиповой и ее детьми проходили не только в Тригорском, но и в другом их имении — Малинниках Тверской губернии, а порой и в Петербурге, то станет ясно, какую важную и большую роль играли эти друзья Пушкина в его судьбе. С ними он чувствовал себя легко и непринужденно.

17 августа 1817 г., собираясь уезжать из Михайловского-Тригорского, Пушкин вписал в альбом Осиповой первые стихи, обращенные к ней, и вообще, видимо, первые, созданные на псковской земле:

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Когда читаешь эти поэтически точные, абсолютно пушкинские, но все же юношеские строки, мысленно сопоставляя их с последующей судьбой автора, трудно остаться спокойным. Однако такое сопоставление каждый читатель проведет для себя сам.

26 сентября 1835 г. Пушкин написал стихотворение, которому суждено было стать последним творческим даром великого национального поэта псковской земле — «...Вновь я посетил». Он вспоминает в белом тексте о временах, располагающихся в хронологической канве примерно посередине между первыми и последними стихами. На многие вопросы, заданные в юности, Пушкин ответил — и жизнью, и поэзией:

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел

Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор— и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

В черновом окончании стихотворения «...Вновь я посетил» есть и прямое упоминание о самом первом приезде и о дальнейших ступенях той крутой лестницы, которая называется жизнью:

В разны годы
Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я; когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был
Веселым юношей, беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни; годы
Промчались, и вы во мне прияли
Усталого пришельца; я еще
Был молод, но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру,— всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.
Утрачена в бесплодных испытаньях
Была моя неопытная младость,
И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть, и грезы мести бледной.
Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия как ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой.

За неполных двадцать лет, отделивших первое стихотворение от последнего, прошла целая эпоха — Пушкинская эпоха русской литературы. Псковская земля — а вместе с нею и те люди, о которых мы ведем речь! — была истинной вдохновительницей поэта. Здесь «поэзия как ангел утешитель спасла его». Здесь написаны: «Деревня» (1819); «К морю», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Коварность», «Подражания Корану» * (1824); «Евгений Онегин» — главы III—VI (1824—1826); «Борис Годунов», «Граф Нулин»,

---

* посвящено П. А. Осиповой.

«Храни меня, мой талисман», «Андрей Шенье», «Я помню чудное мгновенье», «Вакхическая песня», «Зимний вечер», «19 октября» (1825); «Пророк», «Мой первый друг, мой друг бесценный» (1826); начало «Арапа Петра Великого» и начало VII главы «Евгения Онегина», «Поэт» (1827) и многое, многое другое. Наивно было бы думать, что семья Осиповых-Вульф имеет прямое касательство ко всему этому списку, но к настроению Пушкина в Михайловском и Тригорском — имеет, самое непосредственное. Конечно, не стоит забывать о болдинском уединении поэта, давшем миру столько великого и прекрасного. Но ведь и в Болдине Пушкин скучал о Михайловском. Он сам сказал об этом:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? Где темные леса?
Где речка?

Все это осталось там, на берегах Сороти, у трех холмов.

Сложилось так, что в нашей биографической литературе о Пушкине темы, связанные с Псковским и Тверским краем, т. е. и с семейством Осиповых-Вульф, занимают одно из центральных мест. Причем речь идет не только о публикациях документальных, о научных книгах и статьях, но и о сочинениях популярных и даже художественных. Кто не знает прекрасного романа Ивана Новикова «Пушкин в Михайловском» или книг главного хранителя пушкинских музеев на псковской земле Семена Степановича Гейченко? К этим и другим работам (см. «Основную литературу») мы адресуем читателя, желающего узнать все факты и выводы, которые накопила пушкиноведческая литература о взаимоотношениях Пушкина с Осиповыми-Вульф. Здесь же расскажем о четырех членах этой прекрасной семьи — в надежде, что такой рассказ поможет вернее оценить документальные материалы, которые представлены в прилагаемой подборке.

Она выросла в семье А. М. Вындомского — человека деятельного, своенравного, образованного (близкого к знаменитому просветителю Н. И. Новикову) и унаследовала многие качества отца. Жизнь заставила Прасковью Александровну проявить их в полной мере. Она знала языки, русскую и французскую литературу и порой заменяла своим детям учителей. Много читала и собрала в Тригорском неплохую библиотеку, послужившую и Пушкину. Среди ее родственников были декабристы: братья Муравьевы-Апостолы, Е. П. Оболенский. Ее единственная сестра Елизавета Вындомская вышла замуж против воли отца, и он лишил ее наследства. Когда отец скончался, Прасковья Александровна разделила все имущество пополам и отдала сестре ее долю. Уже один этот поступок неплохо ее характеризует (№ 31).

Замуж Прасковья Вындомская вышла в 1799 г. — за Николая Ивановича Вульфа — человека мягкого и души в ней не чаявшего. У них было пятеро детей *. В 1813 г. Прасковья Александровна овдовела. Лет пять она хозяйствовала и растила детей в одиночестве, а потом снова вышла замуж — за вдовца, отставного чиновника Ивана Сафоновича Осипова, приняв к себе в дом еще и его дочь. От этого брака в свою очередь родились две дочери — Мария (1820—1896) и Екатерина (1823—после 1908). Это те самые девочки, которые вместе с матерью присутствовали при погребении Пушкина. Они обе запомнили этот день на всю жизнь, и много лет спустя журналисты записали воспоминания с их слов. Младшей из них суждено было увидеть XX столетие. Она пережила и Веру Александровну Нащокину (см. очерк «П. В. Нащокин» в настоящем томе) — только вот с Пушкиным последний раз Екатерина Ивановна встречалась, когда ей едва минуло 13 лет.

За несколько месяцев до приезда Пушкина в псковскую ссылку, умер второй муж Прасковьи Алек-

---

* Кроме тех, о ком здесь рассказано, еще два сына — Михаил (1808—1832) и Валерьян (1812—1842).

сандровны. Она умело управлялась с воспитанием детей и с хозяйством: ведь стоило ей запустить псковское и тверское имения, как дети остались бы нищими. Но Прасковья Александровна не падала духом, успевая и читать, и гостей привечать, и за дочерьми приглядывать, чтобы не слишком веселились.

Племянница первого мужа Осиповой Анна Петровна Керн оставила описание ее внешности: «Рост ниже среднего, гораздо впрочем в размерах и стан выточенный кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное... нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому: он был не очень велик и не неприятен особенно, но нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот».

В шумное и разнообразное семейство Осиповых-Вульф нагрянул Пушкин в августе 1824 г. О поэте там многое знали — и от родителей, с которыми у тригорских соседей были неплохие отношения, и от Льва, который не прочь был очаровывать барышень при помощи стихов старшего брата. В первый момент Пушкин чуть-чуть «корчил из себя жестокого» (как выразилась некогда Екатерина Николаевна Орлова) и в письме к Вяземскому отзывался о соседях иронически, а 43-летнюю Прасковью Александровну даже назвал «старушкой» (№ 7). Но вскоре поэт по-настоящему, всей душою, как он умел, привязался к обитательницам Тригорского, тем более, что отчий дом стал ему не мил. Ссора с отцом, причины которой Пушкин объяснил в письмах к Жуковскому (см. Т. 1), была неприятной и угрожала самыми опасными последствиями.

На выручку пришла Осипова. Она не только уговорила Пушкина обратиться за срочной помощью к Жуковскому, но и решила адресоваться к нему от своего имени. «Милостивый государь Василий Андреевич,— писала она.— Искреннее участие (не светское), которое я с тех пор, как себя понимать начала, принимаю в участи Пушкина, пусть оправдывает в сию минуту перед вами меня, милостивый государь, в том,

что, не имея чести быть вам знакомой, решилась на-
чертать сии строки. Из здесь приложенного письма
(т. е. письма Пушкина.— В. К.) усмотрите вы, в каком
положении находится молодой пылкий человек, кото-
рый, кажется увлеченный сильным воображением,
часто к несчастью своему и всех тех, кои берут в нем
участие, действует прежде, а обдумывает после... Не-
смотря на все, что происходило, Александр, кажется,
имеет счастье пользоваться вашим доброжелательст-
вом. Не дайте погибнуть сему молодому, но, право,
хорошему любимцу муз. Помогите ему там, где вы; а
я, пользуясь несколько его дружбою и доверенностью,
постараюсь, если не угасить вулкан,— по крайней ме-
ре направить путь лавы безвредно для него». Жуков-
ский ответил Осиповой, и в дальнейшем они перепи-
сывались.

Новые волнения пришлось пережить Прасковье
Александровне, когда ее сын Алексей Вульф взялся
помочь Пушкину осуществить дерзкий проект — бе-
жать через Дерпт за границу. С этим планом связано
стихотворение «Быть может, уж недолго мне» (№ 5).
Осипова вынуждена была снова прибегнуть к Жуков-
скому (№ 8). Она просила Жуковского во что бы то
ни стало добиться скорейшего освобождения Пуш-
кина из ссылки. Между тем пребывание его в Тригор-
ском было такой радостью для нее самой! Судите же,
что за человек была Прасковья Александровна Оси-
пова. Что касается извержения семейного «вулкана»
в 1824 г., то его все же удалось усмирить: старшие
Пушкины уехали, Александр Сергеевич остался зимо-
вать в Михайловском со старушкой няней. Он реже
бывал в Тригорском, но, как вспоминала примерно
через полвека Мария Ивановна Осипова, «если, быва-
ло, заработается и засидится у себя дома, так и мы к
нему с матушкой ездили».

Исследователи и литераторы, обращаясь к михай-
ловскому периоду жизни Пушкина, обычно отмечают,
что с обитательницами Тригорского его связывали не
только чисто дружеские привязанности: все они были
в него влюблены, и он не оставался равнодушным.
Но, во-первых, как было не влюбиться в Пушкина, а,
во-вторых,— разве это мешало дружбе? В самом
деле, с обеими сестрами Вульф, и с падчерицей Оси-

повой Александрой Ивановной, и с племянницей — Анной Петровной Керн у Пушкина в разные времена были в той или иной степени «романические отношения». Их отголоски легко обнаружить в приводимых стихах. Разумеется, и «Цветы последние милей...» (№ 6), обращенные к самой Прасковье Александровне, — это стихи не о цветах, а о человеческом сердце...

Альбом Прасковьи Александровны, между прочим, открывался таким эпиграфом: «Не всякий рожден поэтом, не всякий может быть писателем и сочинителем, но чувствовать красоты изящного и ими наслаждаться может каждый». Все новинки литературы, которые получал Пушкин в Михайловском, живо интересовали и Осипову. А приезд поэтов — Языкова и Дельвига — был настоящим праздником. Автографы их — рядом с пушкинскими — сохранились в этом альбоме. Баратынский прислал «Эду и Пирры» не только Пушкину, но и Осиповой. Когда в 1825 г. в руках Пушкина появилась I глава «Евгения Онегина», то самый первый ее экземпляр был преподнесен «Прасковье Александровне Осиповой от Автора в знак глубочайшего уважения и преданности».

После отъезда Пушкина в Москву, а потом в Петербург дружба с Осиповой отнюдь не «отцвела». Некоторые письма (№ 13, 14) могут показаться суховатыми, но следует иметь в виду, что они писались по-французски, а это создает при переводе ощущение «холодка», некой «дистанции» иногда кажущееся. Но уже письмо 1830 г. из Болдина даже в переводе не производит впечатление «дежурного»: «Надо было, подобно мне, познать совершенное одиночество, чтобы вполне оценить дружеский голос и несколько строк, начертанных дорогим нам существом».

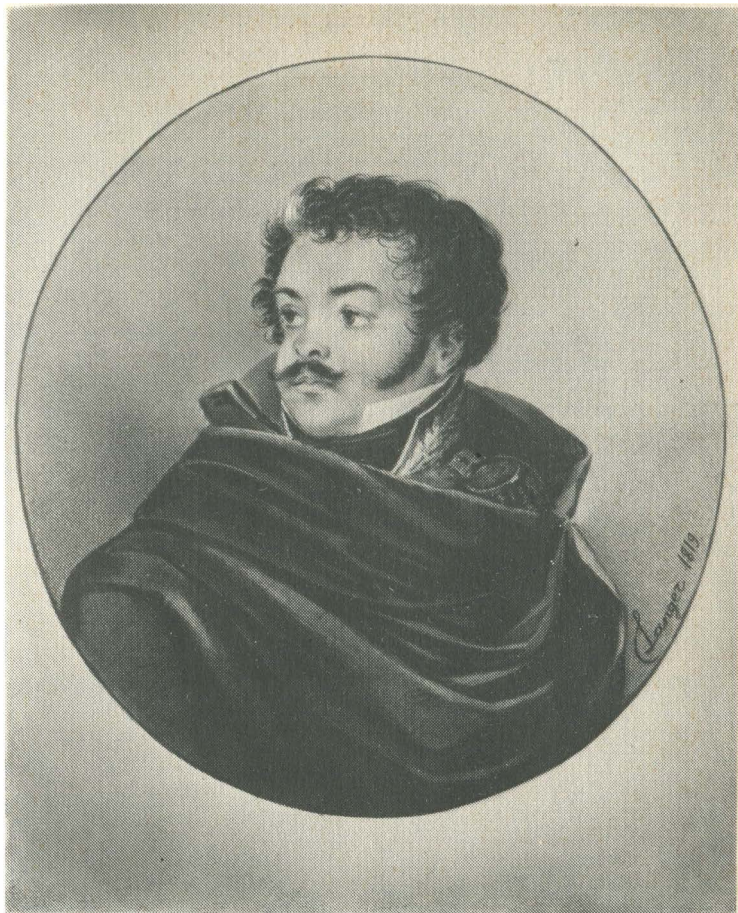
Женитьба Пушкина обрадовала Прасковью Александровну, но и, как легко догадаться, вызвала душевную боль: поэт мог отдалиться от Тригорского навсегда. В августе 1831 г. Прасковья Александровна писала ему в Царское Село: «Будь у меня лист бумаги величиною с небо, а чернил столько же, сколько воды в море, этого все же не хватило бы, чтобы выразить всю мою дружбу к вам; и однако можно так же хорошо высказать в двух словах: любите меня хотя бы в четверть того, как я вас люблю, и с меня будет до-

статочно». Однако она нашла в себе силы послать Наталье Николаевне хоть и несколько чопорное, но дружеское поздравление и приглашение посетить Тригорское (№ 17).

В дальнейшем, правда, отношения Натальи Николаевны с семейством Осиповых-Вульф складывались не просто. Конечно, здесь присутствовала доля ревности. Но было и другое. После женитьбы, которая, как надеялась Осипова, успокоит поэта и даст ему семейное счастье и отдохновение от забот, наступили для Пушкина нелегкие времена. Осиповы-Вульф в основном располагали теми сведениями, которые сообщали им родители поэта и сестра его Ольга Сергеевна, наезжавшие в Михайловское. И получалась неутешительная картина: Александр Сергеевич задыхается в заботах об опостылевшей службе, из последних сил пытается «залатать дыры» в бюджете, не ладит с журналистами и не имеет времени для творческого труда, тщетно рвется уехать в деревню (т. е. к ним — в Михайловское и Тригорское). А Наталья Николаевна пляшет на балах, наряжается и держит мужа в Петербурге. Теперь мы знаем, что такой подход был, мало сказать,—упрощенным, он был отмечен непониманием всей картины жизни Пушкина и его любви к жене.

Но Осиповы-Вульф этого знать не могли. Между тем Прасковья Александровна по-матерински любила поэта и тревожилась о нем всем сердцем. Она так хотела помочь Пушкину приобрести «избу» неподалеку от Тригорского — на Савкиной Горке (поскольку в Михайловском жили родители, да и Павлищев притяжал на него), с такой подкупающей простотой мечтала часто видеть поэта, что в искренности ее чувств сомневаться не приходится. И теперь, защищая Наталью Николаевну Пушкину от бестактных нападков моралистов разных поколений, которые не прочь «решать за Пушкина», не стоило бы походя «кидать камень» и в Осиповых. У каждого ведь своя точка зрения, и вблизи не всегда все видно.

Весной 1836 г. вместе с Пушкиным Осипова хоронила его мать. А не прошло и года, как гроб с телом поэта привезли в Святые горы. Переписку ее с Александром Ивановичем Тургеневым можно прочитать в

Д. В. ДАВЫДОВ.
Акварель В. П. Лангера.
1819 г.

Н. Н. РАЕВСКИЙ-старший.
Художник Дж. Дау.
Холст, масло, 1820-е гг.

ЕК. Н. ОРЛОВА (Раевская).
Неизвестный художник.
Холст, масло. I пол. XIX в.

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ
(Раевская). Акварель неизвестного
художника. 1825 г.

А. Н. РАЕВСКИЙ.
Неизвестный художник.
Холст, масло, 1830-е гг.

настоящем двухтомнике. Прощальным сувениром от Пушкина стало для нее второе полное издание «Евгения Онегина», привезенное Тургеневым, — маленькая книжечка с белым венком по синему полю.

Прасковья Александровна умерла в 1859 г. О том, как распорядилась она своим архивом, рассказывает А. П. Керн (№ 32).

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВУЛЬФ
(17.XII.1805—17.IV.1881)

Единственный представитель сильного пола в семействе Осиповых-Вульф* стал довольно близким приятелем Пушкина. Съехались они в Тригорское почти одновременно — в августе 1824 г. С ними соперничал за внимание тригорских барышень еще и Лев Пушкин. Все трое были молоды и полны энергии, проводя время «в Троегорском до ночи // и в Михайловском до света». Еще больше запомнилось и отразилось в стихах лето 1826 г., когда отсутствовал Лев, зато появился товарищ Вульфа по Дерптскому университету — поэт Николай Михайлович Языков.

Шуткам, казалось, не было конца, но все это удивительным образом сочеталось с беседами на самые серьезные темы. В 1831 г. Пушкин вспоминал о Вульфе: «В конце 1825 г. я часто виделся с одним дерптским студентом (нынче он — гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научиваются в университетах, между тем как мы с вами выучивались танцевать. Разговор его был прост и важен**. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной проверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял». С дерптским студентом, стоявшим «ближе» к острым европейским вопросам, чем Пушкин в годы южной ссылки, поэту было интересно раз-

---

* Два его брата служили в армии и в Тригорском не появлялись.

** Т. е. касался существенных предметов, а вовсе не был «надутым».

говаривать и не только о политике, но и об истории, и о литературе. Помните, в IV главе «Онегина»:

Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу

Этот сосед — Алексей Вульф, первый ценитель «Бориса Годунова». Сам он вспоминал: «раз я всю ночь напролет просидел в маленьком домике Пушкина, слушая чтение «Бориса Годунова». Не могу передать вам, какое высокое наслаждение испытал я в то время».

Переписка Пушкина с Вульфом велась обычно в шутовском, порой фривольном, тоне, и потому долго считалось, что их связывали исключительно «легкие материи» — дружеское соперничество в борьбе за сердца местных дам, пирушки и т. п. Однако, как нередко случалось у Пушкина в общении с друзьями, все это было и так и не так. Пожалуй, наиболее волновавшей поэта темой их бесед был «план побега», предложенный Вульфом: он добывает себе заграничный паспорт, а Пушкина увозит под видом слуги.

Пушкин был благодарен Вульфу и за приезд Языкова. Не только «жженка», но и стихи лились рекой в то лето. Недаром Языков соединил столь разные мотивы:

Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе*,
Зовем свободу в нашу Русь...

«Псковский цикл» Н. М. Языкова — одно из лучших его достижений и вместе с тем немаловажный источник сведений о жизни Пушкина в Михайловском.

Встречи Пушкина с Вульфом были частыми не только в Тригорском, но и, в более поздние годы, в Тверском крае (Старица, Малинники, Павловское), а также в Петербурге. Все это отражено в дневниках Алексея Николаевича. Так, в начале октября 1828 г. он отметил: «Недавно, заходя к Пушкину, застал я его пишущим новую поэму, взятую из истории Мало-

---

* Т. е. Е. Н. Вульф, уподобленной богине Гебе, разливавшей богам нектар.

россии: донос Кочубея на Мазепу и похищение последним его дочери.— Стихи, как всегда, прекрасные, а любовь молодой девушки к 60-летнему старику и крестному отцу, Мазепе, и характер сего скрытного и жестокого честолюбца превосходно написаны». 14 октября того же года он записал: «...Вечер провел с Дельвигом и Пушкиным. Говорили об том и другом, а в особенности об Баратынском и Грибоедова комедии «Горе от ума». В 1834 г. Пушкин познакомил Вульфа с женой. В записи от 19 февраля читаем: «Удостоился лицезреть супругу Пушкина, о красоте коей молва далеко разнеслась. Как всегда это случается, я нашел, что молва увеличила многое. Самого же поэта я нашел мало изменившимся от супружества, но сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его написавшего теперь повествование о бунте Пугачева».

«Дневники» Вульфа — весьма своеобразный письменный памятник пушкинского времени. Простой подсчет легко обнаружит, что львиная доля объема их отдана любовным похождениям и описаниям собственного жестокосердия по отношению к обольщенным дамам и девицам. Однако и эта тема, отражающая, по выражению П. Е. Щеголева, «любовный быт эпохи», представляет определенный социально-исторический интерес. Но гораздо важнее, что в «Дневниках» Вульфа много важных наблюдений и замет памятливого и неглупого человека. Автор книги «Тверской край в рисунках Пушкина» Л. Ф. Керцелли справедливо отмечает, что в дневнике «Вульф высказывает (и не на публику!) немало интереснейших и передовых для своего времени суждений исторического, политического, литературного и даже этического и житейского характера». В самом деле — Вульф не предназначал свой дневник для печати, но изданный пушкинистами, он оказался отнюдь не бесполезным. Не исключено, что самая мысль вести дневник была подана Вульфу Пушкиным, побуждавшим к этому многих своих знакомых.

В 1833 г. штаб-ротмистр Вульф вышел в отставку и водворился в родных местах, путешествуя из Тригорского в Малинники и обратно. Дневник его после

смерти Пушкина теряет содержательность, а в 1842 г. обрывается вовсе. Трогательная запись, взятая с последних страниц дневника, была приведена в материалах о Л. С. Пушкине (см. т. I). Из нее следует, что Вульф не понял действительных причин гибели Пушкина, но ему была горька его смерть.

После кончины матери Алексей Николаевич стал хозяином Тригорского и Малинников. Он так и не женился и не любил покидать своих деревень. Первые пушкинисты с ним беседовали: записали воспоминания, получили разрешение напечатать кое-что из переписки. Дневники его достались единственным наследникам всей семьи — детям младшей сестры Евпраксии Николаевны. Вместе с другими пушкинскими реликвиями они передали материалы своего дядюшки биографам великого поэта.

АННА НИКОЛАЕВНА ВУЛЬФ
(10.XII.1799—2.XI.1857)

Она беззаветно любила Пушкина. Не только дружеской, но и самоотверженной женской, жертвенной и безграничной, неразделенной любовью. Замуж не вышла, оставшись старой девой. Алексей Вульф записал в 1829 г.: «Сестра тоже разговорилась в своем письме против обыкновения... Жалобы ее на жизнь, которую она ведет, справедливы: положение девушки ее лет точно неприятно; существование ее ей кажется бесполезным, — она права. К несчастью, девушки у нас так воспитаны, что если они не выйдут замуж, то не знают они что из себя делать. Тягостно мыслящему существу прозябать бесполезно, без цели». Конечно, теперь можно подойти к этому и по-иному: в ее жизни был Пушкин, но Анне Николаевне все-таки жилось тяжело.

Ровесница поэта по годам, она была умна, остроумна, умела «попадать в тон» Пушкину; вероятно, лучше всех своих родных понимала его стихи. Однажды они вдвоем написали веселое письмо А. Н. Вульфу, метко и не без яда охарактеризовав общих знакомых. Но Пушкин немножко подтрунивал

над нею (в письме Льву: «с Аннеткою бранюсь, надоела»), писал шутливые стихи; она мечтала о серьезном чувстве, и ей непонятны были его увлечения другими — может быть, не такими умными и не так глубоко понимающими его женщинами. Анна Николаевна умела терпеть: она была поверенной любви Пушкина к Анне Петровне Керн; она написала тактичное и полное самоотречения письмо Наталье Николаевне (№ 43).

Вообще к ее письмам, приведенным в подборке, трудно что-либо добавить — настолько они откровенны и полны нежности. В феврале 1826 г. мать увезла Анну Николаевну в Малинники — «от Пушкина». Часто пишут: из «ревности», но вряд ли: ревновать Пушкина и без Анны Николаевны хватало к кому. Скорее всего Прасковья Александровна, жалея дочь, просто надеялась «притушить» ее тоску. Памятником их разлуки оказались шесть «безумных» писем Анны Николаевны, впоследствии обнаруженные в бумагах Анненкова (полученных от Натальи Николаевны Ланской), которые стали памятником этой любви. Анна Николаевна пытается шутить, даже дразнить адресата, но за всем этим — ласка и преданность: «Когда-то мы увидимся? До той минуты у меня не будет жизни».

Анна Николаевна свято берегла хранившийся у нее альбом со стихами Пушкина и с вписанным его рукой куплетом из романа Дельвига:

Не говори любовь пройдет —
О том забыть твой друг желает,
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву сердце отдает.

Еще были у нее портрет Байрона, подаренный Пушкиным, несколько книг с надписями поэта. На «Стихотворениях» (1826) Пушкин написал: «Дорогой имениннице Анне Николаевне Вульф от всеижайшего ее доброжелателя. А. Пушкин. В селе Воронич 1826 года 3 февраля из села Зуёво»*. Рядом с этой записью — оттиск пушкинского перстня-талисмана на красном сургуче. И, наконец, записанные пушкинской рукой 2 октября 1835 г. строчки:

---

* Старое название Михайловского.

Простите, сени!
Где дни мои текли в глуши,
Исполнены страстей и лени
И снов-задумчивой души...

Анна Николаевна до смерти испугалась, когда фельдъегерь увез Пушкина в Москву. Ее письмо об этом ни с чьим не спутаешь. «Боже, как я была бы счастлива узнать, что вас простили,— пусть даже ценою того, что никогда больше не увижу вас, хотя это условие меня страшит как смерть»,— писала она Пушкину из Петербурга в Москву. Переписка ее с Пушкиным до нас дошла далеко не полностью: умирая, Анна Николаевна завещала сестре уничтожить письма Пушкина.

Не раз в тетрадах Пушкина, на полях его черновиков появляется профиль Анны Николаевны Вульф. В 1829 г. в альбоме сестер Ушаковых Пушкин изобразил молодую женщину, стоящую у верстового столба с надписью: «От Моск[вы] 235». У круглолицей, с гладко зачесанными на висках волосами женщины на рисунке печальный взгляд, руки ее скрещены, шея и грудь укутаны шалью. Она ждет. Это Анна Вульф, а цифра соответствует расстоянию от Москвы до Малинников. Некоторые исследователи считали, что, нарисовав эту сценку в альбоме своих приятельниц, Пушкин словно бы предал Анну Николаевну. Однако в рисунке нет и намека на карикатуру, насмешку. Пушкин никого не предавал — он вспоминал и размышлял.

В 1835—1837 гг. Анна Николаевна зимой жила в Петербурге. Редко, но все же порой ей удавалось увидеть Пушкина...

ЕВПРАКСИЯ НИКОЛАЕВНА ВРЕВСКАЯ (ВУЛЬФ)
(12.X.1809—22.III.1883)

В первый приезд Пушкина она была совсем еще ребенком. Во второй — изящной, симпатичной, смешливой и жизнерадостной девушкой. Кокетничала со Львом, да и с Александром, хохотала до упаду, забавно изображала из себя «хозяйку пиров», разливая по чашам серебряным ковшиком сваренную ею жженку.

Этот серебряный ковшик с длинной ручкой в 1908 г. дочь Евпраксии Николаевны Вревской пожертвовала в музей при Пушкинском доме. Скажи тогда участникам веселого пикника — кроме Евпраксии, там были Александр Пушкин, Николай Языков, Алексей Вульф, — что подробности их скромного пира станут известны многим поколениям читателей Пушкина, они бы только посмеялись и никогда бы не поверили. Однако это именно так: Пушкин обессмертил имена своих друзей, в том числе и Евпраксии Вульф, которую дома называли «Зизи». Кстати, почему «Зизи»? Примерно по такой этимологии: Евпраксия = Ефросинья (по-французски: *Euphrosine*), отсюда — Зина, от Зины — Зизи.

Может возникнуть ложное впечатление полной беззаботности и веселого времяпрепровождения Пушкина в псковской ссылке. Особенно, если изолированно от других материалов и вне исторического контекста прочитать воспоминания об этом Н. М. Языкова. Он воспел свое пребывание в Тригорском (№1) и поведал об этом в письмах. Языков писал родным: «Лето провел в Псковской губернии у госпожи Осиповой, матери одного здешнего студента, доброго моего приятеля, — и провел в полном удовольствии. Изобилие плодов земных, благорастворение воздуха, благорасположение ко мне хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность, и прекрасная образованность дочерей ее, жизнь или, лучше скажу, обхождение совершенно вольное и беззаботное, потом деревенская прелесть природы, наконец, сладости и сласти искусственные, как-то варенья, вина и проч., — все это вместе составляет нечто хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом — житье!»

Между тем мы знаем, что полной идиллии, которую можно усмотреть в письме Языкова, на самом деле не было и в помине. Достаточно вспомнить, когда именно писались эти строки: через пятнадцать дней после казни декабристов! Пушкин переживал гибель одних и заточение других остро и болезненно, как и свою оторванность от друзей, от событий, как и вообще свою ссылку. 14 августа 1826 г. он писал Вяземскому: «...каторга 120 друзей, братьев, товарищей

ужасна». Пушкина-человека отдельно от Пушкина-поэта, жившего главными заботами своего времени, не существовало. Те дружеские пиры, о которых рассказывает Языков, и даже характеры их участников,— все это преображалось в творческом сознании гениального поэта, становясь малой частью великого целого, будь то «Евгений Онегин» или «Борис Годунов». И в этом целом картина уже не выглядела ни односторонней, ни идиллической, ни нарочито мрачной — она была гармоничной и отражала саму жизнь...

Вскоре после отъезда Льва Сергеевича из Михайловского, осенью 1824 г., Пушкин писал ему весело и шутливо: «Кстати о талии: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила». Эти строки, может быть, остались бы незамеченными, если бы та же деталь не «заиграла» в V главе романа «Евгений Онегин», написанной в 1826 г.

Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей
Зизи, кристал души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

22 февраля 1828 г. Пушкин послал Евпраксии вышедшие в одной книжке IV и V главы романа с надписью: «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. Твоя от твоих». Вот уже больше столетия исследователей интригует загадочная надпись: «Твоя от твоих». Общий смысл выражения, взятого из молитвы, более или менее ясен: «тобой внушенное — к тебе возвращается». Сложнее с конкретным содержанием, вложенным Пушкиным в дарственную надпись. Сестры Вульф понимали ее вполне определенно: каждая из них с трогательной наивностью была убеждена, что она — Татьяна Ларина (именно Татьяна — не Ольга!). Даже чуждый сантиментов Алексей Вульф «скромно претендовал» на роль Ленского. Еще

П. В. Анненков в середине XIX в. отмечал беспочвенность подобных претензий. «Героини „Онегина“, — писал он, — уже не носят на себе, по действию творческой силы, ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы русских женщин той эпохи». Однако неопровержимо убедительные доводы могли убедить кого угодно, кроме самой «Зизи». Впоследствии, когда в нашем веке была опубликована надпись автора на IV и V главах, исследователи обратили внимание на XXXII строфу V главы: «Зизи, кристал души моей» и подумали, не без резона, что Пушкин намекал именно на эти строчки. Кстати сказать, строку «ты, от кого я пьян бывал» тоже можно трактовать «широко» и «узко» — не исключено, что речь идет всего-навсего о «жженке» — довольно крепкой смеси из коньяка или рома, сахара, лимона и пряностей, которую варила и разливала «виночерпий» Зизи, опьяняя присутствующих. А «любви приманчивый фиал» — просто шутка. Так оно, надо думать, и было в 1824—1826 годах.

Впоследствии, в 1827-м, 1829-м, 1830-м годах Пушкин не раз виделся с Евпраксией в Михайловском и в Малинниках. У них сложились иные отношения — дружбы и даже влюбленности (во всяком случае, с ее стороны). Что же касается надписи «Твоя от твоих», то, не гадая о конкретной мысли Пушкина в тот момент, когда он ее делал, напомним общеизвестный факт: многое, очень многое из жизни «красивого персонала» Тригорского, как назвал сестер Вульф П. В. Анненков, вошло в роман «Евгений Онегин».

Евпраксия Николаевна вышла замуж через несколько месяцев после женитьбы Пушкина, в 1831 г., и переехала в имение мужа Голубово, в 18 верстах от Тригорского. Муж ее, барон Б. А. Вревский, некогда был товарищем Льва Пушкина, Сергея Соболевского и Михаила Глинки по петербургскому Благородному пансиону, так что семейству Пушкиных он был человек не чужой. Зизи принялась за «труды материнские» — у нее было 11 детей. Давнее стихотворное пожелание Пушкина: «Вот, Зина, вам совет: играйте», осталось для нее в прошлом.

В январе 1835 г. Вревская приехала в Петербург и остановилась у родителей поэта. Пушкин виделся с

нею и достал ей билет в оперу. 25 января она писала мужу: Пушкин «меня спросил, примем ли мы его, если он приедет в Голубово, я ему ответила, что очень на него сердита: какого он об нас мнения, если задаст мне подобный вопрос». В мае 1835 г. он и вправду приехал дня на три — отдыхал, помогал планировать парк (если верить семейной легенде Вревских), копать пруды. Евпраксия даже удивилась внезапному появлению Пушкина: Анна Николаевна писала ей: «Ты была удивлена приездом Пушкина и не можешь понять цели его путешествия, но я думаю — это просто для того, чтобы проехаться, повидать тебя и маменьку». Здесь, правда, возможна и другая причина: Пушкин всегда мучительно переживал предстоящие роды Натальи Николаевны; ему было беспокойно, на месте не сиделось — вот он и уехал на несколько дней из Петербурга. 14 мая 1835 г. у Пушкиных родился сын Григорий.

Осенью того же года поэт снова побывал в Голубове, принимал Вревских и у себя — в Михайловском. В 1836 г. Пушкин, хоронивший в Святых горах мать, навестил Голубово в последний раз. Вревская вспоминала о Надежде Осиповне Пушкиной: «Последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такой нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознавалась, что она не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнской, которой до того времени он не знал».

В январе 1837 г. Евпраксия Вревская, как уже говорилось, снова оказалась в Петербурге — в гостях у родственников мужа. Пушкин виделся с нею не раз. Исследователи, изучавшие последние дни жизни поэта час за часом, пришли к выводу, что последняя их встреча произошла 26 января, т. е. накануне дуэли, на обеде у родственников мужа Евпраксии. Судя по письму П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу (№ 27), ее младшая дочь из уст самого поэта услышала всю

его предсмертную историю. Но никакого рассказа потомкам она не оставила, унеся тайну с собою в могилу. Иногда пишущие на эту тему бросают упрек Вревской: знала, но не сообщила, ничего не предприняла! Но что могла она предпринять? В ее ли скромных силах было это?

Известно, что между Евпраксией Николаевной и вдовой Пушкина отношения некоторое время были натянутыми. В силу своего характера Вревская подходила ко всей ситуации прямолинейно и жестоко: легкомысленная красавица-жена сгубила Пушкина.

В 1841 г. вдова Пушкина с детьми приехала в Михайловское. Первая реакция Евпраксии была раздраженная: «Последний раз *они* (так именovala она Наталью Николаевну.— В. К.) сестре сказали, что *они* не скучают и пользуются душевным спокойствием. Я *их* еще не видела и не очень-то жажду этого удовольствия. У *них*, говорят, воспоминание гораздо холоднее, чем у нас о незабвенном. Светский шум заглушил, кажется, прошедшее, и *они* живут настоящим и будущим». Однако, как это было со многими, узнавшими Н. Н. Пушкину близко, Евпраксия, лучше познакомившись с нею, круто переменила мнение и заявила, что вдова поэта «совершенная прелесть». Едва ли есть смысл называть в связи со всем этим Евпраксию Вревскую «ограниченной провинциальной барынькой», как иногда еще делается. Просто-напросто, она горячо любила Пушкина, не могла примириться с его гибелью и «метала громы и молнии» не по тому адресу...

Анна Николаевна Вульф и ее брат Алексей Николаевич, как уже говорилось, умерли бездетными. Все, что было связано с памятью о Пушкине, сосредоточилось в семействе Вревских. Среди прочих книг Пушкина у Евпраксии Николаевны хранился и первый полный «Евгений Онегин» 1833 г. с надписью автора: «Баронессе Евпраксии Николаевне Вревской. 22 сентября 1835. Михайловское». Кроме этой надписи, на книге есть еще несколько знаменательных помет. Рукою Пушкина после каждой главы поставлена дата и указано место ее написания — это помогает специалистам уточнить хронологию создания романа. На листке перед шмуцтитлом уже самой Евпраксией

Николаевной сделана трогательная надпись (по-французски): «Подарено моему дорогому Павлу на память о его посещении Голубова 3 января 1877 года его бабушкой Е. Вревской». Десятилетия ушли после смерти поэта, а он как будто вчера вышел из дома — так живо помнила его ставшая бабушкой Зизи! Внук ее обвел все надписи молоком, чтобы не выцветали, и написал на той же книге: «Прошу не стирать карандаш, ибо это почерк поэта А. С. Пушкина».

В конце 1920 г. литературовед Л. П. Гроссман побывал в Тригорском и записал рассказ женщины-врача, лечившей недавно перед тем умершую Софью Борисовну Вревскую, дочь Евпраксии Николаевны. Старушка рассказала врачу: «Моя мать передала мне на хранение большую пачку писем к ней Пушкина. Она завещала мне хранить их при жизни, но ни в коем случае никогда и никому не передавать их. О существовании этих писем стало многим известно, и ко мне приезжали ученые, прося меня предоставить им эти старые письма великого поэта к давно умершей женщине. Должна сознаться, что эти лица были очень красноречивы и убедительны. Я чувствовала, что решение мое слабеет. И вот, чтобы не поддаться окончательно их уговорам и не нарушить воли матери, я передала всю пачку писем сожжению». Толстая пачка писем? Вполне вероятно, если учесть, что и Анна Николаевна завещала сестре все, что у нее оставалось на память о Пушкине.

* * *

В черновиках «Путешествия Онегина» Пушкин писал:

Нет! Нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей;
Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют, сияньем муз одетый,

Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук,
Являлся он в наш сельский круг.
И нимфу Сороти прославил,
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом;
Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Уже одно это заставляет доброй памятью вспомнить обитательниц Тригорского, которые, быть может, «ничем и не блестили», но были «простодушно рады» Пушкину.

Основная литература

- С. С. Гейченко. У Лукоморья. Л., 1977.
С. С. Гейченко. Пушкиногорье. М., 1982.
А. М. Гордин. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970.
Л. Ф. Керцелли. Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976.
А. С. Пьянов. «Мои осенние досуги». М., 1979.
М. Яшин. Семья Пушкина в Михайловском.— Нева, 1967, № 7.

1

В стране, где Сороть голубая,
Подруга зёркальных озёр,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой,—
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой,—
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебе привет!

*Н. М. Языков. Из стихотворения «Тригорское»
(Посвящается П. А. Осиповой). 1826.*

2

Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны

— где вольные живали etc,

где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи, и бокалы с емкой, где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелий жены, в пятый раз уже брюхатой, и у которой я в гостях. Поклон Вам ото всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью!

Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской Ловлас — попрежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. Пребывание мое во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр; но оно так живо мне Вас напомнило, что я не мог не написать Вам несколько слов в ожидании, что и Вы откликнетесь.

Пушкин — Н. М. Языкову. 14 апреля 1836.

3

В двух верстах от его деревни находится село Тригорское, неоднократно воспетое и им и Языковым. Оно принадлежит П. А. Осиповой, которая там жила и живет поныне с своим семейством. Добрая, умная хозяйка и милые ее дочери с избытком заменили Пушкину все лишения света. Он нашел тут всю заботливость дружбы и все развлечения, всю приятность общества. Вскоре Тригорское и Михайловское оживились приездом из Дерпта двух тамошних студентов — А. Н. Вульфа, сына Осиповой, и поэта Языкова. Пушкин его очень любил, как поэта, и был в восхищении от его знакомства. Языков приехал на поэтический зов Пушкина:

Издревле сладостный союз... — *и пр.*

Потом он был обрадован приездом своего друга — барона Дельвига. Более никого или почти никого

Пушкин не видал во все время своей деревенской жизни. С соседями он не знакомился. Сношения его с Петербургом шли своим чередом: он получал оттуда книги, журналы и письма. В это время началась его переписка с П. А. Плетневым, который взялся быть издателем его сочинений. Они в то время лично были почти незнакомы, но впоследствии их сношения кончились тесною дружбой. В досужное время Пушкин в течение дня много ходил и ездил верхом, а вечером любил слушать русские сказки и тем — говорил он — вознаграждал недостатки своего французского воспитания. Вообще образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь Онегина. Зимой он, проснувшись, так же садился в ванну со льдом, а летом отправлялся к бегущей под горой реке, так же играл в два шара на бильярде, так же обедал поздно и довольно прихотливо. Вообще он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки. Нигде он так не выразился, как в описании Чарского (см. «Египетские ночи»). В это время появилась первая глава «Онегина». Журналы или молчали, или отзывались о ней легко и равнодушно. Пушкин не понимал такого приема сочинению, которое ставил гораздо выше прежних, удостоенных похвал, не только внимания. Впоследствии он должен был привыкнуть ко вкусу критиков и публики. «Борис Годунов», «Полтава», все русские сказки были приветствуемы то бранью, то насмешками. Когда появилась его шутка «Домик в Коломне», то публика увидела в ней такой полный упадок его таланта, что никто из снисходительного приличия не упоминал при нем об этом сочинении.

Осенью 1826 года Пушкин был по высочайшей воле вызван в Москву, где и имел счастье быть представленным его императорскому величеству.

Л. С. Пушкин. Биографическое известие
об А. С. Пушкине до 1826 года.

а). В двух верстах от Михайловского лежит село Тригорское, известное публике по стихам Н. М. Языкова. Там жило доброе, благодородное семейство П. А. О-й, с которым Пушкин был в постоянных сношениях, любя его образованную и вместе сельски простую жизнь. Он часто там обедал, часто туда заходил в своих прогулках и проводил там целые дни, довольный откровенной дружбой, с какой его встречали, и привязанностью всех членов его. Он посвятил П. А. О-й свои чудные подражания Корану, написанные, можно сказать, перед ее глазами, и вообще семейство это действовало успокоительно на Пушкина. Он встречал в нем и строгий ум, и расцветающую молодость, и резвость детского возраста. Усталый от увлечений первой эпохи своей жизни, Пушкин находил удовольствие в тихом чувстве и родственной веселости: грациозная гримаса, детская шалость нравились ему и занимали его...

б). Дружелюбных отношений Пушкина к своим соседкам нельзя подвергать ни малейшему сомнению, но никогда Пушкин не принадлежал Тригорскому вполне какой-либо частью своего ума, своей души или нравственного существования; никто в Тригорском не обладал вполне его мыслью и сердцем. Напротив, лучшую часть самого себя Пушкин постоянно маскировал перед Тригорским, точно берег свое добро для другой арены и для другой публики. Известной хозяйке Тригорского — столь часто упоминаемой биографами, Прасковье Александровне Осиповой, а равно и двум дочерям ее, «красавицам гор», по любимому выражению Дельвига и Языкова, и вообще всему молодому женскому поколению, по временам наезжавшему в село, не мудрено было обмануться в настоящем значении своих связей с Пушкиным. Пушкин проживал по суткам и по целым неделям в их деревянном, приземистом домике, разделял их забавы и горести, выслушивал их жалобы и даже завязывал с ними дружеские, душевные отношения. Этой че-

сти удостоились попеременно каждая почти из постоянных и временных обитательниц Тригорского, так как Пушкин не желал никого обделить своим вниманием, которого там искали все без исключения. Но для них это было очень серьезное дело, которому они добросовестно придавали жизненный интерес, для Пушкина это было мимолетное отдохновение, изящная забава, средство обмануть время, оставшееся от трудов, и притом такое занятие, которое может быть порвано на полдороге, без тоски и сожаления. Покамест в Тригорском размышляли о каждом его слове и движении, Пушкин скоро позабывал все, что говорил и делал там. Он думал совсем о другом и никогда не говорил о том, что думает. Настоящим центром его духовной жизни было Михайловское и одно Михайловское: там он вспоминал о привязанностях, оставленных в Одессе; там он открывал Шекспира и там предавался грусти, радости и восторгам творчества, о которых соседи Тригорского не имели и предчувствия. Он делился с ними одной самой ничтожной долей своей мысли — именно планами вырваться на свободу, покончить с своим заточением, оставляя в глубочайшей тайне всю полноту жизни, переживаемой им в уединении Михайловского. Тут был для него неиссякаемый источник мыслей, вдохновения, страстных занятий и вопросов морального свойства, а все прочее принадлежало уже к области призраков, которые он сам вызвал и лелеял для того, чтоб обстановить и скрасить внешнее свое существование...

Прасковья Александровна Осипова, по первому мужу — Вульф, владелица Тригорского (села, получившего свое имя от гористого берега той же речки Сороти, на которой стояло и Михайловское — Зуево, по народному прозванию), была женщина очень стойкого нрава и характера, но Пушкин имел на нее почти безграничное влияние. Все его слова и желания исполнялись ею свято. Он платил за это благорасположение постоянным выражением безграничной дружбы, посвящал ей стихотворения, даже выражал

намерение купить около Тригорского клочок земли и поселиться на нем (Михайловское принадлежало еще тогда отцу поэта), что не мешало ему (как видели) говорить об ней, как об «une bonne vieille voisine»* и прибавлять: «j'écoute ses conversations patriarchales»**. Прасковья Александровна свободно изъяснялась и писала по-французски и старалась дополнить свое образование, как могла, училась вместе с двумя старшими дочерьми своими у их учителей, много читала, любила заниматься серьезными вопросами и жадно искала бесед, в которых они подымались. Все это, однако же, не могло, конечно, доставить ей прочных основ для мысли, так как дело тут шло не о прямом воспитании последней, а только о сообщении ей необходимой выправки и развязности. Прасковья Александровна вполне удовлетворилась достигнутыми ею результатами. Через Пушкина она познакомилась с цветом тогдашней литературы: Языковым, Дельвигом, наконец с Жуковским, Плетневым, Вяземским, т. е. со всей литературной знатью того времени. Сам Пушкин беспрестанно толковал ей о роли, которую она играет в его существовании; друзья его, в благодарность за радушное отношение к нашему поэту, тоже не скупились на похвалы и величания. Самолюбие Прасковьи Александровны было удовлетворено всем этим с излишком; но оно было удовлетворено насчет всех других качеств, ибо, в чад у похвал и лести, высокое мнение о себе достигло у нее крайних размеров, настойчивость и упорство в предприятиях и решениях, весьма мало обдуманных, достигли своих пределов, и последние годы ее долгой жизни показали, очевидно, что любезность, светскость и начитанность сами по себе еще не могут упрочить для женщины, даже с большими природными способностями, счастья и покоя на земле...

Не одна хозяйка Тригорского, искренно привязанная к Пушкину, следила за его жизнью. С живо-

---

* милая старушка соседка (франц.).

** я слушаю ее патриархальные разговоры (франц.).

писной площадки одного из горных выступов, на котором расположено было поместье, много глаз еще устремлялось на дорогу в Михайловское, видную с этого пункта — и много сердец билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкин или пешком в шляпе с большими полями и с толстой палкой в руке, или верхом на аргамаке, а то и просто на крестьянской лошаденке. Пророчество Пушкина о трех соснах, которые он должен был миновать по этой дороге, вступая на землю Тригорского, не сбылось: они не разрослись в рощу, а напротив, одна из них была срублена каким-то старостой и очень просто пошла на мельницу, да той же участи, вероятно, уже подверглись, или скоро подвергнутся и остальные, по приговору какого-либо другого старосты. И они правы. Что за надобность им беречь предметы, связанные с литературными и семейными воспоминаниями, совершенно чуждыми им, когда теми же предметами не очень-то дорожат и люди, заинтересованные в их сохранении по родству и воспитанию.

Две старшие дочери г-жи Осиповой от первого мужа, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположные типа, отражение которых в Татьяне и Ольге «Онегина» не подлежит сомнению, хотя последние уже не носят на себе, по действию творческой силы, ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы русских женщин той эпохи. По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла, как и Татьяна по отношению к Онегину, полное самоотвержение и привязанность, которые ни от чего устать и ослабеть не могли, между тем, как сестра ее, воздушная Евпраксия, как отзывался о ней сам поэт — представляла совсем другой тип. Она пользовалась жизнью очень просто, по видимому, ничего не искала в ней, кроме минутных удовольствий, и постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы. Многие называли «кокетством» все эти прие-

мы, но кокетство или нет — манера, во всяком случае, была замечательно умного свойства. Вышло то, что обыкновенно выходит в таких случаях: на долю энтузиазма и самоотвержения пришли суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изредка выкупались счастливыми минутами доверия и признательности, между тем, как равнодушию оставалась лучшая доля постоянного внимания, неизменной ласки, тонкого и лстивого ухаживания. Одно время полагали, что Пушкин неравнодушен к Евпраксии Николаевне. Как мало горечи осталось затем в воспоминаниях обделенной сестры от этой эпохи, свидетельствуют ее слова в письме к супруге Александра Сергеевича... *

П. В. Анненков.

П. А. ОСИПОВА

5

П. А. О ***

Быть может, уж недолго мне
В изгнании мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

1825

А. С. Пушкин

---

* См. № 43.

6

* * *

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

1825

А. С. Пушкин

7

Что касается соседей, то мне лишь поначалу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слышу среди них Онегиным, — и вот, я — пророк в своем отечестве. Да будет так. В качестве единственного развлечения я часто вижу с одной милой старушкой-соседкой — я слушаю ее патриархальные разговоры. Ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал. Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах... (*Франц.*)

*Пушкин — В. Ф. Вяземской. Октябрь 1824.
(Черновое)*

8

Я живу в двух верстах от с. Михайловского, где теперь Александр Пушкин, и он бывает у меня всякий день. Желательно бы было, чтоб ссылка его сюда скоро кончилась; иначе я боюсь быть нескромною, но желала бы, чтобы вы, милостивый государь Василий Андреевич, меня угадали. Если Александр должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас русских его талант, его поэтический гений, и обвинить

его не можно будет. Наш Псков хуже Сибири, а здесь пылкой голове не усидеть. Он теперь так занят своим положением, что без дальнего размышления из огня вскочит в пламя; — а там поздно будет размышлять о следствиях. Все здесь сказанное не пустая догадка, но прошу вас, чтобы и Лев Сергеевич не знал того, что я вам сие пишу. Если вы думаете, что воздух и солнце Франции или близлежащих к ней через Альпы земель полезен для русских орлов, — и оный не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же вы другого мнения, то подумайте, как предупредить отлет.

*П. А. Осипова — В. А. Жуковскому.
22 ноября 1824.*

9

Нужно ли говорить вам о моей признательности? Право, сударыня, с вашей стороны весьма любезно, что вы не забываете вашего отшельника. Ваши письма приводят меня в восторг в такой же мере, в какой великодушные заботы ваши меня трогают. Не знаю, что ждет меня в будущем, но знаю, что чувства, которые я к вам питаю, останутся навеки неизменными. Еще сегодня был я в Тригорском. Малютка вполне здорова, и она прехорошенькая. Как и вы, сударыня, я полагаю, что слухи, дошедшие до г-на Керна, неверны, но вы правы: не следует ими пренебрегать. На днях я был у Пещурова — лукавого ходатая, как вы его называете, — он думал, что я в Пскове (NB). Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда.

Свидетельствую мое уважение всему вашему любезному семейству и остаюсь, сударыня, преданным вам. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. 11 августа 1825.

Ваше последнее письмо (писанное в полночь) прелестно, я смеялся от всего сердца; но вы слишком строги к вашей милой племяннице; правда, она ветрена, но — терпение: еще лет двадцать — и, ручаюсь вам, она исправится. Что же до ее кокетства, то вы совершенно правы, оно способно привести в отчаяние. Неужели она не может довольствоваться тем, что нравится своему повелителю г-ну Керну, раз уж ей выпало такое счастье? Нет, нужно еще кружить голову вашему сыну, своему кузену! Приехав в Тригорское, она вздумала пленить г-на Рокотова и меня; это еще не всё: приехав в Ригу, она встречает в ее проклятой крепости некоего проклятого узника и становится кокетливым провидением этого окаянного каторжника! Но и это еще не всё: вы сообщаете мне, что в деле замешаны еще и мундиры! Нет, это уж слишком: об этом узнает г-н Рокотов, и посмотрим, что он на это скажет. Но, сударыня, думаете ли вы всерьез, что она кокетничает *равнодушно*? Она уверяет, что нет, я хотел бы верить этому, но еще больше успокаивает меня то, что не все ухаживают на один лад, и лишь бы другие были почтительны, робки и сдержанны,— мне ничего больше не надо. Благодарю вас, сударыня, за то, что вы не передали моего письма: оно было слишком нежно, а при нынешних обстоятельствах это было бы смешно с моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мне дерзостью, и решительно порву с ней всякие отношения; пусть не говорят, что я старался внести смуту в семью, что Ермолай Федорович может обвинять меня в отсутствии нравственных правил, а жена его — издеваться надо мной.— Как это мило, что вы нашли портрет схожим: «смела в» и т. д. Не правда ли? Она отрицает и это; но кончено, я больше не верю ей. (Франц.).

Пушкин — П. А. Осиповой.
28 августа 1825.

11

Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается; мне также дали его, для большей безопасности. Впрочем, судя по весьма любезному письму барона Дибича,— мне остается только гордиться этим. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца; лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. 4 сентября 1826.

12

Вот уже 8 дней, что я в Москве, и не имел еще времени написать вам, это доказывает вам, сударыня, насколько я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, т. е. по Тригорскому; я рассчитываю выехать отсюда самое позднее через две недели.— Сегодня, 15-го сент., у нас большой народный праздник; версты на три расставлено столов на Девичьем Поле; пироги заготовлены саженьями, как дрова; так как пироги эти испечены уже несколько недель назад, то будет трудно их съесть и переварить их, но у почтенной публики будут фонтаны вина, чтобы их смочить; вот — злоба дня. Завтра бал у графини Орловой; огромный манеж превращен в зал; она взяла на прокат бронзы на 40 000 рублей и пригласила тысячу человек. Много говорят о новых, очень строгих, постановлениях относительно дуэлей и о новом цензурном уставе; но, поскольку я его не видал, ничего не могу сказать о нем.— Простите нескладицу моего письма,— оно в

точности отражает вам нескладницу моего теперешнего образа жизни. Полагаю, что обе м-ль Анеты уже в Тригорском. Приветствую их издалека от всего сердца, равно как и все ваше прелестное семейство.— Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и неизменной привязанности, которые я буду питать к вам всю жизнь. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. 16 сентября 1826.

13

Я очень виноват перед вами, но не настолько, как вам может это казаться. Приехав в Москву, я тотчас написал вам, адресуя мои письма на ваше имя в почтамт. Оказывается, вы их не получили. Это меня обескуражило, и я не брал больше пера в руки. Так как вы изволите еще мною интересоваться, что же мне вам сказать, сударыня, о пребывании моем в Москве и о моем приезде в Петербург — пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны, и так как я притязаю на беспристрастие, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское,— почти как Арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — ответил: я предпочитаю молочный суп.— Я уже накануне отъезда и непременно рассчитываю провести несколько дней в Михайловском; покамест же от всего сердца приветствую вас и всех ваших. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. Июнь 1827.

14

Беру на себя смелость послать вам три последние песни Онегина; надеюсь, что они заслужат ваше одобрение. Прилагаю еще один экземпляр для м-ль Евпраксии, принося ей большую благодарность за лако-

нический ответ, которым она удостоила мой вопрос. Не знаю, сударыня, буду ли иметь счастье видеть вас в нынешнем году; говорят, что вы хотели приехать в Петербург. Правда ли это? Между тем я попрежнему рассчитываю на соседство Тригорского и Зуева.— На зло судьбе мы в конце концов все же соберемся под рябинами Сороти. Примите, сударыня, выражение моего уважения, привязанности, сожалений и совершенной преданности вам и всему вашему семейству. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. Март 1828.

15

Я всё откладывал письмо к вам, с минуты на минуту ожидая вашего приезда; но обстоятельства не позволяют мне более на это надеяться. Поэтому, сударыня, я поздравляю вас письменно и желаю м-ль Евпраксии всего доступного на земле счастья, которого столь достойно такое благородное и нежное существо<...>

Да сохранит бог Тригорское от семи казней египетских; живите счастливо и спокойно, и да настанет день, когда я снова окажусь в вашем соседстве! К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — меня этот проект приводит в восхищение и я постоянно к нему возвращаюсь. Примите, милостивая государыня, уверение в моем высоком уважении и совершенной преданности. Кланяюсь всему вашему семейству; при-

мите также поклон от моей жены, в ожидании случая, когда я буду иметь удовольствие представить ее вам. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой, 29 июня 1831.

16

Нравится ли мне ваш воздушный замок? Если я найду малейшую к тому возможность, я не успокоюсь, пока это не осуществится, — но если это окажется несбыточным, то у границы моих владений, на берегу реки *Великой*, находится маленькая усадьба: местоположение прелестно, домик окружен прекрасной березовой рощей. Продается одна лишь земля, без крестьян. Не пожелаете ли вы приобрести ее, если владельцы Савкина не захотели бы с ним расстаться? — Во всяком случае, я постараюсь сделать все возможное. Прошу вас отрекомендовать меня вашей прекрасной супруге как особу, которая нежно любит вас, а ею восхищается по наслышке и готова полюбить от всего сердца. Да спасет и охранит вас бог — вот главное желание, наполняющее сейчас мой ум и сердце. (Франц.)

П. А. Осипова — Пушкину. 19 июля 1831.

17

Рискуя вам наскучить, я спрашиваю вас, мой молодой друг, какую сумму вы намереваетесь затратить на приобретение того, что вы называете хижинкой, — думаю, что не более 4 или 5 тысяч. Обитатели *Савкина* имеют около 42 десятин, разделенных между тремя владельцами. Двое из них почти уже согласились на продажу, но самый старший не решается и поэтому заламывает цену. Но если только вы мне сообщите сумму, какую вы хотите употребить на покупку, то у нас есть средство согласить пожелания старика с нашими. На что, в самом деле, вам земля,

которая удалит вас от Михайловского — (а по вашему любезному выражению осмелюсь добавить) и от Тригорского, привлекающего меня теперь лишь надеждой на ваше соседство. Вот почему я, пока не утрачу всякую надежду, буду стоять за Савкино...

Я забываю о времени, беседуя с вами, любезный сын моего сердца. Будь у меня лист бумаги величиной с небо, а чернил столько же, сколько воды в море, этого всё же не хватило бы, чтобы выразить всю мою дружбу к вам; и однако можно так же хорошо высказать ее в двух словах: любите меня хотя в четверть того, как я вас люблю, и с меня будет достаточно. Анета и Александра вам кланяются.

[Н. Н. Пушкиной]

Поистине, сударыня, те три строчки, которые вы прибавили для меня в письме, только что полученном мною от вашего мужа, доставили мне больше удовольствия, чем в другое время доставили бы три страницы, и я благодарю вас за них от всего сердца. Радуюсь надежде когда-нибудь увидеть вас, ибо я готова восхищаться вами и любить вас, как это делают все, имеющие удовольствие быть знакомыми с вами. Благодаря вам, счастливы люди, которых я люблю, и тем самым вы уже имеете право на мою благодарность. Прошу вас верить очень дружеским чувствам покорной слуги вашей. *(Франц.)*

*П. А. Осипова — Пушкину и Н. Н. Пушкиной
21 августа 1831.*

18

Благодарю вас, сударыня, за труд, который вы взяли на себя, вести переговоры с владельцами Савкина. Если один из них упорствует, то нельзя ли уладить дело с двумя остальными, махнув на него рукой? Впрочем, спешить некуда: новые занятия удержат меня в Петербурге по крайней мере еще на 2 или на 3 года. Я огорчен этим: я надеялся провести их вблизи Тригорского.

Моя жена очень благодарна вам за несколько строк, с которыми вы изволили к ней обратиться. Она предобрая и готова всем сердцем полюбить вас... (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. 11 сентября 1831.

19

Примите, сударыня, мою искреннюю благодарность за ваши любезные хлопоты с моими книгами. Я злоупотребляю вашей добротой и вашим временем, но прошу вас оказать мне последнюю милость, — велите спросить наших людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, посланного в деревню вместе с ящиками моих книг. Подозреваю, что Архип или кто-либо другой утаивает его по просьбе Никиты, моего слуги (ныне слуги Льва). Он должен заключать (я разумею сундук, а не Никиту) его платье и пожитки, а также и мои вещи и еще несколько книг, которых я не могу отыскать. Еще раз умоляю вас простить мою назойливость, но ваша дружба и снисходительность меня совершенно избаловали.

Посылаю вам, сударыня, Северные Цветы, коих я — недостойный издатель. Это последний год этого альманаха и дань памяти нашего друга, утрата которого будет для нас еще очень долго чувствительна. Прилагаю вздорные сказки, желаю, чтобы это вас хоть немного развлекло.

Мы узнали о беременности вашей дочери. Дай бог, чтобы она закончилась счастливо и чтобы ее здоровье совершенно поправилось. Говорят, что после первых родов молодые женщины хорошеют; дай бог чтобы они благоприятно отразились и на ее здоровье.

Благоволите принять, сударыня, уверение в моем высоком уважении и неизменной привязанности. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. Январь 1832.

20

Господин Алымов сегодня в ночь уезжает во Псков и в Тригорское; он любезно согласился взять письмо к вам, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я еще не поздравил вас с рождением внука. Дай бог ему и его матери доброго здоровья, а нам всем—побывать на его свадьбе, если не пришлось быть на его крестинах. Кстати о крестинах: они будут скоро у меня на Фурштатской в доме Алымова. Не забудьте этого адреса, если захотите написать мне письмецо. Я не сообщаю вам ни политических, ни литературных новостей,—думаю, что они вам надоели так же, как и всем нам. Нет ничего более мудрого, как сидеть у себя в деревне и поливать капусту. Старая истина, которую я ежедневно применяю к себе, посреди своей светской и суматошной жизни.— Не знаю, увидимся ли мы этим летом — это одно из моих сладостных желаний; если б только оно сбылось! (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. Май 1832.

21

Уже более трех недель я здесь, во Пскове и довольно терпеливо переносу городское ничегонеделание, но три чудных летних дня уже возбудили во мне *тоску по родине*. Евпраксия и ее грудной младенец (так как она сама кормит) чувствуют себя, слава богу, хорошо, и на ваши слова мне хочется ответить: да будет так.— Если нам надоели литературные и политические новости, то еще более раздражают меня глупости выборов. Право, наше дворянство еще похоже на вандалов — в буквальном смысле слова, ничего не смягчая. Слава богу, завтра конец, и через 3 дня я возвращаюсь в свои горы. Всем сердцем желаю, чтобы эти строки застали вас уже отцом и чтобы ваша красавица-жена, как и моя дочь, счастливо разре-

шила от бремени. Я с 20-го числа с тревогой жду этого известия и непрестанно об этом думаю.— Если вы останетесь на лето в Петербурге, то мы может быть увидимся, но, конечно, вблизи моих капустных гряд встретиться было бы приятнее,— но я все же и на это не теряю надежды.

Тысячу приветствий вашей супруге. Дочери мои благодарят вас за память, а я целую вас в глаза,— *да будет стыдно тому, кто истолкует это в дурную сторону*,— и с глубокой, искренней нежностью остаюсь ваша преданная слуга П. Осипова. (Франц.)

П. А. Осипова — Пушкину. 22 мая 1832.

22

Не знаю, когда буду иметь счастье явиться в Тригорское, но мне досмерти этого хочется. Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три. Жена моя передает вам и Анне Николаевне тысячу приветствий. Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданыица эти так хрупки, что невозможно без содрогания смотреть на их страдания. Родители мои только что приехали из Москвы. Они собираются к июлю быть в Михайловском. Мне очень хотелось бы поехать вместе с ними. (Франц.)

Пушкин — П. А. Осиповой. Май 1833.

23

Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость. Нет сомнения, Болдино заслуживает того, чтобы его спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которым в будущем грозит нищество или по меньшей мере бедность. Но я не богат,

АН. Н. ВУЛЬФ.
Миниатюра Э. Мартена.
 1830-е гг.

АЛ. Н. ВУЛЬФ.
Рисунок неизвестного художника.
 1828 г.

П. А. ОСИПОВА.
Рисунок А. С. Пушкина.

Е. Н. ВУЛЬФ.
Художник В. Богачев.
 Холст, масло. 1834 г.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ.
*Литография с оригинала неизвестного
художника. 1820-е гг.*

Н. С. АЛЕКСЕЕВ.
Рисунок Кузена. 1825 г.

у меня самого есть семья, которая зависит от меня и без меня упадет в нищету. Я принял имение, которое не принесет мне ничего кроме забот и неприятностей. Родители мои не знают, что они на волос от полного разорения... (Франц.)

*Пушкин — П. А. Осиповой.
29 июня и 13 июля 1834.*

24

Уже почти 8 месяцев, как мы с вами не виделись, дорогой и горячо любимый Пушкин. Не знаю, почему я надеялась, что вы приедете этой осенью, но эта надежда, подобно многим другим, как вы знаете, оказалась только иллюзией. — Зато совсем недавно я имела удовольствие получить 3-ю книгу Современника — она доставила мне двойное удовольствие: и как доказательство вашей памяти обо мне, и своими прекрасными стихами, которые напомнили мне счастливое время нашей зарождающейся поэзии, время, пролетевшее так быстро. — Когда я читала их, мне казалось, что тень моего милого Дельвига улыбается...

Чтобы доказать вам, что мы о вас тоже помним, — я чуть было не послала вам банку крыжовника, но непродолжительность зимней погоды остановила посылку людей, и она будет отправлена лишь, когда снега сделают дороги проезжими. Позавчера мой зять передал мне письмо, полученное им от Сергея Львовича, где между прочим он сообщает нам, что вы отказываетесь от Михайловского. Неужто это правда, дорогой Александр Сергеевич — прошу вас, скажите мне. Надеюсь, вы не думаете, что мне сделалось безразлично все, вас касающееся, — но я по многим причинам хочу знать ваше мнение на этот счет. — И кроме того, бедные крестьяне в большом беспокойстве, они не знают, кому они принадлежат и у кого им искать защиты и совета. Если вы решились продать это имение, хотя на сердце у меня становится совсем тяжело от этой мысли, — скажите мне и назначьте цену.

Если госпожа Пушкина сохранила обо мне память, передайте ей, дорогой Александр Сергеевич, что я желаю ей приятно провести конец этого года; пусть с него начнется длинный ряд прекрасных и счастливых лет. Прошу вас, сообщите о себе старому другу, который, право, привязан к вам не меньше, чем все эти молодые, которые перед вами распинаются. *(Франц.)*

П. А. Осипова — Пушкину. 15 декабря 1836.

25

Какой для меня был приятный сюрприз — получить сегодня ваше письмо, мой горячо любимый друг, — оно пришло очень кстати, чтобы смягчить огорчение, которое испытала я от известия о том, что моя бедная Анета заболела нервной лихорадкой с разлитием желчи, в то время как я надеялась, что она скоро возвратится к нам. — Александрина тоже больна, и у меня было совсем грустно на душе, когда пришло ваше письмо и утешило меня, доказав, что вы по-прежнему дружески относитесь к вашему старому другу. Вы говорите, что не получали от меня известий 4 месяца; неужели? в сентябре месяце я вам писала. Ваша мысль приехать сюда на несколько дней мне очень улыбается, но я сомневаюсь, чтобы ваша дорогая красавица-жена захотела приехать — кто увидит в этом что-либо плохое? *Стыд тому, кто дурно об этом подумает!* Павлищев суший негодяй и, к тому же, сумасшедший. — Мне Михайловского не нужно, и, так как вы мне вроде родного сына, я желаю, чтобы вы его сохранили — слышите?..

Читайте, думайте, дорогой Александр Сергеевич. Поздравляю вас с началом Нового года. — Дни идут, часы летят, и годы текут незаметно — пусть вереница дней этого года будет вполне счастливой для вас и вашей дорогой жены. Поцелуйте нежно за меня каждого из ваших деток. Привет, дорогой друг, от П. О. *(Франц.)*

П. А. Осипова — Пушкину. 6 января 1837.

Я писала вам, мой дорогой Александр Сергеевич, в ответ на ваше письмо от 22 (декабря) прошлого года, которое получила в крещение. Представляется случай — и я спешу послать вам банку крыжовника, который поджидал вас всю осень. Если бы было достаточно одних пожеланий, чтобы сделать кого-либо счастливым, то вы, конечно, были бы одним из счастливейших смертных на земле. — А себе на этот год я желаю только одного — повидать вас на протяжении этих 365 дней. Привет вам, мой дорогой Пушкин, и доброй ночи, потому что глаза мои устали от писания. (Франц.)

П. А. Осипова — Пушкину. 9 января 1837.

14-го получила я ваше письмо, милостивый государь Александр Иванович. Мы по отъезде вашем считали часы в ожидании его; и я спешу сказать вам, что минутное ваше в Тригорском пребывание останется неизгладимо в памяти душ наших. — Сердцу моему стало легче, когда я смогла сказать понимающему меня мою скуку. Мы, я и Мария, оставшись одни, нашли, что когда мы вас имели удовольствие увидеть, в первые часы приезда вашего, нам казалось, что мы вновь увидели друга, давно не виданного, но сердечного, с которым были разлучены — только. Это сочувствие есть вам порука всегдашнего о вас живого воспоминания, оно последует за вами всюду, куда провидение поведет вас.

Дочь моя баронесса Вревская возвратилась из Петербурга и 12-го была у меня; подробности, которые она мне рассказывала о последних днях жизни незабвенного Пушкина, раздирали наши сердца и заставили меня жалеть, что я на эту пору не была в С. Петербурге — но к чему теперь рыданье!.. Вы угадали, что мне понравятся стихи и только такой че-

ловек, который хорошо знал поэта, мог их написать... Сердечно благодарю вас за портрет, который, конечно, не из последних будет украшений моего кабинета; но как памятью о вас он право слабее будет того впечатления, которое сделало присутствие ваше.

До получения письма вашего одна мысль была у нас целые восемь дней — ни на минуту не ослабевала, и потому воспоминания не было, а дума о вас не прерывалась. Читая и перечитывая письмо ваше, кончишь и желаешь опять читать, ожидая найти еще что-нибудь и потому прошу вас хоть еще один раз перед отъездом вашим в Москву, напишите мне, что делает Нат. Ник... что делают деточки моего любезного Пушкина... Много слышишь — но я давно не верю молве и имею причины не всему верить, что про нее говорят. — И невольно повторяю с г. Лермонтовым зачем *от мирных нег* и дружбы простодушной вступил он в этот свет *коварный, криводушный*.

Я почти рада, что вы не слыхали того, что говорил он перед роковым днем моей Евпраксии, которую он любил как нежный брат и открыл ей все свое сердце. Мое замирает при воспоминании всего слышанного. — Она знала, что он будет стреляться! и не умела его от того отвлечь!.

Много, много благодарю вас за объяснение надписей в портрете. Я почти не рада, что вы говорили об отношениях моих с незабвенным нашим поэтом; я не со всеми люблю делиться горестными чувствами: как то было с вами — с другими я как улитка, от прикосновения их ухожу в свой уголок. Позвольте же мне изъяснить вам тайное желание сердец наших, мы мысленно будем следовать за вами всюду, всюду — и желаем иметь способ от времени до времени знать, что вы делаете — это будет нашим утешением. — Пространство, нас разлучающее, минутно хоть будет исчезать. Я постараюсь удовлетворить желаниям друзей Александра Сергеевича, по возможности, не имея однако, большой доверенности к описательному своему таланту.

Вы совершенно обворожили мою Марию. Она с благоговением спрятала издание Онегина, которого ей рано еще читать. Не надо спешить ознакомливать юность с страстями — они сами из сердец вырываются, развивать же прежде времени — о, это не надо, не надо!.. Мир праху нашего друга!!!

Примите же благосклонно, милостивый государь, уверение искреннего душевного почтения моего и моих дочерей, *девы гор** чувствуют всю цену внимания вашего к ним.

Желаю сердечно, чтоб будущее сколько можно загладило для вас большую часть того, что вы потерпели в прошедшем...

П. А. Осипова — А. И. Тургеневу.
16 февраля 1837.

28

Я знаю, что вдова Александра Сергеевича не будет сюда и я этому рада. Не знаю, поймете ли вы то чувство, которое заставляет меня теперь бояться ее видеть?.. но многое должно было бы вам рассказать, чтобы вполне изъяснить все, что у меня на душе. — И что я знаю. — Наконец, многоглаголанье и многописание все выйдет к чему ж теперь рыданье и жалкий лепет оправданья. Но ужас берет, когда вспомнишь всю цепь сего происшествия.

П. А. Осипова — А. И. Тургеневу.
17 февраля 1837.

29

Я получила на днях письмо от Натальи Николаевны — она меня спрашивает, какое распоряжение сделано по части богослужения по Александру Серге-

---

* Так звал покойный барон Дельвиг моих старших дочерей. — *Примеч. П. А. Осиповой*; выражение *дева гор* — из «Кавказского пленника» А. С. Пушкина, но Дельвиг обыгрывал слово «Тригорское».

чу — и просит позволения остановиться у меня, когда придет на могилу к своему мужу — я еще не могла ей отвечать.

*П. А. Осипова — А. И. Тургеневу.
7 апреля 1837.*

30

Не пошлешь ли ты Осиповой выписки из своего письма к Давыдову всего, что ты говоришь о вдове Пушкина. Она собирается к Осиповой и та хочет принять ее, но в ней гнездится враждебное чувство к ней за Пушкина. Не худо ее вразумить прежде, нежели Пушкина придет к ней.

*А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому.
Апрель 1837.*

31

Вы когда-то у меня спросили: «что такое была Прасковья Александровна Осипова». Мне кажется, я теперь вот могу это сказать почти безошибочно. С тех пор как она скончалась, я долго об ней думала, и она мне теперь ясно нарисовалась. Это была далеко не пошлая личность — будьте уверены, и я очень понимаю снисходительность и нежность к ней Пушкина. Я вам только скажу о ней два факта, которые тотчас вызовут вашу симпатию.

Их было две сестры; не знаю, каких лет они лишились матери, но знаю, что они росли и воспитывались под надзором строгого и своенравного отца, г-на Вындомского. Сестра ее, увлеченная сердцем, вышла против желания отца за Ганнибала (отсюда я полагаю их сближение с семейством Пушкина); она, то есть сестра Прасковьи Александровны, бежала из дома родительского. Отец ее не мог простить и лишил наследства, отдав все Прасковье Александровне, тогда Вульф; после смерти отца Прасковья

Александровна разделила имение (состоявшее из 1200 душ) на две равные части и поделилась им с сестрою. Скажите: многие ли бы это сделали?? У Прасковьи Александровны тогда было пятеро детей, у той — только двое.

*А. П. Керн — П. В. Анненкову.
Апрель — май 1859.*

32

Я на днях видела брата Алексея Вульфа, который сообщил мне странную особенность предсмертного единственного распоряжения своей матери, Прасковьи Александровны Осиповой. Она уничтожила всю переписку с своим семейством: после нее не нашли ни одной записочки ни одного из ее мужей, ни одного из детей!.. Нашли только все письма Александра Сергеевича Пушкина.

А. П. Керн — П. В. Анненкову. 4 июля 1859.

Ал. Н. ВУЛЬФ

33

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не Михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,

Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим заблагорассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей Анны Николаевны. До свиданья, мой милый.

Пушкин — Ал. Н. Вульф. 20 сентября 1824.

34

К этому же времени относится одна наша с Пушкиным затея. Пушкин, не надеясь получить в скором времени право свободного выезда с места своего заточения, измышлял различные проекты, как бы получить свободу. Между прочим, предложил я ему такой проект: я выхлопочу себе заграничный паспорт и Пушкина, в роли своего крепостного слуги, увезу с собой за границу. Дошло ли бы у нас дело до исполнения этого юношеского проекта, не знаю; я думаю, что все кончилось бы на словах; к счастью, судьбе угодно было устроить Пушкина так, что в сентябре 1826 года он получил, и притом совершенно оригинально, вождеденную свободу.

*Ал. Н. Вульф. Рассказы о Пушкине, записанные
М. И. Семевским.*

35

Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, всё обстоит благополучно. Меня приняты с достоуважительным почитанием и благосклонностью. Утверждают, что вы *гораздо ху-*

же меня (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностью и простодушием, отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец! какая скверная душа!* но я притворился, что их не слышу. При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться.

Здравствуйте; поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукожатие баронессе etc.

Пушкин — А. Н. Вульфу. 27 октября 1828.

36

15 июня <1833 г.> С большим удовольствием перечел и сегодня 8-ю и вместе последнюю главу «Онегина», одну из лучших глав всего романа, который всегда останется одним из блистательнейших произведений Пушкина, украшением нынешней нашей литературы, довольно верною картиною нравов, а для меня лично — источником воспоминаний весьма приятных по большей части, потому что он не только почти весь написан в моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, «в губернии Псковской». Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них. Многие из мыслей, прежде чем я прочел в «Онегине», были часто, в беседах с глаз на глаз с Пушкиным в Михайловском, пересуждаемы между нами, а после я встречал их, как старых знакомых. Так в глазах моих написал он и «Бориса Годунова» в 1825 году, а в 1828 году читал мне «Полтаву», которую он написал весьма скоро — недели в три. Лето 1826 года, которое

провел я с Пушкиным и Языковым, будет всегда мне памятным, как одно из прекраснейших...

19 февраля. Понедельник <1834г.> Видел моего сожителя варшавского Льва Пушкина, который помещался, кажется, на рифмоплетении; в этом занятии он нашел себе достойного сподвижника в Соболевском, который, по возвращении своем из чужих краев, стал сноснее, чем он был прежде. Я было и забыл заметить также, что удостоился я лицезреть супругу Пушкина, о красоте коей молва далеко разнеслась. Как всегда это случается, я нашел, что молва увеличила многое. Самого же поэта я нашел мало изменившимся от супружества, но сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок. Он говорит, что возвращается к оппозиции, но это едва ли не слишком поздно; к тому же ее у нас нет, разве только в молодежи...

Ал. Н. Вульф. Из «Дневника».

37

Студент А. Н. Вульф, сделавшийся поверенным Пушкина в его замыслах об эмиграции, сам собирался за границу; он предлагал Пушкину увезти его с собой, под видом слуги. Но не говоря уже о том, что подобный рискованный шаг со стороны молодого человека грозил испортить ему жизнь на долгое время, сама поездка Вульфа за границу была еще приятной мечтой и зависела от множества домашних и посторонних обстоятельств. Пришлось устранить предложение, и тогда оба заговорщика наши остановились на мысли заинтересовать в деле освобождения Пушкина почтенного и известного дерптского профессора хирургии, И. Ф. Мойера, мужа тогда уже умершей, обожаемой племянницы Жуковского, Марии Андреевны Протасовой. Мойер был человек и высоких нрав-

ственных качеств, и замечательно разнообразного образования, что позволяло ему слыть в одно время знаменитостью по своей части и оказываться страстным любителем музыки и поэзии. Он пользовался неограниченным доверием В. А. Жуковского и имел влияние на самого начальника края, маркиза Паулуччи, глубоко уважавшего его характер, искусство и познания. Дело состояло в том, чтобы согласить Мойера взять на себя ходатайство перед правительством о присылке к нему Пушкина в Дерпт, как интересного и опасного больного, а впоследствии, может быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться из Дерпта за границу, под тем же предлогом безнадёжного состояния своего здоровья.

Конечно, дело было не легкое, потому что в основании его лежал все-таки подлог (Пушкин физически ничем не страдал), на который и следовало согласить прямого и честного профессора, но друзья наши не остановились перед этим затруднением. Они положили учредить между собою символическую переписку, основанием которой должна была служить тема о судьбе коляски, будто бы взятой Вульфom для переезда. Положено было так: в случае согласия Мойера замолвить слово перед маркизом Паулуччи о Пушкине, студент Вульф должен был уведомить Михайловского изгнанника, по почте, о своем намерении выслать безотлагательно коляску обратно во Псков. Наоборот, если бы Вульф заявил решимость удержать ее в Дерпте, это означало бы, что успех порученного ему дела оказывается сомнительным. Подобные же предосторожности от почтовых нескромностей приняты были друзьями и для переписки по другому поручению, тоже возложенному на А. Н. Вульфа.

Город Дерпт стоял тогда если не на единственном, то на кратчайшем тракте за границу, излюбленном всеми нашими туристами, которые тогда преимущественно состояли из высших классов общества. При трудностях тогдашнего передвижения, путешественники эти часто подолгу останавливались в этом городе, сообщая знакомым и свежие столичные новости.

На Вульфа возложена была обязанность следить за всем, что относилось в этих новостях до Пушкина собственно, и передавать их по принадлежности поэту, приняв за условную тему корреспонденции проект издания полных сочинений Пушкина в Дерпте. По этому плану, слова главного цензора выражали бы настроение высшей правительственной власти относительно Михайловского пленника; заметки первого, второго и т. д. наборщика — мнения того или другого из ее агентов и проч.

П. В. Анненков.

АННА Н. ВУЛЬФ.

38

Пишу вам, мрачно напившись; вы видите, я держу свое слово.

Итак, вы уже в Риге? одерживаете ли победы? скоро ли выйдете замуж? застали ли уланов? Сообщите мне обо всем этом подробнейшим образом, так как вы знаете, что, несмотря на мои злые шутки, я близко принимаю к сердцу всё, что вас касается.— Я хотел побранить вас, да нехватает духу сделать это на таком почтительном расстоянии. Что же до нравов и советов, то вы их получите. Слушайте хорошенько: 1) Ради бога, будьте легкомысленны только с вашими друзьями (мужеского рода), они воспользуются этим лишь для себя, между тем как *подруги* станут вредить вам, ибо — крепко запомните это — все они столь же ветрены и болтливы, как вы сами. 2) Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки, и не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо. 3) С некоторых пор вы стали очень осведомленной, однако не выказывайте этого, и если какой-нибудь улан скажет вам, что с вами нездорово вальсировать, не смейтесь, не жеманьтесь, не обнаруживайте, что польщены этим; высморкайтесь, отвер-

нитесь и заговорите о чем-нибудь другом. 4) Не забудьте о последнем издании Байрона.

Знаете ли, за что я хотел побранить вас? нет? испорченная девица, без чувства и без... * и т. д.— а ваши обещания, сдержали ли вы их? ну, не буду больше говорить о них и прощаю вас, тем более что и сам вспомнил об этом только после вашего отъезда. Странно — где была моя голова? (*Франц.*)

Пушкин — Ан. Н. Вульф. 21 июля 1825.

39

Вы уже давно должны быть теперь в Михайловском,— вот всё, что мне удалось в точности узнать о вас.— Я долго колебалась, писать ли вам, пока не получу от вас письма; но так как размышления никогда мне не помогают, я кончила тем, что уступила желанию вам написать. Однако с чего начать и что сказать вам? Мне страшно, и я не решаюсь дать волю своему перу: боже, почему я не уехала раньше вас, почему? — Впрочем, нет, сожаления мои излишни — они, быть может, станут лишь триумфом для вашего тщеславия; весьма вероятно, что вы уже не помните последних дней, проведенных нами вместе. Я досажую на себя за то, что не написала вам тотчас же после приезда: мое письмо было бы очаровательным; сегодня для меня это уже невозможно: я могу быть только нежной и, думается мне, кончу тем, что разорву это письмо. Знаете ли вы, что я плачу над письмом к вам? это компрометирует меня, я чувствую; но это сильнее меня; я не могу с собой справиться. Почти окончательно решено, что я остаюсь здесь; моя милая маменька устроила это, не спросив меня; она говорит, что очень непоследовательно с моей стороны не желать оставаться здесь теперь, между тем как зимой я хотела уехать даже одна! Видите, всему виною вы сами;— не знаю, проклинать ли мне

* Слово зачеркнуто.

или благословлять провидение за то, что оно послало вас в Тригорское? — Если вы еще станете сердиться на меня за то, что я осталась здесь, вы будете после этого чудовищем,— слышите ли, сударь? Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы не оставаться тут, даю вам слово, но если это не удастся, поверьте, что вина будет не моя. Не думайте, однако, что это происходит, быть может, от того, что здесь возле меня никого нет,— далеко не так: я встретила [здесь] прелестного кузена, который страстно любит меня и не хотел бы ничего другого, как доказать это на ваш манер,— если бы я пожелала.— Он не улан, как вы, может быть, предполагаете, а гвардейский офицер, прелестный молодой человек, который не изменяет мне ни с кем,— слышите ли? Ему нестерпима мысль, что я столько времени провела вместе с вами, таким великим распутником. Но, увы! я ничего не чувствую при его приближении — его присутствие не вызывает во мне никакого волнения.— Я всё еще надеюсь получить от вас письмо. Каким наслаждением это для меня было бы! Однако не смею просить вас об этом, боюсь даже, что буду лишена возможности писать вам, ибо не знаю, удастся ли мне прятать письма от кузин,— а тогда, что смогу я вам сказать,— я скорее согласна вовсе не получать от вас писем, нежели получать такие, как в Риге. Почему я не рассталась с вами теперь так же равнодушно, как в тот раз, почему Нетти не пришла за мной во-время? Может быть, мы простились бы иначе. Под разными предлогами я не показала ей этого письма, сказав, что пишу Анете Керн. Но я не смогу всегда так делать, не подавая повода к подозрению. Несмотря на всю мою ветренность и непоследовательность, вы сумели научить меня скрытности.— Я говорю о вас возможно меньше, но мне грустно, и я плачу. Всё же я очень безрассудна, ибо уверена, что вы-то сами думаете обо мне уже с полным безразличием и, быть может, говорите обо мне гадости, между тем как я... (Франц.)

*Ан. Н. Вульф — Пушкину. Конец февраля —
8 марта 1826.*

40

Если вы получили мое письмо, во имя неба уничтожьте его! Мне стыдно своего безумия, я никогда не посмею поднять на вас глаза, если опять увижусь с вами. Маменька завтра уезжает, а я остаюсь здесь до лета; по крайней мере так я надеюсь. Если вы не боитесь компрометировать меня перед моей сестрой (что вы делаете, судя по ее письму), то заклинаю вас не делать этого перед маменькой. Сегодня она подтрунивала надо мной в связи с нашим расставанием в Пскове, которое она находит весьма нежным. (Франц).

*Ан. Н. Вульф — Пушкину.
Вторая половина марта 1826.*

41

Что сказать вам и с чего начать мое письмо? А вместе с тем я чувствую такую потребность написать вам, что не в состоянии слушаться ни размышлений, ни благоразумия. Я словно переродилась, получив известие о доносе на вас. Творец небесный, что же с вами будет? Ах, если бы я могла спасти вас ценою собственной жизни, с какой радостью я бы пожертвовала ею и вместо всякой награды я попросила бы у неба лишь возможности увидеть вас на мгновение, прежде чем умереть. — Вы не можете себе представить, в какой тревоге я нахожусь — не знать, что с вами, ужасно; никогда я так душевно не мучилась, а вместе с тем, судите сами, я должна через два дня уехать, не зная о вас ничего верного. Нет, за всю мою жизнь не переживала я ничего более ужасного — не знаю, как я не сошла от всего этого с ума. А я-то надеялась наконец увидеть вас в ближайшие дни! Подумайте, каким неожиданным ударом должно было быть для меня известие о вашем отъезде в Москву! Однако дойдет ли до вас это письмо, и где оно застанет вас? — Вот вопросы, на которые никто не может дать ответ. Вы, может быть, сочтете, что я поступаю

очень плохо тем, что пишу вам — я и сама думаю то же, но не могу лишиться себя этого единственного утешения, мне остающегося. Я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого письмо, и поклялся сжечь его, если не сможет передать его вам. Да и доставит ли оно вам радость? — быть может, вы очень изменились за эти несколько месяцев — возможно, что оно покажется вам даже неуместным, — признаюсь, эта мысль для меня ужасна, но сейчас я не в силах думать ни о чем, кроме опасности, которой вы подвергаетесь, и пренебрегаю всякими другими соображениями. Если это вам возможно, то, во имя неба, напишите мне хоть словечко в ответ. Дельвиг собирался было написать вам вместе со мною длинное письмо, чтобы просить быть осмотрительным!! — Очень боюсь, что вы держались не так. — Боже, как я была бы счастлива узнать, что вас простили, — пусть даже ценою того, что никогда больше не увижу вас, хотя это условие меня страшит, как смерть. На этот раз вы не скажете, что это письмо остроумно, в нем нет здравого смысла, и все же посылаю вам его таким, каково оно есть. Как это поистине страшно оказаться каторжником! Прощайте, какое счастье, если все кончится хорошо, в противном случае не знаю, что со мною станет. Я очень скомпрометировала себя вчера, когда узнала эту ужасную новость, а несколькими часами раньше я была в театре и лорнировала кн. Вяземского, чтобы иметь возможность рассказать вам о нем по возвращении! Мне надо бы еще многое сказать вам, но нынче я наговорю слишком много или слишком мало, и думаю, что кончу тем, что разорву свое письмо.

11 сентября.

Кузина моя Анета Керн живейшим образом интересуется вашей участью. Мы говорим только о вас: она одна понимает меня, и только с ней я плачу. Мне так трудно притворяться, а я вынуждена представляться веселою, когда душа во мне разрывается. Нетти тоже очень обеспокоена вашей судьбой. Да спасет и охранит вас небо! — Подумайте, что буду я чувствовать по

приезде в Тригорское. Какая пустота и какая мука! Всё будет напоминать мне о вас.— А я-то думала совсем с иным чувством подъезжать к этим местам, Тригорское стало мне дорого — я рассчитывала опять найти там для себя жизнь, как не терпелось мне вернуться туда, а теперь я найду там только мучительные воспоминания. Зачем я уехала оттуда? увы! однако я слишком много говорю вам о своих чувствах. Пора кончать. Прощайте. Сохраните для меня капельку приязни: то, что я чувствую к вам, заслуживает этого. Боже, если бы мне довелось увидеть вас довольным и счастливым! (Франц.)

Ан. Н. Вульф — Пушкину. 11 сентября 1826.

42

Я так мало эгоистична, что радуюсь вашему освобождению и горячо поздравляю вас с ним, хотя вздыхаю, когда пишу это, и в глубине души дала бы многое, чтобы вы были еще в Михайловском, все мои усилия быть благородной не могут заглушить чувство боли, которое я испытываю оттого, что не найду вас больше в Тригорском, куда влечет меня сейчас моя несчастная звезда; чего бы только не отдала я за то, чтобы не уезжать из него вовсе и не возвращаться туда сейчас.— Я послала вам длинное письмо с князем Вяземским — мне хотелось бы, чтобы оно не дошло до вас, я была тогда в отчаянии, узнав, что вас взяли, и не знаю, каких только безрассудств я не надела-ла бы. Князя я увидела в театре и занималась только тем, что лорнировала его в течение всего спектакля, я надеялась тогда рассказать вам о нем! — Я была чрезвычайно рада вновь увидеться с вашей сестрой — она очаровательна — знаете, я нахожу, что она очень похожа на вас. Не понимаю, как не заметила я этого раньше. Скажите, пожалуйста, почему вы перестали мне писать — из равнодушия или забвения? *Гадкий* вы. Вы не заслуживаете любви, мне надо свести с вами много счетов — но горе, которое я испы-

тываю оттого, что не увижу вас больше, заставляет меня всё забыть...

Прощайте, мои радости, миновавшие и неповторимые. Никогда в жизни никто не заставит меня испытывать такие волнения и ощущения, какие я чувствовала возле вас. Письмо мое доказывает, какое у меня доверие к вам.— Надеюсь поэтому, что вы не станете меня компрометировать и разорвете это письмо; получу ли я на него ответ? (*Франц.*)

Ан. Н. Вульф — Пушкину. 16 сентября 1826.

43

Ваше любезное письмо я получила, дорогая Наталья Николаевна, приехав сюда. Думаю, вы уже знаете, что моя сестра наконец разрешилась от бремени и действительно дочерью согласно заранее сделанному предсказанию. По вашему письму я предполагаю, что вы тоже накануне вашего разрешения, и от всего сердца желаю, чтобы все окончилось благополучно и чтобы я могла вас вскорости поздравить...

По философской сентенции вашего супруга, которую вы мне приводите, я вижу, что со времени моего отъезда он начал посвящать вас в прошлое и что вы о нем уже весьма осведомлены, потому что вы уже после меня узнали эту истину. Боюсь, что когда мы с вами как-нибудь увидимся, мне больше нечего будет вам рассказать, чтобы развлечь вас. Как можете вы питать ревность к моей сестре, дорогая моя? Если ваш муж даже был влюблен в нее некоторое время, как вам непременно хочется верить, то разве настоящим не поглощается прошлое, которое лишь тень, вызванная воображением и часто оставляющая не больше следов, чем сновидение? Но ведь на вашей стороне обладание действительностью, и все будущее принадлежит вам. (*Франц.*)

*Ан. Н. Вульф — Н. Н. Пушкиной.
28 июня 1833.*

Е. Н. ВУЛЬФ

44

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

А. С. Пушкин

45

К Е. Н. ВУЛЬФ

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

1826

А. С. Пушкин

46

Разные обстоятельства не позволяют мне продлить мое пребывание в Петербурге, мой милый ангел, и ждать твоего приезда сюда, как я думала прежде, потому что мы все полагаем, что ты приедешь с Сергеем Львовичем. Это было бы для него благодеянием. Ты знаешь, что за ним послали, чтобы отвезти тело Александра Сергеевича в Михайловское. Мне очень грустно... Завтра я еду в Голубово и, вероятно, не

скоро возвращусь сюда. Когда я тебе писала первое отсюда письмо, я была чрезвычайно счастлива, этим счастьем верно и письмо мое дышало. До сих пор я еще не могу собрать мои мысли в порядок, отчего и не пишу тебе этот раз много... Эти две недели могли бы быть самые счастливые в моей жизни, если бы не это несчастное происшествие.

*Е. Н. Вревская — Ал. Н. Вульф.
3 февраля 1837.*

47

Недавно мы читали в Сенатских Ведомостях приговор Дантеса: разжаловать в солдаты и выслать из России с жандармом за то, что он дерзкими поступками с женою Пушкина вынудил последнего написать обидное письмо отцу и ему, и он за это вызвал Пушкина на дуэль. Тут жена не очень приятную играет роль во всяком случае. Она просит у маменьки разрешения приехать отдать последний долг бедному Пушкину. Какова?

*Е. Н. Вревская — Ал. Н. Вульф.
25 апреля 1837.*

48

Вот уже недели две, как приехал старик Пушкин... Как грустно и тяжело смотреть на него. Он, бедный, теперь очень озабочен об Ольге, потому что в Варшаве холера. Об Льве тоже ничего не слышать. Я читала его письма, которые меня совсем помирили с ним. Мне помнится, что он вовсе не был притворчив, а судя по письмам, он должен быть огорчен чрезвычайно смертью Александра. Сергей Львович, быв у невестки, нашел, что сестра ее более огорчена потерей ее мужа.

*Е. Н. Вревская — Ал. Н. Вульф.
2 сентября 1837.*

49

На днях мы были удивлены запискою Натальи Николаевны Пушкиной к сестре, в которой она ее просит приехать к ней. Но так как сестра была нездорова уже, то это свидание, кажется, только приглашением и кончится. Говорят, она возвратилась прекраснее, чем была...

*Е. Н. Вревская — Ал. Н. Вульф.
26 ноября 1838 г.*

50

Вревский написал моему мужу, что его жена все это время провела около Александра, но его письмо так коротко, что он даже не сообщает, вернулась ли она в деревню, а то я написала бы ей, она так любила Александра. Я даже уверена, что ее присутствие облегчило его последние минуты. Вревский ограничился только следующим: «Евпраксия Ник. была с А. С. все последние дни его жизни. Она находит, что он счастлив, что избавлен тех душевных страданий, которые так ужасно его мучили последнее время его существования...»

*О. С. Павлицева — С. Л. Пушкину.
17 марта 1837.*

51

Сестра моя Euphrosine, бывало, заваривает всем нам после обеда жженку: сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтобы она заваривала жженку... и вот мы из этих самых звонких бокалов, о которых вы найдете немало упоминаний в посланиях ко мне Языкова, — сидим, беседуем да распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то того, то другого поэта сопровождали нашу дружескую пирушку! Языков был, как известно,

страшно застенчив, но и тот, бывало, разгорячится — куда пропадет застенчивость — и что за стихи, именно *Языковские стихи*, говорил он, то за «чашей пунша», то у ног той же Евпраксии Николаевны.

Ал. Н. Вульф. Рассказы о Пушкине, записанные
М. И. Семевским.

52

К БАРОНЕССЕ Е. Н. ВРЕВСКОЙ

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда, гуляка вдохновенный
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской,
Весь свой разгул души студентской —
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально,
Вы угощали нас двоих
Певцов — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник и подручник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жжёнки ромовой!
Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна,
Ее вы сами разливали
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам,
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам.

Другой был я — и мной воспета
Та наша славная гульба!
С тех пор прошли уж многие лета,—
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блестите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда меня ласкала радость...
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жжёнки пламенной, за звон,
Каким стучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были полны
У вас мы ровно шесть недель;
Поклон за то, что и поныне,
В моей болезненной кручине,
Я верно, живо помню вас,
И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч,
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье
Там у окна, в виду пруда...
Ах! Помню, помню и волнение,
Во мне кипевшее тогда...

1845

Н. М. Языков

Этот очерк непосредственно примыкает к предыдущему — о семье Осиповых-Вульф. Анна Петровна Керн была близкой родственницей этого семейства, всю жизнь с ним тесно связанной. Прасковья Александровна опекала ее в детстве; с Анной Николаевной она вместе росла лет с восьми в Тверском имении Берново; с Алексеем Николаевичем Вульфом в молодые годы у нее были дружеские отношения, а в ее трудной старости он время от времени помогал ей материально. Благодаря всему этому читателю уже известно не только место действия романа Пушкина с Керн, но и люди, их в то время окружавшие. Сразу же нужно отметить, что многими первоначальными сведениями о них и об обстановке, в которой они жили, исследователи, изучающие жизнь Пушкина, и бесчисленные читатели поэта обязаны именно Анне Керн.

Так случилось, что имя Анны Петровны Керн стало одним из самых известных среди тех, которые вошли в нашу культурную историю благодаря встрече с Пушкиным. Это объясняется рядом важных обстоятельств. Но есть самое важное — документально, биографически подтвержден и никем не оспаривается тот факт, что ей посвящено одно из прекраснейших лирических стихотворений Пушкина — К*** (№ 1). Эти стихи, соединившись в нашем сознании с чарую-

щей музыкой Михаила Ивановича Глинки, обессмертили имя «лирического адресата» *.

Еще об одном обстоятельстве, сближающем Керн с Пушкиным,— окружении Анны Петровны в юности частично уже было сказано. Однако не только Осиповы-Вульф, но и другие близкие к Пушкину люди — его родители, брат и сестра, Дельвиг с женою, Соболевский — в 1820—30-х годах были ее друзьями. Надо отдать должное Анне Петровне: она и сама во многом способствовала сохранению своего имени в истории. Речь идет о ее воспоминаниях, написанных в конце 1850-х годов и публиковавшихся отрывками в 1859, 1864, 1870 г. и, наконец, после ее смерти, в 1884 г. С тех пор они несколько раз переиздавались и поныне признаются пушкинистами одним из первостепенных биографических материалов о великом поэте. В возрасте, близком уже к старости, у Анны Петровны обнаружился несомненный дар мемуариста: цепкая память, острая наблюдательность, умение тактично, не выпячивая себя самое, рассказывать о людях, встреченных на жизненном пути. Фактические неточности у нее крайне редки. Назовем только одну: Пушкин вложил листок со стихами в первую главу «Онегина», а не во вторую, как она пишет: второй летом 1825 г. у него в Михайловском быть не могло.

Стихи Пушкина и его письма, а также отрывки мемуаров Керн расскажут читателю больше, чем любые переложения их современным автором. Хотелось бы только предостеречь от прямолинейного толкования глубокого и многослойного смысла стихов и писем Пушкина, обращенных к Керн. Конечно, поэта поразила новая встреча с очаровательной молодой женщиной, которую он не видел шесть лет, и он страстно в нее влюбился. Но все же в стихотворении слышится и другой мотив: «Чудное мгновенье», которое оживила Анна Петровна в памяти Пушкина, это его молодость, скоротечно пролетевшая в Петербурге после Лицея, это встречи с друзьями, от которых он был оторван судьбой: «Бурь порыв мятежный» развеял не только «прежние мечты» о встреченной у Оле-

---

* Романс Глинки «Я помню чудное мгновенье», посвященный дочери А. П. Керн Екатерине, был написан в 1840 г.

ниных красавице, но и об иной жизни, которая виделась Пушкину в 1819—1820 гг., но не могла вернуться в 1825-м. Многие всколыхнула встреча с Анной Петровной в душе поэта и благодаря этому были созданы строки, которые больше полутора веков воскрешают «жизнь, и слезы, и любовь».

Письма Пушкина к Керн — это нечто большее, чем нетерпеливые послания жаждущего встречи влюбленного. Перед нами настоящие шедевры эпистолярного искусства — остроумные и игривые, «отчаянные» и ироничные. Ирония по отношению к самому себе, к адресату, к ее мужу-генералу, к тем, кого поэт предлагает Анне Петровне избрать в качестве «ширмы» для успешного продолжения романа, насквозь пронизывает пушкинские письма, превращая их в своеобразные литературные произведения. А сколько в них остроумия, намеков, сколько блестящей игры ума! Именно это, а не сами по себе любовные признания привлекают в письмах Пушкина к Керн. Отметим также, что, несмотря на несомненное увлечение Керн, в отношении к ней Пушкина не было той глубины, той муки сердца, которая не раз в жизни заставляла его тяжело страдать.

Напомним некоторые факты биографии Анны Петровны Керн, не нашедшие отражения в публикуемых фрагментах. Родилась Анна Петровна в Орле, где губернаторствовал ее дед И. Н. Вульф; детские и отроческие годы провела на Украине, в городке Лубны, и в Бернове Тверской губернии. Отец ее — Петр Маркович Полторацкий принадлежал к славному семейству, которое, начиная с родоначальника, директора певческой капеллы при императрице Елизавете — Марка Федоровича, достойно служило России на полях бранных и мирных. У Марка Полторацкого было восемь сыновей и несколько дочерей, и многочисленное их потомство входило в окружение Пушкина в Петербурге, в Кишиневе, в Тверском и Псковском краях и в Москве. Отец Анны Петровны (кстати, тоже хорошо знакомый Пушкину) был человек незаурядный, но вспыльчивый, легкомысленный и склон-

ный к поступкам самым неожиданным. Его сумасбродство стоило дочери, по существу, полжизни. Анне Полторацкой не было и 17 лет, когда ее выдали замуж за 52-летнего Ермолая Федоровича Керна. Понимаем, что рассказывает об этом один из ее верных поклонников, автор содержательного «Дневника», молодой литератор, а впоследствии академик А. В. Никитенко: «Отец ее, малороссийский помещик, вообразил себе, что для счастья его дочери необходим муж генерал. За нее сватались достойные женихи, но всем им отказывали в ожидании генерала. Последний наконец явился. Ему было за пятьдесят лет. Густые эполеты составляли его единственное право на звание человека. Прекрасная и к тому же чуткая, чувствительная Анета была принесена в жертву этим эполетам. С тех пор жизнь ее сделалась сплетением жестоких горестей. Муж ее был не только груб и вполне недоступен смягчающему влиянию ее красоты и ума, но еще до крайности ревнив. Злой и необузданный, он истощил на ней все роды оскорблений. Он ревновал ее даже к отцу. Восемь лет промаялась молодая женщина в таких тисках, наконец потеряла терпение, стала требовать разлуки и в заключение добилась своего». Вот такая трагедия скрывалась за доброй улыбкой и очарованием молодой женщины, встреченной Пушкиным в Михайловском.

Когда Пушкин в 1827 г. приехал в Петербург, Анна Петровна жила уже одна, сильно бедствовала, была неразлучна с семейством Дельвига, помогала в чтении корректур «Северных Цветов», занималась переводами; она берегла письма, полученные от Пушкина (впоследствии она вообще с ними не расставалась, нося с собой в сумочке). Однако с Пушкиным они виделись теперь не столь уж часто и без прежнего упоения. Явное охлаждение было именно со стороны Пушкина, а не Керн. Приведем любопытную запись А. В. Никитенко, датированную 24 мая 1827 г.: «Вечером я зашел в гостиную..., зная что застану там г-жу Керн. Вхожу. На меня смотрят очень холодно. Вчерашнего дня как будто и не бывало. Анна Петровна находилась в упоении радости от приезда поэта А. С. Пушкина, с которым она давно в дружеской связи. Накануне она целый день провела с ним у его

отца и не находит слов для выражения своего восхищения. На мою долю выпало всего два-три ледяных комплимента, и то чисто литературных. Старая дружба должна предпочитаться новой — это верно».

Известно несколько эпизодов из их последующих отношений. 27 января 1828 г. Анна Петровна и Александр Сергеевич по поручению матери Пушкина встречали и благословляли новобрачных Павлищевых в квартире Дельвига. С Ольгой Сергеевной Керн вообще была очень дружна и в ее честь назвала одну из своих дочерей. В 1832 г. Анна Петровна пыталась выкупить принадлежавшее ей лично имение, проданное ее отцом; Пушкин и Е. М. Хитрово помогали ей, но из этой затеи ничего не вышло. Был случай, когда она помогала Пушкину вызвать хирурга (по-видимому, к Наталье Николаевне). Вот почти все контакты.

Вообще после смерти Дельвига и женитьбы Пушкина связи Керн с пушкинским кругом литераторов постепенно слабели. В письмах Пушкина есть даже два не очень уважительных упоминания о ней, которым не стоит придавать слишком большого значения. Ведь назвал же Пушкин однажды в письме к сестре тригорских приятельниц «несносными дурами», что вовсе не исключает его доброго к ним отношения. В 1835 г. Анна Петровна обратилась к поэту с просьбой содействовать через издателя Смирдина в устройстве в печать ее переводов из Жорж Занд, но Пушкин к тому времени уже порвал со Смирдиным и отвечал раздраженно; еще раньше посмеялся на ее счет в письме к Соболевскому — в обычном стиле их переписки. Как бы то ни было, «гений чистой красоты» остался «мимолетным виденьем», а стихотворение, ему посвященное, — шедевром, пережившим века.

* * *

Живя с дочерьми отдельно от мужа без формального развода и не получая помощи от отца, Анна Петровна отчаянно нуждалась. Она даже обратилась непосредственно к царю: «Совершенное разорение отца моего надворного советника Полторацкого, которое вовлекло и мою всю собственность, равно отказ мужа моего генерал-лейтенанта Керна давать мне законное

содержание, лишают меня всех средств к существованию. Я уже покушалась работою поддерживать горестную жизнь, но силы мне изменили, болезнь истощила остальные средства...» Керну был сделан запрос: почему отказывается содержать жену? Ответ его характеризует ту ситуацию, в которой долгие годы пришлось жить Анне Петровне. Генерал, не стесняясь в выражениях, поносил жену: она якобы «бросила его, разорив долгами», через четыре года «прибыла не имея даже необходимого платья», потом снова «предалась блудной жизни, увлеклась совершенно преступными страстями своими». Все это были поклепы, преследующие единственную цель: отомстить несчастной женщине и силой возвратить ее.

В 1841 г. судьба Анны Керн переменилась. Генерал умер. В 1842 г. она вышла замуж за своего дальнего родственника (значительно моложе ее годами) Александра Васильевича Маркова-Виноградского. Брак этот оказался долгим и счастливым, только вот достатка снова не было. Муж Анны Петровны лишился ожидавшей его карьеры: женитьба его выглядела предосудительной в глазах начальства. Они уехали в Лубны, где Марков-Виноградский получил мелкую должность. Растили сына, много читали, жили более чем скромно. В конце 50-х годов Анна Петровна принялась за воспоминания, высоко оцененные П. В. Анненковым (№ 12). Наезжая в столицу, она общалась с новым поколением мастеров русской литературы: Ф. И. Тютчевым, И. С. Тургеневым. От ослепительной красоты ее к 60-м годам мало уже что оставалось. Иван Сергеевич Тургенев писал: «В молодости, должно быть, она была очень хороша собой... Мне она показала полувыцветшую пастель, изображавшую ее в 28 лет: беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке... Письма, которые писал ей Пушкин, она хранит как святыню... Приятное семейство, немножко даже трогательное».

Между тем нужда снова становилась нестерпимой. И Анна Петровна решилась продать письма Пушкина в надежные руки. Их приобрел (все, кроме одного) издатель журнала «Русская старина» пушкинист М. И. Семевский — по пяти рублей за каждое! На-

следники Семевского уже после Великой Октябрьской революции продали письма Пушкина к Керн известному ленинградскому книжнику Ф. Г. Шилову, хорошо знавшему, как много значит каждая строка Пушкина. От него письма поступили в Пушкинский дом. И только одно письмо, самое первое — от 25 июля 1825 г. путешествовало сквозь города и годы отдельно. О его чудесном спасении рассказал пушкинист-собираатель Н. П. Смирнов-Сокольский (см. «Основную литературу»). Не будем повторять его рассказ; сообщим только, что после кончины Смирнова-Сокольского в 1962 г. вдова его, выполняя волю собирателя, принесла в дар Пушкинскому дому и это письмо, соединившееся со всеми остальными.

Н. П. Смирнов-Сокольский был хорошо знаком со старым актером Малого театра О. А. Правдиным, знавшим Анну Петровну Керн в последние годы ее жизни, и передал его рассказ о ней. В таких случаях всегда удивляешься, как в сущности недалеко от нас до Пушкина! О. А. Правдин оставил и свои воспоминания о том времени, когда глубокой старушкой, похоронив мужа, Анна Петровна жила у сына в Москве на углу Тверской и Грузинской улиц. «Я совершенно отчетливо вспоминаю то впечатление,— писал Правдин,— которое охватило меня, когда я увидел ее в первый раз. Конечно, я не ожидал встретить тот образ красавицы Керн, к которой наш великий поэт обращал слова «Я помню чудное мгновенье...», но, признаюсь, надеялся увидеть хотя тень прошлой красоты, хотя намека на то, что было когда-то... и что же? Передо мной в полутемной комнате, в старом вольтеровском кресле, повернутом спиной к окну, сидела маленькая-маленькая, сморщенная как печеное яблоко, древняя старушка в черной кацавейке, белом гофрированном чепце, с маленьким личиком; и разве только пара больших несколько моложавых для своих 80 лет глаз немного напоминала о былом, давно прошедшем».

Писательница М. В. Алтаева-Ямщикова (псевдоним Ал. Алтаев) вспоминала, как в 1870-х годах в доме своих родителей она слушала знаменитого тенора Ф. П. Комиссаржевского, певшего романс М. И. Глинки «Я помню чудное мгновенье». Среди гостей сидела

немножко чудаковатая старая женщина, и слезы счастья и восторга неудержимо текли по ее морщинистым щекам. Это была Анна Петровна Керн.

Остается рассказать только о той легенде, которая сложилась насчет «последней встречи» Анны Керн с Пушкиным, став сюжетом стихов и прозы о поэте. Считалось, будто в 1879 г. гроб с ее телом по странной случайности повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву через Тверские ворота. Первый биограф Керн Б. Л. Модзалевский сообщает другую версию, больше похожую на правду. Незадолго до смерти Анна Петровна захворала, ее берегли, старались не тревожить. И вдруг она услышала ужасный шум под окном: 16 лошадей, запряженных по четыре в ряд, везли огромную колесную платформу с гранитной глыбой — пьедесталом памятника Пушкину. «А, наконец-то! Ну, слава богу, давно пора!» — сказала Анна Петровна. Через несколько дней после этого она умерла, завершив свой «тяжело-грустный век», как написал ее сын. Но все, любящие Пушкина, помнят, что на этом веку было «чудное мгновенье»!

Гроб с телом Анны Петровны повезли в Прямухино Тверской губернии, где похоронен ее муж А. В. Марков-Виноградский, но не довезли из-за распутицы и предали земле в селе Прутня.

Основная литература

А. П. Керн (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Дневники. Переписка. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. А. М. Гордина. М., 1974.

Б. Л. Модзалевский. Анна Петровна Керн (по материалам Пушкинского дома). Л., 1924.

Н. П. Смирнов-Сокольский. «Я помню чудное мгновенье». — В кн.: Н. П. Смирнов-Сокольский. «Рассказы о книгах». М., 1960.

1

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

А. С. Пушкин.

2

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

1829

А. С. Пушкин.

3

Объясни мне, милый, что такое А. П. Керн, которая написала много нежностей обо мне «своей кузине»? говорят, она премиленькая вещь — но *славны Лубны за горами*. На всякий случай, зная твою влюбчивость и *необыкновенные таланты* во всех отношениях, полагаю дело твое сделанным или полусделанным. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это всё элегию или хоть эпиграмму.

Пушкин — А. Г. Родзянке. 8 декабря 1824.

4

Всё Тригорское поет *Не мила ей прелесть ночи* и у меня от этого сердце ноет, вчера мы с *Алексеем* проговорили 4 часа подряд. Никогда еще не было у

нас такого продолжительного разговора. Угадайте, что нас вдруг так сблизило. Скука? *Сродство чувства?* Не знаю. Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа, я пишу много стихов — всё это, если хотите, очень похоже на любовь, но клянусь вам, что это совсем не то. Будь я влюблен, в *воскресенье* со мною сделались бы судороги от бешенства и ревности, между тем мне было только досадно, — и всё же мысль, что я для нее ничего не значу, что пробудив и заняв ее воображение, я только тешил ее любопытство, что воспоминание обо мне ни на минуту не делает ее ни более задумчивой среди ее побед, ни более грустной в дни печали, что ее прекрасные глаза остановятся на каком-нибудь рижском франте с тем же пронизывающим сердце и сладострастным выражением, — нет, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру от этого, — нет, лучше не говорите, она только посмеется надо мной, это очаровательное создание. Но скажите ей, что если в сердце ее нет скрытой нежности ко мне, таинственного и меланхолического влечения, то я презираю ее, — слышите? — да, презираю, несмотря на всё удивление, которое должно вызвать в ней столь непривычное для нее чувство.

Прощайте, баронесса, примите почтительный привет от вашего прозаического обожателя. (Франц.)

Пушкин — Ан. Н. Вульф. 21 июля 1825.

5

Я имел слабость попросить у вас разрешения вам писать, а вы — легкомыслие или кокетство позволить мне это. Переписка ни к чему не ведет, я знаю; но у меня нет сил противиться желанию получить хоть словечко, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое

некогда произвела на меня встреча наша у Олениных. Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши,— это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, вы тоже должны были бы пожелать мне этого,— но ветреность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, радуетесь, видя, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу.

Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Федоровичу и поклонг-ну Вульффу.

25 июля.

Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, вы прочтете это письмо тайком — спрячете ли вы его у себя на груди? ответите ли мне длинным посланием? пишите мне обо всем, что придет вам в голову — заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем,— сердце мое сумеет вас угадать. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, увы! — я постараюсь поверить им или же обмануть себя, что одно и то же.— Знаете ли вы, что, перечтя эти строки, я стыжусь их сентиментального тона — что скажет *Анна Николаевна*? *Ах вы, чудотворка или чудотворица!* * (Франц.)

Пушкин — А. П. Керн. 25 июля 1825.

6

Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его Венецианскую ночь на голос гондольерского речитатива — я обещал известить о том милого, вдохновенного

---

* Выделенные слова написаны по-русски. (Ред.).

слепца. Жаль, что он не увидит ее, но пусть вообразит себе красоту и задушевность — по крайней мере дай бог ему ее слышать!

Пушкин — П. А. Плетневу. Июль 1825.

7

Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: *милая! прелесть! божественная!*.. а потом: *ах, мерзкая!* * — Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам нехватает здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы еще прелестнее. Например, что вы хотите сказать, говоря о печатке, которая должна для вас *подходить и вам нравиться* (счастливая печатка!) и значение которой вы просите меня разъяснить? Если тут нет какого-нибудь скрытого смысла, то я не понимаю, чего вы желаете. Или вы хотите, чтобы я придумал для вас девиз? Это было бы совсем в духе Нетти. Полно, сохраните ваш прежний девиз: «Не скоро, а здорово», лишь бы это не было девизом вашего приезда в Тригорское,— а теперь поговорим о другом. Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? очень он мне нужен — разве у хорошеньких женщин должен быть характер? главное — это глаза, зубы, ручки и ножки — (я прибавил бы еще — сердце, но ваша кузина очень уж затаaskала это слово). Вы говорите, что вас легко узнать; вы хотели сказать — полюбить вас? вполне с вами согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с вами, как четырнадцатилетний мальчик,— это возмутительно, но с тех пор, как я вас больше не вижу, я постепенно возвращаю себе утраченное превосходство и пользуюсь этим, чтобы побранить вас. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне... Нет, не хочу

---

* Выделенные слова написаны по-русски. (Ред.)

ваших обещаний: к тому же, письмо — нечто столь холодное, в просьбе, передаваемой по почте, нет ни силы, ни взволнованности, а в отказе — ни изящества, ни сладострастия. Итак, до свидания — и поговорим о другом. Как поживает подагра вашего супруга? Надеюсь, у него был основательный припадок через день после вашего приезда. (Поделом ему!) Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку! Божественная, ради бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и чтобы у него сделался приступ подагры, подагры! Это моя единственная надежда!

Перечитывая снова ваше письмо, я нахожу в нем ужасное *если*, которого сначала не заметил: *если моя кухня останется, то осенью я приеду* и т. д. Ради бога, пусть она останется! Постарайтесь развлечь ее, ведь ничего нет легче; прикажите какому-нибудь офицеру вашего гарнизона влюбиться в нее, а когда настанет время ехать, досадите ей, отбив у нее воздыхателя; опять-таки ничего нет легче. Только не показывайте ей этого; а то из упрямства она способна сделать как раз противоположное тому, что надо. Что делаете вы с вашим кузенком? напишите мне об этом, только вполне откровенно. Отошлите-ка его поскорее в его университет; не знаю почему, но я недолюбливаю этих студентов так же, как и г-н Керн. — Достойнейший человек этот г-н Керн, почтенный, разумный и т. д.; один только у него недостаток — то, что он ваш муж. Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить рая... (Франц.)

Пушкин — А. П. Керн. 14 августа 1825.

Вы способны привести меня в отчаяние; я только что собрался написать вам несколько глупостей, которые насмешили бы вас до смерти, как вдруг пришло ваше письмо, опечалившее меня в самом разгаре мое-

го вдохновения. Постарайтесь отделаться от этих спазм, которые делают вас очень интересной, но ни к чорту не годятся, уверяю вас. Зачем вы принуждаете меня бранить вас? Если у вас рука была на перевязи, не следовало мне писать. Экая сумасбродка!

Скажите, однако, что он сделал вам, этот бедный муж? Уж не ревнует ли он часом? Что ж, клянусь вам, он не был бы неправ; вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. Хорошенькая женщина, конечно, вольна... быть вольной*. Боже мой, я не собираюсь читать вам нравоучения, но всё же следует уважать мужа,— иначе никто не захочет состоять в мужьях. Не принижайте слишком это ремесло, оно необходимо на свете. Право, я говорю с вами совершенно чистосердечно. За 400 верст вы ухитрились возбудить во мне ревность; что же должно быть в 4 шагах (NB: Я очень хотел бы знать, почему ваш двоюродный братец уехал из Риги только 15-го числа сего месяца и почему имя его в письме ко мне трижды сорвалось у вас с пера? Можно узнать это, если это не слишком нескромно?). Простите, божественная, что я откровенно высказываю вам то, что думаю; это — доказательство истинного моего к вам участия; я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется. Постарайтесь хоть сколько-нибудь наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном. Я отлично понимаю, что он не какой-нибудь гений, но в конце концов он и не совсем дурак. Побольше мягкости, кокетства (и главное, бога ради, отказов, отказов и отказов) — и он будет у ваших ног,— место, которому я от всей души завидую, но что поделаешь? Я в отчаянии от отъезда Анеты; как бы то ни было, но вы непременно должны приехать осенью сюда или хотя бы в Псков. Предлогом можно будет выставить болезнь Анеты. Что вы об этом думаете? Отвечайте мне, умоляю вас, и ни слова об этом Алексею Вульффу. Вы приедете? — не правда ли? — а до тех пор не решайте ничего касательно вашего мужа. Вы молоды, вся жизнь перед

---

* В подлиннике — игра слов: по-французски *maitresse* значит — и хозяйка, госпожа самой себе, и любовница.

вами, а он... Наконец, будьте уверены, что я не из тех, кто никогда не посоветует решительных мер — иногда это неизбежно, но раньше надо хорошенько подумать и не создавать скандала без надобности... (Франц.)

Пушкин — А. П. Керн. 21(?) августа 1825.

9

Если ваш супруг очень вам надоед, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там всё семейство, берете почтовых лошадей на Остров и приезжаете... куда? в Тригорское? вовсе нет; в Михайловское! Вот великолепный проект, который уже с четверть часа дразнит мое воображение. Вы представляете себе, как я был бы счастлив? Вы скажете: «А огласка, а скандал?» Чорт возьми! Когда бросают мужа, это уже полный скандал, дальнейшее ничего не значит, или значит очень мало. Согласитесь, что проект мой романтичен! — Сходство характеров, ненависть к преградам, сильно развитый орган полета, и пр. и пр. — Представляете себе удивление вашей тетушки? Последует разрыв. Вы будете видаться с вашей кузиной тайком, это хороший способ сделать дружбу менее пресной — а когда Керн умрет — вы будете свободны, как воздух... Ну что вы на это скажете? Не говорил ли я вам, что способен дать вам совет смелый и внушительный!

Поговорим серьезно, т. е. хладнокровно: увижу ли я вас снова? мысль, что нет, приводит меня в трепет. — Вы скажете мне: утешьтесь. Отлично, но как? влюбиться? невозможно. Прежде всего надо забыть про ваши спазмы. — Покинуть родину? удавиться? жениться? Все это очень хлопотливо и не привлекает меня. — Да, кстати, каким же образом буду я получать от вас письма? Ваша тетушка противится нашей переписке, столь целомудренной, столь невинной (да и как же иначе... на расстоянии 400 верст). — Наши письма наверное будут перехватывать, прочитывать, обсуждать и потом торжественно предавать сожжению. Постарайтесь изменить ваш почерк, а об осталь-

ном я позабочусь.— Но только пишите мне, да побольше, и вдоль, и поперек, и по диагонали (геометрический термин). Вот что такое *диагональ*. А главное, не лишайте меня надежды снова увидеть вас. Иначе я, право, постараюсь влюбиться в другую. Чуть не забыл: я только что написал Нетти письмо, очень нежное, очень раболепное. Я без ума от Нетти. Она наивна, а вы нет. Отчего вы не наивны? Не правда ли, по почте я гораздо любезнее, чем при личном свидании; так вот, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности — в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду нежен, в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю — у ваших ног. (Франц.).

Пушкин — А. П. Керн. 28 августа 1825.

10

Вы, конечно, уже знаете всё, что касается до приезда Анны Петровны. Муж ее очень милый человек, мы познакомились и подружились.

Пушкин — А. Н. Вульф. 10 октября 1825.

11

У Олениных ужинали на маленьких столиках, без церемоний и, разумеется, *без чинов*. Да и какие могли быть чины там, где просвещенный хозяин ценил и дорожил только науками и искусствами? За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как, например: «Можно ли быть такой хорошенькой!» Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарady. Спроси у m-me Керн, хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень

серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Ну, как же ты теперь, Пушкин?» — спросил брат. «Я раздумал, — ответил поэт, — я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины...» Вскоре ужин кончился, и стали разъезжаться. Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами.

Впечатление его встречи со мною он выразил в известных стихах:

Я помню чудное мгновенье,
и проч. ...

Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей, в Тригорском, в 1825 г. в июне месяце. Вот как это было. Мы сидели за обедом... Как вдруг вошел Пушкин с большой, толстой палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол; он обедал у себя гораздо раньше, и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками, волкодавами. Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться; он был очень неровен в обращении; то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, — и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Раз он был так нелюбезен, что сам в этом сознался сестре, говоря: «До чего же я был неучтив сегодня!» Вообще же, надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятное волновало его... Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротою и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про *Черта*, который ездил на извозчике на

Васильевский остров. Эту сказку с его же слов записал некто *Титов* и поместил, кажется, в *Подснежнике*. Пушкин был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество. Однажды с этою целью явился он в Тригорское с своею большою черною книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих *Цыган*. Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаявала от наслаждения; он имел *голос* певучий, мелодический и, как он говорит про Овидия в своих *Цыганах*:

И голос шуму вод подобный.

Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в *Михайловское*. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называл ее глупою, а говорил: «Я люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо», хвалил природу и говорил, что он торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал при нашей первой встрече А. Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в *Михайловское*, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «Приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: «Мой милый Пушкин, будьте же гостеприимны и покажите госпо-

же ваш сад». Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться...

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анной Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы *Онегина*, в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье
и проч. и проч.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих *Северных цветах*. Михаил Иванович Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя.

Во время пребывания моего в Тригорском я пела Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной,
и проч. ...

С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей, где я бывала почти всякий день и куда он приехал из своей ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему не доставало. Он как будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском. Я полагаю, что император Александр I, заставляя его жить долго в Михайловском, много содействовал к развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась. Дружья не покидали его в ссылке...

Тотчас по приезде он усердно начал писать, и мы его редко видели. Он жил в трактире Демута, его

родители на Фонтанке, у Семеновского моста, я с отцом и сестрою близ Обухова моста, и он иногда заходил к нам, отправляясь к своим родителям. Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду *печеным картофелем*, до которого Пушкин был. большой охотник. В год возвращения его из Михайловского именины свои праздновал он в доме родителей, в семейном кружку и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности...

В этот вечер мы говорили о Льве Сергеевиче, который в то время служил на Кавказе, и я, припомнив стихи, написанные им ко мне, прочитала их Пушкину. Вот они:

Как можно не сойти с ума,
Внимая вам, на вас любясь;
Венера древняя мила,
Чудесным поясом красясь,
Алкмена, Геркулеса мать,
С ней в ряд, конечно, может стать,
Но, чтоб молили и любили
Их так усердно, как и вас,
Вас спрятать нужно им от нас,
У них вы лавку перебили!

Л. Пушкин

Пушкин остался доволен стихами брата и сказал очень наивно: «И он тоже очень умен»...

Я восхищалась чтением его *Цыган* в Тригорском и сказала: «Вам бы следовало, однако ж, подарить мне экземпляр *Цыган* в воспоминание того, что вы их мне читали». Он прислал их в тот же день, с надписью на обертке всеми буквами: *Ее Превосходительству А. П. Керн от господина Пушкина, усердного ее почитателя. Трактир Демут, № 10.*

Несколько дней спустя он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам. Живые сны...

Писавши эти строки и напевая их своим звучным голосом, он, при стихе:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло! —*

заметил, смеясь: *Разумеется, с левой, потому что ехал назад!*

Это посещение, как и многие другие, полно было шуток и поэтических разговоров...

Зима прошла. Пушкин уехал в Москву и хотя после женитьбы и возвратился в Петербург, но я не более пяти раз с ним встречалась. Когда я имела несчастье лишиться матери и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бегал, со свойственной ему живостью, по всем соседним дворам, пока наконец нашел меня. В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде. Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме, которая принимала во мне участие; ласкал мою маленькую дочь Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?» — отвечала: «Воля!» — и вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им, как *гением добра*. Пусть этим словом окончатся мои воспоминания о великом поэте.

А. П. Керн. Воспоминания о Пушкине.

12

Современников Пушкина все более и более накапливается по ту сторону жизни; тем более обязанностей лежит на тех, которые остались по сю сторону. Вы пишете, что только от одного лица слышали одобрение (Н. Н. Тютчева) своей статьи; жаль, что Вы не были в Москве во время ее появления. Я там слышал

---

* Стихотворение «Приметы», см. № 2.

со всех сторон и даже от незнакомых людей, в театре единственный приговор, что — только одна умная женская рука способна так тонко и превосходно набросать историю сношений, где чувство своего достоинства, вместе с желанием нравиться и даже сердечною привязанностью, отливаются разными и всегда изящными чертами, ни разу не оскорбившими ничьего глаза и ничьего чувства, несмотря на то, что иногда слагаются в образы, всего менее монашеского или пуританского свойства. Вы напрасно, по моему мнению, беспокоитесь о слишком резком характере отдельных фраз или выражений. Все это пропадает в общей гармонии целого, которое само по себе, в одно время и очень откровенно и очень благородно, вполне добродушно и вполне прилично. Действительно, так писать могут только женщины, потому что наш брат непременно в каком-нибудь уголку, где потемнее, да переложил бы красок, не удержался бы от эффекта и растушевки...

П. В. Анненков — А. П. Керн. 28 июля 1859.

13

Однажды у Дельвига, проходя гостиную, я был остановлен словами Пушкина, подле которого сидел Шевырев: «Помогите нам сострять эпиграмму...» Но я спешил в соседнюю комнату и упустил честь сотрудничества с поэтом. Возвратясь к Пушкину, я застал дело уже оконченным. Это была знаменитая эпиграмма: «В Элизии Василий Тредьяковский...» Насколько помог Шевырев, я, конечно, не спросил.

В другой раз, у Дельвига же, Пушкин стал, шутя, сочинять пародию на мое стихотворение:

Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю: Гурия Пророка
С небес на землю сведена... — *и пр.*

Последние два стиха он заменил так:

Я мыслю: в день Ильи Пророка
Она была разведена...

Не лишнее, однако же, заметить, что к этой будто бы в день Ильи разведенной написаны и самим Пушкиным стихотворения:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...— и пр.

И другое:

Я ехал к вам, живые сны...

Вдохновительница этих стихов показывала мне последнее стихотворение в подлиннике, не знаю почему, изорванном в клочки, на которых, однако ж, можно было рассмотреть, что эти три, по-видимому, так легко вылившиеся строфы стоили Пушкину немалого труда. В них было такое множество переделок, помарок, как ни в одной из случившихся мне видеть рукописей поэта.

А. И. Подолинский.

14

Чрез несколько лет встретила я в Торжке... А. П. Керн, уже пожилою женщиною. Тогда мне и сказали, что это героиня Пушкина — Татьяна.

...и всех выше
И нос, и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

Эти стихи, говорили мне при этом, написаны про ее мужа, Керн, который был пожилым, когда женился на ней. Анна Николаевна Вульф, по моему мнению, не подходит к Татьяне, она была уже зрелая, здоровая такая, когда я ее видела.

*Е. Е. Синицина. Рассказы о Пушкине,
записанные В. Колосовым.*

15

Милый брат Алексей!

Ты, верно, обо мне ничего не знаешь, а я тебе писала в Малинники, и верно ты не получил; я тебя

извещала о женитьбе моего сына и рекомендовала новую дочь, которая тебе и пишет. Они теперь уезжают — она к родителям ее, а он — в Петербург, хлопотать об обещанном ему уже месте. Не подосадуй, мой друг, на меня, что я при сей верной оказии прибегаю к тебе опять за помощью, мой верный друг и моя всегдашняя опора! Помоги мне еще раз, вероятно в последний, потому что я очень уж на тонкую пряду: раза два нынче зимой чуть было не отправилась. Не откажи мне, пожалуйста, в этот последний раз, вышли мне, пожалуйста, 100 в Петербург на имя Констанции Петровны Де-Додт; часть я ей должна, а на остальные она подновит мой гардероб, потому что мой гардероб мыши съели. Адрес Констанции: дом Овсянниковой, Итальянская улица, квартира Тютчевых.

И жилось бы мне здесь хорошо, если бы я могла жить в своем доме; но брат не пускает и даже оттягал и мою собственность, ту, которую мне отец завещал. Ну, бог с ним! Это за то, что я ему отдала часть свою, которую получила от бабушки. Прощай, мой милый друг. Весна так хороша, что я и тебе подобной желаю. Напиши мне хоть словечко и прости, что я тебе надоедаю и будь так добр, не откажи в моей просьбе и вышли как можно скорей.

Преданная тебе друг и сестра

Анна Виноградская.

А. П. Маркова-Виноградская (Керн) — А. Н. Вульф.

Вторая половина 1871.

Видишь, где я очутилась, мой добрый друг и брат? В доме, где я бывала в детстве, где мне так хорошо на старости, и где ты бывал в прошлые годы нередко, и где надеюсь видеть тебя, может быть, даже в это лето... А как мы с мужем были бы рады этому!.. Добрейшие хозяева наши Александр и его жена Лиза Бакунины так с нами ласковы и внимательны, что мы испытываем полное довольство и покой...

Из Москвы мы переехали в Торжок еще в апреле, по случаю дороговизны и потому, что утомились от суеты и грязи номерной жизни... В половине же октября перебрались в Прямухино по влечению сердца и в видах экономии; но эти виды пока не осуществились по случаю *тяжкой* болезни мужа, из которой он едва выздоравливает и которая сильно подорвала его финансы, а также и физические силы... Прямухино все то же, что было 70 лет назад и это мне очень приятно; — а между тем, милое наше Берново уже далеко не то!..

Дети наши в Москве, и мы надеемся, что доставят нам радость свидания в скором времени...

Мое здоровье не дурно, но болезненная тоска по временам одолевает меня, и память очень плоха. Вследствие этого, напомни мне о всех наших родных и утешь подробною грамоткою о себе, старый и неизменный друг и брат.

Будь здоров и люби — хоть немного — неизменно преданного тебе друга.

Анна Виноградская.

А. П. Маркова-Виноградская (Керн) — А. Н. Вульф. 23 декабря 1878.

17

С грустью спешу уведомить: отец мой 28-го января умер от рака в желудке, при страшных страданиях, в доме Бакуниных в селе Прямухине. После похорон я перевез старуху-мать несчастную к себе в Москву, где надеюсь ее кое-как устроить у себя, и где она будет доживать свой короткий, но тяжелогрустный век. Всякое участие доставит радость бедной сироте-матери, для которой утрата отца незаменима.

Пожелав вам всего хорошего, остаюсь уважающий вас ваш слуга

А. Виноградский.

А. А. Виноградский — А. Н. Вульф. 5 февраля 1879.

Это был близкий друг Пушкина, а в определенные периоды петербургской жизни, на переломе 20-х и 30-х годов — чуть ли не ближайший. Но еще фаньше, из Михайловского, Пушкин писал, ласково обращаясь к двум дорогим ему людям: «Брат Лёв и брат Плетнёв!» В числе 29 сохранившихся писем поэта к Плетневу есть несколько, в которых обнаруживается не только полное доверие во всех деловых, издательских вопросах, не только благодарность за поистине самоотверженное служение Плетнева Пушкину, но и такая теплота чувства, которая сразу показывает, чем был для Пушкина Плетнев.

В письме от 31 августа 1830 г. (№ 16) Пушкин поверяет Плетневу то, что не поверял тогда никому (это не преувеличение) — свою тоску, неуверенность в будущем, невеселые мысли перед свадьбой: «Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно». Теперь эти строки — особенно начало — цитируются в сотнях статей и книг, читаются миллионами людей, а предназначались они для одного Петра Александровича Плетнева.

Другое письмо — такое простое, искреннее и, если можно так сказать, беззащитное (№ 24) было напи-

сано уже женатым Пушкиным 22 июля 1831 г. Пушкин ободрял и утешал опечаленного друга: «Дельви́г умер... умрем и мы. Но жизнь еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычевки, а детки будут славные, молодые веселые ребята». Ах, если бы знать! Грустно читать эти строки: до старости дожил один Плетнев; через два года после гибели Пушкина он потерял жену, и даже дочь его Ольга, которая лежала в колыбели, когда отец ее получил трогательное письмо Пушкина, умерла в возрасте 21 года, едва успев выйти замуж.

Обратим внимание читателя еще на один документ из представленных в подборке: письмо Плетнева Я. К. Гроту, относящееся к 1844 г. (№ 26). Слова Пушкина, которые вспомнил и передал Плетнев, хоть и не буквально, но с полной точностью содержания — за это можно поручиться — могли бы по праву стать эпиграфом к двухтомнику, ибо друзья для Пушкина действительно были — «все». И среди них почетное место по праву принадлежит Плетневу.

* * *

В биографии поэта, критика и педагога, профессора русской словесности Петербургского университета (с 1832 г.), ректора (1840—1861 гг.), ординарного академика (с 1841 г.) Петра Александровича Плетнева была особенность, отличавшая его от подавляющего большинства людей пушкинского окружения: он не принадлежал к дворянскому сословию. Подобно тому, как Жуковский и Соболевский, на какие бы «высоты» светского общества они ни забирались, всегда ощущали печать своей «незаконнорожденности», Плетнев большую часть жизни выглядел в глазах чванной придворной знати «человеком не первого сорта».

Отец его был бедным священником, имевшим приход в небольшом селе на верхней Волге (Бежицкий уезд Тверской губернии). Исследователям связей Пушкина с Тверским краем еще предстоит освоить «плетневскую» тему. Однако сделать это будет нелег-

ко, поскольку профессор говорил в 1840 г.: «Ни собственная память моя, ни бумаги мои не удержали ничего из лет давно минувших». Однако поэтические свидетельства иной раз надежнее документальных. Плетнев писал:

Есть любимый сердцу край;
Память с ним не разлучится:
Бездны моря преплывай,
Он везде невольно снится.

Плетнев окончил духовную семинарию в Твери и в 1811 г. на свой страх и риск прибыл в Петербург, где ему удалось поступить в Педагогический институт (скоро ставший Главным). Несколько факторов определили не столько быстрое, сколько неуклонное продвижение Плетнева. Во-первых — он имел светлую голову и был необычайно трудолюбив *; во-вторых — ему повезло с самого начала: директором Педагогического института был Егор Антонович Энгельгардт, тот самый, что перешел потом в Лицей, человек знающий и добрый, умевший разглядеть и поддержать способных учеников; в-третьих — получив диплом педагога, Плетнев был определен преподавателем в Екатерининский институт и скоро встретился там со «странным» лектором — Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером. Отсюда уже был один шаг до Дельвига и до Пушкина. Дельвиг обладал поразительной способностью угадывать и развивать таланты поэтические (возможности Плетнева в поэзии были довольно скромными), критические и, главное, — человеческие. Люди, с которыми встретился и подружился Петр Александрович Плетнев, были чужды сословных перегородок и дворянской спеси. В помине не было этого и у Жуковского, которому молодые поэты скоро представили Плетнева.

Встречи с друзьями Пушкина определили судьбу Плетнева. Он вспоминал о Дельвиге: «Я сошелся с Дельвигом при самом начале его и моего вступления в литературу. От лицейского порога до самой кончины

---

* Много лет спустя, похоронив родных и друзей, он говорил: «Теперь после долгих трудов я имею независимость и даже более — все есть, чего я желал, да не с кем поделиться этим благосостоянием».

его это соединение сохранило один ровный, чистый характер. Мне ведомы были каждое в нем ощущение, каждая мысль». Когда прочитаешь эти слова, становятся понятными обмен горестными письмами между Пушкиным и Плетневым в начале 1831 г. и общая их приверженность дружбе с Баратынским, неразлучным «названным братом» Дельвига.

Характер Плетнева был мягкий, отзывчивый до сентиментальности. Он был воспитан на русской литературе XVIII века, т. е. прежде всего на сентиментализме. Пушкин как-то назвал его «человеком благоволения», другой современник говорил, что ему была присуща «благоволительная скромность». Казалось бы, бурный темперамент, романтический скепсис, острота суждений молодого Пушкина могли оттолкнуть Плетнева. Их переписка и началась с размолвки. Плетнев напечатал в 1821 г. элегию «Батюшков из Рима», которую кто-то приписал самому Батюшкову (в то время уже больному и болезненно ранимому человеку). Карамзин, Жуковский и их друзья были огорчены и недовольны; вся история дошла до «кишиневского Пушкина», который откровенно высказался об элегии в письме ко Льву, добавив еще несколько нелестных слов о поэтическом слоге Плетнева, «бледном как мертвец». Реакция Плетнева отражена в длинном стихотворении, начало которого мы приводим (№ 5). В нем слышится не обида, а высокое уважение и любовь к поэтическому дару Пушкина.

Дальнейшие отношения Пушкина с Плетневым отмечены огромной посреднической издательской работой, которую проделал Плетнев в Петербурге, чтобы хоть на относительно выгодных для Пушкина условиях выпустить в свет то, что поэт создавал на Юге, в Михайловском, в Москве, в Болдине. Начиная с I главы «Онегина» (1825) и «Стихотворений» (1826), Плетнев выпустил в свет — т. е. нашел издателя и книгопродавца, разрешил типографические, материальные и иные проблемы, — более 20 книг Пушкина. Пушкин имел все основания сказать, что независимою своей (т. е. литературными заработками) он обязан богу и Плетневу. Разумеется, заслуга последнего несравненно больше. Причем все это делалось совершенно бескорыстно. Плетнев не получал ни

копейки и трудился исключительно ради дружбы с Пушкиным.

Хотя, пожалуй, такое объяснение не точно, ибо он трудился и во имя величия русской литературы, понимая, с каким неповторимым явлением имеет дело. В 1825 г. он с восторгом писал в одной из своих критических работ о Пушкине, который «в продолжение последних четырех лет обогатил новейшую словесность нашу тремя поэмами («Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан». — В. К.), которые доставили бы ему славу не только во Франции, но и в Англии. Я не смею сравнивать его ни с кем из нынешних французских стихотворцев, потому что он столько же выше их, сколько у нас Ломоносов был выше своих современников-литераторов. Его гений с такою же легкостью переносится в область вымыслов, как и срисовывает великолепные картины природы... Пробежите ряд всех трогательных мест в его поэмах, соберите его небольшие стихотворения, сии быстрые излияния кратковременной задумчивости или внезапной грусти: в них поразят вас и звуки, и краски, и чувства своею точностью, естественностью, простотою и силою». Сравнение с французскими поэтами в первых строках связано с тем, что вся цитируемая статья Плетнева была ответом на упреки некой корреспондентки в его излишнем пристрастии к русским поэтам.

Плетнев-критик в ряде работ поднялся достаточно высоко; В. Г. Белинский даже назвал его статью «Чичиков, или Мертвые души» «единственной хорошей статьей из всех, написанных по поводу поэмы Гоголя». Однако приверженность традициям порой переходила у Плетнева в консерватизм, а доброта и готовность поддержать писателя — во всепрощенчество. Пушкин советовал ему не писать «добрых критик», но Плетнев упорно чуждался полемики и, даже видя ошибки и чуждые ему взгляды, не в состоянии был их обличить. Александр Бестужев точно подметил эту особенность Плетнева: «Мне кажется, что г. Плетнев не совсем прав, расточая... полною рукою похвалы всем и уверяя некоторых поэтов, что они не умрут потому только, что они живы». Но нет худа без добра: мягкость Плетнева, случалось, оказывалась

полезным амортизатором для Пушкина, когда нужна была дипломатичность, «обходные маневры» в литературной борьбе, а прямые выпады могли только повредить поэту.

Трудно более точно определить свойства личности Плетнева — его «души прекрасной, святой исполненной мечты», чем сделал Пушкин в «Посвящении» «Онегина». Первоначально эти стихи были напечатаны в 1828 г. как посвящение IV и V глав, но в издании 1837 г. Пушкин перенес их в самое начало, тем самым посвятив Плетневу весь роман. Ибо не для забав «гордого света» было создано сокровенное творение его души, а для благожелательного «вниманья дружбы».

Переписка с опальным Пушкиным и постоянные хлопоты по его издательским делам навлекли на непричастного к политической борьбе Плетнева серьезные подозрения начальства. После негласного расследования был сделан благоприятный для Плетнева вывод, что он «знает Пушкина как литератора, смотрит за печатанием его сочинений и вырученные за продажу оных деньги пересылает к нему по просьбе и препоручению г. Жуковского». Плетнев был при этом аттестован как человек «поведения прекрасного, жизни тихой и уединенной, характера скромного и даже более робкого». Казалось бы, чего за таким персонажем и следить? Но Николай I плохо верил в благонамеренность друзей Пушкина. Как следует из специально заведенного дела «О связи учителя Плетнева с литератором Пушкиным», «государю императору угодно было повелеть... усугубить всевозможное старание узнать достоверно по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его и... иметь за ним ближайший надзор».

После смерти Дельвига, т. е. с 1831 г., Пушкин и Плетнев сблизились еще более. Они собрали и выпустили последний альманах «Северные цветы» в пользу семьи покойного друга. Рядом с Пушкиным не оставалось почти никого из прежних друзей: Плетнев напоминал ему молодость. 30 июня 1834 г. Пушкин писал Наталье Николаевне из Петербурга в

Полотняный завод: «завтра Петергофский праздник*, и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем. Будем пить за твое здоровье». Они дружили семьями — Плетнев с большой симпатией относился к Наталье Николаевне, сохранив эти чувства и после смерти Пушкина.

Студенты слушали Плетнева с огромным интересом, и не последнюю роль в отношении молодежи к нему играла известная многим близкая дружба с Пушкиным. Характеристика его лекций, данная в некоторых мемуарах, вступает в известное противоречие с мнением И. С. Тургенева (№ 34). Вот пример: «Он читал не мертвые лекции, а живые импровизации, исполненные знания и любви к делу... Плетнев являлся в аудиторию с Державиным, и т. п., начинал читать их, избирая именно особенно замечательное, и тут сыпалось множество эстетических, филологических, анекдотических и других замечаний, делавших его *вдохновенным комментарием* по выражению Пушкина»**.

Существует мемуарная запись и о том, как Пушкин пришел в университет на лекцию Плетнева. Эпизод, вероятнее всего, относится к концу 1836 г. или началу 1837 г., но точная дата пока не установлена. «Плетнев поднялся на кафедру, — вспоминал один из слушателей, — и в то же время в дверях аудитории показалась фигура Пушкина с его курчавой головой, огненными глазами и желтоватым нервным лицом... Пушкин сел с каким-то другим господином из литераторов на одну из задних скамей и внимательно прослушал лекцию, не обращая внимания на беспрестанные просматривания его обращенными назад взорами сидевших впереди студентов... Профессор, читавший о древней русской литературе, вскользь упомянул о будущности ее, и при сем имя Пушкина прошло через его уста, возбуждение было сильное и едва не перешло в шумное приветствие дорогого гостя. Это было уже в конце урочного часа, и Пушкин, как бы предчувствуя, что молодежь не удержится от взрыва, скромно удалился из аудитории, ожидая окончания

---

* Петергофский праздник устраивался ежегодно 1 июля в честь императрицы.

** Пушкин сказал так о Кюхельбекере, но это может быть отнесено и к Плетневу-лектору.

лекции в общей проходной зале, куда вскоре и вышел к нему Плетнев, и они вместе уехали. Это было незадолго до смерти Пушкина». Не в этот ли день разговаривали они о мемуарах (любимая тема Пушкина)? Плетнев потом рассказывал: «Написать записи о моей жизни мне завещал Пушкин у Обухова моста во время прогулки за несколько дней до своей смерти».

Еще с 20-х годов Плетнев стал собирать у себя по субботам, а потом по средам друзей-писателей, создав своего рода литературный салон — один из самых демократических в Петербурге, поскольку туда допускались даже студенты университета. Воспоминания о вечере у Плетнева, принадлежащие Ивану Сергеевичу Тургеневу, включены в подборку (№ 34).

27 января 1837 г. была среда. Плетнев, как делал нередко, ближе к вечеру решил заехать к Пушкину, чтобы увести поэта к себе на очередное литературное собрание. Он подошел к дому как раз в тот момент, когда раненого Пушкина выносили из кареты. Плетнев остался в квартире Пушкина и был свидетелем последних дней жизни поэта. Нужно ли описывать его чувства? Важно отметить только одно его замечание, которое служит ответом тем биографам Пушкина, которые считали, что поэт умер, совершив до конца свой путь и создав все, что мог создать. Плетнев сказал: «Труд, за которым его застала смерть, был выше всего, что мы от него получили. Он готовил нам историю Петра Великого»... Десять лет спустя Плетнев писал Я. К. Гроту: «Я был свидетелем последних минут поэта. Несколько дней они были в порядке и ясности у меня на сердце. Когда я прочитал Жуковского (письмо к отцу поэта. — В. К.), я поражен был сбивчивостью и неточностью его рассказа; тогда-то я подумал в первый раз: так вот что значит наша история... Я тогда же мог бы хоть для себя сделать перемены в этой статье. Но время ушло. У меня у самого потемнело и сбилось в голове все, казавшееся окрепшим навсегда».

В 1837 г. Плетнев выпустил четыре книжки «Современника», готовившиеся еще с участием Пушкина. В 1838—1846 гг. он редактировал журнал сам, хотя и сознавал, что не справляется с «законами»

журнальной борьбы и не может ни ладить с цензурой, ни противостоять ей. В 40-е и 50-е годы особенно активной становится его литературно-критическая работа. Он пишет о тех, кого знал и любил: о Пушкине, Жуковском, Баратынском, Крылове, Гоголе.

О личных бедах Плетнева уже говорилось. Десять лет (1839—1849 гг.) он прожил одиноко, а затем женился во второй раз — на А. В. Щетиной. Титанический труд, который десятилетиями был для него обычной нормой жизни, подтачивал силы. До 1856 г. Плетнев никуда не выезжал дальше петербургских предместий — не было ни часу свободного. Но в 1856 г. впервые отправился на лечение за границу — побывал во Франции и в Англии. Возвратился и снова работал. В 1863 г. уехал для продолжения лечения в Париж, где и умер. Тело его перевезли в Петербург и похоронили в Александро-Невской лавре.

Больше полувека спустя, после Великой Октябрьской революции, внук его, тоже Петр Александрович Плетнев, передал пушкинистам скромную книжечку — альманах «Северные цветы» (1832). На титульном листе было написано: «Плетневу от Пушкина. В память Дельвига 1832 15 февр. С. П. Б.». Плетнев преданно любил друзей и верно служил им. Он сам сказал об этом:

...Искусства в общий круг
Как братьев нас навек соединили;
Друг с другом мы и труд свой и досуг
И жребий наш с любовью делили;
Их счастьем я счастлив был равно;
В моей тоске я видел их унылых...
Мне в славе их участие дано:
Я буду жить бессмертием мне милых.

Основная литература

Плетнев П. А. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия, т. 5. М., 1968.

Переписка Пушкина. Т. II. М., 1982.

Н. Эйдельман. Дело Плетнева. — В кн.: Н. Эйдельман. Пушкин и декабристы. М., 1979.

1

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».
Посвящение.

2

ПЛЕТНЕВУ

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман наш продолжать
И строгий век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что с целию полезной
Тревогу славы можно сочетать,

И что . . . . . нашему собрату
Брать с публики умеренную плату.

Ты говоришь: пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен — нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив —

1835

А. С. Пушкин.

3

Вы за «Онегина» советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат.
Итак, еще роман не кончен — это клад:
Вставляй в просторную, вместительную раму
Картины новые — открой нам диораму:
Привалит публика, платя тебе за вход —
(Что даст еще тебе и славу и доход).

Пожалуй — я бы рад —

Так некогда поэт

. . . . .

1835

А. С. Пушкин.

4

В мои осенние досуги,
В те дни, как люблю мне писать,
Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман, не конча, перервать,
Отдав уже его в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,

По крайней мере уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

Вы говорите: «Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен — понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
Чердак, и келью, и харем
И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату —
За книжку по пяти рублей —
Налог не тягостный, ей-ей».

1835

А. С. Пушкин.

5

А. С. ПУШКИНУ

Я не сержусь на едкий твой упрек:
На нем печать твоей открытой силы;
И, может быть, взыскательный урок
Ослабшие мои возбудит крылы.
Твой гордый гнев, скажу без лишних слов,
Утешнее хвалы простонародной:
Я узнаю судью моих стихов,
А не льстеца с улыбкою холодной.
Притворство прочь. На поприще моем
Я не свершил достойное поэта:
Но мысль моя божественным огнем
В минуты дум не раз была согрета...

1822

П. А. Плетнев.

6

Я долго не отвечал тебе, мой милый Плетнев; собирался отвечать стихами, достойными твоих, но отложил попечения, положение твое против меня слишком выгодно, и ты слишком хорошо, умеючи им воспользовался. Если первый стих твоего послания написан также от души, как и все прочие, то я не раскаиваюсь в минутной моей несправедливости — она доставила неожиданное украшение словесности. Если же ты на меня сердит, то стихи твои, как они ни прелестны, никогда не утешат меня. Ты конечно б извинил мой легкомысленные строки, если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет, и никакая поэзия не шевелит моего сердца. Не подумай, однако, что не умею ценить неоспоримого твоего дарования. Чувство изящного не совсем во мне притупилось — и когда я в совершенной памяти — твоя гармония, поэтическая точность, благородство выражений, стройность, чистота в отделке стихов пленяют меня, как поэзия моих любимцев.

Пушкин — П. А. Плетневу. Ноябрь — декабрь 1822. (Черновое).

7

Ты издал дядю моего:
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не жалела лик его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего Онегина! — Созови мой Ареопат, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение.

Жалею, что нет между вами Баратынского, говорят, он пишет.

*Пушкин — П. А. Плетневу.
Конец октября 1824. (Черновое).*

8

Как быть, милый Пушкин! Твое письмо пришло поздно. Первый лист Онегина весь уже отпечатан, числом 2400 экзем. Следственно, поправок сделать нельзя. Не оставить ли их до второго издания? В этом скоро будет настоять нужда. Ты верно уже получил мое письмо с деньгами 500 р. По этому суди, что работа у нас не дремлет, когда дело идет о твоих стихах. Все жаждут. Онегин твой будет карманным зеркалом петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила до уморы. Ножки восхитительны. Ночь на Неве с ума нейдет у меня. Если ты в этой главе без всякого почти действия так летишь и влечешь, то я не умею вообразить, что выйдет после. Но Разговор с книгопродавцем верх ума, вкуса и вдохновения. Я уж не говорю о стихах: меня убивает твоя логика. Ни один немецкий профессор не удержит в пудовой диссертации столько порядка, не поместит столько мыслей и не докажет так ясно своего предложения. Между тем какая свобода в ходе! Увидим, раскусят ли это наши классики?..

П. А. Плетнев — Пушкину. 22 января 1825.

9

Милый, дело не до стихов — слушай *в оба уха*. Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно они вспомнят обо мне... Если братъ, так братъ — не то, что и совести марасть — ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; чорт ли в них? *а просить или о въезде в столицы, или о чужих краях*. В столицу хочется мне для вас, друзья мои, — хочется с вами еще перед смертию

поврать; но, конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать? Покажи это письмо Жуковскому, который, может быть, на меня сердит. Он как-нибудь это сладит. Да нельзя ли дам взбуторажить?.. Душа! я пророк, ей-богу пророк!

Пушкин — П. А. Плетневу. 4—6 декабря 1825.

10

Душа моя, спасибо за *Стихотворения Александра Пушкина*, издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится. Еще раз благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что делается у вас в Петербурге? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую. Кстати: не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я шесть лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а?

Прости, душа, скучно мочи нет.

*Пушкин — П. А. Плетневу.
Вторая половина января 1826.*

11

Карамзин болен! — милый мой, это хуже много — ради бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты. Гнедич не умрет прежде совершения Илиады — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк. Не будет вам Бориса, прежде чем не выпишете меня в Петер-

бург — что это в самом деле? стыдное дело. Сле-Пушкину дают и кафтан, и часы, и полумедаль, а Пушкину полному — шиш. Так и быть: отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвертака (что мне следует), по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос: невинен я или нет? но в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в Петербурге. Вот каково быть верноподданным! забудут и квит. Получили ли мои приятели письма мои дельные, т. е. деловые? Что ж не отвечают? — А ты хорош! пишешь мне: переписывай да нанимай писцов опоческих да издавай Онегина. Мне не до Онегина. Чорт возьми Онегина! я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите.

Пушкин — П. А. Плетневу. 3 марта 1826.

12

Не удивляйся, душа моя, что я целый месяц не писал к тебе. Этот месяц был для меня черным не только в году, но и во всей жизни. Сроду не бывал я болен и не пробовал, каковы на свете лекарства; а теперь беспрестанно их глотаю через час по две ложки. Это, однако ж, не помешало мне, хоть с разными изворотами, исполнить все твои комиссии, а именно: 1) Князю Вяземскому отослано 600 руб. 2) Слепушкину доставлен экз. твоих «Стихотворений». 3) Тебе посланы 2, 3 и 4 части «Мнемозины». 4) Сверх того посланы тебе новое издание басен Крылова и «Северные Цветы». 5) Отдано твое письмо Жуковскому. Ты, верно, не знаешь, какой у нас теперь мор на писателей. Жуковский болен отчаянно и для своего спасения получил совет ехать на теплые воды. Карамзин не может здесь выздороветь и потому отправляется морем до Бордо, а оттуда по южной части Франции во Флоренцию, где проживет два года. Гнедичу говорят доктора, что он может ожидать спасения от весны, а не от них. Можешь по этому вообразить, в состоянии ли кто-нибудь в этом положении начать какое-нибудь важное дело. Сверх того,

так много еще хлопот посторонних. Мой совет и всех любящих тебя провести нынешнее лето в деревне. К осени Жуковский возвратится. Дел важных сбавится. Всё взойдет в обыкновенное течение. Тогда легче начать и Жуковскому. Тебе легко возражать, что за советами нужды ни у кого не будет. Но ты хладнокровнее обними стечение этих странных обстоятельств, и сам согласишься, что прежде надобно заняться чем-нибудь общим, а потом приступить к частному. 6) Послана тебе рукопись Цыганов. Аккуртнее исправь да поскорее пришли: так и тиснем. Кстати. Не можешь ли ты решиться напечатать второй главы Онегина? Это необходимо нужно. Теперь она ходит в самой неисправной рукописи по городу, и от этого скоро к ней потеряют вкус. Сделай милость, напечатай: тогда скорее разойдется и первая. Ты от этого тьму получишь денег.

П. А. Плетнев — Пушкину. 14 апреля 1826.

13

Очень жалею, что ты не побывал у нас и не порадовал собою друзей своих. Москва счастливее. Она перетянула тебя. Боюсь, чтобы теперь с петербургской литературой не случилось казуса, какой воспоследовал с московской по отъезде Карамзина и Жуковского к нам. А, кажется, этого не миновать, хотя Фаддей и уверяет благоразумных читателей, что не опасно, когда преимущественно участвует в издании журнала первоклассный поэт. Мне так более всего обидно, что ты не намекнул даже мне, какие у тебя литературные планы. Правду сказать, что я в любви самый несчастный человек. Кого ни выберу для страсти, всякий меня бросит. Баратынский, которого я, право, больше любил всегда, нежели теперь кто-нибудь любит его, уехавши в Москву, не хотел мне ни строчкой плюнуть. Сам Дельвиг скоро променяет меня на гранпасьянс. Но бог с вами, братцы! Вижу, что любви и дружбы нет без равенства или, по крайней мере, без денег. Что прикажешь делать с «Цыганами»? Они

пропущены. Здесь печатать или к тебе переслать? Не одолжишь ли меня годовым экземпляром своего журнала? Выписал бы за деньги; да, право, нет их.

П. А. Плетнев — Пушкину. 2 января 1827.

14

Поздравляю тебя, душа моя. Теперь смотрю на тебя с спокойствием, потому что ты ступил на дорогу, по которой никто не смеет вести тебя кроме рассудка твоего и совести: а на них-то я всегда и надеялся в тебе более всего. За одно не могу на тебя не сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдумано, ты давно должен был и сказать мне о нем, не потому, чтобы я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои. Ты этого не хотел: так пеняй на себя, если я по причине поспешности не мог для тебя сделать чего-нибудь слишком выгодного. Вот что я могу обещать тебе: в продолжение четырех лет (начиная с 1 мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стишка не напечатал нового: будешь кормиться все старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих; но повторяю: в поспешности не мог я ничего сделать более, а пуще всего решила меня на то боязнь контрфакции и разные плутни торгашей, которых хоть я и не видал до сих пор, но не мог не бояться, судя по тому, что книжечки-то наши такие крошки, каких не трудно наделать всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен. Теперь, по крайней мере, ничего у нас на руках не будет: если мы и обогатим своим товаром Смирдина, литературе же лучше: он будет предприимчивее, а мы-то, собственно, не в накладе: потерпят для него одни библиоманы. Этот сбыт всех напечатанных уже экземпляров 7-ми глав Онегина, 2-х томов «Стихотворений», «Полтавы», «Цыганов» и «Фонтана», не

мешает тебе увеличивать ежегодно свой доход печатанием или новых глав Онегина, или новых томов «Стихотворений», или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением «Руслана» и «Пленника», о коих сам ты сделал условия). Поскорее ответь: согласен ли ты на это мое распоряжение? Где тебе жить? Разумеется, чем ближе к друзьям, тем лучше им: они советники пристрастные. Издавать ли что нового? Сам теперь суди, смотря по моему отчету.

Прошу тебя, и сделай это непременно: поцелуй за меня ручку у твоей невесты-прелести.

Прочие твои поручения приведены будут в исполнение.

П. А. Плетнев — Пушкину. 29 апреля 1830.

15

Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в первобытной красоте: вот что пишет мне Бенкендорф:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, Sa Majesté vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité» *.

Слушай же, кормилец: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками — а ты, благодетель, явись к Фон-Фоку и возьми от него письменное дозволение (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши.

Скажи: имел ли влияние на расход Онегина отзыв Северной Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа: Фаддей Выжигин. Теперь некогда, а со време-

---

* Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью (фр.).

нем можно будет написать это. Какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке? пожалуйста отпиши.

Ах, душа моя, какую женку я себе завел! —

Сейчас получил письмо твое — благодарю, душа моя. Заключай условия, какие хочешь — только нельзя ли вместо четырех лет — три года — выторгуй хоть 6 месяцев. Не продать ли нам Смирдину и трагедию? Поручение твое к моей невесте исполнено. Она заочно рекомендуется тебе и жене твоей. Что касается до будущего местопребывания моего, то сам не знаю — кажется от Петербурга не отделаюсь. Царь со мною очень мил.

Пушкин — П. А. Плетневу. Около 5 мая 1830.

16

Хорош!.. не хотел со мною проститься и ни строчки мне не пишешь. Сейчас еду в Нижний, т. е. в Лукоянов, в село Болдино — пиши мне туда, коли вздумаешь.

Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Всё это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского.

Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью, которой обязан я был богу и тебе. Грустно, душа моя, обнимаю тебя и целую наших.

Пушкин — П. А. Плетневу. 31 августа 1830.

17

Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца, а оттоле к тебе, моя радость.

Пушкин — П. А. Плетневу. 9 сентября 1830.

18

Милый! я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня, и насилу с нею сладил, но слава богу — сладил. Насилу прорвался я и сквозь карантин — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут. Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели. Что Годунов? Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Апопуге*. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: *Скупой Рыцарь*, *Моцарт и Сальери*, *Пир во время чумы* и *Дон Жуан*. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не всё: (весьма секрет-

---

* анонимно (фр.).

ное) * Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Анопуге. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу!

Пушкин — П. А. Плетневу. 9 декабря 1830.

19

Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса, для московских прощалыг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна. Что Газета наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем, посмотрим.

Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег. И я скажу тебе спасибо. Да что же ты не пишешь ко мне, бессовестный?

Пушкин — П. А. Плетневу. 13 января 1831.

20

Я не могу откладывать, хотя бы не хотел об этом писать к тебе. По себе чувствую, что должен перенести ты. Пока еще были со мною добрые друзья мои и его друзья, нам всем как-то было легче чувствовать всю

---

* для тебя единого. (Прим. Пушкина).

тяжесть положения своего. Теперь я остался один. Расскажу тебе все, как это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш? Еще в нынешнее воскресенье он говорил мне, что теперь он по крайней мере совсем спокоен. Начало его болезни случилось во вторник, за неделю, т. е. 6-го числа. Но эта болезнь, простуда, очень казалась обыкновенною. 9-го числа он говорил со мною обо всем, нисколько не подозревая себя опасным. В воскресенье показались на нем пятна. Его успокоили, уверив, что это лихорадочная сыпь, и потому-то он принял меня так весело, сказав, что теперь он спокоен. Понедельник и вторник, т. е. 12 и 13 он был в беспамятстве горячки. В среду в 7-ом часу вечера Петр Степанович, приехав ко мне, сказал, что он, по признанию докторов, в опасности. За ним вскоре приехал Гнедич с Лобановым, которые заезжали туда и слышали, что он близок к разрушению. В 9-м часу я отправил туда человека, который возвратился с ужасною вестью, что ровно в 8 часов его не стало. И так в три дни явная болезнь его уничтожила. Милый мой, что ж такое жизнь?

*П. А. Плетнев — Пушкину.
Ночь с 14 на 15 января 1831.*

21

Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у вас и начну жить en bourgeois*, а здесь с тетками справиться невозможно — требования глупые и смешные — а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять

---

* по-мещански (фр.).

жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе. Делать нечего: придется печатать мои повести. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем.

Что баронесса? я писал Хитровой о братьях Дельвига. Спроси у нее, каковы ее дела, и отец мой заплатил ли долг Дельвигу? Не продаст ли она мне мой портрет? Мне пишут, что ее здоровье плохо, а она пишет Михайлу Александровичу, что она здорова. Кто прав? Что же ты мне не отвечал про жизнь Дельвига? Баратынский не на шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится. Но надобно подробностей — изложения его мнений — анекдотов, разбора его стихов etc...

*Пушкин — П. А. Плетневу. Около
16 февраля 1831.*

22

Поздравляю тебя, милый друг, с окончанием кочевой жизни. Ты перешел в наше состояние истинно гражданское. Полно в пустыне жизни бродить без цели. Все, что на земле суждено человеку прекрасного, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравление мое и Наталье Николаевне: целую ручку ее.

Написать историю и характеристику поэзии Дельвига — дело столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Баратынский не вызвался на это, я бы тебя стал просить о том же, или даже сам на то посягнул бы. Теперь займусь составлением материалов и перешлю их сперва к тебе в цензуру, а ты передай ему с своими зачерками и вставками. Уговорил я баронессу продать тебе портрет твой. Высылать его в Москву незачем. Оставляю до приезда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдам остальные от десяти тысяч Годунова, из которых четыре переслано тебе, а пять отдано долгу Дельвигу.

П. А. Плетнев — Пушкину. 22 февраля 1831.

23

Жду зимы, чтобы согреть близ тебя душу. Впрочем, думаю, что ты скоро соскучишься мною и оставишь меня на произвол моей странной судьбы. Других надежд у меня нет...

П. А. Плетнев — Пушкину. 19 июля 1831.

24

Письмо твое от 19-го крепко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь всё еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо. Вздор, душа моя; не хандри — холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы.

Пушкин — П. А. Плетневу. 22 июля 1831.

25

Вашему сиятельству угодно знать, откуда получают статьи в стихах и прозе, печатаемые с именем покойного А. С. Пушкина в издаваемом мною журнале: Современник.

Я имел счастье, в течение двадцати лет, пользоваться дружбою нашего знаменитого поэта. Не выезжавши в это время ни разу из Петербурга, я был для него всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром. Покойный Пушкин, находившись по большей части вне Петербурга, то в Новороссийском краю, то в своей деревне, беспрестанно должен был писать ко мне, потому что у него не было других доходов, кроме тех денег, которые собирал я от издания и продажи его сочинений.

Привычка относиться во всем ко мне, опыты прямодушия моего, и — может быть — несколько счастливых замечаний, которые удалось мне передать ему на его сочинения, до такой степени сблизили его со мною, что ему вздумалось предварительно советоваться с моим приговором каждый раз, когда он в новом сочинении своем о чем-нибудь думал на-двое. Таким образом, присылая оригинал свой ко мне для печатания, он прилагал при нем несколько поправок или перемен на сомнительные места, предоставляя мне выбрать для печати то, что я найду лучше.

Таким образом, у меня накопилось несколько статей, хотя неполных, отрывчатых, но уже и тем драгоценных, что на них остался блеск ума Пушкина. Не подумайте однако ж, ваше сиятельство, что я употребляю во зло доверенность покойного моего друга. В апреле нынешнего года, печатая № 1 Современника, я письменно отнесся о намерении помещать эти статьи в моем журнале к одному из членов Опекы детей Пушкина, а именно к д.с.с.* Василию Андреевичу Жуковскому, прося его известить об этом Опеку и отвратить от меня всякое нареkanie. При отъезде своем за границу Василий Андреевич извинился передо мною, что не успел уведомить меня письменно о согласии Опекы на мое предположение, но поручился мне словом своим, что это согласие Опекы произнесено, и даже прибавил, что все, мною собираемое и печатаемое в Современнике, принесет выгоды Опеке, которая, без моей публикации, никогда не узнала бы о существовании этих статей.

*П. А. Плетнев — Г. А. Строганову.
24 ноября 1838.*

Я недавно припомнил золотые слова Пушкина насчет существующих и принятых многими правил о дружеских сношениях. «Все,— говорил в негодовании

---

* действительному статскому советнику.

Пушкин,— заботливо исполняют требования общежития в отношении к посторонним, то есть к людям, которых мы не любим, а чаще и не уважаем, и это единственно потому, что они для нас ничто. С друзьями же не церемонятся, оставляют без внимания обязанности свои к ним, как к порядочным людям, хотя они для нас — всё. Нет, я так не хочу действовать. Я хочу доказывать моим друзьям, что не только их люблю и верую в них, но признаю за долг и им, и себе, и посторонним показывать, что они для меня первые из порядочных людей, перед которыми я не хочу и боюсь манкировать чем бы то ни было, освященным обыкновениями и правилами общежития.

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 1 апреля 1844.

27

Все, что высказал ты о «Домике в Коломне»,.. я совершенно разделяю. Надобно еще прибавить к тому, что «Домик в Коломне» для меня с особенным значением. Пушкин, вышедши из Лицея, действительно жил в Коломне, над Корфами — близ Калинкина моста, на Фонтанке, в доме бывшем тогда Клокачева. Здесь я познакомился с ним. Описанная гордая графиня была девица *Буткевич*, вышедшая за семидесятилетнего старика графа *Стройновского* (ныне она уже за генералом Зуровым). Следовательно, каждый стих для меня есть воспоминание или отрывок из жизни.

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 2 марта 1846.

28

В понедельник мы все трое были у Балабиных. Я прочел там 2-ю главу Онегина. Это подало мне повод рассказать, как мастерски в Ленском обрисовал Пушкин лицейского приятеля своего Кюхельбекера.

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 16 февраля 1848.

Все товарищи, даже не занимавшиеся пристрастно литературой, любили Пушкина за его прямой и благородный характер, за его живость, остроту и точность ума. Честь, можно сказать, рыцарская, была основанием его поступков — и он не отступил от своих понятий о ней ни одного разу в жизни, при всех искушениях и переменах судьбы своей. Не избалованный в детстве ни роскошью, ни угождениями, он способен был переносить всякое лишение и чувствовать себя счастливым в самых стесненных обстоятельствах жизни. Природа, кроме поэтического таланта, наградила его изумительной памятью и проницательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь. Его голова, как хранилище разнообразных сокровищ, полна была материалами для предприятий всякого рода. По-видимому, рассеянный и невнимательный, он из преподавания своих профессоров уносил более, нежели товарищи. Но все отличные способности и прекрасные понятия о назначении человека и гражданина не могли защитить его от тех недостатков, которые вредили его авторскому призванию. Он легко предавался излишней рассеянности. Не было у него этого постоянства в труде, этой любви к жизни созерцательной и стремления к высоким отдаленным целям. Он без малейшего сопротивления уступал влиянию одной минуты и без сожаления тратил время на ничтожные забавы...

Без особенных причин никогда он не изменял порядка своих занятий. Везде утро посвящал он чтению, выпискам, составлению планов или другой умственной работе. Вставая рано, тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он боялся одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулок. Перед обедом, который откладывал до самого вечера, прогуливался во всякую погоду. По соседству с его деревней и теперь живет доброе благородное семейство, где обыкновенно он проводил вечер и очень часто обедал. Черты этой жизни пере-

несены им отчасти в IV главу «Онегина». Писать стихи любил он преимущественно осенью. Тогда он до такой степени чувствовал себя расположенным к этому занятию, что и из Петербурга в половине сентября нарочно уезжал в деревню, где оставался до половины декабря. Редко не успевал он тогда оканчивать всего, что у него заготовлено было в течение года. Теплую и сухую осень называл он негодною, потому что не имел твердости отказываться от лишней рассеянности. Туманов, сереньких тучек, продолжительных дождей ждал он как своего вдохновения. Странно, что приближение весны, сияние солнца всегда наводили на него тоску. Он это изъяснял расположением своим к чахотке. В одиночестве нередко бывала собеседницею поэта старушка, его няня, трогательно воспетая в стихах Языкова. Пушкин беспрестанно выписывал из Петербурга книги, особенно английские и французские. Едва ли кто из наших литераторов успел собрать такую библиотеку, как он. Не выходило издания почему-либо любопытного, которого бы он не приобретал. Издерживая последние деньги на книги, он сравнивал себя со стекольщиком, которого ремесло заставляет покупать алмазы, хотя на их покупку и богач не всякий решится...

П. А. Плетнев. Александр Сергеевич Пушкин.

Произведения Пушкина принадлежат истории литературы. В каждом из них есть отпечаток мысли самобытной, отпечаток, достойный внимания по своей новостности, ясности и твердости. В новом издании сочинений Пушкина помещено будет все, что было где-нибудь напечатано при жизни его. Найденные по смерти его сочинения в рукописях составят особенное издание. Но есть, кажется, способ еще более усилить истории литературы, еще живее выразить внимание к памяти столь любимого современниками поэта, и показать в некотором смысле уважение к

потомству. Надобно предположить, что не все произведения литературы, какими только ознаменовалась мысль Пушкина, соединены были в его бумагах. Деятельность духа его была изумительна. По своей неодолимой склонности к переездам из одного места в другое, он писал; так сказать, кочуя. Сколько должно находиться беглых его стихотворений, вдохновенных заметок и других бесценных памятников таланта в руках особ, бывших с ним в дружеских сношениях! Не касаясь совершенно частных писем, из одних его чисто литературных мнений можно составить любопытное дополнение к его сочинениям. Все на него действовало необыкновенно сильно. Но литература была исключительно его любимой сферою. Еще в Лицее он за нею стал следить как участник. Таким образом с каждым обретением нового из его произведений более получала бы целостности картина его созданий, и доходила бы до того совершенства, в котором суд над нею делается и правым и наставительным. Сколько полноты сообщится его биографии, без которой, как без ключа, нельзя проникнуть в таинство самой поэзии...

Определяя характер писателя как человека по господствующему тону и выходкам ума в его сочинениях, трудно заключить, что Пушкин был застенчив и более многих нежен в дружбе. Между тем это справедливо. Его ум, от природы необыкновенно проницательный и острый, в сочинениях высказывался во всей силе своей. В уединении, на просторе не связывало его ничто внешнее. Но общество, особенно где Пушкин бывал редко, почти всегда приводило его в замешательство, и оттого оставался он молчалив и как бы недоволен чем-нибудь. Он не мог оставаться там долго. Прямотушие, также отличительная черта характера его, подстрекало к свободному выражению мыслей, а робость противодействовала. Притом же совершенную привычку он сделал только к высшему обществу или к самому тесному кругу приятелей. В обоих случаях он чувствовал себя на своем месте.

Итак, все, что затаивалось в душе его при других обстоятельствах, сильно и резко выражалось под легким пером его.

Он вырос в Лицее, окруженный товарищами, которых не переставал любить до смерти. Связь эта равным образом послужила к тому, чтобы укоренить в нем особенности характера его. Никто не провел счастливее отрочества своего и первой юности. Он был оракулом этой молодежи, возраставшей с какими-то радужными надеждами. Пушкин тогда уже составил себе ясное понятие только о двух положениях в свете: быть или между друзьями, или посреди непринужденного, но холодного общества. Чувство чести, доведенное до тончайшей щекотливости, выражалось поминутно во всех его сношениях. Но к другим он столько же был строг, как и к самому себе. На благородстве его слова безопасно можно было успокоиться.

Собою не владел он только при таких обстоятельствах, от которых все должно было обрушиться на него лично. Он почти не умел распоряжаться ни временем своим, ни другою собственностью. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенной силе обстоятельств. Между тем ни за что он столько не уважал другого, как за характер. Он говорил, что характер очищает в человеке все неприличное его достоинству. Так хорошо понимал он все прекрасное в другом. Пылкость его души в слиянии с ясностью ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей.

П. А. Плетнев. Александр Пушкин.

31

В первый раз П. А. Плетнев встретил Пушкина в доме его родителей, когда он был еще лицеистом. Потом, служа вместе с Кюхельбекером в Екатерининском институте, он через него сошелся и подружился с Дельвигом. Все трое хаживали на литературные субботние вечера к Жуковскому, где часто бывал Пушкин. Там они и познакомились. Любовь к словесности соединяла молодых людей. Поздними вечерами они возвращались вместе от Жуковского, и в одушев-

ленных беседах не замечали дальних расстояний столицы. Плетнев напечатал тогда роман одного своего покойного товарища студента Ивана Георгиевского «Евгений или письма к другу» (Спб. 1818. 12°. 2 части) и к этому довольно слабому произведению написал предисловие, в котором рассказана жизнь рано умершего сочинителя. «Зачем вы напечатали роман?—заметил ему Пушкин,—вам бы выдать одно предисловие это вещь прелестная». Сношения пока ограничивались обыкновенным знакомством, а потом Пушкин уехал..

П. И. Бартенев.

32

На вечерах Плетнева я видал многих литераторов, и в том числе А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Пушкин и Плетнев были очень внимательны к Гоголю. Со стороны Плетнева это меня нисколько не удивляло, он вообще любил покровительствовать новым талантам, но со стороны Пушкина это было мне вовсе непонятно. Пушкин всегда холодно и надменно обращался с людьми мало ему знакомыми, не аристократического круга и с талантами малоизвестными. Гоголь же тогда не напечатал еще своего первого творения «Вечера на хуторе близ Диканьки» и казался мне ничем более, как учителем в каком-то женском заведении, плохо одетым и ничем на вечерах Плетнева не выделявшимся. Я и не подозревал тогда в нем великой его гениальности.

А. И. Дельвиг.

33

У Плетнева собирался по субботам небольшой литературный кружок, и Дельвиг был постоянным субботним гостем. Кроме Дельвига, на этих вечерах бывали Пушкин, Баратынский и многие другие молодые писатели. В этих дружеских собраниях читывались и обсуждались все литературные новости недели, читались и разбирались собственные только что написанные стихотворения, и, таким образом, совершалось взаимное литературное образование собеседников. Тут были читаны все стихотворения

Дельвига, из которых многие исправлялись по замечаниям слушателей. Дельвиг, в стихотворении к Плетневу, при посылке изданной им в 1829 году книжки своих стихотворений, вспоминает об этих дружеских собраниях. Вот это стихотворение:

Брожение юности унялось,
Остепенился твой поэт;
И вот ему что отстоялось
От прежних дел, от прошлых лет.
Тут все знакомое субботам,
Когда мы жили жизнью всей
И расходились на шесть дней,
Я — снова к лени, ты — к заботам.

В. П. Гаевский

34

Скажу несколько слов о самом Петре Александровиче. Как профессор русской литературы, он не отличался большими сведениями; ученый багаж его был весьма легок; зато он искренно любил «свой предмет», обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты. Главное, он умел сообщать своим слушателям те симпатии, которыми сам был исполнен — умел заинтересовать их. Он не внушал студентам никаких преувеличенных чувств, ничего подобного тому, что возбуждал в них, например, Грановский; да и повода к тому не было — *non hic ergat locus* *... Он тоже был очень смирен, но его любили. Притом его, как человека, прикосновенного к знаменитой литературной плеяде, как друга Пушкина, Жуковского, Баратынского, Гоголя, как лицо, которому Пушкин посвятил своего Онегина, — окружал в наших глазах ореол. Все мы наизусть знали стихи: «Не мысля гордый свет забавить» и т. д.

И действительно, Петр Александрович подходил под портрет, набросанный поэтом; это не был обычный комплимент, которым так часто украшаются посвящения. Кто изучил Плетнева, не мог не признать в нем

Души прекрасной,
Святой исполненной мечты,

---

* это было не к месту (лат.).

Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты.

Он также принадлежал к эпохе, ныне безвозвратно прошедшей: это был наставник старого времени, словесник, не ученый, но по-своему мудрый. Кроткая тишина его обращения, его речей, его движений не мешали ему быть проникательным и даже тонким, но тонкость эта никогда не доходила до хитрости, до лукавства; да и обстоятельства так сложились, что он в хитрости не нуждался: все, что он желал,— медленно, но неотразимо как бы плыло ему в руки; и он, покидая жизнь, мог сказать, что наслаждался ею вполне, лучше чем вполне—в меру. Такого рода наслаждение надежнее всякого другого; древние греки недаром говорили, что последний и высший дар богов человеку—чувство меры. Эта сторона античного духа в нем отразилась, и он ей особенно сочувствовал, другие ему были закрыты. Он не обладал никаким так называемым «творческим» талантом; и он сам хорошо это знал: главное свойство его ума—трезвая ясность—не могло изменить ему, когда дело шло о разборе собственной личности. «Красок у меня нет,—жаловался он мне однажды,—все выходит серо, и потому я не могу даже с точностью передать то, что я видел и посреди чего жил». Для критика—в воспитательном, в отрицательном значении слова—ему недоставало энергии, огня, настойчивости, прямо говоря—мужества. Он не был рожден бойцом. Пыль и дым битвы для его гадливой и чистоплотной натуры были столь же неприятны, как и сама опасность, которой он мог подвергнуться в рядах сражавшихся. При том его положение в обществе, его связи с двором так же отдаляли его от подобной роли—роли критика-бойца—как и собственная его натура. Оживленное созерцание, участие искреннее, незыблемая твердость дружеских чувств и радостное поклонение поэтическому—вот весь Плетнев. Он вполне выразился в своих малочисленных сочинениях, написанных языком образцовым, хотя немного бледным.

И. С. Тургенев

Свидетель и даже в определенной степени участник преддуэльной истории Пушкина, во всяком случае хорошо знавший поэта и его окружение, В. А. Соллогуб утверждал, что единственным человеком, который, окажись он тогда в Петербурге, мог бы удержать Пушкина от поединка с Дантесом, был Сергей Александрович Соболевский (№ 17). Любопытно, что всю жизнь чуравшийся высоких слов, склонный скрывать свои чувства под маской иронии, сарказма, даже цинизма, Соболевский не только не опроверг слова Соллогуба, но фактически сам подтвердил их.

Справедливости ради, надо сказать, что несколько близких друзей Пушкина, отсутствовавших в Петербурге в январе 1837 г. (Пушин, Нащокин, Чаадаев, Матюшкин и даже Осипова), в различных словах выразили ту же мысль: «мы бы не допустили». Пушин сказал яснее и проще всех: «пуля встретила бы мою грудь», и ему можно безоговорочно верить. Однако в реальных обстоятельствах, сложившихся в Петербурге перед смертью Пушкина, Соболевский и в самом деле был бы незаменимым советчиком поэта. К середине 30-х годов он уже оставил в былом «крайности молодости» — браваду, склонность к лени, излишнюю болтливость (не потеряв ни на йоту своего неподражаемого чувства юмора), а отчасти и напускную заносчивость. В те, ранние, времена Пушкин именовал

его «чудовищем», «Фальстафом» * «животным», а некоторые недоброжелатели даже называли Соболевского «брюхом» Пушкина, ибо возил он поэта по ресторациям и прочим злачным местам Москвы. Впоследствии же острый, как молния, ум, постоянное и целенаправленное чтение, обнаружившиеся незаурядные деловые качества (он был основателем одной из крупнейших в России, технически высоко оснащенной бумагопрядильной мануфактуры), приобретенные в путешествиях и обогатившие его духовный мир знакомства со многими умнейшими людьми Европы,— все это сделало Соболевского личностью необычайно интересной и яркой. Сестра Пушкина Ольга Сергеевна недаром подметила: «без Соболевского Александр жить не может. Все тот же на словах злой насмешник, а на деле добрейший человек».

Сразу же надо оговориться, что отношение Пушкина к Соболевскому вовсе не было некритическим. Известно письмо, где Пушкин упрекает Соболевского за «безалаберность» в издательских делах, которые он от имени поэта вел в Москве (№ 5). В одном из писем к жене Пушкин пишет о Соболевском и брате Льве Сергеевиче: «оба довольно пусты»; наконец резкое недовольство Пушкина вызвала неделикатность Соболевского, задумавшего было издавать собственный литературный альманах и требовавшего «поэтической дани» (№ 8). Все это так, и было бы необъективно игнорировать теневые стороны их крепкой и реально существовавшей дружбы. Всякая иерархия дружеских связей Пушкина наивна, но все же следует сказать, что той полной душевной доверенности, взаимного «растворения» сокровенных чувств и тайных мыслей, как много лет с Дельвигом, в лицейские времена — с Пушиным, а в 30-х годах — с Нащокиным, у Пушкина с Соболевским не было. Это объясняется прежде всего характером Соболевского — чуждым всякой аффектации и малейшей сентиментальности; Пушкин же, в разговорах с Соболевским готовый, как говорится, «для красного словца не пощадить и родного отца», в иных обстоятельствах вовсе не чурался открытого изъявления доброты и любви к

---

* Персонаж комедии Шекспира «Генрих IV», обжора и весельчак.

друзьям. С Дельвигом они даже руки друг другу целовали при встрече! С Соболевским такое было немислимо. Кроме того, несмотря на разницу всего в четыре года, Соболевский первоначально принадлежал все же к числу приятелей Льва Сергеевича, а не его старшего брата. Эта возрастная дистанция до известной степени сказывалась.

В целом же, это была постоянная, близкая дружба. Их связывали общность литературных, издательских интересов и начинаний; сходная или даже одинаковая оценка многих событий и многих людей; богатая библиотека Соболевского и его глубочайшие библиографические познания, в полном блеске развернувшиеся, правда, после смерти Пушкина, успели послужить и поэту; свежие и редкие по своей глубине впечатления Соболевского, «вывезенные» им из первого путешествия в Европу (1828—1833 гг.), не только позволили Пушкину яснее представить себе большие проблемы века, но ближе познакомили его с рядом европейских авторов, прежде всего—с Проспером Мери-ме; деловые качества Соболевского оченьгодились Пушкину, когда ему пришлось заниматься «экономикой» своих помещичьих владений, что скоро стало раздражать его и даже приводить в отчаяние. Несмотря на своеобразный склад характера, Соболевский мог вдруг проявиться самым обыденным, человеческим образом. Так, скажем, он отдал в залог ростовщику принадлежавшее ему столовое и чайное серебро, чтобы помочь Пушкину выпутаться в очередной раз из долгов... Во всяком случае все это безмерно далеко от некогда сложившейся в литературе традиции — числить Соболевского среди дальних приятелей, светских знакомых и едва ли не собутыльников Пушкина.

Разумеется, вывод А. К. Виноградова, одного из первых, кто писал о Соболевском, более чем спорен*, но нельзя сказать, что он вовсе построен на песке.

---

* В книге «Мериме в письмах к Соболевскому» А. К. Виноградов писал: «Твердо можно сказать, что, устранив две дуэли Пушкина с Федором Толстым и Владимиром Соломирским в годы перед отъездом за границу, Соболевский, конечно, не допустил бы и роковой дуэли 1837 г.».

Никакого Сергея Александровича Соболевского, по правде говоря, не существовало. Был побочный сын богатого помещика и хлебосольного хозяина московского барского дома Александра Николаевича Соймонова и вдовы бригадира Анны Ивановны Лобковой, также принадлежавшей к почтенному дворянскому роду (она была внучкой Санкт-Петербургского коменданта С. Л. Игнатьева). Ни отец, ни мать, нежно любившая единственного сына, не могли дать ему свое имя. Вот и приписали его к польской дворянской фамилии, не имевшей «продолжения». Так появился «Соболевский». Как и другой близкий Пушкину человек — Жуковский, Сергей Александрович всю жизнь болезненно ощущал «изъян» незаконнорожденности, в котором был уж никак не повинен. Пушкин сочувствовал Соболевскому и одобрял его манеру держаться независимо и умение заставлять кичливых, но нередко бездарных «законных» отпрысков дворянских родов «кланяться себе ниже карманов». Пушкин, если верить его племяннику Л. Н. Павлищеву, «применял» к Соболевскому свой лицейский «Романс»:

Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

До пятнадцати лет Соболевский жил в Москве. Мать души в нем не чаяла, с отцом отношения складывались непросто: весь город знал, чей сын Соболевский, но никто не решался произнести это вслух. В 1817 г. Сергей был определен в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге и оказался в одном классе с «кудрявым мальчиком» — Львом Пушкиным. Соболевский сам рассказал об этом в небольшом отрывке воспоминаний, которые оказались бы еще более важным документом, будь они продолжены (№ 17). Друзьями юности Соболевского стали Лев Пушкин и Михаил Глинка, любимым учителем — Вильгельм Кюхельбекер, покровителем и заступником — Александр Иванович Тургенев, хорошо знавший его родителей. Мудрено ли,

что старший брат Льва Пушкина, почти каждый день бывавший в пансионе, подружился с Соболевским.

9 июля 1819 г., когда за какие-то вольные разговоры Соболевскому грозило исключение из пансиона, Александр Пушкин обратился к А. И. Тургеневу за помощью: «когда вы увидите... Кавелина^{*}, поговорите ему, хоть ради вашего Христа^{**}, за Соболевского, воспитанника Университетского пансиона. Кавелин притесняет его за какие-то теологические мнения и достойного во всех отношениях молодого человека вытесняет из пансиона, оставляя его в нижних классах, несмотря на успехи и великие способности. Вы были покровителем Соболевского, вспомните об нем...» Соболевский в пансионе остался. Таков был первый известный эпизод в истории отношений Пушкина и Соболевского, которая, вообще говоря, богата фактическим материалом. Второй относится к 1820 г. Уезжая из Петербурга, Пушкин поручил брату и Соболевскому переписать и подготовить к печати «Руслана и Людмилу», что и было ими успешно выполнено.

В годы ссылки прямой связи между Пушкиным и Соболевским, по-видимому, не было. Однако Соболевский был дружен не только со Львом (пансион сблизил их на всю жизнь; Соболевского, не впадая в ошибку, можно назвать ближайшим другом Льва Сергеевича до самой смерти последнего), но и со всей семьей Пушкиных. Даже мать Пушкина Надежда Осиповна, осуждая некоторые экстравагантные выходы Соболевского, в общем обращалась с ним ласково. Письмо Ольги Сергеевны уже цитировалось. Как-то, увидев в ее альбоме стихи Вяземского (см. т. 1), Соболевский написал рядом и свои:

Пишу тебе в альбом и аз,
Сестра и друг поэта, Ольга,
Хотя мой стих и не алмаз,
А просто мишура да фольга.

Из всего этого следует, что через Льва Сергеевича Соболевский в деталях знал обстоятельства жиз-

---

* Д. А. Кавелин — директор педагогического института. Резко отрицательно относился к А. С. Пушкину. Вполне вероятно, что и Соболевского притесняли именно за дружбу с братьями Пушкиными.

** См. очерк об А. И. Тургеневе в т. I.

ни Пушкина в ссылке, равно как и произведения поэта, которые получал его брат. Так что встреча в Москве в начале сентября 1826 г., описание которой легко найти в любой биографической книге о Пушкине, была отнюдь не случайной.

С 1822 г. Соболевский числился на службе в Московском архиве коллегии иностранных дел, где решительно ничего не делал, если не считать, что он изобрел для себя и своих коллег выражение «архивные юноши», увековеченное Пушкиным в «Евгении Онегине»*.

8 сентября 1826 г. на балу у французского посла Мармона Соболевскому сказали, что Пушкин находится в Москве у дядюшки Василия Львовича. Соболевский в бальном одеянии поспешил к Василию Львовичу и оказался первым из друзей, увиденных Пушкиным в Москве, где поэт не был 15 лет. С того дня Соболевский стал «путеводителем Пушкина по Москве», как его называли. Первым его делом было расстроить дуэль Пушкина с Федором Толстым, оскорбившим поэта еще до ссылки; вторым — устроить у себя дома авторское чтение «Бориса Годунова». В те же дни Соболевский, М. П. Погодин, С. П. Шевырев при участии Пушкина решили начать издание нового журнала «Московский вестник». Наконец, Соболевский тотчас взял на себя и часть издательских дел Пушкина — он ездил по поручению поэта к цензорам, готовился печатать «Братьев-разбойников» и «Цыган». Поэтому грубой ошибкой было бы видеть в отношениях Пушкина и Соболевского в тот период, не говоря о дальнейшем, череду сплошных увеселений, одну лишь «пирожную сторону», как тогда говорили. Конечно, существовала и она: Соболевский был непременным участником развлечений аристократической Москвы, и он охотно приобщал Пушкина к этой стороне своей жизни. Впрочем, поэт вовсе и не противился. Однако не это стало главным в их отношениях. Кроме перечисленных литературных и дру-

---

* Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят

гих серьезных дел, Пушкин пользовался тогда уже достаточно обширной библиотекой Соболевского, включавшей многие книги, которых не было и быть не могло у поэта в Михайловском и Тригорском. Не исключено, что тогда же дал Пушкину Соболевский и тайное тайных — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

В начале ноября Пушкин ненадолго вновь уехал в Михайловское, написав с дороги Соболевскому письмо с известными шуточными стихами (№ 2). А возвратившись в Москву 19 декабря 1826 г., поселился у Соболевского и в неразлучном общении с ним провел полгода. За это время они сблизились очень тесно. Из множества встреч, событий и эпизодов жизни Пушкина в то московское полугодие отметим лишь несколько. В начале 1827 г. Пушкин заказал за 350 рублей художнику В. А. Тропинину свой портрет и подарил его Соболевскому; Соболевскому передал Пушкин и еще одно свое изображение — карандашный рисунок, выполненный Жаном Вивьеном. Был тогда и еще один важный подарок поэта Пушкина библиофилу Соболевскому — особый экземпляр «Цыган», отпечатанный на пергаменте. В первые же московские дни Пушкин благодаря Соболевскому познакомился с польским поэтом Адамом Мицкевичем. Эти факты достаточно проясняют отношения Пушкина к Соболевскому.

Надо сказать, что характер дружеских связей Пушкина и Соболевского нередко искажался мемуаристами, в том числе, например, Ф. Ф. Вигелем. Да и чего ожидать, если Соболевский — правда, не без оснований — «метнул» в этого человека такой эпиграммой:

Счастлив дом, а с ним и флигель,
В коих, свинства не любя,
Ах, Филипп Филиппыч Вигель
В шею выгнали тебя.

В ответ Вигель назвал Соболевского «неприличностью с головы до ног». Другой мемуарист характеризует отношения поэта с Соболевским столь же тенденциозно: «Пушкин любил Соболевского преимущественно за неистощимое остроумие, живые экспромты, щеголявшие оригинальными рифмами,

неизменную веселость и готовность кутить и играть в карты когда угодно». Трудно себе представить более близорукий подход. Между прочим, Соболевский даже в молодости не пил (помните, забавную сцену со Львом Сергеевичем, описанную Пушкиным в письме к Наталье Николаевне), а к картам и вовсе не притрагивался. Все приведенные факты и те, что будут приведены, многие фрагменты писем, включенные в подборку, говорят об ином. Их только нужно уметь читать. Когда, узнав о смерти матери Соболевского, Пушкин пишет «про старые дрожжи не говорят трожды» и т. д. (№ 3), то за принятым в их переписке ироничным тоном легко расслышать обычное человеческое сочувствие; когда в том же письме Пушкин зовет Соболевского в Петербург: «мне бы хотелось с тобой свидеться да переговорить о будущем», он имеет в виду совместную заграничную поездку, которая так и не состоялась. Между прочим, агенты III Отделения, следившие за ними обоими и вскрывавшие письма, достаточно были прозорливы, указывая на принадлежность Соболевского к «московской либеральной шайке». Что же касается чувств Соболевского к Пушкину, то они становятся очевидны из письма его к В. Ф. Одоевскому (№ 1), но еще более — из письма Соболевского, адресованного М. П. Погодину через 40 лет после описываемых событий (№ 18). Этот документ — трогательное воспоминание старика, по-молодому свежо и четко воспринимающего прошедшее.

Ранней весной 1827 г. Пушкин и Соболевский верхом отправились в подмосковное Архангельское к Н. Б. Юсупову, который показывал им свои изумительные коллекции и библиотеку. 19 мая 1827 г. на даче Соболевского в Петровском парке состоялись проводы Пушкина, уезжавшего из Москвы в Петербург, где он не был с мая 1820 г. (№ 19).

18 октября 1828 г. Соболевский один, без Пушкина, отправился в первую европейскую поездку. С собою повсюду возил он небольшую копию с портрета Пушкина, писанного Тропининым. Он не был в России пять лет. С Пушкиным они не переписывались. Но в десятках писем Соболевского общим знакомым вопросы о Пушкине и поклоны ему. В 1829 г. он, на-

пример, писал В. Ф. Одоевскому: «26 мая вашего, т. е. 7 июня здешнего, я собственными руками испек весьма изрядно пирог с грибами и съел с Шевыревым (не считая питейного) в честь А. С. Пушкина, вышедшего в этот день на белый свет». Во Флоренции Соболевский получил письмо И. В. Киреевского: «В Пушкине нашел еще больше, чем ожидал...» (№ 6). Соболевский отвечал на это, обращаясь не только к Киреевскому, но и к Пушкину: «Прошу тебя написать мне больше о Пушкине, как и когда приехал, где и как жил, в кого влюблялся и когда едет? Желаю иметь список взятых Пушкиным книг... О, Пушкин, Пушкин, пиши мне!!! Я тебя здесь хвалю, величаю; не то — напечатаю свой перевод тебя, и горе, горе посрамленному». Перевода он не напечатал, но многих во Франции и в Италии познакомил с созданиями Пушкина. К сожалению, Пушкин скорее всего написать Соболевскому так и не собрался, иначе его письмо непременно дошло бы до нас: «безалаберный байбак» был скрупулезным и аккуратнейшим хранителем своего огромного архива, представляющего теперь первостепенную историко-культурную ценность.

Закоренелого холостяка* Соболевского огорчила женитьба Пушкина. «Наших задушевных теперь ни одного, — вздохнул он. — Да, теперь ни одного уж нет в Москве, ибо Александр Сергеевич женящийся, и Баратынский женившийся — уж не люди». Соболевский скучал по России и умолял присылать ему книжные и журнальные новинки. 22 марта 1830 г. он писал С. П. Шевыреву: «Плáчу, что у меня нет «Северных Цветов», но если так, как думаю, проведу лето в Верхней Италии, то попрошу сообщить (т. е. прислать альманах. — В. К.). Пьеска Пушкина, так как вообще все, что он пишет о зиме, превосходна**; эта истинно русская часть года ему с плеча; не то что весна, которую он не любит. Начало 7-й песни я

---

* Он так и не женился всю жизнь, получив в юности отказ княжны А. И. Трубецкой, хотя, по собственному признанию, «венчан был Амуром разов до пятисот». Н. В. Гоголь шутливо называл его «высокорослый и аппетитный для дам г-н Соболевский».

** «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»

читал тому два года назад, и я ужасаюсь поэтому, как мало он пишет. Если бы что-нибудь у него было большого поновее после Мазепы и 7-й главы (а он мне и то и другое читал тому 16 месяцев назад), то верно бы сообщил образчик, ибо Пушкин любит похвастаться». В 1830 г. Пушкину предстояла Болдинская осень. Но, как бы то ни было, доверительный характер отношений Пушкина и Соболевского ясно следует из этого письма, как, впрочем, и из многих других материалов.

Закончив «промышленные» дела, изучив в какой-то мере бумагопрядильное производство, умножив свою несравненную библиотеку и исчерпав пятилетний срок, установленный царским правительством для пребывания дворян за границей, Соболевский 22 июля 1833 г. возвратился в Петербург. Он попал как раз на крестины Александра Пушкина-младшего.

Приезд Соболевского был очень важен и интересен Пушкину. Он привез свежие европейские новости, живой рассказ о людях и странах, в которых Пушкин мечтал побывать, да так и не осуществил мечту. Он привез и новые книги — например, собрание сочинений Мицкевича. 17 августа Пушкин и Соболевский вместе выехали из Петербурга в Торжок. Здесь пути их временно разошлись, но через несколько дней они опять встретились — на этот раз в Москве. Об этом путешествии каждый из них рассказал в письмах: Пушкин сразу же в письме к жене (№ 7), а Соболевский много лет спустя — в письме к М. Н. Лонгинову (№ 14).

С этих дней начался второй и последний период тесного общения Пушкина с Соболевским, продолжавшийся до начала августа 1836 г. Сергей Александрович рассказал Пушкину правду о талантливой мистификации Проспера Мериме — сборнике «Гузла», послужившем источником для многих «Песен западных славян». Пушкин сначала не поверил, что имеет дело не с фольклорными записями, а с авторскими песнями Мериме. Соболевский вынужден был даже специально написать составителю «Гузлы», с которым подружился в Париже, и лишь письмо Мериме окончательно убедило Пушкина. Узнав, что и Мицкевич поддался мистификации, Пушкин шутил: «Право

же, в отличную компанию я попал». В результате всей этой истории окрепло заочное знакомство Пушкина и Мериме.

Пушкин и Соболевский были почти неразлучны, когда оба оказывались в Петербурге. Их видели в книжных лавках, в ресторане Дюме, во многих светских салонах, нередко они вместе бывали у родителей Пушкина. Наталья Николаевна не слишком жаловала Соболевского, считая его, видно, чем-то вроде тени холостой жизни Александра Сергеевича. Соболевский тоже относился к жене Пушкина с некоторым предубеждением, которое позже пытался обосновать (№ 11).

Однако Наталья Николаевна все же напрасно не принимала Соболевского всерьез. Он по-прежнему, как бы незаметно, делал много полезного. Он сумел расстроить еще одну намечавшуюся было у Пушкина дуэль (с С. С. Хлюстиным). Вместе с поэтом они разбирали и упорядочивали пушкинскую библиотеку — в этом деле Соболевский был незаменим. Сергей Львович недаром жаловался, что Александр «предпочитает отцу родному всяких Нащокиных да Соболевских». Надежда Осиповна относилась мягче: «Лев и Александр сильно привязались к Соболевскому, они неразлучны». Ольга Сергеевна замечала, что Соболевского «брат посвящает в семейные дела, ничего от него не скрывает».

Понимая отчаянное моральное и материальное положение Пушкина в 1834—36 гг., Соболевский, как человек действия, пытался предпринять конкретные шаги. Он советовал Пушкину выйти в отставку и уехать с семейством в деревню. Не без влияния Соболевского было написано 25 июля 1834 г. письмо Пушкина Бенкендорфу: «Граф. Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу...» Сергей Львович Пушкин с раздражением писал дочери о Соболевском: «Он, кажется, у Александра совершенно поселился и воцарился, подбивает его доказать любовь к независимости не на словах, а на деле, т. е. выйти в отставку да ускакать в деревню заниматься не камер-юнкерскими, а денежными делами». Как уже знает читатель из очерка о Жуков-

ском (см. т. 1), этот план выполнить не удалось. Соболевский использовал свой к тому времени уже немалый коммерческий опыт, чтобы помочь Пушкину разобраться с положением дел во «владениях дедовских». Он читал ему вслух хозяйственные письма докучавшего поэту бесконечными денежными притязаниями Павлищева, кстати сказать, соученика Соболевского по Благородному пансиону, и давал рекомендации, как отвечать на них. В 1834—1836 гг. Соболевский не раз по просьбе Пушкина производил «учет» его помещичьего хозяйства и представлял Александру Сергеевичу довольно оптимистические выводы о положении в имениях (№ 9).

Выиграв судебное дело о материнском наследстве, сняв участок для будущей Самсониевской бумагопрядильной мануфактуры на Выборгской стороне в Петербурге и разработав вместе со своим другом и совладельцем предприятия И. С. Мальцовым проект фабрики, Соболевский 8 августа 1836 г. выехал за оборудованием в Европу. Не последнее место в его планах занимало и дальнейшее комплектование библиотеки. С собою он вез, между прочим, автограф стихотворения «Гусар» — подарок Александра Пушкина Просперу Мериме.

Что толку в *если бы*? И все же — *если бы* они поехали за границу вместе в 1827 г. или в 1828 г., *если бы* удалась отставка и отъезд Пушкина в деревню в 1834 г., *если бы* Соболевский не собрался во второй раз в Европу в 1836 г. ... Может быть, в самом деле лучше было ему не уезжать?

* * *

Дальнейшая жизнь Сергея Александровича Соболевского была интересной, интенсивной, содержательной, полной неожиданных встреч, полезных занятий, ярких воспоминаний. В молодости друг Пушкина, Глинки и Мицкевича, приятель Лермонтова, Гоголя, Карла Брюллова, он в старости стал близким знакомым И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, композитора А. Г. Рубинштейна и многих других славных людей России. Но внутренне он был одинок и бесприютен. Подробности о последних десятилетиях его жизни

можно найти в работах, перечисленных в «Основной литературе». Здесь подытожим коротко то, что связано было с неугасающей памятью о Пушкине.

Последнее упоминание Пушкина о Соболевском относится к предсмертным дням поэта. А. И. Тургенев писал брату Николаю в Париж в феврале 1837 г.: «Если встретишь Соболевского, то скажи ему или дай знать, что Пушкин в первый день дуэля велел написать частные долги и надписал реестр своей рукой довольно твердо. Тут и его долг, кажется 6 т. р. Следовательно он верно заплачен будет». Пушкин не забывал дружеских услуг.

Реакция Соболевского на смерть поэта со всей полнотой выражена в письме П. А. Плетневу из Парижа (№ 11). Это письмо горящего друга и вместе с тем делового человека, стремящегося во имя памяти Пушкина сделать добро его детям. Документ, о котором идет речь, полностью приведен в подборке. Отметим только две ошибки Соболевского, особенно заметные с высоты исторической дистанции. Во-первых, он был несправедлив к вдове Пушкина, разделив по существу близорукий и отчасти высокомерный взгляд некоторых друзей поэта (Карамзиных, Осиповых-Вульф и других). Во-вторых, как это ни удивительно, Соболевский — блестящий знаток книги и библиографии — пренебрег историко-культурным значением библиотеки Пушкина. В полной мере это значение выявилось только 70 лет спустя, когда появилось описание ее, выполненное Б. Л. Модзалевским. И все же странно, что Соболевский не увидел «леса за деревьями».

Возвратившись на родину в 1837 г., Соболевский передал П. А. Плетневу для «Современника» несколько более или менее законченных рукописей Пушкина, хранившихся у него. Издатель «Русского архива» Петр Иванович Бартенев много лет постепенно получал от Соболевского драгоценные пушкинские реликвии — рукописные отрывки, заметки Пушкина (их было более ста) и, что не менее важно, записывал воспоминания Соболевского, уточнения биографических деталей, комментарии к стихотворениям поэта. Событием в пушкиноведении была публикация в журнале «Библиографические записки» (1858 г.) 36 писем

Александра Сергеевича Пушкина к брату, полученных Соболевским из Болдино. Среди бумаг Льва он нашел и напечатал рукопись воспоминаний о Пушкине. По существу один из ближайших друзей Пушкина, Соболевский стал и одним из первых пушкинистов.

Правда, публикация писем Пушкина к брату доставила Соболевскому немалые огорчения: протестовали Наталья Николаевна и сын поэта Григорий Александрович. П. А. Вяземский, как мы знаем, круто переменявший к тому времени воззрения мятежной молодости и ставший крупным сановником, раздраженно писал С. П. Шевыреву 16 февраля 1858 г.: «Кто это печатает в «Библиографических записках» письма Пушкина? В них много неуместного и неприличного. Пушкин еще слишком нам современен, чтобы выносить сор из его избы. Многие выходки его личные, родственные, несколько кощунские, оскорбляют чувства приличия и уважения к самой памяти его. Мало ли что мог брат говорить наедине с братом, но из того не следует, что он то же сказал на площади, а печать та же площадь. Жена его, дочери, сыновья его еще живы: к чему раздевать его при них наголо? Боюсь, чтобы не вышло тут новой цензурной тревоги. Сделайте одолжение, передайте это Соболевскому или кому подобает и предостерегите от меня цензора Крузе».

Соболевский в ответ отпечатал письма еще и отдельной брошюрой: он был упрям и не желал выслушивать выговоров от кого бы то ни было. Но был ли прав Соболевский в этом споре? Ответ не так прост. Да и сам Соболевский не был последователен. В 1852 г. он писал М. П. Погодину: «...ведаю, коль неприятно было бы Пушкину, если бы кто сообщил современникам то, что писалось для немногих или что говорилось или не обдумавшись или для острого словца, или в минуту негодования в кругу хороших приятелей». На этой позиции Соболевский, казалось бы, стоял твердо. В 1855 г. он объяснял М. Н. Лонгинову: «Публика, как всякое большинство, глупа и не помнит, что и в солнце есть пятна; поэтому не напишет об покойном никто из друзей его, зная, что, если выскажет правду, то будут его укорять в недружелюбии из-за каждого верного совестливого словечка; с

другой стороны не может он часто, где следует, оправдывать субъекта своей биографии, ибо это оправдание должно основываться на обвинении или осмеянии других еще здравствующих лиц. И так, чтобы не пересказать лишнего или не досказать нужного, каждый друг Пушкина обязан молчать». Как видим, в противоречие с собственными установками, Соболевский напечатал письма ко Льву. Возможно, его подвигнула к этому биография поэта, опубликованная П. В. Анненковым в 1855 г., которой он остался весьма доволен (№ 14). Но ведь биограф основывался в значительной степени именно на рассказах друзей и современников поэта, да еще на переписке. Можно только пожалеть, что Соболевский не оставил пространных воспоминаний о Пушкине. Им не было бы ценны. Остались уже упоминавшиеся письма и отрывки, записи бесед с ним Бартенева, да статья «Таинственные приметы в жизни Пушкина», написанная Соболевским незадолго до кончины (№ 20).

В 60-х годах, после пожара Самсониевской мануфактуры, Соболевский жил в Москве на Смоленском бульваре в одном доме с другом юности В. Ф. Одоевским. Здесь в десяти комнатах помещалась первейшая в России и чуть ли не в Европе библиотека Соболевского «по географии и библиографии». Это был известный в Москве, многими знаменитостями посещаемый и все же печальный дом: для Соболевского соседство с четой Одоевских означало стремление к своего рода семейной обстановке, которой обделила его судьба. Сотрудник Пушкина по «Современнику», писатель, музыковед, человек необычайно добрый и тихого нрава Одоевский всегда любил своего остроумного, экстравагантного, хотя порой, быть может и не слишком тактичного приятеля. Владимира Федоровича Одоевского называли «осколок пушкинской эпохи». Разве это не относилось и к Сергею Александровичу Соболевскому?

Одоевский умер 27 февраля 1869 г. Соболевский помог вдове разобрать его архив и библиотеку. А 6 октября 1870 г. пришел и его черед. Единственный слуга нашел его похолодевшим в кресле у письменного стола. Похоронили Соболевского в Донском монастыре возле могилы матери. Библиотека попала

к случайной наследнице и была распродана с аукциона в Лейпциге. Архив с письмами Пушкина был куплен для русского коллекционера С. Д. Шереметева и возвратился в Россию. В значительной мере он уже разработан учеными, но еще сулит немало открытий.

Основная литература

В. И. Саитов. Соболевский — друг Пушкина. Пг, 1922.

А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928.

Н. В. Баранская. По случаю отъезда Соболевского в чужие края.— Прометей, т. 2. М., 1967.

В. В. Кунин. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979.

1

Здесь Пушкин, не Лев и не Василий Львович, а Alexandre *, с которым мы сделали неразлучны. С тех пор, как я с ним сблизился, он мне нравится более прежнего, ибо он в моем роде. Любит себя показывать не в пример худшим, чем он на деле...

С. А. Соболевский — В. Ф. Одоевскому.
27 сентября 1826.

2

Мой милый Соболевский — я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно; но в доказательства дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой Itinéraire ** от Москвы до Новгорода. Это будет для тебя инструкция. В первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом

На голос: *Жил*
да был петух
индейский

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

---

* Александр (фр.).

** Маршрут, путевой дневник (фр.).

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,—
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая.—
В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие. Прощай, пиши.

Пушкин — С. А. Соболевскому. 9 ноября 1826.

3

Вечор узнал я о твоём горе и получил твои два письма. Что тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трюжды; не радуйся нашед, не плачь потеряв — посылаю тебе мою наличность, остальные 2500 получишь вслед. Цыганы мои не продаются вовсе; деньги же эти — трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого. Приезжай в Петербург, если можешь. Мне бы хотелось с тобою свидеться да переговорить о будущем. Перенеси мужест-

венно перемену судьбы твоей, т. е. по одежке твоя ножки — всё перемелется, будет мука. Ты видишь, что, кроме пословиц, ничего путного тебе сказать не сумею. Прощай, мой друг.

Пушкин — С. А. Соболевскому. 15 июля 1827.

4

Известный Соболевский (молодой человек из московской либеральной шайки) едет в деревню к поэту Пушкину и хочет уговорить его ехать с ним за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь как дитя. Он поэт, живет воображением, и его легко увлечь. Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом...

Донесение агента III Отделения 23 августа 1827.

5

Безалаберный! полно тебе писать глупости Анне Петровне, напиши мне слово путное. Где *Онегина* 2-я часть? здесь ее требуют, остановилась из-за нее продажа и других глав. А кто виноват? ты, живот, Калибан etc.— еще слово: ты перевелся на Трубецкого, а он терпел, терпел целый месяц — а как стало невтерпеж, пристал ко мне внезапно: давай денег! — денег — а где их взять? — Что ваши, т. е. наши? По-годин мне писал, а я, виноват, весь изленился, не отвечал еще и не послал стихов — да они сами меня обескуражили. Здесь в Петербурге дают мне (*à la lettre*) * 10 рублей за стих, а у вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, чорт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистой, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича.

Пушкин — С. А. Соболевскому. Ноябрь 1827.

---

* буквально (франц.).

6

В Пушкине я нашел еще больше, чем ожидал. Такого мозгу кажется не вмещает уже ни один русский череп, по крайней мере ни один из ощупанных мною. Но вот что он наделал: бывши у меня и зная, что твоя библиотека хранится у нас, отправился в нее и выбрал оттуда несколько книг, принадлежащих ему, уверяя, что он на них имеет полное право, что напишет об этом к тебе, что ты не рассердишься.— Как прикажешь поступить?

*И. В. Киреевский — С. А. Соболевскому.
29 января 1829.*

7

Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел всё это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром...

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 20 августа 1833.

8

Вообрази, что прошлое воскресение вместо письма от тебя получил я письмо от Соболевского, которому нужны деньги для *râtes de foie gras* * и который для того затевает альманах. Ты понимаешь, как письмо его и просьбы о стихах (что я говорю *просьбы*, приказания, подряды на заказ) рассердили меня...

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 21 октября 1833.

9

Из сей бумаги следует

1) что у тебя душ 1037 по последней ревизии, а не 950, как ты говорил. К ним земли 4698 десятин.

2) что из них 563 заложены с надбавочными

200 заложены с надбавочными

200 тобою заложены без надбавочных

74 совершенно свободны

Итак ты можешь получить: на свои 200 надбавочных 10.000 руб.

на 74 всего по 250. Ergo ** 18.500.

сверх этих 28.500 рублей есть надежда, что души по новой ревизии прибавились и что их можно будет заложить.—

3) что недоимки 11.045 рублей 92 копейки, кои должно немедленно заплатить, как то отметил мой приятель бухгалтер. Впрочем я думаю, что у него последний платеж, сделанный теперь с деревни, еще не известен...

Итак у тебя остается с первого раза 17.000 рублей на платеж 10 или 12 тысяч за Льва и отца, и на прокорм отца за год вперед, не считая оставшихся дохо-

---

* паштетов из гусиной печенки (*фр.*).

** следовательно (*лат.*).

дов. Есть же тебе из чего печалиться, а Наталье Николаевне дуться?!!

*С. А. Соболевский — Пушкину. Конец апреля —
начало мая 1834.*

10

Соболевский в курсе всех наших семейных дел: у Александра нет от него тайн и благодаря ему он читал письма, которые ты ему писал. У него часто нехватало терпения, тогда Соболевский их ему дочитывал и заставлял на них обращать внимание; это случилось два раза, как он мне говорил...

*О. С. Павлицева — Н. И. Павлицеву.
20 декабря 1835.*

11

Любезный Петр Александрович.

Третьего дня получили мы роковое известие о бедном нашем Пушкине. Первые минуты отданы нашему горю; но теперь дело не в том, чтобы горевать о нем; дело в том, чтобы быть ему полезным во оставшихся после него. Государь обещал умирающему свое высокое попечение о детях. Отец он добрый! но у этого отца сирот много; он может оградить Пушкиных от недостатка, но уделить им избытка на счет прочих — он не может. Это бы дело России; а наше дело подстрекнуть, вызвать Россию на это! Начну изложением дел покойного и дел отца его. Первые могли измениться с августа месяца, вторые вероятно остались в том же положении; они мне известны, потому что я руководствовал в них Александра, в то время, когда он брал их на себя.

А. Дела Александра а) Он должен государю значительную сумму, но об этой сумме вероятно нам заботиться нечего. Частных долгов на нем больших не было, но много маленьких, особенно счетов в магазины, книжные лавки и пр.; вещи жены его заложены

у некоторого Шишкина (Алексея Петровича); этот Шишкин самый добрый и честный ростовщик. Вообще, я не думаю, чтобы частных долгов (из коих притом большая часть Натальи Николаевны) было более 30.000 рублей. б) Имения собственно его, нет, никакого; кроме участка в 80 душ псковских, оставшихся ему, брату и сестре после матери. Этот участок может стоить 15.000 рублей.— Книги и право на его сочинения.

Б. *Дела Сергея Львовича.* У С. Л. 1100 душ в Нижнем Новгороде. 500 душ из оных малоземельных, оброчных, таких, из которых никаким хозяйством лучшего не сделаешь; 600 душ при достаточном числе земли хлебопашественные; ныне не лучше первых, но при малейшем хорошем хозяйстве могут быть улучшены. Цена первым не более 400 рублей за душу; вторым не более 500. И так всего имения (имения, находящегося в самых нехозяйственных руках) на 600.000 рублей. На этом имении долга казенного по С.-Петербургскому опекунскому совету 250.000; частного, вероятно, нет и 50.000, ибо Сергею Львовичу никто многого не поверит; остается 300.000 имения, беспрестанно убывающего в ценности по нехозяйственности хозяина.

Замечу здесь следующее для вашего сведения.

1) Не знаю, как распорядились Павлищевы, Лев и Александр об имении матери; я предлагал, а Александр соглашался отдать оное на участок сестры, но в этом могло помешать желание Льва иметь чистых денег, ибо эта мера, полезная их благосостоянию в будущем при смерти отца,—оставляла его (Льва) ныне при том же недостатке. 2) При свадьбе Александра отец отдал ему в распоряжение 200 душ, из числа 500 худших; Александр их заложил и употребил 40.000 на обзаведение, но эта отдача сделана отцом по доверенности, а имение следственно все осталось за Сергеем Львовичем. По незнанию своему дел он будет уверять вас, что имение отдано им сыну.

Итак, на что могут надеяться дети Пушкина?

1) Ныне — на продажу его библиотеки; на постепенную продажу его сочинений напечатанных и на право перепечатывания.

2) В будущем — на наследство деда.

А. Библиотека Пушкина многого не стоит; эта библиотека не ученая, не специальная, а собрание книг приятного общепользовательного чтения. Книги эти беспрестанно перепечатываются, делаются издания и лучше и дешевле; очень немногие из них годятся в библиотеки публичные. Итак, не думаю, чтобы их могло купить какое-нибудь правительственное место; а надобно их продать с аукциона, продать наскоро.

Для таких обыкновенных книг аукционная продажа выгодна, по незнанию толка в книгах публики. Книги же лучшие, солидные, стоящие денег, на этих же аукционах разберем подороже мы сами. Мое мнение: *первое* узнать, кому из книгопродавцов остался должен Пушкин и за какие книги; вы легко уговорите их взять не деньгами, а назад книги самые, заплатив только те, которые попорчены. Bellisard и Haur * порядочные люди, да при том и их выгода иметь скорее расчет. Надобно только, выдавая книги, просматривать, нет ли в них вписанного или отдельных записок.

Сочинения *Пушкина*, уже напечатанные им самим, продавать по мере надобности книгопродавцам, не принимая никаких обязательств на будущее.

Сочинения, коих права печатания проданы. Права эти следует привести в известность; тут, вероятно, можно уговорить купивших на сохранение времени и прочее.

Сочинения ненапечатанные и бумаги. После покойного, вероятно, осталась бездна переплетенных и непереплетенных тетрадей, записок и записочек. Все это следовало бы пересмотреть тщательно; найдется многое, чего Пушкин по разным каким-нибудь особым видам, уничтоженным его смертью, не напечатал, но которое объяснит и пополнит и приведенные им в порядок его записки; и то, что пришлось бы вам о нем написать. Найдется многое, не имевшее продолжения, но уже полное само собою. Я желал бы,

---

* Беллизар и Гауэр.

чтобы вы, господа, оставили это до моего приезда, до мая. Я знаю многое, чего не знают другие, и мог бы быть полезным в этой переборке!

Б. *О наследстве* деда и говорить нечего. Долгу он более не сделает, ибо не сумеет; но если проживет, то неплатежом процентов может довести имение до продажи с аукциона или сам дойдет до того, что ему придется продать часть оногo. Это случится необходимо года через три, если старик перенесет сделанные им потери.

Что же выходит в итоге? Продажа книг едва ли покроет долги покойного, погребение, первые издержки семьи; сочинения его, продаваемые мало по малу, будут приносить ежегодно нечто малое, которое может поступить в расход в прибавку тому, что угодно будет государю назначить для сирот; ничего *не составитя целого*, ибо и в хороших руках трудно бы этому составиться, а тем более в руках женщины не хозяйки — какова Н. Н. Умрет Сергей Львович, оставит имение расстроенное, трудное к дележу; кто будет это распутывать? Но положим, что и распутают; положим (а полагая это, надобно принять, что доходы будут умно распределяемы), что к совершеннолетию двух братьев и двух сестер имение очистится. Что же будет у них своего, на независимость первых, на приданое вторым? 550 душ нехороших, вероятно, заложенных отчасти.

Тут нам заговорят о дядях, тетках и прочих. Горько, очень горько зависеть от чужих капризов; скажут о царских милостях; но что может сделать государь? дать им воспитание и оградить их от недостатка до совершеннолетия и только.

Вот чего желал бы: 1) чтобы Плетнев, Жуковский и Вяземский немедленно составили опекунство, буде Пушкин не назначил его при смерти. 2) Чтобы узнать сейчас, на каком основании будет дана вдове и детям пенсия; надеюсь, что пенсии достаточно будет для жизни вдовы, для воспитания детей и что не нужно будет *ни копейки* из постепенной, 25-летней продажи его сочинений; а следственно 3) чтобы воспоследствовало отречение от всех прав — на это, от кого сле-

дует.— 4) чтобы они занялись немедленно, при помощи всякого, кто благороден и грамотен, поставить Пушкину монумент, не каменный, не медный, а денежный, *составить капитал, обеспечивающий* независимую безбедность детей его: сыновей при вступлении в службу, дочерей при выдаче замуж. Этот капитал притом *необходим*, ибо при смерти С. Л. дела останутся в таком беспорядке, а самое имение природно разделено так, что законного раздела *без денежных выдач* сделать будет невозможно. Две половины имения неровны; один из участников должен будет оплатить в уровень другому; а доплачивать уж верно не дело Льва Сергеевича.

О составлении этого капитала

Составить этот капитал не так трудно, как оно может показаться с первого взгляда. Положим, что народность Пушкина не переживет законного права 25-летия на его сочинения и прекратится вместе (скоро после) с совершеннолетием его детей. Предположим, что содержание семьи и воспитание детей обеспечено царскими милостями и имением матери и родни ее и что ежегодно продается только на *шесть тысяч прав*, что составит 150.000 без процентов, по крайней мере 300.000 с процентами. Это по крайней мере изъясняемо следующим: в первые годы, то-есть именно в те, на которые может по времени более нарости, доход будет вчетверо и впятеро, ибо тут продается и ненапечатанное, и собрание полных сочинений, а начатое непроданным; интерес публики возбужден самою смертью автора.

Вот постоянное приращение, буде только не пройдут деньги сквозь пальцы и без прока. Тут могут быть еще побочные доходы: составление вами из его записок его жизнеописания;— издание в пользу капитала сборника вроде «Современника» и проч. Свежестию горя поощренные даяния родни, тетки Загряжской, бумажного фабриканта Гончарова и проч. *Свежести* этой не давайте поблекнуть и не надейтесь на нее.

Но теперь важнейшее, основанное на этой самой *свежести*.

В отдаленных местах, людям *давно* умершим, Державину и Карамзину, людям умершим просто, оставившим обеспеченные семейства, спустя долго после их смерти вздумали поставить монументы. На эти монументы собираются деньги; и хотя ни Державин, ни Карамзин никогда не были так народны, так завлекательны, как Пушкин, хотя они давно умерли и умерли тихо, хотя монументы поставятся там, где их большая часть поставителей не увидят, хотя Правительство (всем добрым у нас руководствующее), в это дело вмешалось не горячо или даже вовсе не мешалось, — а собраны значительные суммы. Неужели напротив того подписка не суетная, а истинно полезная, подписка не на камни, а на хлеб, в пользу имени народного, в горячности первого горя сделанная, распоряджаемая теми, в ком время не простудит его, подписка, которая должна быть отражением народной нашей гордости или даже нашего тщеславия — неужели такая подписка, открытая под влиянием высочайшего имени, подкрепленная его волею — не принесет многого и очень многого? Пушкин сказал бы: *с мира по ниточке, бедному рубашка*. Легко, очень легко сделать из этого дело придворное, дело правительственное, дело *модное*.

Да не будет однако же подаванием! Бог сохрани нас от этого. Пока мы живы — дети Пушкина нищими не будут; но да будет это изъявлением Русской благодарности к тому, кто так долго и так разнородно нас тешил; да будет это, как сказал я выше, монументом незабвенному; а за материальным монументом недостатка не будет. Его имени на простом камне довольно.

Дорогой мой Плетнев! письмо начато, как увидишь, на имя Жуковского; но я вспомнил, что есть старый опекун Плетнев, который расчетнее и хлопотливее Жуковского, а поэтому переводится на его имя. Прочти его, разжуй, пойми сам, а тут не сомневаюсь, чтобы ты не уразумил и прочих.

Главное 1) чтобы деньги не тратились по мелочам, 2) чтобы не *простыло горе*, 3) чтобы воспользоваться

и горем жены, и благорасположением государя на дело истинно основательное, полезное.— Ради Христа, делайте и делайте хоть что-нибудь.

Александра Осиповна, Гоголь, Карамзин и я горюем вместе; бедный Гоголь чувствует, сколько Пушкин был для него благодетелем; боюсь, чтобы это не имело дурного влияния на литературную его деятельность. Еще повторяю: пользуйтесь первым горем жены, чтобы взять ее в руки; она добра, но ветрена и пуста, а такие люди в добре ненадежны, во зле непредвиденны. Бог знает что может случиться! Она *может* и горе забыть и выйти замуж; привыкнуть к порядку, к бережливости, к распорядительности она не может. Пушкин, умирая, был к ней добр и благороден; большим охотником я до нее никогда не был, но крепко-крепко верую с ним вместе, что она виновата только по ветрености и глупости; а от ветрености и ребячества редкие и с тяжелых уроков оправляются. Государь верно даст достаточно на ее содержание, но без прихотей, без роскоши; а она к прихотям и роскоши слишком привыкла.

Все, что мы знаем об приготовившем страшное событие, для нас темно и таинственно; о мужественной смерти нашего друга знаем мало и непдробно. Не ленись, мой милый Плетнев, и пиши мне об этом; тут лень — жестокость. Мальцов всегда знает мой адрес. Я сам буду в России *непрерывно* к концу мая, того требуют мои дела; а от моих дел могут зависеть со временем и чужие пользы. Мало остается тех, для кого (кроме дел) есть охота возвратиться в Россию. И то с каждым днем меньше. Прощай! Твой Соболевский.

С. А. Соболевский — П. А. Плетневу. 13 февраля 1837.

Как друга покойного Александра Сергеевича Пушкина и поверенного его мыслей, меня радует намерение опеки не выпускать любимого его имения из ро-

да. Как давнишнего знакомого всей его семьи, мне утешительны будут меры, служащие к успокоению отца его, сестры и брата.

Немедленно после смерти Надежды Осиповны Пушкиной, Александр Сергеевич изъявил мне желание купить все Псковское имение; после многих соображений о том со мною, мы нашли не безвыгодным заплатить за оное 40 000 рублей.—

Мое мнение об этой цене следующее:

1) если допустить имение до аукционной продажи, то едва ли выручим за оное по расходам 35 000 рублей, следственно дети и вдова покойного потеряют несколько от оной.

2) если имение продать в частные руки, то за оное вероятно может быть выручено до 45 000 рублей; но тут никак нельзя определить времени, скоро ли это может быть исполнено. Следственно опека потеряет во времени и хлопотах, в расстройстве и запущении имения. Да и притом положение Льва Сергеевича Пушкина и сестры его Ольги Сергеевны Павлицевой поставляют меня в необходимость хлопотать о скорой развязке дела —

1) Прилагаю все сведения, какие я только мог собрать об имении. Из оных сведений Опека усмотрит, что земли более 24 десятин на душу, что чрезвычайно редко в том краю, где лежит имение.

2) Решительная цена оному имению по 500 рублей ассигнациями за душу, то есть 40 000 за все имение. Расходы на счет покупателя.

3) В случае согласия Опеки на покупку имения, я могу доставить в оную законное согласие Сергея Львовича и такие доверенности, каковые мне вчерне Опека доставить заблагорассудит.

С чувством истинного почтения честь имею пребыть вашего сиятельства покорнейшим слугою Сергей Соболевский.

*С. А. Соболевский — Г. А. Строганову.
2 марта 1839.*

Удивляюсь мелочности наших литераторов и их жадности. Как не делиться тем, что есть или что знаешь? Например, хорошо ли бы я сделал, если бы сохранил у себя и для себя ту массу стихов (из «Онегина», «Бориса Годунова», «Кто знает край, где небо блещет»; «Какая ночь, мороз трескучий» и пр.), которую я немедленно после смерти Пушкина и возвращения моего из-за границы отдал в Современник 1838 года? Хорошо ли бы я сделал, держав под спудом найденную мною в бумагах Льва статью об Александре (она напечатана в «Москвитянине») и, наконец, неужели мне теперь, когда выйдет биография Анненкова, чинить на него суд за всё то, что Анненков поместил в нее *вероятно* из 36 писем Александра к Льву, писем, принадлежащих моему опекунству, мною самим переписанных и сообщенных многим, разумеется не для корысти, а в пользу отечественной литературы?

Для оной же пользы замечу, что я вышереченных писем *никому* не сообщал в оригинале, а сам списывал их прежде, дабы исключить некоторые шуточки или намеки на лица семейные или живущие, от чего в ходячем списке произошли такие перемены и перестановки, коими я приобрел возможность доказать всем и каждому, что *эти письма до меня никому и никем* сообщены быть не могли, и что, следовательно, всякое их обнародование есть нарушение собственности малолетних, коих имущество вверено моему попечению.

С. А. Соболевский — Н. И. Павлицеву,
6 декабря 1854.

Любезный друг — я *чрезвычайно* доволен новым Пушкиным. Не мог не радоваться тому усердию, с которым Анненков изучил своего автора в печати и рукописях; о биографии скажу мнение свое ниже, а теперь вот что о 2-м томе: жаль, что не выдали вместе и третьего (который вероятно содержит остальные

мелкие стихотворения): это для лучшего определения времени, когда что написано, было бы удобнее, ибо нет сомнения, что тут есть ошибки, хотя впрочем таких ошибок *изумительно* мало. Замечу одну: «Прозерпину» (Плещут волны Флегетона) мне читал Пушкин до отъезда в Бессарабию...

Теперь о биографии.

Умно уже и то, что А. назвал это: *материалами*, но может быть было бы еще умнее (а уже без всякого сомнения *вернее*), если бы он назвал это: М. для биографии знаменитого нашего Пушкина. Слова: Александра Сергеевича дают читателю право требовать ближайшего знакомства с лицом Пушкина, чего А., его не знавший, удовлетворить не может, и на что *никто* пока живо так много его современников, *aliisque raisonibus* *, покушаться не должен. Публика, как всякое большинство, глупа и не помнит, что и в солнце есть пятна; поэтому не напишет об покойном никто из друзей его, зная, что если выскажет правду, то будут его укорять в недружелюбии из всякого верного и совестливого словечка; с другой стороны не может он часто, где следует, оправдывать *субъекта* своей биографии, ибо это оправдание должно основываться на обвинении или осмеянии других, еще здравствующих, лиц. Итак, чтобы не пересказать лишнего или не недосказать нужного — каждый друг Пушкина должен молчать. По этой-то причине пусть пишут об нем *незнавшие* его, и пишут так, как написал А., то есть мало касаясь его личности и говоря об ней только то, что поясняет его литературную деятельность.

С этой точки зрения, труд А. *прекрасен*, особенно если вспомнить все трудности, с которыми следовало ему бороться, чтобы, и вне интимности, *высказать* многое, особенно если вспомнить, что он должен был решиться сказать несколько глупостей в виде пачпорта истине. Другая уловка: сообщить публике неконченное, недоделанное или исключенное так, чтобы оно не пропало и чтобы однако же не пришлось прибегать

---

* руководствуясь здравым смыслом (лат.).

к собственному рукоделию — весьма счастлива; правду сказать — я ужасно боялся, чтобы издатель не поместил прямо и без достаточных оговорок то, что выброшено Пушкиным из его изданий как недостойное его, неудавшееся или не стоящее помещения.

Благодарю А. 1) за приличный и благородный тон его труда; 2) за отсутствие возгласов и хвалебных эпитетов, знаков восклицания и других типографских прикрас.— NB (это было бы приятно Пушкину самому, любившему во всем приличие и порядность) — 3) за то, что он не восхищается эпиграммами П., приписывает их слабости, сродной со всем человеческим, и признает их пятнами его литературной славы. NB (П. жалел об эпиграмме: в Академии Наук, когда лично узнал Дундука); 4) что он ни слова не упоминает о Гавриилиаде и не приводит из нее стихов (что было бы весьма легко сделать в виде отрывка или перемешивая с повествованием)...

Упрекну А. 1) ему бы следовало распространиться более и обратить внимание читателя на те места из переписки А. П. ко Льву Сергеевичу, где он говорит ему о подаче помощи тем, кто пострадал от наводнения; знавшие Александра Пушкина знают, чего ему стоило *огласить* свое доброе дело; удивляюсь, как и в этом случае он решился поверить постороннему (а этот посторонний — брат его) порыв всегда доброго и сострадательного своего сердца. 2) ему бы не следовало намекать о воспоследовавшей холодности старшего брата к меньшому, ибо на это были причины, делающие честь Александру и не делающие однако же вреда Льву, причины, о коих пока говорить не следует. Наконец, 3) выставить, более сделанного, *удивительное* свойство Александра Пушкина (в такой степени à mille lieux* мне ни в ком из людей, чем бы то ни было знаменитых — неизвестное): *совершенное отсутствие* зависти du metier et ** милое, любезное, истинное и даже смешное желание видеть да-

* здесь: высокой (франц.).

** профессиональной и (франц.).

рование во всяком начале, поощрять его словом и делом и радоваться ему.

Вероятно, теперь посыплются опровержения, дополнения, воспоминания, заметки и проч., и проч. на «Материалы». Тем лучше; чем больше заметится, даже вздора, тем более можно будет добраться до истины. — Вот мелочи:

1) По приезде П. в Москву, он жил в трактире Европа, дом бывший тогда Часовникова, на Тверской. — Тогда читал он у меня, жившего на Собачьей площадке, в доме Ринкевича (что ныне Левенталья) Бориса *в первый раз* при М. Ю. Виельгорском, П. Я. Чаадаеве, Дмитрие Веневитинове и Шевыреве. Наверное не помню, не было ли еще тут Ивана В. Киреевского. — (Потом читан «Борис» у Вяземского и Волконской или Веневитиновых?)...

2) Я возвратился из-за границы 22 июля 1833-го года, чуть ли не в день или на другой день крестин Александра (Сашки) Пушкина *junioris* *. Несколько дней спустя, то есть или в конце июля или в начале августа, Алек. Серг. и я поехали вместе и доехали до Торжка; в Торжке разъехались: я поехал к себе в деревню, а он к каким-то приятелям, чуть ли не к Вульффу. Ergo ** — как очутился он у Анненкова в Дерпте? Желал бы я знать, на чем основывает А. это?

3) Из биографии я узнаю, что свою статью о брате Лев написал нарочито для Анненкова. Если бы я знал это, то не передавал бы ее Погдину *за счет малолетних Львовичей*, коим аз есмь опекун. Вместе с тем *пеняю* Анненкову за то, что он без *моего* дозволения или не снесся со вдовой Льва Сергеевича — напечатал письма брата к брату, кои были доставлены ему (от кого бы он их не получил) *воровски*, ибо я не мог и не должен отчуждать один вверенное моему опекунству имущество или по произволу, без надлежащего соглашения матери — соопекунши, или даром.

Такой поступок, *с моей стороны*, был бы или неделикатен в отношении вдовы соопекунши, или: *géné-*

* младший (лат.).

** следовательно (лат.).

rosité* чужим карманом, от чего я *громогласно* отрекаюсь.

4) С другой стороны сообщи Анненкову следующее: статью Павлищевой о детстве Пушкина она передала мне сама *для сообщения Бартеневу*, пред которым через несколько дней, при личном свидании, сама *ссылалась* на оную для получения просимых им сведений...

Еще: П. решительно поддался мистификации Мериме, от которого я *должен был* выписать письменное подтверждение, чтобы уверить Пушкина в истине пересказанного мной ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки П. *часто* рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Мицкевич. *C'est donc en très bonne compagnie, que je me suis laissé mystifier***, прибавлял он всякий раз...

С. А. Соболевский — М. Н. Лонгинову. 1855.

15

Мне только что сказали, что Дантес-Геккерен хочет начать другое дело с Долгоруковым и что он намеревается доказать, что именно Долгоруков составил подлые анонимные письма, следствием которых была смерть моего друга Пушкина. Благоволите сообщить мне, дошло ли до вашего сведения это намерение Дантеса и сообщите об этом во всех подробностях. Уже давно у меня была тысяча мелких поводов предполагать, что это жестокое дело исходило от Долгорукова. Вам известно, что в свое время предполагали, что его совершил Гагарин, и что угрызения совести в этом поступке заставили последнего сделаться католиком и иезуитом; вам известно также, что главнейший повод к такому предположению дала бумага, подобную которой, как утверждали, видали у Гагари-

---

* щедрость, великодушие (*франц.*); здесь: щедрость за чужой счет.

** Право же, в отличную компанию я попал, когда поддался мистификации. (*франц.*).

на. С своей стороны я слишком люблю и уважаю Гагарина, чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение; впрочем, в прошедшем году я самым решительным образом расспрашивал его об этом; отвечая мне, он даже и не думал оправдывать в этом себя, уверенный в своей невинности; но, оправдывая Долгорукова в этом деле, он рассказал мне о многих фактах, которые показались мне скорее доказывающими виновность этого последнего, чем что-либо другое. Во всяком случае оказывается, что Долгоруков жил тогда вместе с Гагариным, что он прекрасно мог воспользоваться бумагою последнего, и что поэтому главнейшее основание направленных против него подозрений могло пасть на него, Гагарина.

Находясь в последний раз в Петербурге, я обращался ко многим лицам, которые в свое время получили циркулярное письмо (NB. сам я находился тогда, к несчастью, в Париже). Я не нашел его нигде в подлиннике, так как эти лица его уничтожили; если подлинник и находится где-нибудь, то только у господ, мне незнакомых, или, вернее всего, в III Отделении, куда я не намерен обращаться.

*С. А. Соболевский — С. М. Воронцову.
7 февраля 1862.*

16

Вот история портрета.

Портрет Александр Сергеевич заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память в золоченой великолепной рамке.

Уезжая за границу, я оставил этот портрет одному приятелю (*И. В. Киреевскому*), имевшему собственный дом.

Приятель давал его крепостному чьему-то маляру (не знаю имени маляра или имени его хозяина) для добывания копиями барышей (сей маляр жил до моего отъезда у Шевырева). По возвращении моем из-за границы (где я провел 5 лет) оказалось:

1) Что приятель дом продал, а портрет и библиотеку (далеко не всю) передал другому приятелю, который между тем завелся своим домком (*Шевыреву*).

2) Но тут очутилось, что в великолепной рамке был уже не подлинный портрет, а скверная копия с оного, которую я и бросил в окно.

О том, кто дал зевка, *Киреевский* или *Шевырев* — следы простыли.

Между тем подлинник нашелся у к. Оболенского, который купил его за 50 руб. у Бардина, известного плута и мошенника. Осталась у меня только очень уменьшенная копия, сделанная для меня *Авдотьей Петровной Елагиною*, для того, чтобы иметь возможность возить оную с собою за границей.

Очень обяжете, если, переделав, напечатаете это известие, расписав оное, как следует, *но за исключением собственных подчеркнутых имен*.

С. А. Соболевский.

Заметки для М. П. Погодина. 1868.

17

Описывая обстоятельства, предшествовавшие поединку Пушкина с Дантесом, граф В. А. Соллогуб выразился следующими словами:

«Он в лице Дантеса искал или смерти или расправы с целым светским обществом. Я твердо убежден, что если бы С. А. Соболевский был тогда в Петербурге, он, по влиянию его на Пушкина, один бы мог удержать его. Прочие были не в силах».

Тогда Пушкин не был еще знаменитостию; разницы между нами было мало: три года по летам и та, которая существует между кончившим курс и школьником. В 1818 году отвезли меня в Петербург и отдали в Благородный Пансион при Педагогическом Университете. В первый же день подходит ко мне кудрявый мальчик, говорит, что он родной племянник Василия Львовича, что В. Л. пишет к его отцу обо мне и что он меня познакомит с семейством и с братом, недавно вышедшим из Царкосельского Лицея.

Так действительно и было; Александр Сергеевич часто приходил к брату; мы сходились большею частью у Кюхельбекера, учившего нас русской словесности и жившего, вместе с М. И. Глинкою, в мезонине над пансионом. Отличительною чертою Пушкина была память сердца; он любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу — особенно тем, которые любили в нем его личность, а не его знаменитость; он ценил добрые советы, данные ему вовремя, не в перекор первым порывам горячности, проведенные рассудительно и основанные не на общих местах, а сообразно с светскими мнениями о том, что есть честь и о том, что называется честью.

Отношения Пушкина ко мне были основаны на этих чертах его характера. Граф Соллогуб, общий наш, Пушкина и мой, приятель, знал их; он знал также, что я не раз был замешан Пушкиным в дела подобного рода и кончал их удачно: и так не мудрено, что по его мнению мое посредничество в деле Пушкина с Дантесом могло бы отвратить пагубный конец одного. Для тех, которым все это мало известно, расскажу в коротких словах, как Пушкин и я познакомились, сблизились и остались близкими друг к другу.

Я провел детство в Москве; один тогда из главных предметов учения была тогда мифология; я ей учился по аббату Лионе «*Traité de Mythologie*», par l'abbé Lyonnais *. В этой книге нет ни одного бога, про которого автор не сказал бы, что поэты ему приписали такую-то власть, что поэты производили его от таких-то или представляют его таким-то и так далее. Словом, я возымел высокое мнение об личностях, которых чуть ли не производили в боги и называются: Поэтами!

Возвратившийся в Москву Василий Львович Пушкин, очень знакомый с моим семейством, — стал часто к нам ездить. Про него говорили: *c'est un Poète!!!* ** с каким благоговением я стал смотреть на него!!! Это было первое впечатление; впоследствии меня привлекли к нему рассказы о Париже, Наполеоне,

* «Трактат о мифологии» аббата Лионе (франц.).

** Это поэт (франц.).

других знаменитостях, с которыми меня знакомили книги; сверх того он стал обращать внимание на меня, учил меня громко читать, как читывал Тальма, сцены из французских трагиков, и «Певца» Жуковского, и оду Карамзина: «Конец победам, богу слава...» и даже слушал и поправлял мои вопросы! Как же мне было не любить этого доброго Василья Львовича?..»

С. А. Соболевский.

Воспоминания о Пушкине.

18

Ваше превосходительство,—*заезжайте в кабак!!* Я вчера там был, но меда не пил. Вот в чем дело.

Мы ехали с Лонгиновым через Собачью площадку; сравнившись с углом ее, я показал товарищу дом Ринкевича (ныне Левенталья), в котором жил я, а у меня Пушкин; сравнились с прорубленную мною дверь на переулок — видим на ней вывеску: *продажа вина и прочее.*—*Sic transit gloria mundi!!!* * Стой, кучер! Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич в... (как называется тулуп с мехом кверху??). Вот где стояла кровать его, на которой подле него родила моя датская сука, с детьми которой он так нежно возился и нянчился впоследствии; вот то место, где он выронил (к счастью — что не в кабинете императора) свои стихотворения о повешенных, что с час времени так его беспокоило, пока они не нашлись!!! Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, вы, я и другие знаменитые мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!!

Кабатчик, принявший нас с почтением (должным таким посетителям, которые вылезли из экипажа), очень был удивлен нашему хождению по комнатам заведения. На вопрос мой: слышал ли он о Пушкине?

---

* Так проходит слава мирская!!! (лат.).

он сказал утвердительно, но что-то заикаясь. Мы ему растолковали, кто был Пушкин; мне кажется, что он не понял.

Советую газетчику обратить внимание публики на этот кабак. В другой стране, у бусурманов, и на дверях сделали бы надпись: *здесь жил Пушкин!* — и в углу бы написали: *здесь спал Пушкин!* — и так далее

С. А. Соболевский.

Квартира Пушкина в Москве.

19

Весною того же года Пушкин спешил отправиться в Петербург, и мы были приглашены проводить его. Местом общего сборища для проводин была назначена дача С. А. Соболевского, близ Петровского дворца. Тогда еще не существовало нынешнее Петровское, т. е. множество дач, окружающих Петровский парк, также не существовавший: все это миловидное предместье Москвы явилось по мановению императора Николая около 1835 года. До тех пор вокруг *исторического* Петровского дворца, где несколько дней укрывался Наполеон от московского пожара в 1812 году, было несколько старинных, очень незатейливых дач, стоявших отдельно одна от другой, а все остальное пространство, почти вплоть до заставы, было изрыто, заброшено или покрыто огородами и даже полями с хлебом.

В эту-то пустыню, на дачу Соболевского, около вечера, стали собираться знакомые и близкие Пушкина. Мы увидели там Мицкевича, который с комическою досадою рассказывал, что вместе с одним товарищем он забрался в Петровское с полудня, надеясь осмотреть на досуге достопамятный дворец и потом найти какой-нибудь приют, или хоть трактир, где пообедать. Но дворец, тогда только снаружи покрашенный, внутри представлял опустошение; что же касается до утоления голода, который, наконец, стал напоминать Мицкевичу об обеде, то в Петровском не оказалось никаких пособий для этого: в пустынных дачах жили только сторожа, а трактира вблизи не было. В таком

отчаянном положении Мицкевич увидел какого-то жалкого разносчика с колбасами, но когда поел колбасы, то весь остальной день мучила его жажда, хотя желудок был пуст. Он так уморительно рассказывал все эти приключения, что слушавшие его не могли не хохотать, а гостеприимный хозяин дачи спешил восстановить упавшие силы знаменитого литвина. Постепенно собралось много знакомых Пушкина, и уже был поздний вечер, а он не являлся. Наконец, приехал Александр Алексеевич Муханов — против которого написал свою первую критическую статью Пушкин, вступившийся за *m-me Staël**, — и объявил, что он был вместе с Пушкиным на гулянье в Марьиной роще (в этот день пришелся семик) и что поэт скоро придет. Уже поданы были свечи, когда он явился, рассеянный, невеселый, говорил, не улыбаясь (что всегда показывало у него дурное расположение), и тотчас после ужина заторопился ехать. Коляска его была подана, и он, почти не сказавши никому ласкового слова, укатил в темноте ночи.

К. А. Полевой. Записки.

20

Помню я, как однажды Пушкин шел по Невскому проспекту с Соболевским. Я шел с ними, восхищаясь обоими. Вдруг за Полицейским мостом заколыхался над коляской высокий султан. Ехал государь. Пушкин и я повернули к краю тротуара, тут остановились и, сняв шляпы, выждали проезда. Смотрим, Соболевский пропал. Он тогда только что вернулся из-за границы и носил бородку и усы цветом ярко-рыжие. Заметив государя, он юркнул в какой-то магазин, точно в землю провалился. Помню живо. Это было у Полицейского моста. Мы стоим, озираемся, ищем. Наконец видим, Соболевский, с шляпой набекрень, в полуфраке изумрудного цвета, с пальцем, задетым под мышкой за выемку жилета, догоняет нас, горд и величав, черту

* *Мадам де Сталь (фр.).*

не брат. Пушкин рассмеялся своим звонким детским смехом и покачал головою! «Что, брат, борода-то французская, а душенька-то все та же русская?»

В. А. Соллогуб. Из «Пережитых дней»

21

В многолетнюю мою приязнь с Пушкиным (замечу, что мои свидания и сношения с ним длились позже сношений и госпожи Фукс, и Вульфа, и Льва Пушкина) я часто слышал от него самого об этом происшествии; он любил рассказывать его в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в разные приметы. Сверх того, он в моем присутствии не раз рассказывал об этом именно при тех лицах, которые были у гадальщицы при самом гадании, причем ссылался на них. Для проверки и пополнения напечатанных уже рассказов считаю нужным присоединить все то, о чем *помню положительно*, в дополнение прежнего, восстанавливая то, что в них перебито или переименовано. Предсказание было о том, *во-первых*, что он скоро получит деньги; *во-вторых*, что ему будет сделано неожиданное предложение; *в-третьих*, что он прославится и будет кумиром соотечественников; *в-четвертых*, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых и должен он опасаться*.

Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданное письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии.

---

* О предсказании касательно женитьбы мне ничего не помнится, хотя об этом упомянуто в статье Льва Сергеевича.— (Прим. Соболевского).

Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что несколько дней спустя, в театре, его подозвал к себе Алексей Феодорович Орлов (впоследствии князь) и стал отговаривать его от поступления в гусары, о чем уже прежде была у него речь с П. Д. Киселевым, а напротив, предлагал служить в конной гвардии.

Эти переговоры с Алексеем Феодоровичем Орловым ни к чему не повели, но были поводом к посланию, коего конец напечатан в сочинениях Пушкина (издание Геннади, том I, с. 187), а начало в «Библиографических записках» 1858 г., с. 338. У нас ошибочно принято считать это послание посланием к Михаилу Феодоровичу Орлову, так как с ним Пушкин впоследствии очень сблизился...

Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в Псковскую деревню, что и было *вторичною* ссылкой. Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое дотоле исполнялось с такою буквальною точностию??? После этого удивительно ли и то, о чем рассказывал Бартеневу Павел Воинович Нащокин? Прибавлю следующее: я как-то изъяснил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу.

«Это все-таки вследствие предсказания о белой голове,— отвечал мне Пушкин.— Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, weisshaupt — одно и то же».

Вот еще рассказ в том же роде незабвенного моего друга, не раз слышанный мною при посторонних лицах.

Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидеться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решился отправиться туда; но как быть? В гостинице остановиться нельзя — потребуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный проезд ссыльного. Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, который вел жизнь не светскую, и от него запастись сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь — в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим барином. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне. «А вот каковы бы были последствия моей поездки, — прибавлял Пушкин. — Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой проезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я забыл бы о Вейсгаупте, попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!»

Об этом же обстоятельстве передает Мицкевич в своих лекциях о славянской литературе и, вероятно, со слов Пушкина, с которым он часто видался (Pisma Adama Mickiewicza, изд. 1860, IX, 293).

С. А. Соболевский. Из статьи «Таинственные приметы в жизни Пушкина».

Начнем с краткого контрастного сопоставления личности того друга Пушкина, о котором говорилось в предыдущем очерке, с тем, о котором предстоит рассказать. В самом деле, Сергей Александрович Соболевский был человеком высочайшей образованности, острого, аналитического ума, подчеркнуто не афишируемых чувств, ироничного и не всегда беззлобного нрава, превосходных деловых качеств. Павлу Воиновичу Нащокину при довольно поверхностном образовании, отчасти компенсированном тонким вкусом, были присущи исключительная широта натуры, доброта — подчас во вред себе, полное отсутствие заранее обдуманного расчета, способность со всепоглощающей страстью, с головой уходить в какое-либо дело, любовь, дружбу и даже, к сожалению, в карточную игру; полное пренебрежение к порядку и, может быть, главное — способность откликнуться словом и делом на чужую беду.

Сам по себе такой контраст характеров ничего необычного не представляет. Интереснее другое: их обоих любил и тонко понимал Пушкин. Он мог перещеголять Соболевского в остроумии, едкости суждений, не говоря уже об образовании; и в то же время не только оценить по достоинству, но и душевно разделить своеобразную, редкостную манеру жить, мыслить, говорить, присущую Нащокину. И тому и друго-

му казалось, что Пушкин во многом сходен с ними. Но что еще удивительнее — рядом с Пушкиным или в том, что связано с Пушкиным, Нащокин мог проявить твердую волю и деловую хватку. Так было, например, в 1829—30 гг., когда он помог поэту расквитаться с большим карточным долгом; так было и в 1836 г., когда буквально несколькими словами расстроил намечавшуюся было дуэль Пушкина с В. А. Соллогубом. Но ведь и Соболевский в присутствии Пушкина, а потом — даже при воспоминании о нем, порой сбрасывал маску холодности и душевной опустошенности и оказывался вдруг «добрым малым», способным на открытый порыв сердца и даже на излияние чувств. Вспомните его письмо И. В. Киреевскому, которое мы цитировали, не говоря уже о рыданиях в Париже при известии о гибели поэта. Кстати сказать, под влиянием Пушкина Соболевский не единожды выручал из беды и Нащокина, который был до глубины души расстроган этим и в письме Пушкину обещал, что, если придет час и Соболевский станет «банкрутом», он сумеет доказать ему свою «человеческую, а не коммерческую благодарность»*. Из всего сказанного следует, что Пушкин обладал не только гением поэта, но и талантом дружбы, способным будить лучшие струны в душе близких ему людей.

Стоит упомянуть и еще об одном обстоятельстве, которое придавало своеобразную окраску отношениям Пушкина и Нащокина. Из многих дружеских связей поэта, может быть, дороже всех была ему дружба с Дельвигом. Когда ушел любимый лицейский товарищ, осталась кровоточащая сердечная рана, которую могло зарубцевать, хотя бы отчасти, только другое сильное дружеское чувство. Этим, на наш взгляд, в известной степени объясняется, что связи Пушкина с Нащокиным — их переписка, радостные встречи в Москве (а однажды и в Петербурге), взаимная забота и поддержка — особенно заметны именно в 30-х годах. В самом деле — кому еще из друзей мог писать Пушкин в таком тоне: «Мы с женой тебя всякий день поминаем»; «...кто зная тебя, не поверит тебе на слово своего имения, тот сам не стоит никакой доверен-

---

* Такой час настал для Соболевского в 1870 г., да только Павла Воиновича давно в живых не было.

ности»; «обнимаю тебя от сердца»; «за глаза я все боюсь за тебя, все мне кажется, что ты гибнешь»; «как бы нам с тобой увидаться»; «желал бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться». А Наталье Николаевне он признавался в письмах из Москвы: «Нащокин здесь одна моя отрада»; «любит меня один Нащокин». Отметим и еще одно доказательство контрастности характеров Соболевского и Нащокина: не понимая и недолюбливая первого, молодая и неопытная в жизни жена Пушкина сердцем почувствовала искренность и умную простоту второго. Пушкин радостно сообщал «Войнычу»: «Жена очень тебя любит и очень тебе кланяется». В одном из писем Пушкина к Нащокину после слов «жена тебе кланяется» есть приписка Натальи Николаевны: «И целует».

Павел Воинович не оставался в долгу дружбы. В 23-х сохранившихся его письмах к Пушкину, уязвимых с точки зрения орфографии, грамматики и стилистики, столько ласковых, трогательных строк, что их можно было бы принять за фальшивую ноту, если не знать, как любил Нащокин Пушкина и как далек он был от всякой фальши. Вот выдержки из его писем: «Ты не можешь вообразить, как много я вам предан»; «как я охотно к тебе пишу, ты себе не можешь представить». Пушкина Павел Воинович называл не иначе как «удивительный Александр Сергеевич», или: «утешитель мой, радость моя», или: «воскресение нравственного бытия моего», или уж в крайнем случае просто: «мой славный Пушкин». Очень большую, добрую и необходимую роль сыграл в жизни Пушкина этот человек, не принадлежавший ни к аристократическому, ни к литературному кругу, но без затей любивший и без хитростей понимавший великого поэта.

* * *

О близости Павла Воиновича Нащокина к Пушкину долгое время вообще мало знали. Его «открыл» в 1852—1853 гг. Петр Иванович Бартенев — молодой студент, начавший собирать сведения о Пушкине, когда еще живы были многие «спутники» поэта. «Открыл» — и поразился тому, почти неизвестному тогда обстоятельству, что есть в Москве люди (муж и жена Нащокины), которые помнят множество подробностей

жизни Пушкина, другим совершенно неизвестных; люди, которые виделись с поэтом не на балах и раутах, а в собственной гостиной и беседовали с ним не минутами, а часами и неделями. Бартенев записал рассказы Нащокина, обсудил с ним многие неясные места в биографии Пушкина и сохранил все, что сказал Павел Воинович, в особой тетради, которая, пролежав в архиве до 1925 г., была затем издана и прокомментирована М. А. Цявловским.

Один из первых очерков о Нащокине был напечатан под рубрикой «Московские оригиналы былых времен». Так и числился Павел Воинович «по ведомству» чудаков до тех пор, пока за историю его жизни и отношений с друзьями не взялись современные пушкинисты. Теперь есть уже несколько серьезных работ (см. «Основную литературу»), которые хотя и не заполнили всех белых пятен в биографии Нащокина, но ввели в научный оборот ряд документов и отдали законную дань памяти одного из ближайших друзей Пушкина. Однако первым биографическим трудом о Нащокине стал тот, который помещен в предлагаемой подборке (№ 1). Автором его был Александр Сергеевич Пушкин, записавший и обработавший живые и яркие рассказы Нащокина. О детстве и происхождении Павла Воиновича лучше и не напишешь*.

Гораздо туманнее выглядит период его жизни от поступления в пансион при Лицее (где тогда обучался и Лев Пушкин) до переселения в Москву, то есть с 1814 г. до середины 20-х годов. В пансионе он познакомился с Александром Пушкиным, навещавшим брата. Курса наук Павел Воинович не завершил. Из документов, впервые обнародованных Н. А. Раевским в книге «Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин», следует, что в 1819—1823 гг. Нащокин служил в армии, откуда был уволен «по домашним обстоятельствам» в чине поручика. Так он на всю жизнь и остался официально «отставным поручиком» и более никогда и нигде не служил. Петербургская жизнь Павла Воиновича описана в «Московских чудаках и оригина-

---

* История воспоминаний («меморий») П. В. Нащокина, которые он не раз принимался писать, поддаваясь уговорам Пушкина, подробно разобрана Н. Я. Эйдельманом в альманахе «Прометей» (см. «Основную литературу»).

лах» (№ 38). К этому описанию мало что можно добавить, да и нелегко его подтвердить другими материалами. Впрочем, похожую картину в 1842 г. нарисовал и Н. В. Гоголь в письме к Нащокину из Германии (№ 30). Одно несомненно: до десяти раз в жизни Нащокин становился богачом и расточителем и столько же раз разорялся вчистую, оказываясь даже не на грани, а за гранью нищеты. Каждый раз кто-то и что-то выручало его: то друзья помогут (Пушкин, например, в 1834 г. «выкупил» Нащокина с молодой женой из Тулы, когда им не на что было жить и не на что выехать), то крупно в карты выиграет, то наследство неожиданное получит. «В случае же большого выигрыша,— вспоминает современник,— он жил уже именно по широкой русско-барской натуре, и где только требовалось делал добро, помогая бедным, и давая взаймы просящим, никогда не требуя отдачи и довольствуясь только добровольным возвращением...» Удивительно ли, что «свалившегося с неба» богатства надолго не хватало?

Все, кто занимался личностью Нащокина, сходятся на том, что Гоголь едва ли не буквально вывел его под именем Хлобуева во II томе «Мертвых душ». Приводятся, например, строки из IV главы: «Только на одной Руси можно было существовать таким образом. Не имея ничего, он угощал и хлебосольничал, и даже оказывал покровительство, поощрял всяких артистов, приезжавших в город, давал им у себя приют и квартиру. Если бы кто заглянул в дом его, находившийся в городе, он бы никак не узнал, кто в нем хозяин. Сегодня поп в ризах служил там молебен. Завтра давали репетицию французские актеры. В иной день какой-нибудь не известный никому в дому, поселялся в самой гостиной с бумагами и заводил там кабинет, и это не смущало и не беспокоило никого в доме, как бы было житейское дело. Иногда по целым дням не бывало крохи в доме. Иногда же задавался в нем такой обед, который удовлетворил бы вкус утонченнейшего гастронома*, и хозяин являлся

---

* Как-то собираясь в гости к Нащокину, Гоголь написал ему «умоляющую» записку: «Только просьба прежняя и старая: ради бога, не обкармливайте... дабы после обеда мы были хоть сколько-нибудь похожи на двуногих».

праздничный, веселый, с осанкой богатого барина, с походкой человека, которого жизнь протекает в избытке и довольстве. Зато временами бывали такие тяжелые минуты, что другой давно бы, на его месте, повесился или застрелился». Если вчитаться в переписку Пушкина с Нащокиным, то становится ясно, насколько наблюдателен был Гоголь, перенося быт нащокинского дома в «Мертвые души».

Но, помимо нащокинского дома, существовал еще и так называемый «нащокинский домик». Это был двухэтажный макет богатого дворянского жилища, представлявший собой прямоугольный футляр красного дерева с раздвижными стеклами. Взору любопытного зрителя представали миниатюрные копии буквально всей обстановки: мебель фирмы Гамбса — обеденный стол, ломберные столики и кресла, а рядом с ними — рояль красного дерева, из которого жена Нащокина Вера Александровна с помощью тоненьких прутиков даже извлекала мелодии. Весь второй этаж домика был занят банкетным, или танцевальным залом. Раздвижной стол в нем был приготовлен для шестидесяти гостей; скатерти, салфетки, фарфоровую и хрустальную посуду, разложенные приборы, едва можно рассмотреть простым глазом. Всего в «нащокинском домике» насчитывалось 600 предметов такой тонкой работы, что ими восхищаются и современные умельцы, с помощью особого инструментария изготавливающие различные миниатюрные изделия. Нащокин много лет собирал это чудо, заказывая различные вещи мастерам Петербурга, Вены, Парижа и Лондона. Он начал еще в Петербурге, удивляя собиравшееся у него весьма пестрое общество. Но во всем блеске домик предстал уже в Москве, восхитив Пушкина. Этого было достаточно для того, чтобы Нащокин со щедростью гостеприимного хозяина совершенно серьезно заявил, что завещает домик Наталье Николаевне Пушкиной. Увы, как это с ним нередко бывало, при всем желании он не смог выполнить обещания: кукольный домик, стоивший владельцу в общей сложности 40 тысяч рублей, был заложен и не выкуплен. Нащокин во всем оставался Нащокиным! Мог ли он, однако, подумать, что в XX веке кропотливые исследователи и музейные работники станут снова разыскивать рассе-

янные по белу свету предметы его миниатюрного домика и соберут в конце концов более половины из них во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, где их увидят сотни тысяч людей? «Эта вещь,— как справедливо заметил писатель Александр Иванович Куприн,— драгоценна как памятник старины и кропотливого искусства, но она несравненно более дорога нам, как почти живое свидетельство той обстановки... той среды, в которой попросту и так охотно жил Пушкин».

* * *

Первые писатели и литературоведы, заинтересовавшиеся биографией Нащокина, привели много важных и новых фактов о дружбе Нащокина с Пушкиным, но конечный вывод их сводился к тому, что Пушкина Нащокин интересует только как художественный тип: живописной яркостью своей фигуры и жизни, своей бытовой характерностью. По этой версии, Пушкин прежде всего бескорыстно любит Нащокина, как диковинным явлением, а затем изучает его, вдумывается в существо самого явления в поисках общих психологических законов. Между тем, Пушкин спешил к Нащокину, отыскивая его жилище то в Николопесковском переулке, то в Гагаринском, то на Остоженке, то «противу старого Пимена», вовсе не для того, чтобы любоваться диковинным явлением, а потом его изучать, а чтобы отвести душу, поговорить о том, что наболело, и о чем ни с кем другим говорить не мог. Пушкин любил Нащокина, как и иных своих друзей, за дружбу, а вовсе не за то, что они были потенциальными художественными типами, пригодными к анализу, изучению, а потом — к преобразению в творчестве. И хотя в каждом своем проявлении Пушкин был поэтом, но всегда он являлся и человеком, нуждающимся в дружеском участии и теплоте чувств. Вовсе чужды были ему маски «романтика», «психолога» или «историка». Он писал как дышал, творил как жил. Одно неотделимо от другого.

Но сказанное не означает, что личность Нащокина, его чудесные рассказы и беседы с ним вообще не отразились в творениях Пушкина. Сюжет будущего «Домика в Коломне» сообщил Пушкину Нащокин (суще-

ствовала даже легенда будто в роли «гусара-кухарки» побывал некогда Павел Воинович); историю Дубровского тоже поведал Нащокин. Н. А. Раевский высказывает предположение, что в начатом Пушкиным вторым романе в стихах «Езерский» речь шла о предках Павла Воиновича и сам он должен был отчасти послужить прототипом главного героя. Наконец, Нащокин в какой-то мере должен был стать «опорным образцом» и для героя романа «Русский Пелам», который Пушкин задумал, прочитав книгу английского писателя Э. Бульвера-Литтона. Это подметил еще П. В. Анненков в статье «Литературные проекты Пушкина» (№ 37). Может показаться нелогичным, что для героя произведения, навеянного английским романом, Пушкин собирался воспользоваться чертами характера Нащокина. Но ведь это должен был быть *«Русский Пелам»*...

После возвращения в Москву в 1826 г. Пушкин сперва, по-видимому, встречался с Нащокиным не слишком часто. Биографы приводят только одно документальное подтверждение их общения — дневниковую запись М. П. Погодина, относящуюся к 31 декабря 1826 г.: «Утро у Пушкина с Нащокиным». «У Пушкина» в это время означало — у Соболевского в доме Ринкевича на Собачьей площадке. Это доказывает, что Павел Воинович бывал у старых друзей, но как часто — неизвестно.

Совершенно иная картина предстает в начале 30-х годов. Пушкин советовался с «Войнычем» как с человеком «больше него опытным в житейском деле», когда принимал решение жениться. Нащокин горячо одобрил выбор, помог заплатить долги. Впрочем, чуть-чуть «разбогатев» (заложил болдинские «души»), Пушкин за два дня до своей свадьбы ссудил 10 тысяч Павлу Воиновичу, твердо зная, что «деньги верные». Пушкин крестил дочь Павла Воиновича и уговорил его приехать в Петербург в 1833 г. с той же миссией, когда родился старший сын Пушкиных Александр Александрович. Вместе помогали они талантливому, погибавшему от нищеты композитору Есаулову (в этом участвовал и Соболевский) — имя Андрея Петровича Есаулова часто мелькает в их переписке. Сама эта переписка становится все интенсивнее — в

ней принимают участие, передавая поклоны и обращаясь с различными просьбами, жены обоих друзей.

В 1835 г. и в начале 1836 г. Пушкину никак не удавалось побывать в Москве. В январе 1836 г. он писал Нащокину: «Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы наболтались, а здесь не с кем...» Но поездка снова сорвалась — 19 марта умерла Надежда Осиповна Пушкина. Только 2 мая 1836 г. Пушкин приехал в Москву — в последний раз. Как обычно, он остановился у Нащокиных. Это было время «прилива» в материальных делах Павла Воиновича. Он не ютился в тесных комнатках, а снимал большой дом (теперь — Воротниковский пер., 12). Но мы уже знаем, что «прилив» означал для Нащокина и «бурю» — пиры, траты, толчею, хаос. Однако Пушкину все же славно жилось у Нащокиных. Если вспомнить, что предстояло ему в ближайшие месяцы, можно сказать — это была последняя передышка для поэта. Забавлял его «нащокинский домик». 4 мая он писал Наталье Николаевне: «Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков. Как бы Маша им радовалась!» 18 дней вел Пушкин эту «степенную и порядочную», как писал он, жизнь. А потом, 20 мая, простясь с «Войнычем», уехал в Петербург. Думал, что уезжает работать над «Современником», над «Историей Петра», улаживать материальные дела, а там, кто знает, убежит в деревню и станет писать. Но уехал — умирать.

В дополнение к письму Нащокина к Соболевскому (№ 28), из которого ясно, в каком состоянии был «Войныч» после смерти Пушкина, приведем отрывок из воспоминаний Н. И. Куликова, театрального деятеля, близко знавшего Нащокина. Когда весть о дуэли и ранении поэта достигла Москвы, друг Нащокина, великий русский артист Михаил Семенович Щепкин вместе с Н. И. Куликовым поспешил к Павлу Воиновичу. «Боже мой! в каком отчаянном положении застали мы бедного Нащокина! — пишет Куликов. — Никогда и при его собственных несчастиях он не терял присутствия духа, спокойного и веселого нрава. А тут он, как маленький ребенок, метался с места на место, ласкался к нам, благодаря за посещение, то

проклиная Петербург, и даже ругал самого Пушкина.— «Если бы я в то время жил там,— говорил Нащокин,— он не наделал бы таких глупостей. Я бы не допустил их до дуэли, я бы и Дантеса, и мерзавца отца его заставил бы уважать такого поэта, поклоняться ему и извиниться перед ним». Щепкин упрекал петербургских друзей поэта, не сумевших предотвратить дуэли, и, сам заливаясь слезами, успокаивал Нащокина надеждой на то, что рана может быть не опасна». Разговор этот происходил, конечно, уже после смерти Пушкина, но в Москве о ней еще не знали...

На семнадцать лет пережил Павел Воинович любимого друга. Как прошли они? В воспитании детей, в кругу артистов, музыкантов, художников; в постоянном борении с нуждой и... в безудержной карточной игре. Превосходный бюст Пушкина работы И. П. Витали всегда украшал гостиную Нащокиных. В 1839 г. художник К. Мазер написал по заказу Нащокина портрет Пушкина в халате (архалуке), подаренном Натальей Николаевной Павлу Воиновичу после смерти мужа. Уже упоминалось о встрече четы Нащокиных с П. И. Бартеневым в 1851—53 гг. Не только для исследователя биографии Пушкина были важными эти беседы, но и для самого Нащокина, который, рассказывая, оживлял в памяти образ незабвенного друга. Нащокин переписывался с Жуковским, встречался с Баратынским, Вяземским, дружил с Соболевским, К. К. Данзасом.

Но, пожалуй, наибольшее участие в судьбе Нащокиных принимал Н. В. Гоголь. 40-е годы почти полностью прошли для Павла Воиновича в нужде. Гоголь пытался подыскать ему место воспитателя в богатом доме. Это в конечном счете не получилось, но Гоголь был убежден в обоснованности своей рекомендации. Казалось бы, не отличавшийся силой воли, грешный и суматошный Нащокин не годился в воспитатели. Однако Гоголь думал иначе: «Уже одно множество происшествий, случившихся в виду и на глазах ваших, истории разорившихся владельцев, множество нечаянных случаев и событий, которые рассказываете вы так живо и увлекательно и с такою верностью, в которых так отражается наш современный русский барин и человек со всею своею оплошностью

и недостатками, которых виною всегда почти сам,—одни эти живые рассказы могут подействовать глубоко на душу». Если иметь в виду не роль педагога-репетитора, к которой Нащокин был совершенно негоден, а труд воспитателя, умеющего вырастить побег добра в душе человеческой, то Гоголь, видимо, был прав.

Павел Воинович рано устал от тревог, забот и бессонных ночей. Да это и не мудрено было при его образе жизни. Он в последний раз поправил дела в 1854 г. Бартенев вспоминал что «бывал у него в бедной его обстановке (у Неопалимой Купины) и потом в богатом доме на Плющихе». Однако жене Павла Воиновича Вере Александровне после уплаты долгов все-таки ничего не досталось из наследства мужа. А ей предстояла еще долгая, почти полувекковая жизнь.

* * *

Мы намеренно не касались подробностей семейной жизни Нащокина, хотя они и занимали одно из первых мест в переписке его с Пушкиным *. Однако все же следует познакомить читателя с женой Нащокина Верой Александровной (1811—1900), доброй и милой женщиной, которая волею судьбы оставалась последней на земле близкой знакомой Пушкина. Из прилагаемых материалов (№№ 39—42) видно, в какой бедности довелось ей доживать свой век, насколько забыта она была и каким невероятным событием показалось ей, что к 100-летию со дня рождения Пушкина о ней вдруг вспомнили, пригласили на юбилейные торжества и, кажется, даже немного помогли деньгами.

Они поженились в самом начале 1834 г. при обстоятельствах сложных и беспокойных и прожили в мире и согласии 20 лет. У них было шестеро детей — четыре дочери и два сына.

Еще раньше, в 1833 г., когда Пушкин приезжал в Москву, Нащокин познакомил его со своей дальней родственницей и будущей женой, которая, как пишет современный исследователь Н. А. Раевский, была

---

* Об этом подробно рассказано в книге Н. А. Раевского «Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин».

«одной из самых душевно привлекательных женщин, которых знал Пушкин». В дальнейшем встречи Веры Александровны с Пушкиным ограничились теми 18-ю днями, которые он провел у Нащокиных в 1836 г. Но, во-первых, это не так мало, а во-вторых, долгие годы Вера Александровна прожила с человеком, как никто знавшим Пушкина, и слушала бесконечные рассказы и воспоминания о поэте. Во всяком случае в 1899 г. никого, кроме нее, из друзей и собеседников Пушкина уже не было в живых. Если в 1850-х годах рассказы Веры Александровны были для П. И. Бартенева все же второстепенными по сравнению с воспоминаниями ее мужа, то в конце века они приобрели значение бесценного первоисточника.

В альбоме Пушкинской выставки 1899 г. в Москве опубликована (и в книге Н. А. Раевского воспроизведена) фотография: дряхлая старушка, с изможденным, обтянутым кожей лицом, на котором удается разглядеть печальные, усталые глаза, сидит в кресле около веранды дачного домика в селе Всехсвятском под Москвой — за Тверской заставой. Ничего не осталось от красавицы немного восточного типа, какой изображена она неизвестным художником-акварелистом в конце 30-х годов. Однако старушка, которой вот-вот исполнится девяносто лет, сохранила светлый разум и небывалую для ее возраста память. Она в самом деле четко помнила Пушкина и все разговоры с ним. На рубеже веков это казалось уже настоящим чудом. Специалисты скрупулезно изучили сделанную в 1899 г. газетным репортером запись рассказов Веры Александровны и пришли к выводу, что они точны даже в деталях. Небольшие упущения ее памяти и смещения событий корректируются перепиской Нащокина с Пушкиным и другими источниками.

В беспросветной нужде провела Вера Александровна свою старость. Прежде ей помогали М. П. Погодин, П. А. Вяземский, кто-то из родственников. Но после их смерти и смерти всех четырех дочерей стало совсем худо. Иногда ей приходилось продавать реликвии прошлого: письма Пушкина и Гоголя к ее покойному мужу. Когда к ней перед юбилеем Пушкина явились газетчики, она оживилась: «Ах, вы представить себе не можете, как я и мой муж любили Пушкина. Это был

наш друг в полном смысле этого слова... Я могу рассказать вам много, много...». Ее рассказ в сокращении печатается и в настоящем издании (№ 39).

Чудеса, между тем, продолжались. 26 мая 1899 г. за Верой Александровной приехали из Московского университета и повезли ее на торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения величайшего русского поэта. Она сидела среди почетных гостей, рядом с дочерью Пушкина Марией Александровной Гартунг — той самой Машей, которой Александр Сергеевич мечтал показать «нащокинский домик». Во время юбилея в газетах появлялись даже некоторые преувеличения: Веру Александровну называли подругой Пушкина, одной из первых красавиц и богатейших женщин своего времени и т. п. Ей даже выхлопотали пенсию, но пользовалась она ею недолго. 16 ноября 1900 г. вдовы Павла Воиновича Нащокина не стало. Ее похоронили на Ваганьковском кладбище, рядом с Павлом Воиновичем.

В воспоминаниях поэта В. Я. Брюсова есть такая запись: «В конце 90-х годов (помнится так, может быть, немного позже) в Москве умерла старушка Нащокина... Мне в должности председателя Литературного кружка удавалось помогать этой старушке и ее детям, которые в последние годы бедствовали, лично я ее не видел. Но один из моих друзей побывал у нее. Прощаясь, он поцеловал ей руку в ладонь. Старушка взволновалась: «Вот, — припомнила она, — и покойник Александр Сергеевич всегда так целовал руку». Для нас — Пушкин, для нее — «покойник Александр Сергеевич»!»

Основная литература

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л., 1977.

Н. Я. Эйдельман. Воспоминания Павла Воиновича Нащокина, написанные в форме письма к А. С. Пушкину. — Прометей, т. 10, М., 1974.

Г. Назарова. Нащокинский домик. Л., 1971.

1

Я начинаю себя помнить на большом, барском дворе, сидящим в песке (что почитается средством противу так называемой английской болезни). Около меня толпа нянек и мамушек и шестнадцать дворовых мальчишек, готовых попеременно таскать меня во весь дух в колясочке с барского на черный двор и на деревенский базар. Помню отца моего, и вот в каких обстоятельствах. Назначен отъезд в Петербург. На дворе собирается огромный обоз — крыльцо усеяно народом — гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными майорами в старинных мундирах и проч. Отец мой между ими в зеленом плаще. Одноколка подана. Меня приносят к отцу с ним проститься. Он хочет взять меня с собою — я плачу: жаль расстаться с нянею... Отец с досадой меня отталкивает, садится в одноколку, выезжает; за ним едет весь обоз; двор пустеет, челядь расходится, и с тех пор впечатления мои становятся слабы и неясны до 10-го года моего возраста...

Тут сцена переменяется: но сперва скажу несколько слов о моих родителях. Отец мой генерал-поручик Воин Васильевич Нащокин принадлежит к замечательнейшим лицам Екатерининского века. Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности. Несколько анекдотов, сохранившихся по преданию, дадут о нем понятие. После похода, в котором он отличился, он вместо всякой награды выпросил себе и многим своим офицерам отпуск и уехал с ними в деревню, где и жил несколько месяцев, занимаясь охотою. Между тем начались вновь военные действия. Суворов успел отличиться, и отец мой, возвратясь в армию, застал уже его в Александровской ленте. Так-то, батюшка Воин Васильевич,— сказал

ему Суворов, указывая на свою ленту, — покаместь вы травили зайцев и я затравил красного зверя. Шутка показалась обидною моему отцу, который и так уж досадовал; в замену эпиграммы он дал Суворову пощечину. Суворов перевертелся, вышел, сел в перекладную, прискакал в Петербург, бросился в ноги государыне, жалуясь на отца моего. Вероятно государыня уговорила Суворова оставить это дело, для избежания напрасного шума. Несколько времени спустя присылают отцу моему Георгия при рескрипте, в коем было сказано, что за обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей он достоин, но что отец мой получает орден по личному ходатайству А. В. Суворова. Отец мой не принял ордена, говоря, что никому не хочет он быть обязану, кроме как самому себе. Вообще он никого не почитал не только высшим, но и равным себе. Князь Потемкин заметил, что он и о боге отзывался хотя и с уважением, но всё как о низшем по чину, так что когда он был генерал-майором, то на бога смотрел, как на бригадира, и сказал, когда отец мой был пожалован в генерал-поручики: Ну, теперь и бог попал у Нащокина в 4-й класс, в порядочные люди! — Будучи назначен командиром корпуса, находящегося в Киевской губернии, вскоре по своему прибытию в оный, дал он за городом обед офицерам и городским чиновникам. Киевский комендант, заметя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уехал. Отец, заметя его отсутствие, взбесился, встал из-за стола, приказал корпусу собраться и повел его к городу. Поднялась пальба, ни одного окошка не осталось в Киеве целого. Город был взят приступом, и отец мой возвратился со славою в лагерь, ведя предателя коменданта военнопленным. По восшествии на престол государя Павла I отец мой вышел в отставку, объяснив царю на то причину: — Вы горячи, и я горяч, нам вместе не ужиться. Государь с ним согласился и подарил ему воронежскую деревню. Отец мой жил барином. Порядок его разъездов дает понятие об его жизни. Собираясь куда-нибудь в дорогу, подымался он всем домом. Впереди на

рослой испанской лошади ехал поляк Куликовский с волторною — прозван он был Куликовским по причине длинного своего носа; должность его в доме состояла в том, что в базарные дни обязан он был выезжать на верблуде и показывать мужикам *lanterne-magique* *. В дороге же подавал он волторною сигнал привалу и походу. За ним ехала одноколлка отца моего; за одноколкою двухместная карета про случай дождя; под козлами находилось место любимого его шута Ивана Степаныча. Вслед тянулись кареты, наполненные нами, нашими мадамами, учителями, няньками и проч. За ними ехала длинная решетчатая фура с дураками, арапами, карлами, всего 13 человек. Вслед за нею точно такая же фура с больными борзыми собаками. Потом следовал огромный ящик с роговою музыкою, буфет на 16 лошадях, наконец повозки с калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отец мой останавливался всегда в поле). Посудите же, сколько при всем этом находилось народу, музыкантов, поваров, псарей и разной челяди.

В числе приближенных к отцу моему два лица достойны особенного внимания: дурак Иван Степаныч и арапка Мария. Арапка отправляла при нем должность камердинера; она была высокого роста и зла до крайности. Частехонько диралась она с моим отцом, который никогда не сердился на нее. Иван Степаныч лицо историческое. Он был известен под именем Дурака нашей фамилии. Потемкин, не любивший шутов, слыша многое о затеях Ивана Степаныча, побился об заклад с моим отцом, что Дурак его не рассмешит. Иван Степаныч явился, Потемкин велел его привести под окошко и приказал себя смешить. Положение довольно затруднительное. Иван Степаныч стал передразнивать Суворова, угождая тайной неприязни Потемкина, который расхохотался, позвал его в свою комнату и с ним не расставался. Государь Павел Петрович очень его любил, и Иван Степаныч имел право при нем сидеть в его кабинете. Шутки его

---

* волшебный фонарь (франц.).

отменно нравились государю. Однажды царь спросил его, что родится от булочника? — Булки, мука, крендели, сухари и пр., — отвечал дурак. — А что родится от гр. Кутайсова? — Бритвы, мыло, ремни, и проч. — А что родится от меня? — Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч. Государю это очень понравилось. Он вышел из кабинета и сказал окружающим его придворным: — Воздух двора заразителен; вообразите: уж и дурак мне льстит. Скажи, дурак, что от меня родится? — От тебя, государь, — отвечал, рассердившись, дурак, — родится: бестолковые указы, кнуты, Сибирь и проч. Государь вспыхнул, — и, полагая, что дурак был подучен на такую дерзость, хотел узнать непременно кем. Иван Степаныч наименовал всех умерших вельмож, ему знакомых. Его схватили, посадили в кибитку и повезли в Сибирь. Воротили его уже в Рыбинске. При государе Александре был он также выслан из Петербурга за какую-то дерзость. Он умер лет 6 тому назад.

Мать моя была в своем роде столь же замечательна, как и мой отец. Она была из рода Нелидовых. Отец, заблудившись на охоте, приехал в дом к Нелидову, влюбился в его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновенного ума и способностей. Она знала многие языки, между прочим греческий. Английскому выучилась она 60 лет. Отец мой ее любил, но содержал в строгости. Много вытерпела она от его причуд. Например: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбачью лодку и катал ее по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал ее на пушку и палил из-под нее. До глубокой старости сохранила она вид и обхождение знатной дамы. Я не видывал старушки лучшего тону.

Сестра моя была старше меня несколькими годами. Она была красавица и считалась таковою в Москве. Я с братом воспитывался дома. У нас было множество учителей, гувернеров и дядек, из коих двое особенно для меня памяты. Один пудренный, чопорный француз, очень образованный, бывший приятель Фри-

дерика II, с которым игрывал он дуэты на флейте, а другой, которому обязан я первым моим пьянством, эпохою в жизни моей. Вот как это случилось. Однажды, скукая продолжительностию вечернего урока, в то время, как учитель занялся с братом моим, я подкрался и задул обе свечи. Матери моей не было дома. Случилось, что во всем доме, кроме сих двух свечей, не было огня, а слуги по своему обычаю все ушли, оставя дом пустым. Учитель насилу их нашел, насилу добился огня, насилу добрался до меня и в наказание запер меня в чулан. Вышло, что в чулане спрятаны были разные съестные припасы. Я к неизъяснимому утешению тотчас отыскал тут изюм и винные ягоды и наелся вдоволь. Между тем ощупал я штоф, откупорил его, полизал горлышко, нашел его сладким, попробовал из него хлебнуть; мне это понравилось; несколько раз повторил свое испытание и вскоре повалился без чувств. Между тем матушка приехала. Учитель рассказал ей мою проказу и с нею отправился в чулан. Будят меня, что же? Встаю, шатаюсь, бледный, на полу разбитый штоф, от меня несет водкой, как от Панкратьевны «Опасного Соседа». Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, с головной болию, смутно вспоминая вчерашнее, гляжу в окно и вижу, что на повозку громоздят пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мне, что матушка прогнала его, затем-де, что он вечор запер меня в чулан.

*Записки П. В. Нащокина,
им диктованные в Москве. 1830.*

2

Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен. 3) что если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, т. е. умного и дружеского.

Пушкин — А. Н. Верстовскому. Ноябрь 1830.

3

Приехали мы благополучно, мой милый Павел Воинович, в Демутов трактир и на днях отправляемся в Царское Село, где мой домик еще не меблирован (мой будущий адрес: в дом Китаевой).

Пушкин — П. В. Нащокину. Около 20 мая 1831.

4

Ты не можешь себе представить, какое худое влияние произвел твой отъезд отсюда на меня, — я совершенно оробел, — расстройство нерв я более чувствую, чем когда-нибудь, всего боюсь — ни за что ни про что — не нахожу средств уединиться — одному же скучно. Чувствую в себе какого-то, вроде *вампира*, некого ждать, не к кому идти, одним словом — очень худо, читаю — в пот бросает, музыкой я не доволен, — что со мной будет — право не знаю; не стану говорить о привязанности моей к тебе — что же касается до привычки видеть и заниматься тобою, она без меры. Все это ты и знал и предполагать мог, оно не нужно было, но само как-то написалось...

Сделай милость, ошибок не поправляй * — их много — и меня это будет конфузить. Наталье Николаевне — мое почтение. Не забудь портрет — мне сдается, боюсь вымолвить, что я тебя иначе не увижу, но может это враки. Посылаю тебе доверенность, соверши ее в Гражданской палате — и не вырони лоскутка из пакета, на котором написано, как тебе подписать, — присылай ее скорее. — Жить ты будешь счастливо, я в этом уверен — следственно говорить и желать тебе мне нечего, не забудь меня, поминай меня, да не лихом — я с своей стороны тебе был друг искренний, по душе, или по чему другому, все равно. Сидя в карете, я плакал — и этому давнишнему удовольствию я тебе обязан. Письма мои, сделай милость, рви, ибо им

---

* Орфография в письмах Нащокина в настоящем издании исправлена. (Ред.).

можно будет со временем смеяться, этому более, ибо оно совершенно писано слогом нежной московской кузины, но этому виноват ты, не позволив мне писать начерно. Прощай, Александр Сергеевич — прошу тебя сказать своим слогом Наталье Николаевне, сколь много я ей желаю всякого счастья и удовольствия.

П. В. Нащокин — Пушкину. Конец мая 1831.

5

Как жаль, что я тебе пишу — наговорил бы я тебе много забавного,— между прочих был приезжий из провинции, который сказывал, что твои стихи не в моде,— а читают нового поэта, и кого бы ты думал, опять задача,— его зовут — Евгений Онегин.— Хорошо.— Анекдотов — разных приключений в Москве, в клобе,— очень много, но предоставляю тебе узнавать через других...

Мое почтение Наталье Николаевне. Очень много говорят о Ваших прогулках по Летнему саду — я сам заочно утешаюсь — и живо представляю себе Вас гуляющих — и нечего сказать: очень, очень хорошо. Вам скучно, в Царском Селе будет весело, скоро. Прошу всенижайше Наталью Николаевну и тогда для меня оставить уголок в своей памяти.— А что ж портрет? — Портрет непременно, сделай милость, напomini Наталье Николаевне, что она мне обещалась тебе об оном напоминать — почаще.— Прощай друг — будь счастлив и здоров. Много бы еще кой-чего надо написать, но вдруг не упомнишь — и Вы же меня развлекаете, я точно с тобой в кабинете — стою и молчу, и жду сам не знаю чего — ты перебираешь листы — Наталья Николаевна сидит за канвой.— Вот братец, не портрет, а картина,— найди-ка мне такого мастера, чтобы он так нарисовал живо, как мне теперь представляется.— Прощай еще раз — ты не можешь вообразить, как много я Вам предан. Я сам покуда Вы были, не воображал — без тебя, брат, ты не можешь вообразить, я все молчу, а иногда и отмалчиваюсь —

и скоро разучусь говорить, а выучусь писать — дай бог, я бы очень этого желал. Письмо начать мне было очень трудно, теперь я не могу перестать — однако пора, прощай в самом деле.

П. В. Нащокин — Пушкину. 9 июня 1831.

6

Очень, очень благодарю тебя за письмо от 9 июня. Не знаю, отвечал ли я тебе на оное; на всякий случай перечитав его, пишу ответ. С подрядчиком я расплатился; он сказывал мне, что ты обещал ему от меня прибавку, на сие жду твоего приказанья, а сам от себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условие мог ты заключить с Рахмановым; страховать жизнь ещё на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покаместь мы не застрахованы, а застрашены. Здесь холера, т. е. в Петербурге, а Сарское Село оцеплено — так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца секли его пажу. Жду дороговизны и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится. О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташеньке муженька такого смиренного.

Пушкин — П. В. Нащокину. Июнь 1831.

7

Получил я от тебя, удивительный Александр Сергеевич — и доверенность и деньги...

Посылаю тебе письмо из твоей деревни, которое я, виноват, ненарочно распечатал. Наталье Николаевне мое нижайшее почтение, не нахожу слов выражать мою благодарность за поклоны и за все ласки ваши, а все-таки не могу не напомнить — портрет, портрет — хороший портрет — я его право заслуживаю, и я требую мне должное. А если милость будет ваша, доказать мне на деле ваше общее ко мне дружеское

расположение, в таком случае пусть Наталья Николаевна дозволит себя в твоем портрете представить хоть в зеркале или в перспективе. Я может никогда не увижу вас наяву — мне быть в Петербурге невозможно. Прощай, любезный друг. Пиши ко мне письма, а для потомства трагедии — и хоть один роман. Прощай, будь здоров и счастлив.

П. В. Нащокин — Пушкину. 20 июня 1831.

8

Очень благодарен за твое письмо, мой друг; а что это за болезнь, от которой ты так скоро оправился? Я уже писал тебе, что в Петербурге холера и, как она здесь новая гостья, то гораздо более в чести, нежели у вас, равнодушных москвичей. На днях на Сенной был бунт в пользу ее; собралось православного народу тысяч шесть, отперли больницы, кой-кого (сказывают) убили; государь сам явился на месте бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай бог, чтоб и без кнута. Тяжелые времена, Павел Воинович!..

Пушкин — П. В. Нащокину. 26 июня 1831.

9

Любезный Александр Сергеевич, давно я к тебе не писал, все было некогда, и теперь пишу под гитару и под разные анекдоты. Я на счет твой совершенно покоен, зная расположение Царского Села, холеры там быть не может — живи и здравствуй с Натальей Николаевной, которой я свидетельствую свое почтение — я уверен, что ты, несмотря на все ужасные перевороты, которые тебя окружают, — еще никогда не был так счастлив и покоен, как теперь — и для меня это не ничего; без всякой сентиментальности скажу тебе, что мысль о твоём положении мне много доставляет удовольствия; о себе говорить нечего, лечусь и точно такой, как можно без тебя мне быть, коли не развлечен

какими неприятными делами — тогда очень скучно, читаю теперь 1-й том Карамзина, гулять не хожу — сижу дома, гости те же, и я к ним привык, как мельник к шуму колес своей мельницы.

Кстати, Александр Сергеевич, так как ныне смерть поступает и решает жизнь человеческую уже не гражданским порядком, а военным судом — т. е. скоро и просто, в таком случае буде она до меня доберется, то прошу покорно по всем векселям моим взыскать деньги, капитал храни, где хочешь, а проценты — половину на воспитание сына, если не умрет, ибо твоей крестницы уже нет, — а другую на содержание матери, — я еще не думаю, — а все-таки лучше сказать прежде — и это только в таком случае, когда я сам не успею распорядиться, обременять же тебя я не хочу никакой обязанности, но зная твое доброе сердце ты бы сам их не оставил, — не думай чтобы я был в мерлихлюндии, совсем нет, я очень покоен...

Прощай, Александр Сергеевич. Пиши, брат, почаще, когда мне писать к тебе весело, то можешь вообразить, что получать гораздо веселее; Наталья Николаевна не знаю что желать — все имеет в себе и в муже. Себе желать только могу чтобы Вас когда-нибудь да увидеть. Прощай, Добрый для меня Пушкин, — не забывай меня, никого не найдешь бескорыстнее и более преданного Тебе Друга как П. Нащокина.

П. В. Нащокин — Пушкину. 15 июля 1831.

10

Бедная моя крестница! вперед не буду крестить у тебя, любезный Павел Воинович; у меня не легка рука. Воля твоя будет выполнена в точности, если задумаешь ты отправиться вслед за Юсуповым; но это дело несбыточное; по крайней мере я никак не могу вообразить тебя покойником. Я всё к тебе собираюсь, да боюсь карантин. Ныне никак нельзя, пускаясь в дорогу, быть уверенным во времени проезда. Вместо трехдневной езды, того и гляди, что высидишь три не-

дели в карантине; шутка! — Посылаю тебе посылку на имя Чаадаева; он живет на Дмитровке против церкви. Сделай одолжение, доставь ему. У вас, кажется, всё тихо, о холере не слыхать, бунтов нет, врачей и полковников не убивают. Недаром царь ставил Москву в пример Петербургу!

Пушкин — П. В. Нащокину. 21 июля 1831.

11

Ну, Александр Сергеевич, измучился я на твой счет; не писал и к тебе так долго, боясь удостовериться о смерти твоей. Вот что две недели говорили в Москве: что ты умер — жена осталась беременна и так далее — но я не вслушивался в подробности, не хотелось мне услыхать что-нибудь правдоподобного, одним словом я очень беспокоился, — но ты жив, узнал я от клобного повара, к которому писал твой, что все благополучно, и потому решаюсь писать. Но и теперь прошу мне ответить как можно скорее, напередки ты можешь поручить Василью извещать меня еженедельно о твоём здоровье...

На будущее лето — предлагаю вам мою деревеньку на житье, которая состоит в ста шестидесяти верстах от Москвы, я в ней жить не могу, а мог бы приехать дня на три. Прощай, Александр Сергеевич, будь жив и здоров и весел, пиши ко мне будущую почту, а я покуда прощай, пустяков писать не хочется.

П. В. Нащокин — Пушкину. 2 сентября 1831.

12

Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет

свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет — время идет, а дело мое не распу-
тывается. Всё это поневоле меня бесит.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 16 декабря 1831.

13

Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бро-
сишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и
мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом
вырастет том, а там поглядишь — и другой. Мой жур-
нал остановился, потому что долго не приходило раз-
решение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и
рад. К будущему успею осмотреться и приготовиться;
покаместь буду жаться понемногу. Мою статую еще я
не продал, но продам во что бы ни стало. К лету бу-
дут у меня хлопоты. Наталья Николаевна брюхата
опять, и носит довольно тяжело. Не приедешь ли ты
крестить Гаврила Александровича? Я такого мнения,
что Петербург был бы для тебя пристанью и ковчегом
спасения.

Пушкин — П. В. Нащокину. 2 декабря 1832.

14

Правда ли, что ты *Академик*. Я очень рад. *Прочим*
это не любо, но бог с ними. Наталье Николаевне мое
почтение и с барышней. Полевой на тебя крепко гро-
зится, убью говорит он — покуда кайся; что с Левуш-
кой, умер или пропал — об нем в газетах есть, но ник-
то не понимает. *Мемории* не начинал, некогда. Друзей
у тебя в Москве нет — ибо любят тебя бранить, кроме
меня, разумеется. Что твой роман — Петр I-й и т.д. —
будет ли что нынешний год нового?

Народу у меня очень много собираются, со всяким
надо заниматься — а для чего — так *богу угодно*: ни
читать, ни писать время нет — только и разговору
здравствуйте, подай трубку, чаю. Прощайте очень
редко — ибо у меня ночуют и поутру, не простясь,
уходят. Вот, каково на этом свете — на том хуже быть

не может. Прощай, воскресение нравственного бытия моего, авось опять приедешь в Москву и отогреешь,— а покуда, я костенею от стужи и скуки.

П. В. Нащокин — Пушкину. 10 января 1833.

15

Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения.

Вот как располагаю я моим будущим. Летом, после родов жены, отправляю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний да, может быть, в Астрахань. Мимоездом увидимся и наговоримся досыта. Путешествие нужно мне нравственно и физически.

*Пушкин — П. В. Нащокину.
Около 25 февраля 1833.*

16

Что, Павел Воинович, каковы домашние обстоятельства? решено ли? мочи нет, хочется узнать развязку; я твой роман оставил на самом занимательном месте. Не смею надеяться — а можно надеяться. Vous êtes éminemment un homme de passion* — и в страстном состоянии духа, ты в состоянии сделать то, о чем и не осмелился бы подумать в трезвом виде; как некогда пьяный переплыл ты реку, не умея плавать. Нынешнее дело на то же похоже — сыми рубашку, перекрестись и бух с берега; а мы — князь Федор и я — будем следовать за тобою в лодке, и как-нибудь — выкарабкаешься на противную сторону.

Пушкин — П. В. Нащокину. 24 ноября 1833.

---

* Ты человек в высшей степени страстный (франц.).

17

Ах, любезный Александр Сергеевич, ты не можешь вообразить мое мучение и нет от него спасения... Ей-ей мочи нет, и не знаю, что делать... Хочу отдохнуть — не могу, все у меня кипит, пляшет, мнительность — ревность — досада, жалость — нерешительность — и тут же упрямство — про любовь я не говорю, ибо это все любовь, дух замирает, голова горит, — рассказывать я не в состоянии ни коротко, ни подробно...

Одним словом вот что я заключил — и как я представляю себя, — оно все мое сердце, мое предоброе, премягкое и препламенное, ум мой пренедоверчивый, и преотчетливый, и занятый.

П. В. Нащокин — Пушкину. Конец ноября 1833.

18

Ты не можешь вообразить, милый друг, как обрадовался я твоему письму. Во-первых, получаю от тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствие, и охота со мною болтать. С первых строк вижу, что ты спокоен и счастлив. Каждое слово уничтожает сплетни, половине коих я не верил, но коих другая половина сильно меня тревожила. У меня обедал Соболевский и Лев Сергеевич. Прочитав твое письмо сперва про себя, потом во услышание твоих приятелей, все мы были довольны, все пожелали тебе счастья. Наталья Николаевна нетерпеливо желает познакомиться с твоею Верою Александровною, и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет...

Но сперва поговорим о деле, т. е. о деньгах. Когда ты отправил меня из Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты без моих денег обойдешься; от того-то я моих распоряжений и не сделал. У меня была в руках, и весьма недавно, довольно круглая сумма, но она истаяла, и до октября денег у меня не будет — но твои 3000 доставлю тебе в непродолжительном вре-

мени, по срокам, которые назначу, сообразясь с моими обстоятельствами<...>

Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно мы квиты, если ты мне обязан женитьбою своей — и надеюсь, что Вера Александровна будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна...

Пушкин — П. В. Нащокину. Март 1834.

19

Пишу тебе, только для того, чтобы тебе напомнить обо мне, я здоров и счастлив и все еще в Туле. Сейчас сажусь кровь пускать. Мочиону не делаю, сильных ощущений нет и потому кровь привалила до того, что я голову нагнуть не могу. Прощай, драгоценный Пушкин. Ради бога присылай денег — и отдай Вяземскому, общее наше почтение с женою Наталье Николаевне...

Ради бога займи да пришли, у меня всего 5 рублей. Смерть хочется писать — но сил никаких нет, так голова и горит.

П. В. Нащокин — Пушкину. Март 1834.

20

Любезный друг, Александр Сергеевич. Крайне мне грустно будет, если я узнаю, что ты на меня сердишься. Нельзя и не сердиться на того, кто денег просит, особенно на четырех круглых страницах — но делать нечего — я еще и теперь к тебе прибегаю, с тою же просьбою. Ты человек рассеянный — а я человек отдаленный — а потому я и напоминаю, что только и нужно. Письмо же это посылаю не по почте — а по оказии с тульским купцом, которому ты можешь, ес-

ли еще не послал ко мне денег, ему поручить мне оные доставить, всю сумму — или остальную — ибо я не надеюсь, чтобы ты все вдруг — деньги ко мне прислал — в твоём добром намерении я не сомневаюсь, но на возможность падает все мое сомнение и то, что со мною такого благополучия никогда не случилось — обыкновенно — или мне совсем не платят — или раздробляют платеж на шесть лет, — такова моя судьба. Заимовал же я по сту рублей, и то с натяжкой, — ибо первый вопросительный ответ на мое требование бывал — *на что тебе — возьми четыре золотых*. Желал бы, чтоб моя надежда совершилась — а я надеюсь что все переменится — ибо я, как мне кажется, наперекор судьбы женился, — и всё пойдет — ей теперь наперекор — а мне к удовольствию. Вяземскому ради бога отдай 500 — а остальные 3 тысячи — в Тулу по возможности. — Можешь еще достать столько же или хотя 2 тысячи — в таком случае ты одолжи меня на год — и можешь быть уверен — что они тебе приберегутся лучше. Следственно ты не скупись — а дай мне их, коли будут, после слюбится; впрочем — сказать не беда, — а там — как тебе угодно. Жена моя и я тебе низко кланяемся — и просим тебя покорно засвидетельствовать — от нас Наталье Николаевне нижайшее почтение. — Я слава богу здоров — у нас здесь погода славная и грязь ужасная. Жена моя брюхата, без причуд, только не любит табаку, — знать будет староввер. Я желаю дочь — она будет сестрою Павлу Павловичу. Сын же того и гляди — вместо брата, сделается ему барином, чего я не хочу. Что мне приятно, что жена моя в большой дружбе с моим сыном. — Прощай, любезный друг — кланяйся всем — кто-то только вспомнит. Я всем доволен — кроме финансов.

П. В. Нащокин — Пушкину. Конец апреля 1834.

Почтеннейший друг и благодетель Александр Сергеевич.

Если б я полагал, что мои письма до тебя доходят,

то верно бы этого письма к тебе не писал, зная на опыте, сколь неприятны письма, по которым просят денег,— в предыдущих письмах я слишком убедительно просил — и не получая ни денежного ни даже никакого ответа, думаю, что ты или переменял квартиру или тебя нет — в Петербурге,— и потому пишу тебе через г-на Смирдина, у которого попроси извинения, что я его беспокою; — я писал к тебе пять писем — одно другого трогательнее, 1-ое писал к тебе,— тогда — когда у меня оставалось — полтора ста рублей, 2-ое когда уже оставалось — пять рублей, 3-е я был должен — слишком сто рублей кроме квартирных денег,— 4-е, когда уже хозяин переменял со мною свое обхождение ласковое.— на суровое. По 5-му уже я все продал что только можно продать, вчетверо дешевле настоящей цены, должен слишком тысячу рублей, и вниз не смею сходить — как в комнатах ни душно, потому что хозяин по-прежнему суров, вдобавок и пьян.— Теперь пишу шестое письмо, с сокрушением сердца — чувствую сколь оно для тебя неприятно, и так как — вместо чисел пишу положения моих обстоятельств, при каждом письме — при теперешнем — вот оно каково, не говоря о моем долге, по городе, в котором ни меня никто не знает, ни я никого, ни о суровости и о пьянстве хозяина, которые очень неприятны, тем более что он единственно пьет — на счет мой, ему смелее требовать у меня денег в этом виде — но хуже всего, что я рискую заплатить штраф — как за своих дворовых людей, которых числом до тридцати, так и за деревню жены моей, за непредставление ревизских сказок, и штраф этот — не дай бог чтобы был — состоит — в нескольких тысячах, и все потому, что я не могу выехать из Тулы, в которую я приехал на короткое время, именно дожждаться твоих денег и ехать потом в деревню, провести лето, распорядиться и кой-как дожждаться или дотянуть до генваря месяца.— Но вот мой план совсем разрушен,— и не могу начать другой, не получая от тебя никакого ответа — сделай милость — пришли ответ — на мои письма, коротенько, и добренький.— Ты легко вообразить себе мо-

жешь, зная меня,— как мне тяжело, и что мне стоит, чтобы тебя беспокоить. Пришли мне адрес Соболевского, мне до него есть просьба, небольшая — денежная,— я не у него их просить буду — а попрошу его, чтобы он их получил — в Петербурге,— у одного барина, который мне должен — и предлагает мне заплатить, полагая, что у меня руки коротки и отсюда не достанут получить из Петербурга деньги. Прощай, любезный друг, Александр Сергеевич. Ради бога не сердись,— жду твоего милостивого ответа.

П. В. Нащокин — Пушкину. Май — июнь 1834.

22

Любезный Павел Воинович,

Не можешь вообразить, с каким удовольствием получил я наконец от тебя письмо. Но прежде всего поговорим о деле: Соболевский, с которым имею денежные дела, *немедленно* тебе доставит 2000 р. Следственно, будь покоен. Я бы нашел много что тебе сказать в извинение моей несостоятельности, но это по почте писать вещь излишняя; а дай бог, чтоб запоздалые мои деньги пришли к тебе в пору. Поздравляю тебя с дочкою Катериной Павловной; желаю роженице здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Всё лето рыскал я по России и нигде тебя не заставал; из Тулы выгнан ты был пожарами; в Москве не застал я тебя неделю; в Торжке никто не мог о тебе мне дать известия. Рад я, Павел Воинович, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушие и умная, терпеливая снисходительность не изменились ни от хлопот новой для тебя жизни, ни от виновности дружбы перед тобою. Когда бы нам с тобой увидеться! много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такого, о чем не худо бы потолковать у тебя на диване, с трубкой в зубах...

Пушкин — П. В. Нащокину. Начало января 1835.

23

Желал бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни. Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились.

*Пушкин — П. В. Нащокину.
10-е числа января 1836.*

24

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, всё идет хорошо.

Пушкин — П. В. Нащокину. 27 мая 1836.

25

Любезный друг Александр Сергеевич, много бы было об чем писать да некогда. Что ты неаккуратен, это дело известное. Несмотря что известно — надо тебе это сказать и коли можно и помочь. Белинский получал от Надежина, чей журнал уже запрещен, 3 тысячи. *Наблюдатель* предлагал ему 5.— Греч тоже его звал.— Теперь коли хочешь, он к твоим услугам — я его не видал — но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать.— Ты мне отпиши, и я его к тебе пришлю.— «Современник» твой — очень хорош для

меня, но не всем нравится. Предлагаю тебе помещать кой-что по художественной части,— т. е. говорить о Брюллове, что он делает,— там у вас художникам работ очень много, для иногородных и московских жителей это будет любопытно.— Еще скажу тебе, любезный друг, что напрасно ты не надписываешь, к кому, на «Современнике», для раздачи,— который ты ко мне посылаешь,— ибо, я так полагаю, ты на этот счет мне не писал. Я раздавал как умел, припоминая тех, которым ты роздал 1-ый номер — исключая Ивану Ивановичу Дмитриеву, которому без надписи не смел послать — и потому у него двух последних номеров нету.— Ты, вероятно, слава богу здоров, жена и дети тоже...

*П. В. Нащокин — Пушкину.
Конец октября — начало ноября 1836.*

26

Любезный друг Александр Сергеевич — отпиши мне хоть строчку — жив ли ты, и каковы твои делишки. Мои и так и сяк — теперь — очень плохи — а может быть — и поправятся...

Еще попрошу у тебя для Щепкина — он тоже человек хороший и с семейством, и тоже не богатый — и нужны деньги. В феврале месяце у него бенефис — и Гоголь ему обещал пьесу.— Но Гоголя нет — и может статься, что и пьесы не будет — ему же нужен сбор, и потому нужна такого рода пьеса, которая бы привлекла публику. Таковую точно и нашли — это *Дворянские выборы*, соч. Квитки. Комедия сия была пропущена цензурой,— но 3-е Отделение императорской Канцелярии убедительнейше просило контору императорского Театра — не представлять ее до будущего разрешения; но формального запрещения не играть ее еще не было. Итак нельзя ли запросить разрешения,— хотя на один бенефис М. С. Щепкина. Буде это будет возможно — в таком случае, на посланном экземпляре, пускай пока пишут, что сыграть можно. Ко-

пию же и экземпляр, мною тебе посылаемый, во всяком случае не медля возврати ко мне.— Прощай, до свиданья. Я к тебе писал с П. А. Нащокиным; не знаю получил ли ты мое письмо или нет. Ждал я тебя в Москву — по твоему обещанию, — не знаю почему ты не приехал.

*П. В. Нащокин — Пушкину.
Вторая половина декабря 1836.*

27

Вы, говорят, имеете прекрасный бюст незабвенного нашего друга. Если поступили уже в продажу слепки с него, то пришлите сюда их несколько, а в особенности один на мое имя. У меня есть картина, изображающая его в гробе, не та, что литографирована, а другая, в которой более сходства. Если хотите, рублей за 150 можно списать ее для Вас. 1-я книжка «Современника» подходит к концу. Я еще не могу опомниться от нанесенного нам удара. Понимаю и вашу скорбь. Он вас так любил...

П. А. Вяземский — П. В. Нащокину. 24 мая 1837.

28

Писал я тебе в Цюрих — но вероятно я опоздал, ибо вскоре после получил я письмо твое из Петербурга, в котором ты мне пеняешь, что я не уведомил тебя о смерти Пушкина, я не мог писать — и не к кому было писать. Смерть Пушкина — для меня — утомила всех — я всех забыл — и тебя — и мои дела и все — я должен был опомниться, имея жену и детей, без них я бы вполне предался с наслаждением печали — и к моему плохому здоровью, вероятно, отправился туда же, куда и всем путь — непременно. — Ты не знаешь, что я потерял с его смертью и судить не можешь — о моей потере. По смерти — его, я сам растерялся — упал духом, расслаб телом. — Я все время

болен — пускал кровь — и ношу фонтенель — вся левая сторона у меня слабеет — постепенно — боюсь, чтобы не отнялась — перемагаю себя как могу — и кроме меня вряд ли кто знает, что я болен — радикально лечиться я не могу — время нет, денег нет — и душевного покою нет.

*П. В. Нащокин — С. А. Соболевскому.
Первая треть 1838.*

29

Н. Н. Пушкина сказала мне, что на днях писала к вам. Она вам сердечно предана, и часто с нею говорим об вас. Я провел нынешнюю осень несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине...

*П. А. Вяземский — П. В. Нащокину.
30 декабря 1841.*

30

Вы провели, по примеру многих, бешено и шумно вашу первую молодость, оставив за собой в свете название повесы. Свет остается навсегда при раз установленном от него же названии. Ему нет нужды, что у повесы была прекрасная душа, что в минуты самых повестничеств сквозили его благородные движения, что ни одного бесчестного дела им не было сделано...

Я ему (Бенардаки.— см. примеч.) рассказал все, ничего не скрывая: что вы промотали все свое состояние, что провели безрасчетно и шумно вашу молодость, что были в обществе знатных повес и игроков и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не изменили ни разу ее благородным движением, умели приобрести невольное уважение достойных

и умных людей и, с тем вместе, самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшего ее к вам преимущественно перед другими до конца жизни.

Н. В. Гоголь — П. В. Нащокину. 20 июля 1842.

31

Погорюем о Баратынском — и его не стало. Когда известие о смерти барона Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: «Ну, Войныч, держись: в наши ряды постреливать стали». Многих из товарищей твоих и общих наших уже нет на свете, о которых не говорят и говорить не будут; *слава же, известность и некрология* не умолкнут повторять имен Пушкина, Дельвига и Баратынского в дальнейшее время потомства; но много ли людей осталось, которые бы могли помянуть их как товарищей и друзей по сердцу и по душе...

*П. В. Нащокин — Н. М. Коншину.
21 августа 1844.*

32

Частые мои воспоминания об единственном и истинном друге моем Александре Сергеевиче Пушкине необходимо сливаются с воспоминанием первого нашего знакомства, когда вы, вскоре после его смерти, вместе с графом Михайлом Юрьевичем Виельгорским с высоких степеней ваших снизошли в мой темный угол к неизвестному для вас дотоле человеку. Посещение ваше и в то время меня не удивило: оно свойственно высокой вашей душе и даже достойно назначения, тогда вами выполняемого. Цель посещения вашего была тоже христиански достигнута, ибо ничего не может быть утешительнее, как находиться с теми, которые равно делят скорбь и одинаково чувствуют важность потери... Впоследствии, при каждом свидании (что случалось редко, ибо вы с нами не живете),

вы всегда оказывали особенное внимание и даже душевное участие ко мне — все приписываю памяти Пушкина и радуюсь тому, и смело убеждаюсь, что именем его путь к вашему сердцу открыт.

*П. В. Нащокин — В. А. Жуковскому.
16 ноября 1849.*

33

Память Пушкина мне дорога не по знаменитости его в литературном мире, а по тесной дружбе, которая нас связывала, и потому письма его, писанные ко мне с небрежностью, но со всей откровенностью дружбы, драгоценны мне, а в литературном отношении ценности никакой не имеют, но еще могут служить памяти его укоризною.

*П. В. Нащокин — М. П. Погодину.
4 декабря 1851.*

34

Я так развлечен был в Петербурге, милостивый государь князь Петр Андреевич, что не успел переговорить о самом нужном.

1. Семейство Нащокина в крайности: сейчас была у меня оттуда старуха, которая сказывала, что вчера купили они на пять коп. картофеля, а хлеба не было. Нельзя ли обратиться к Обществу для пособия немущим литераторам, по связи его с Пушкиным и прочим отношениям к сочинениям Пушкина?

Если вы находитесь в непосредственной связи с Обществом, то благоволите передать это предложение П. В. Анненкову, как издателю Пушкина. Или напишите бумагу в Общество. Или напишем бумагу в Общество втроем: Вы, Анненков и я. Ланская, казалось бы, должна войти в положение несчастного семейства.

*М. П. Погодин — П. А. Вяземскому.
29 марта 1860.*

Пушкин поступил в Лицей при самом его основании. Нащокин (который был одним годом его моложе) был в пансионе Гауеншильда. Они часто видались и скоро подружились. Пушкин полюбил его за живость и остроту характера. Вообще Пушкин любил всех товарищей, врагов у него не было. Хотя у Пушкина в пансионе был брат (Лев), но он хаживал в пансион более для свидания с Нащокиным, чем с братом...

Приезжая в Москву, Пушкин всегда останавливался у Нащокина и всегда радовался, что извозчики из почтамта умели найти его квартиру и привезти его к нему, несмотря на то, что он менял квартиры. Всего дольше он жил у старого Пимена, в доме (Ивановой)...

На письме Нащокина к Пушкину, писанном в Туле 1834 года и находившемся в бумагах Пушкина, но по смерти его возвращенных Натальею Николаевною к Нащокину, рукою Пушкина, на обороте, написано:

Настойчка травная,
Настойчка тройная,
На зелья составная!
Удивительная!..
Вприсядку при народе
Тряхнул бы в хороводе
Под: *Збранный Воеводе*,
Победительная!..

Нащокин и жена его с восторгом вспоминают о том удовольствии, какое они испытывали в сообществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора. Они вспоминают, как любил домоседничать, проводил целые часы на диване между ними; как они учили его играть в вист и как просиживали за вистом по целым дням; четвертым партнером была одна родственница Нащокина, невзрачная собою; над ней Пушкин любил подшучивать. Любя тихую домашнюю жизнь, Пушкин неохотно принимал приглашения, неохотно ездил на так называемые литературные вечера. Нащокин сам уговаривал его ездить на них,

не желая, чтобы про него говорили, будто он его у себя удерживает...

Нащокин с умилением, чуть не со слезами вспоминает о дружбе, которую он имел с Пушкиным. Он уверен, что такой близости Пушкин не имел более ни с кем, уверен также, что ни тогда, ни теперь не понимают и не понимали, до какой степени была высока душа у Пушкина, говорит, что Пушкин любил и еще более уважал его, следовал его советам, как советам человека больше него опытного в житейском деле. Горько пеняет он на себя, что, будучи так близок к великому человеку, он не помнил каждого слова его. Вообще степень доверия к показаниям Нащокина во мне все увеличивается, и теперь доверие мое переходит в уверенность. Он дорожит священной памятью и сообщает свои сведения осторожно, боясь ошибиться, всегда оговариваясь, если он нетвердо помнит что-либо...

Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гулянов, встретясь с ним у Нащокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гулянова своими светлыми мыслями, меткими, верными замечаниями. Раз, Нащокин помнит, у них был разговор о всеобщем языке. Пушкин заметил между прочим, что на всех языках в словах, означающих *свет*, *блеск*, слышится буква «л»...

По словам Нащокина и жены его, Пушкин был исполнен предрассудков суеверия, исполнен веры в разные приметы. Засветить три свечи, пролить прованское масло (что раз он и сделал за обедом у Нащокина и сам смутился этою дурною приметой) и проч.— для него предвещало несчастье. В Петербург раз приехала гадательница Киргоф. Никита и Александр Всеволодские и Мансуров (Павел), актер Сосницкий и Пушкин отправились к ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты для Всеволодского и Сосницкого. После них Пушкин попросил ее загадать и про него. Разложив карты, она с некоторым изумлением сказала: «О! Это голова

важная! Вы человек не простой!» (то есть сказала в этом смысле, потому что, вероятно, она не знала по-русски. Слова ее поразили Всеволодского и Сосницкого, ибо действительно были справедливы). Она, между прочим, предвещала ему, что он умрет или от белой лошади, или от белой головы (Weisskopf). После Пушкин в Москве перед женитьбой, думая отправиться в Польшу, говорил, что, верно, его убьет Вейскопф, один из польских мятежников, действовавших в тогдашнюю войну. Нащокин сам не менее Пушкина мнителен и суеверен. Он носил кольцо с бирюзой против насильственной смерти. В последнее посещение Пушкина (весною 1836 г. из Болдино приезжал) Нащокин настоял, чтоб Пушкин принял от него такое же кольцо от насильственной смерти. Нарочно было заказано оно; его долго делали, и Пушкин не уехал, не дождавшись его: оно было принесено в 1 ночи, перед самым отъездом Пушкина в Петербург. Но этот талисман не спас поэта: по свидетельству Данзаса, он не имел его во время дуэли, а на смертном одре сказал Данзасу, чтобы он подал ему шкатулку, вынул из нее это бирюзовое кольцо и отдал Данзасу, прибавивши: «Оно от общего нашего друга». Сам Пушкин носил сердоликовый перстень. Нащокин отвергает показание Анненкова, который говорил мне, что с этим перстнем (доставшимся Далю) Пушкин соединял свое поэтическое дарование: с утратою его должна была утратиться в нем и сила поэзии.

Пушкин был великодушен, щедр на деньги. Бедному он не подавал меньше 25 рублей. Но он как будто старался быть скупее и любил показывать, будто он скуп. Перед свадьбою ему надо было сшить фрак. Не желая расходоваться, он не сшил его себе, а венчался и ходил во фраке Нащокина. В этом фраке, кажется, он и похоронен...

«Пиковую даму» Пушкин сам читал Нащокину и рассказывал ему, что главная завязка повести не вымыслена. Старуха графиня — это Наталья Петровна Голицына, мать Дмитрия Владимировича, московского генерал-губернатора, действительно жившая в

Париже в том роде, как описал Пушкин. Внук ее, Голицын, рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже С.-Жерменем. «Попробуй», — сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался. Дальнейшее развитие повести все вымышлено. Нащокин заметил Пушкину, что графиня не похожа на Голицыну, но что в ней больше сходства с Натальей Кирилловной Загряжскою, другою старухой. Пушкин согласился с этим замечанием и отвечал, что ему легче было изобразить Загряжскую, чем Голицыну, у которой характер и привычки были сложнее.

В сентябре 1852 года я пробыл двое суток в Москве и два раза навещал Нащокина. Как ни жалуется он на ослабление памяти, на трудность припоминать и обращаться к драгоценным связям своим с Пушкиным, что всегда его расстроивает, однако и этот раз кое-что удалось узнать. Нащокин повторяет, что покойник был не только образованнейший, но и начитанный человек. Так, он очень хорошо помнит, как он почти постоянно держал при себе в карманах одну или две книги и в свободное время, затихнет ли разговор, разойдется ли общество, после обеда — принимался за чтение. Читая Шекспира, он пленился его драмой «Мера за меру», хотел сперва перевести ее, но оставил это намерение, не надеясь, чтобы наши актеры, которыми он не был вообще доволен, умели разыграть ее. Вместо перевода, подобно своему «Фаусту», он передал Шекспирово создание в своем «Анджело». Он именно говорил Нащокину: «Наши критики не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал»...

Весною 1836 года Пушкин приехал в Москву из деревни. Нащокина не было дома. Дорогую гостью приняла жена его. Рассказывая ей о недавней потере своей, Пушкин, между прочим, сказал, что, когда рыли могилу для его матери в Святогорском монастыре,

он смотрел на работу могильщиков и, любуясь песчаным, сухим грунтом, вспомнил о Войниче (так он звал его иногда): «Если он умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать». Жена Нащокина очень опечалилась этим рассказом, так что сам Пушкин встревожился и всячески старался ее успокоить, подавал воды и пр.

Пушкин несколько раз приглашал Нащокина к себе в Михайловское и имел твердое намерение совсем его туда переманить и зажить с ним вместе и оседло.

П. В. и В. А. Нащокины.
Рассказы о Пушкине,
записанные П. И. Бартеневым.

36

В Москве останавливался он в это время, большею частью, у одного из самых коротких ему людей П. В. Н...на. Чрезвычайно любопытны рассказы последнего об образе жизни поэта нашего во время его приездов в Москву, в последние годы его холостой жизни и во все продолжение женатой. Из слов П. В. Н...на можно видеть, как изменились привычки Пушкина; как страсть к светским развлечениям, к разноречивому говору многолюдства смягчилась в нем потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкин казался домоседом. Целые дни проводил он в кругу домашних своего друга, на диване, с трубкой во рту и прислушиваясь к простому разговору, в котором дела хозяйственного быта стояли часто на первом плане. Надобны были даже усилия со стороны заботливого друга его, чтоб заставить Пушкина не прерывать своих знакомств, не скрываться от общества и выезжать. Пушкин следовал советам П. В. Н...на нехотя: так уже нужда отдохновения начинала превозмогать все другие склонности. Но в 1829 году наслаждения семейственности еще смутно представлялись ему.

Цель была впереди, а запас страстей, еще не покоренный правильному течению жизни, утихал только на короткое время. Из дома Н...на Пушкин выехал в Тифлис и 15 мая был уже в Георгиевске, где впервые начал известный свой журнал, приведенный в порядок только в 1835 году и напечатанный уже в Современнике 1836 года под заглавием: *Путешествие в Арзрум, во время похода 1829 года*.

П. В. Анненков

37

Конечно, мудрено было Пушкину найти вокруг себя на Руси что-либо подобное этому английскому типу (разве вздумалось бы ему поискать некоторые задатки его в себе самом), но взамен дальнее ослабленное подобие его находилось, так сказать, под рукой у поэта. Более мягкое и даже более понятное отражение честно-шумной, благородно-странной, беспокойной жизни Пельгама представлялось в лице верного друга Пушкина, детски-доброго, доверчивого и впечатлительного П. В. Нащокина, о котором уже упоминали. С него, по нашему мнению, и намеревался Пушкин взять главные, основные черты лица и фигуры «русского Пельгама». Действительно, по количеству необычных походов, по числу связей, знакомств всякого рода, по ряду неожиданных столкновений с людьми, катастроф и семейных переворотов, испытанных им, — друг Пушкина, насколько можно судить по преданиям и слухам о нем, очень близко подходит к типу «бывалого человека» Бульвера, уступая ему в стойкости характера, в дельности и полноте внутреннего содержания. Зато он еще лучше отвечал намерению Пушкина — олицетворить идею о человеке, нравственно, так сказать, из чистого золота, который не теряет ценности, куда бы ни попал, где бы ни очутился. Редкие умели бы так сберечь человеческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совесть и неизменную доброту сердца, как этот друг

Пушкина в самых критических обстоятельствах жизни, на краю гибели, в омуте слепых страстей и увлечений и под ударами судьбы и несчастий, большею частью им самим и накликаемых на себя.

П. В. Анненков. Литературные проекты Пушкина.

38

Петербургская молодая жизнь Павла Воиновича была завидною жизнью! Наследник громадного родового имения, гвардейский кавалерийский офицер, принятый в лучшем обществе, он удивлял многих обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками, и своими экипажами, выписанными прямо из Вены, и своими вечерами, на которых собирались литераторы, художники, артисты и французские актрисы... Деньги ему были ни по чем. Умный, образованный человек со вкусом, он бросал их, желая покровительствовать художникам и артистам. Он любил жить и давал жить другим... Он покупал все, что попадало ему на глаза и останавливало чем-нибудь его внимание: мраморные вазы, китайские безделушки, фарфор, бронзу — что ни попало и сколько бы ни стоило; в особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисам. Причудам его не было конца, так что однажды за маленький восковой огарок, пред которым Асенкова учила свою лучшую роль, он заплатил ее горничной шальную цену и обделал в серебряный футляр, который вскоре подарил кому-то из знакомых.

В. В. Толбин.
Московские оригиналы былых времен.

39

И вот приехал Пушкин с Павлом Воиновичем. Волнение мое достигло высшего предела. Своей наружностью и простыми манерами, в которых, однако,

сказывался прирожденный барин, Пушкин сразу расположил меня в свою пользу. Несколько минут разговора с ним было достаточно, чтобы робость и волнение мои исчезли. Я видела перед собой не великого поэта Пушкина, о котором говорила тогда вся мыслящая Россия, а простого, милого, доброго знакомого.

Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика — особенно его удивительных глаз.

Это были особые, поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видала.

Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти.

В первое свое посещение Пушкин довольно долго просидел у нас и почти все время говорил со мной одной. Когда он уходил, мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

— Ну что, позволяешь на ней жениться?

— Не позволяю, а приказываю! — ответил Пушкин...

Во второй раз я имела счастье принимать Александра Сергеевича у себя дома, будучи уже женой Нащокина. Мы с мужем квартировали тогда в Пименовском переулке, в доме Ивановой, где протекли первые семь лет моей счастливой супружеской жизни. Пушкин остановился тогда у нас, и впоследствии во время своих приездов в Москву до самой своей смерти останавливался у нас. Для него была даже особая комната в верхнем этаже, рядом с кабинетом мужа. Она так и называлась «Пушкинской».

Мой муж имел обыкновение каждый вечер проводить в Английском клубе. На этот раз он сделал то

же. Так как помещение клуба было недалеко от нашей квартиры, то Павел Войнович, уходя, спросил нас, что нам прислать из клуба. Мы попросили варенца и моченых яблок. Это были любимые кушанья поэта. Через несколько минут клубский лакей принес просимое нами.

Мы остались с Пушкиным вдвоем, и тотчас же между нами завязалась одушевленная беседа. Можно было подумать, что мы старые друзья, когда на самом деле мы виделись всего во второй раз в жизни. Впрочем, говорил больше Пушкин, а я только слушала. Он рассказывал о дружбе с Павлом Войновичем, об их молодых проказах, припоминал смешные эпизоды. Более привлекательного человека и более милого и интересного собеседника я никогда не встречала. В беседе с ним я не заметила, как пролетело время до пяти часов утра, когда муж мой вернулся из клуба.

— Ты соскучился небось с моей женой? — спросил Павел Войнович, входя.

— Уезжай, пожалуйста, каждый вечер в клуб! — ответил всегда любезный и находчивый поэт...

О дружбе Пушкина с моим мужем в печати упоминалось как-то вскользь, а я утверждаю, что едва ли кто-нибудь другой стоял так близко к поэту, как Павел Войнович, и я уверена, что, узнай мой муж своевременно о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом, он никогда и ни за что бы ее не допустил и Россия не лишилась бы так рано своего великого поэта, а его друзья не оплакивали бы его преждевременную кончину! Ведь уладил же Павел Войнович ссору его с Соллогубом, предотвратив дуэль, уладил бы и эту историю. Он никогда не мог допустить мысли, чтобы великий поэт, лучшее украшение родины и его любимый друг, мог подвергать свою жизнь опасности.

Да, такого друга, как Пушкин, у нас никогда не было, да таких людей и нет!.. Для нас с мужем приезд поэта был величайшим праздником и торжеством. В нашей семье он положительно был родной. Я как сейчас помню те счастливые часы, которые мы проводили втроем в бесконечных беседах, сидя вечером

у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, по обеим сторонам муж и Пушкин в своем красном архалуке с зелеными клеточками. Я помню частые возгласы поэта: «Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье!»...

Был такой случай, характеризующий сердце Пушкина и его отношение к нам. Однажды Павел Войнович сильно проигрался в карты и ужасно беспокоился, что остался без гроша. Поэт в это время был у нас, утешал мужа, просил не беспокоиться, а в конце концов замолчал и уехал куда-то. Через несколько минут он возвратился и подал Павлу Войновичу сверток с деньгами.

— На, вот тебе,— сказал Пушкин,— успокойся. Неужели ты думал, что я оставлю тебя так?!

Кто же мог сделать что-либо подобное, как не близкий друг!..

Шестьдесят с лишним лет прошло с того ужасного момента, как до нас достигла роковая весть о смерти Пушкина, а я и теперь без слез не могу вспомнить об этом...

Вечером в этот день у меня внизу сидели гости. Павел Войнович был у себя наверху, в кабинете. Вдруг он входит ко мне в гостиную, и я вижу, на нем, что называется, лица нет. Это меня встревожило, и я обратилась к нему с вопросом: что случилось? «Каково это! — ответил мой муж.— Я сейчас слышал голос Пушкина. Я слегка задремал на диване у себя в кабинете и вдруг явственно слышу шаги и голос: «Нащокин дома?» Я вскочил и бросился к нему навстречу. Но передо мной никого не оказалось. Я вышел в переднюю и спрашиваю камердинера: «Модест, меня Пушкин спрашивал?» Тот, удивленный, отвечает, что, кроме его, никого не было в передней и никто не приходил. Я уж опросил всю прислугу. Все отвечают, что не видели Пушкина.— Это не к добру,— заключил Павел Войнович.— С Пушкиным приключилось что-нибудь дурное!»

Я, как могла, старалась рассеять предчувствие моего суеверного мужа, говорила, что все это ему, вероятно, пригрезилось во сне, наконец, даже попеняла на него за то, что он верит всяким приметам. Но мои слова ни к чему не повели: Павел Войнович ушел в клуб страшно расстроенный, а возвратившись оттуда, в ужасном горе сообщил мне, что в клубе он слышал о состоявшейся дуэли между Пушкиным и Дантесом, что поэт опасно ранен и едва ли можно рассчитывать на благополучный исход. С этой минуты смятение и ужас царили в нашем доме. Мы с часу на час ждали известий из Петербурга.

Как сейчас помню день, в который до нас дошла весть, что все кончено, что поэта нет больше на свете. На почту от нас поехал Сергей Николаевич Гончаров, брат жены Пушкина. У нас в это время сидел актер Щепкин и один студент, которого мы приютили у себя. Все мы находились в томительном молчаливом ожидании. Павел Войнович, неузнаваемый со времени печального известия о дуэли, в страшной тоске метался по всем комнатам и высматривал в окна: не увидит ли возвращающегося Гончарова; наконец, остановившись перед студентом, он сказал, показывая ему свои золотые часы: «Я подарю тебе вот эти часы, если Пушкин не умер, а вам, Михаил Семенович,— обратился он к Щепкину,— закажу кольцо».

Я первая увидала в окно возвращающегося Гончарова. Павел Войнович бросился на лестницу к нему навстречу, я последовала за ним.

Не помню, что нам говорил Гончаров, но я сразу поняла, что непоправимое случилось, что поэт оставил навсегда этот бренный мир. С Павлом Войновичем сделалось дурно. Его довели до гостиной, и там он, положив голову и руки на стол, долго не мог прийти в себя.

Что мы пережили в следующие затем дни! Без преувеличения могу сказать, что смерть Пушкина была самым страшным ударом в нашей жизни с мужем. Многих друзей, родных и близких мне пришлось лишиться потом, но потеря несравненного друга, а пол-

тора десятка лет спустя и мужа — были самыми неизгладимыми ударами в моей долгой, исполненной всякими превратностями жизни.

Павел Войнович, так много тревожившийся последние дни, получив роковое известие, слег в постель и несколько дней провел в горячке, в бреду. Я тоже едва стояла на ногах. День и ночь у нас не гасили огни.

После смерти Пушкина Жуковский прислал моему мужу серебряные часы покойного, которые были при нем в день роковой дуэли, его красный с зелеными клеточками архалук, посмертную маску и бумажник с ассигнацией в 25 рублей и локоном белокурых волос. В письме Жуковский предлагал прислать и кровать поэта, на которой он умер, скаплиями его крови, но Павлу Войновичу так тяжела была утрата друга, так больно было видеть вещественные знаки его преждевременной насильственной смерти, что он отказался. Впоследствии Павел Войнович часы подарил Гоголю, а по смерти последнего передал их, по просьбе студентов, в Московский университет, маску отдал Погодину, архалук же остался у нас. Куда он девался — не знаю.

Вскоре после смерти Пушкина Наталия Николаевна приехала в Москву и всякий день бывала у нас. Это была женщина чудной красоты: высокая, дивно сложенная, изящная, с каштановыми или темно-русыми волосами. Мой муж окружал ее знаками всевозможного внимания и глубокого уважения. Из Москвы она уехала в калужскую деревню (Полотняные заводы) к родному брату своему, Дмитрию Николаевичу. Павел Войнович несколько раз ездил навещать ее. Года четыре спустя она, заехав однажды к нам, заявила Павлу Войновичу, что генерал Ланской, человек тогда уже пожилой, вдовец, с детьми от первого брака, сделал ей предложение и она приехала спросить совета, как ей поступить.

40

В Комитет по устройству Пушкинской выставки.

Ввиду тех волнений, которые я пережила в первый день Пушкинских торжеств, а равно и во время, предшествовавшее этому дню, я совершенно упустила из вида предложить Комитету по устройству этих Торжеств сохранившийся у меня старинный круглый из карельской березы стол. Этот стол существует чуть не более 100 лет. Он перешел ко мне в числе других вещей моего приданого.

За этим именно столом и происходила наша беседа с Александром Сергеевичем Пушкиным во время его остановок у нас в квартире в доме Ивановой у церкви св. Старого Пимена.

Этот стол особенно дорог для меня, как единственное оставшееся у меня вещественное воспоминание о незабвенном Александре Сергеевиче.

Если Комитет пожелает, то может за ним прислать по адресу: За Тверской Заставой, село Всехсвятское, против убежища, дом Поляковой.

Прошу принять уважение и проч. Вера Нащокина.
4 июня 1899.

41

В 1835 году, 20 января, А. С. Пушкин писал своему закадычному другу Павлу Воиновичу Нащокину следующее:

«Жена кланяется сердечно твоей Вере Александровне; она у M-me Sichler * заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется в Москву. Жена говорит, что, comme M-me Нащокин est brune et qu'elle a un beau teint**, то выбрала она для нее шляпу такого-то цвета, а не другого. Впрочем, это дело дамское».

---

* Мадам Зихлер.

** поскольку мадам Нащокина брюнетка и у нее прекрасный цвет лица (франц.).

С тех пор прошло,—легко сказать,—64 года. Сколько жизней за этот долгий период времени успело народиться и окончиться, сколько старых деятелей и дел отжило и сколько новых образовалось! Между тем та дама,—брюнетка с прекрасным цветом лица,—которой жена Пушкина в 1835 году посылала шляпу, жива до сих дней и, заброшенная, забытая, живет близ Москвы в селе Всехсвятском, в маленьком домишке крестьянина Полякова, в стороне не только от «большого света», но и вообще от света, в темном и унылом закоулке. Дом-дача выходит окнами к забору, в теплые дни выходит на крылечко маленькая, худощавая старушка и, греясь на солнце, смотрит на свой узенький переулок... Это Вера Александровна Нащокина, жена друга Пушкина и сама друг великого поэта.

Осенью прошлого года в «Новом Времени» были напечатаны «Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе». В этих воспоминаниях, присланных в редакцию и составленных со слов В. А. другим лицом, заключалось чрезвычайно много интересных эпизодов из жизни Пушкина и Гоголя, а также было приведено достаточно сведений о Павле Воиновиче Нащокине, о его жене и об отношениях к ним Пушкина и Гоголя, в особенности первого. В виду того, что на этих днях должно состояться всероссийское торжество — юбилей Пушкина, я счел не лишним побывать у В. А. Нащокиной. Я еще раньше слышал, что В. А. живет одиноко, бедно; но то, что я увидел, превосходило мои ожидания. Бывшая аристократка, красавица, в доме которой перебивалось множество знаменитых «людей сороковых годов», та женщина, с которой Пушкин находил интерес разговаривать по целым часам и которую Гоголь считал своим добрым ангелом, доканчивает дни в убогой даче, где, по случаю крайней бедности, В. А. приходится жить и зимой. Вся эта дача имеет две комнаты, кухню и террасу; одну комнату занимает В. А. со своей компаньонкой, а другую комнату сдает какому-то многосемейному бедняку. Обстановка жилища В. А. более чем скромная:

ветхие стулья, простой стол, железная с длинной трубой печка, которую всю зиму непрерывно топят коксом (иначе в комнате образуется стужа), большое старое кресло; на этом кресле все время сидит В. А. (ходит она мало, ноги ее болят, и немудрено — простудиться в таком жилье возможно в любой холодный день). Никаких самых обычных признаков достатка вы не найдете. На комодѣ стоит зеркальце в кисейных бантиках, — единственный след кокетливой женщины. На дворе я заметил двух мосек, причем одна из них, по имени «Тузик», встретила меня громким лаем.

— Вам кого угодно? — спросила простоволосая женщина, выглянувшая из дверей дачи, когда я подходил к террасе.

— Вера Александровна Нащокина дома?

— Дома-с.

Я подал карточку.

— Да пожалуйста, оне в комнате...

Я передал мою карточку, и затем вошел, нагибаясь под карнизом двери. Я еще дорогой, когда ехал на извозчике, повторял слова Пушкина: «Жена говорит что, поскольку мадам Нащокина брюнетка и у нее прекрасный цвет лица, то и выбрала она для нее шляпу такого-то цвета, а не другого»... Но ведь это было в 1835 году. Это время отделено от нынешнего более чем полустолетием.

В. А. Нащокина — тоненькая, очень худощавая старушка, хотя на ее прекрасном лице нет тяжелых морщин; преклонные годы положили на него отпечаток, но сразу видно, что эта женщина была замечательной красавицей; ее светлые глаза светлы и теперь, профиль изящен, улыбка крайне симпатична, голос слаб, дрожащ, но приятен. Когда В. А. говорит, ее лицо слегка дрожит. Во всей ее старческой и тщедушной фигурке, в каждом жесте что-то необыкновенно милое и врожденно благородное. Когда она узнала, что цель моего визита — поговорить о Пушкине, она вздрогнула, как птица, лицо задрожало и затряслись ее бледные, высохшие, как тонкие палочки, руки...

— Ах, вы представить себе не можете, как я и мой муж любили Пушкина. Это был наш друг в полном смысле этого слова... Я могу рассказать вам много, много...

Она стала повторять все то, о чем уже было напечатано в «Нов. Врем.». Я напомнил ей о статье и спросил, читала ли она эту статью и довольна ли пересказом ее слов о Пушкине и Гоголе?

— И да и нет,— отвечала В. А.— Видите ли, тот мой знакомый, который записал и напечатал мои рассказы о Пушкине и Гоголе, не совсем точно исполнил мое желание...

— А вы что же собственно желали?

— Во-первых, мне неприятно, что моя особа выставлена как бы на первый план, а великий Пушкин и Гоголь — как бы на втором. Между тем про меня можно бы сказать вскользь, если уже совсем нельзя обойти молчанием мою маленькую особу.

Между прочим, г-жа Нащокина исправила несколько ошибок, замеченных ею в «Воспоминаниях» о Пушкине:

— Совсем неверно, что Пушкина похоронили во фраке моего мужа. Правда, в этом фраке Александр Сергеевич венчался, и фрак стал у него называться, «Нащокинским». Бывало, скажет лакею: «человек, поддай-ка мне «Нащокинский фрак!». Потом есть ошибки и про Гоголя... А главное, тон не такой, какой бы я хотела...

Я перевел разговор опять на Пушкина и старался узнать что-либо новое, недоговоренное Верой Александровной. Но вспоминать приходилось слишком экспромтом и разговор держался в рамках общих правил.

— Ах, Пушкин, Пушкин! — твердила В. А., волнуясь.— Какой это был весельчак, добряк и остролов! Он говорил тенором, очень быстро, каламбурил и по-русски, и по-французски; он мужа любил больше чем кого-либо, а выходит, теперь так, что о Нащокине совсем забыли, отодвинули его на задний план. Пушкин говорил: «я у вас, как дома, как в родной

семье!» Меня он любил как брат и друг, шутил со мной, читал мне свои новые стихотворения, целовал мои руки, а в особенности играл со мной в карты... Как он звонко хохотал! Я сейчас слышу его смех...

— А вы были в хороших отношениях с Натальей Николаевной? — спросил я.

— С женой Пушкина? О, да! Хотя близко с ней я никогда не могла сойтись... Это была светская дама, а я всю жизнь и всю любовь отдала моему мужу. Я прожила с моим Павлом Воиновичем 18 лет, и мы ни разу косого вида не показали друг другу. Павел Воинович был чудесный человек.

Затем говоря о жене Пушкина, В. А. созналась, что это была женщина добрая, но легкомысленная.

— Ветер, ветер! — повторяла В. А. и даже прибавила так:— Право, она какая-то, казалось мне, бесчувственная. Пушкин ее любил безумно..

— Скажите,— спросил я,— посещает ли вас здесь кто-нибудь?

— Во Всехсвятском? Никто и никогда. Все мои близкие, родные, хорошие знакомые примерли, я всех пережила... Мне даже как-то совестно от этого!

— А видаетесь ли вы с детьми Пушкина?

— Увы, ничего о них не знаю, да и им, вероятно, мало дела до меня. Раз, после торжества открытия памятника Пушкина на Тверском бульваре, я встретила одного из сыновей Пушкина. Я сильно была взволнована, когда меня познакомили с сыном моего незабвенного друга, но его молчаливость меня несколько сдержала. Я спросила: «ну что, как вам нравится памятник вашего отца?» — «Ничего, так себе», ответил А. А. и заговорил с другой дамой о каком-то бале. С тех пор я никого не видала и не вижу из родни Пушкина...

Словом, бедная В. А. Нащокина жила весьма плохо, но самое тяжелое в ее доле было, конечно, полное забвение: все забыли друга Пушкина, все покинули красавицу Нащокину, которая могла считаться в былое время образцом доброй жены и гостеприимной

хозяйки. Впрочем, комиссия по устройству праздника в честь Пушкина в Москве вспомнила, что на свете, и именно в Москве существует историческая пушкинская женщина; ректор Московского университета Д. Н. Зернов прислал ей приглашение на торжество 100-летия со дня рождения Пушкина. Это, разумеется, хорошо сделано, но надо надеяться, что комиссия не одним этим билетом выкажет внимание к единственной современнице Пушкина из ближайшего к нему круга.

Н. Ежов. Современница Пушкина.

42

Кончина друга Пушкина. На окраине Москвы, где-то у Бутырской заставы, в скромной, вернее, бедной обстановке скончалась третьего дня современница и лучший друг гениального Пушкина, Вера Александровна Нащокина, в обществе которой и ее мужа так любил проводить свои досуги великий поэт...

...Прошли года — и В. А. Нащокина, пережив гения... принуждена была волею судеб влачить на склоне лет жалкое существование. Ютась где-то в мансарде в селе Всехсвятском, перебиваясь на жалкие крохи, больная и всеми забытая, В. А. лишь ко дню пушкинских торжеств была наконец отыскана... На торжественном заседании в день праздника 88-летняя Нащокина явилась центральной фигурой, на которой было сосредоточено общее внимание. Кончились торжества в честь великого поэта, как-то вскользь упомянули о В. А., кажется, выхлопотали ей какую-то крохотную субсидию — и затем о современнице творца волшебных песнопений забыли снова... 16 ноября в 1 час ночи 90-летняя современница Пушкина тихо отошла в вечность, унося в могилу благоговейное воспоминание о незабвенном поэте...

«Русское слово», 18 ноября 1900.

В 1826 г. в Москве, после ссылки, Пушкина ждало столько возобновленных и новых знакомств, столько встреч и впечатлений, отзывавшихся в творчестве поэта, столько вечеров и визитов, что это впоследствии задало нелегкую работу исследователям его жизни и творчества. В книгах Н. С. Ашукина «Москва в жизни и творчестве Пушкина» (1949) и Н. М. Волович «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» (1979) подведен итог тому, что накопило по этим вопросам пушкиноведение. Однако, если говорить о глубоких дружеских привязанностях, то к московским друзьям, о которых читатель уже знает, следует добавить имя Екатерины Николаевны Ушаковой. Именно Екатерины Николаевны, хотя и ее сестра Елизавета, и Ушаковы-старшие были хорошо знакомы поэту и пользовались его дружеским расположением. Но со старшей сестрой отношения были особые и их никак нельзя обойти.

Москвичами Ушаковы стали в 1821 г. Когда-то они жили в Петербурге, а потом долгое время в Твери, где служил глава семейства — Николай Васильевич. Однако полученное наследство позволило подумать о переселении в древнюю столицу, где можно было дать лучшее образование детям. И вот был нанят большой двухэтажный (первый этаж каменный, второй — деревянный) дом с садом в отдаленной и

глухой тогда части города — на Средней Пресне (теперь — улица Заморенова). Семья Ушаковых была отнюдь не чужда передовых общественных и литературных интересов. И немудрено: они состояли в родстве и в знакомстве с Д. И. Фонвизиным, с женой А. Н. Радищева. У них был список запрещенной к печати и постановке комедии Грибоедова «Горе от ума», собственноручно переписанный Николаем Васильевичем и его старшей дочерью. Ушаков был также большой охотник до музыки и пения, жена Софья Андреевна от него не отставала *, и дом их стал приютом артистов и музыкантов. Вообще это было хлебосольное русское семейство, сохранившее простоту привычек и чуждое светской холодности.

Старшая дочь Ушаковых Екатерина была очаровательна: умный взгляд громадных голубых глаз, длинные косы пепельно-золотого цвета, великолепное чувство юмора, доброта и мягкий характер. Все это, между прочим, ценил дальний родственник Ушаковых Сергей Александрович Соболевский, который, представив Пушкина Екатерине Николаевне на бале, скоро привез поэта в дом на Среднюю Пресню. На четыре года, до самой помолвки Пушкина, семья Ушаковых стала для него одной из самых близких в Москве.

Зима 1826—27 годов была, наверное, самой счастливой в жизни Екатерины Ушаковой. Пушкин ездил чуть ли не всякий день, они читали стихи (пушкинские стихи сестры знали наизусть задолго до появления автора в Москве), слушали музыку, дурачились и заполняли бесконечными карикатурами и стихотворными подписями альбомы Екатерины и Елизаветы.

К счастью, Елизавета Николаевна была влюблена не в Пушкина, а в его доброго знакомого Сергея Дмитриевича Киселева, и к Пушкину ее никто не ревновал. Поэтому ее альбом сохранился, донесся до нас около ста листов, буквально испещренных рукою Пушкина. Два альбома Екатерины Ушаковой, в которых все было связано с Пушкиным, ей пришлось уничтожить в 1836 или 1837 гг., перед своей свадьбой, по требованию жениха Д. Н. Наумова. Остались только 8 альбомных листков, да еще копии посвященных

---

* Пушкин записывал с ее голоса старинные русские песни.

Екатерине Николаевне стихотворений Пушкина, сделанные ее рукой. На этих копиях, хранящихся теперь в рукописном отделе Библиотеки имени В. И. Ленина, имеются примечания Екатерины Ушаковой. Под посланием «Когда бывало в старину» (№ 1) она пишет: «Стихи, писанные Сашей Пушкиным во дни оны, в 1827 году, когда Пресненское поле * еще забор не заграждал. К. Ушакова»; к стихотворению «В отдалении от вас» (№ 2) делает примечание: «экспромт к мазурке».

Зато альбом Елизаветы Николаевны дает богатый материал и пищу для размышлений. Кстати, многие записи в нем сделаны рукою старшей сестры — по существу альбомы были общими. Здесь не только стихи, посвященные Ел. Н. Ушаковой (№ 4), но и множество рисунков поэта. Вот, например, автопортрет Пушкина в монашеском клобуке. На поэта смотрит им же изображенный бес-искуситель с высунутым языком и забавными рожками. Под этим надпись рукою Пушкина, пародирующая знаменитую строчку Баратынского: «не искушай [сай] меня без нужды». А под физиономией беса рукою Екатерины Ушаковой бисерным почерком написано «кусай его». Пушкинисты датируют рисунок приблизительно рубежом 1828 и 1829 годов.

В том же альбоме, неподалеку от «автопортрета с бесом», располагается шуточный «Дон-Жуанский список» Пушкина. Видимо, в ответ на шутку сестер Ушаковых поэт записал имена женщин, в которых был когда-то влюблен. Сколько статей, исследований — и даже целая книга П. К. Губера — были написаны в связи с этим списком. Однако ученые относятся к нему с особой осторожностью, поскольку он составлялся в обстановке взаимных розыгрышей, шуточной (или неподдельной?) ревности Екатерины Ушаковой и вообще дружеского, веселого общения.

Но если вспоминать о вещах серьезных, то надо сказать, что Екатерина Ушакова любила Пушкина, и было время, когда он отвечал ей взаимностью, подумывая о женитьбе. Зимой 1826—1827 гг. он часто бывал в ее обществе, скучал без нее на светских вечерах и оживлялся при ее появлении. Вместе с немно-

* См. № 4.

гими друзьями она была для него отрадой в духоте фамусовской Москвы. В доме Ушаковых все «дышало Пушкиным»: здесь были все издания его сочинений, ноты романсов на его слова, альбомы, которые можно было перелистывать сколько душе угодно. Екатерина Ушакова не мыслила жизни без Пушкина. Это неопровержимо следует из ее писем к брату Ивану: «Он уехал в Петербург, может быть он забудет меня; но, нет, нет, будем лелеять надежду, он вернется, он вернется безусловно!» (№ 5). Перед отъездом из Москвы 16 мая 1827 г. Пушкин записал в ее альбом стихотворение «В отдалении от вас...», в котором не было и тени неискренности,— он и сам думал, что возвратится тот же. Последняя строка стихотворения не столько шутивная, сколько печальная — Пушкин понимал, какой негладкой обещает быть его грядущая жизненная дорога и как немного у него истинных друзей.

Он вернулся через полтора года, пережив в Петербурге нешуточное увлечение Анной Алексеевной Олениной. Но встреча с Ушаковыми была радостной: Екатерина ждала, дождалась и теперь вновь надеялась. В альбоме появились карикатуры на Оленину, сделанные не пушкинской рукой; а рядом вполне «серьезные» портреты, мастерски исполненные им самим. А тут еще на одном из балов танцмейстера Иогеля Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову. Пробыв в тот раз в Москве около месяца, Пушкин снова отправился в Петербург.

Однако отсутствие его было недолгим. Месяца через два он появился вновь, и альбом Елизаветы Николаевны тотчас отразил его приезд: опять изображение Олениной, а рядом Екатерины Николаевны,—то шуточные, то не слишком. Над одним из портретов Ушаковой «портретируемая» и Пушкин, по-видимому, трудились вместе. Это легко уловили исследователи рисунков Пушкина, поскольку поэт был рисовальщиком, можно сказать, профессиональным, а Ушакова — любителем более чем скромной квалификации. Вдоль фигуры пушкинским почерком одна строка: «Трудясь над образом прекрасной Ушаковой». По-видимому, это начало стихотворения, либо не дописанного, либо не дошедшего до нас. Можно еще раз

горько пожалеть о необдуманном поступке Дмитрия Николаевича Наумова: скольких пушкинских рисунков, а может быть, и стихов мы из-за этого не досчитались! В самом конце марта 1829 г. вышла «Полтава» и уже 1 апреля была подарена Екатерине Николаевне (экземпляр сохранился). С легкой руки кого-то из мемуаристов считалось, что Пушкин перед отъездом на Кавказ (т. е. весной 1829 г.) был настолько уже влюблен в Наталью Николаевну, что ездил на Пресню к Ушаковым исключительно для того, чтобы... проехать по Большой Никитской мимо дома Гончаровых. Пушкин в самом деле был влюблен в Наталью Гончарову и не скрывал этого от сестер Ушаковых. Но Екатерина Николаевна оставалась ему верным другом и в 1829—1830 гг., не говоря уже о более раннем времени. Совсем не в духе Пушкина было смеяться над преданными ему людьми и обращать дружбу в фарс и посмешище. Ему по-прежнему нравилось бывать у Ушаковых, и прежде всего у Екатерины Николаевны.

Возвратившись с Кавказа 20 сентября 1829 г., Пушкин вновь «завладел» ушаковским альбомом. На его страницах появился вид Арзрума, совпадающий с пушкинским описанием: «С высоты горы в долине открывался взору Арзрум со всей цитаделью, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую... Улицы города тесны и кривы, дома довольно высоки...». Под рисунком подпись Пушкина: «Арзрум взятый помощью божией и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1827 * года...» После слова «взятый» одна из сестер дописала «мною. А. П.». Тут же, рядом, — автопортрет поэта в бурке, верхом, с пикой наперевес, но при этом в шляпе.

Словом, в доме Ушаковых и после возвращения Пушкина с Кавказа в присутствии поэта шутили, смеялись и радовались жизни, как всегда. Младшая из сестер вскоре собралась замуж — за С. Д. Киселева, что вызвало целый каскад карикатур, шутливых записей и т. п. Пушкин всячески обыгрывал первый слог фамилии будущего мужа Елизаветы Ушаковой («кис»), изображая ее среди симпатичных котят, сим-

---

* Пушкин допустил опisku: 1827 вместо 1829 г.

волизирующих многочисленное потомство. Тогда же была сделана и дарственная надпись на книге «Стихотворения» (часть первая, СПб., 1829): «Всякое даяние благо — всякий дар совершен свыше есть. Катерине Николаевне Ушаковой от А. П. 31 сент. 1829. Москва. Нес femina, пес ruet»*. «Книжные дары» Пушкина Ушаковой вовсе не случайны: она понимала и любила его стихи, была способна судить о них вполне серьезно.

Первый — и почти единственный — исследователь отношений Пушкина с Ушаковыми, Л. Н. Майков, отмечал: «По-видимому, в доме Ушаковых, где, как говорилось в старину, были две дочери на выданье, никогда не смотрели на Пушкина как на подходящего, желанного жениха. Быть может, благодаря именно этому обстоятельству он имел возможность стать в семействе Ушаковых на короткую ногу. Но если он не стеснялся там в шутках и шалостях, то в свою очередь молодые хозяйки нередко обращали на него свое остроумие. В особенности корили его за непостоянство его сердца...» Это истинно так, если иметь в виду всех Ушаковых, кроме Екатерины Николаевны. Она относилась к поэту иначе, умея это скрывать. Постепенно отошло в прошлое и увлечение поэта Олениной. Ушаковы шутили, что Пушкин остался «с оленьими рогами». Только с одной соперницей Екатерина Ушакова не смогла «справиться» — с «Карсом». Так, именем турецкой крепости, называли они между собой (с участием Пушкина, конечно) неприступную красавицу Наталью Гончарову. В альбоме появился новый персонаж, к которому обращены взоры Пушкина и его протянутая рука, держащая письмо. Рядом приписка: «Карс, Карс, брат! Брат, Карс!» Та же особа еще на одной картинке с подписью: «О горе мне! Карс, Карс! Прощай, бел свет! Умру!» Надо понимать так, что все эти возгласы сестры Ушаковы как бы вкладывали в уста терзаемого муками неразделенной любви Пушкина.

Даже в 1830 г. московские «Пульхерии Андревны» и «Марьи Алексевны», а заодно с ними многие прия-

---

* Ни женщина, ни дитя (лат.). Намек на резвый и шаловливый характер Ек. Н. Ушаковой.

тели Пушкина считали, что он мечется между Старой Пресней и Большой Никитской. Однако скорее всего и сам он, и Екатерина Николаевна уже понимали, что это не так. Участь поэта была решена, и он не находил себе места лишь в ожидании окончательного согласия «маменьки Карса» (подпись в ушаковском альбоме под изображением пожилой женщины в чепце) — Наталии Ивановны Гончаровой.

В январе 1830 г. в Петербурге Пушкин написал Екатерине Николаевне стихи «Я вас узнал, о мой бракул» (№ 3). Возможно, это был ответ на ее письмо, до нас не дошедшее, скорее, на приписку в письме к кому-нибудь из общих знакомых. Из стихотворения трудно «вычитать» любовь, но зато легко заметить дружбу и самую искреннюю, самую безыскусственную симпатию, на которую был способен Пушкин. В строчках стихотворения заключена и характеристика Ушаковой: «веселая острота», «лукавые приветствия», «злая насмешливость», «милая ветреность».

Поэт и в самом деле рвался в Москву. Ничто его не могло удержать: ни «Литературная газета», ни журнальная полемика, ни Дельвиг, с которым он всегда с трудом расставался. Однако ехал он не к Ушаковой, и она знала об этом. В Москве они, конечно, увиделись, но разговор шел в основном о семейной идиллии Киселевых. В апреле того же года Екатерина Николаевна не без горечи писала брату: «Карс все так же красива, как и была, и очень с нами предупредительна, но глазки ее в большом действии, ее А. А. Ушаков * прозвал Царство Небесное, но боюсь, чтобы не ошибся, для меня это сущее Чистилище» (№ 9). Кому «Чистилище», а кому «чистейшей прелести чистейший образец»? И все же Пушкину нелегко было проститься навсегда со своим «оракулом»: на листе одной из болдинских рукописей осенью 1830 г. появился большой, тщательно проработанный рисунок: портрет Екатерины Николаевны Ушаковой. Из письма ее к брату от 23 мая ** 1830 г. (№ 11), которое

---

* Александр Андреевич — генерал-майор, родственник Ушаковых.

** 6 мая 1830 г. состоялась помолвка А. С. Пушкина с Н. Н. Гончаровой.

редко цитируется в работах о Пушкине, становится еще более ясным своеобразие личности Екатерины Ушаковой: умение скрыть отчаяние под вуалью усмешки; готовность провести жизнь в одиночестве, если уж не привелось быть с любимым; терпение и даже определенный литературный дар.

Но судьба распорядилась по-своему: Екатерина Николаевна вышла замуж за вдовца — Д. Н. Наумова и прожила долгую «обыкновенную» жизнь. По-видимому, время в какой-то степени успокоило душевную боль: в 1860 г. она собралась написать воспоминания о Пушкине. «Мое повествование,— обещала она племяннику,— будет очень любопытно, в особенности описание его женитьбы». Однако ее намерение не осуществилось. П. И. Бартенев записал со слов не названного им лица, что перед смертью Екатерина Николаевна позвала дочь, велела принести шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их все до единого. Может быть, это легенда, но писем-то нет.

Основная литература

Л. Н. Майков. Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых.— В кн.: Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899.

А. Эфрос. Рисунки поэта. М., 1933.

Г. Шторм. Незамеченные строки.— «Новый мир», 1957, № 3.

Н. М. Волович. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979.

1

Ек. Н. УШАКОВОЙ

Когда бывало в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
«Аминь, аминь, рассыпья!». В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведает, куда девались они.
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые,—
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердца пылкого мечтою
«Аминь, аминь, рассыпья!» — говорю.

1827

А. С. Пушкин

2

Ек. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

1827

А. С. Пушкин

3

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

1830

А. С. Пушкин

4

Ел. Н. УШАКОВОЙ

В альбом

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза

Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

1829

А. С. Пушкин

5

По приезде я нашла в Екатерине большую перемену; она ни о чем другом не говорит, как только о Пушкине и о его прославленных сочинениях. Она знает их все наизусть. Прямо совсем одурела; не знаю, откуда эта перемена. В тот момент, когда я вам пишу, она читает вслух «Кавказского пленника», что мешает мне собраться с мыслями для письма...

Здравствуйте, дорогой брат, как вы поживаете, как проводите время? Что касается меня, то я скучаю до смерти.

Нет, Jean *, нет

Она исчезла, жизни сладость,
Я знала все, я знала радость.

Он уехал в Петербург, может быть, он забудет меня; но нет, нет, будем лелеять надежду, он вернется, он вернется безусловно! Держу пари: читая эти строки, ты думаешь, что твоя дорогая сестра лишилась рассудка; в этом есть доля правды, но утешься: это ненадолго, все со временем проходит, а разлука — самое сильное лекарство от причиненного любовью зла.

Этим летом мы остаемся в городе, что меня огорчает; я хотела по крайней мере несколько месяцев

---

* Жан (франц.).

П. А. ПЛЕТНЕВ.
Художник А. В. Тыранов.
1830-е гг. Холст, масло.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ.
Акварель К. П. Брюллова.
1832 г.

П. В. НАЩОКИН.
Рисунок К. Мазера. 1839 г.

В. А. НАЩОКИНА.
Неизвестный художник.
Холст, масло. 1830-е гг.

Е. Н. УШАКОВА.
Неизвестный художник.
Холст, масло. 1830-е гг.

А. П. КЕРН.
Миниатюра неизвестного
художника. I пол. XIX в.

подышать чистым воздухом деревни и удалиться от шума городского,

Где я страдала, где я любила,
Где сердце я похоронила

Надеюсь, что ты, мой дорогой и добрый Жанно, будешь доволен этим письмом, хотя в нем есть очень много пустяков...

Город почти пустынен, ужасная тоска (любимые слова Пушкина). Прощай, дорогой брат, надеюсь получить от тебя такое же длинное письмо. В ожидании этого удовольствия, остаюсь навсегда преданная тебе, послушная, ленивая, безумная и любящая Катичка, называемая кое-кем Ангел.

Ел. Ник. и Ек. Ник. Ушаковы — И. Н. Ушакову
26 мая 1827.

6

Впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре, после возвращения из ссылки, может сравниться только с волнением толпы в зале дворянского собрания, когда вошел в нее А. П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию. Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою.

Ел. Н. Киселева (Ушакова).

7

Среда, 22 июня 1827 г. Москва.

Вчера мы обедали у N****, а сегодня ожидаем их к себе; чем чаще я с ними вижусь, тем более они мне нравятся! Меньшая очень, очень хорошенькая, а стар-

шая чрезвычайно интересует меня, потому что, по-видимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положил оружие свое у ног ее, то есть, сказать просто, влюблен в нее. Это общая молва, а глас народа — глас Божий. Еще не издавши их, я слышала, что Пушкин во все пребывание свое в Москве только и занимался, что N****: на балах, на гуляньях он говорил только с нею, а когда случалось, что в собрании N**** нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его!.. Знакомство же с ними удостоверило меня в справедливости сих слухов. В их доме все напоминает о Пушкине: на столе найдете его сочинения, между нотами — «Черную шаль» и «Цыганскую песню», на фортепьянах — его «Талисман».., в альбоме — несколько листочков картин, стихов и карикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина. Признаюсь, я отменно сожалею, что его теперь нет в Москве! Видеть картину, водопад, обломки барельефа — любопытно, видеть гения — есть счастье, свыше ниспосланное, но некоторым лишь дано судьбою уметь ценить это счастье!

Е. С. Телпнева. Ежедневные записки русской путешественницы в 1827—28 гг.

8

Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву — как бы не разъехаться.

Пушкин — П. А. Вяземскому. Январь 1830.

9

Карс все так же красива, как и была, и очень с нами предупредительна, но глазки ее в большом действии, ее А. А. Ушаков прозвал Царство Небесное, но

боюсь, чтобы не ошибся, для меня это сущее Чистилище. Карсы* в вожденном здравии. Алексей Давыдов** был с нами в собрании и нашел, что Карс должна быть глупенька, он по крайней мере стоял за ее стулом в мазурке более часу и подслушивал ее разговор с кавалером, но только и слышал из ее прелестных уст: да-с и нет-с. Может быть, она много думает или представляет роль невинности...

Ек. Н. Ушакова — И. Н. Ушакову. Апрель 1830.

10

Без всякого сомнения Лиза будет счастлива; они друг друга обожают, она себе выбрала достойного человека, свадьба будет в среду, в домовый церкви Глебово-Стрешнево...

В Москве новостям и сплетням нет конца. Она только этим и существует, не знаю, куда бы я бежала из нее и верно не полюбопытствовала, как Лотова жена. Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблен (наверное, притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую, здесь говорят, что он и женится, другие даже, что женат, но он сегодня обедал у нас, и, кажется, что не имеет сего благого намерения, но ни за что поручиться нельзя.

*Ек. Н. Ушакова — И. Н. Ушакову.
28 апреля 1830.*

11

Свадьба наша кончилась, молодые друг на друга не наглядятся и кажутся самые счастливые смертные, и не мудрено. Они все видят в розовом свете. Лиза теперь «ее превосходительство» и очень смешна. Сергея Дмитриевича оставили по просьбе его действи-

---

* т. е. все три сестры Гончаровы.

** Алексей Кузьмич Давыдов, морской офицер.

тельным статским советником. Дом их настоящая игрушка. Кабинет мадам обставлен со всеми претензиями хорошенькой женщины, и, действительно, она очень хороша, она взялась за чепчики, а токи ей необыкновенно к лицу.

Скажу про себя, что я глупею, старею и дурнею; что еще годика четыре, и я сделаюсь спелое дополнение старым московским невестам, т. е. надеваю круглый чепчик, замасленный шлафор, разодранные башмаки и которые бы немного сваливались с пяток, нюхаю табак, браню и ругаю всех и каждого, хожу по богомольям, не пропускаю ни обедню ни вечерню, от монахов и попов в восхищении, играю в вист или в бостон по четверти, разговору более не имею, как о крестинах, свадьбах и похоронах, бью каждый день по щекам девок, в праздничные дни румянюсь и сурмлюсь, по вечерам читаю Четьи-Минеи или Жития святых отцов, делаю 34 манера гран-пасьянсу, переносу вести из дома в дом, не нахожу ни одной хорошенькой, по середам и пятницам ем постное (перед обедом и ужином пью по рюмке ерофеичу) и наконец при всякой трогательной истории разливаюсь горькими слезами... Вот, любезный Жан, что я подразумеваю под именем Старой Девушки, и представь, что половина столицы наполнена этими тощими пиявками. Ежели я доживу до этого праздника (чего боже упаси), то позволю тебе меня посадить в кибитку и отправить в какой тебе угодно монастырь. На мой взгляд нет ничего более отвратительного, чем старая дева — этот бич человеческого рода...

Но пора перестать, боюсь, что у тебя не достанет терпения прочесть мое письмо; спешу окончить оное...

Преданная к услугам вашим
Катька

Посылаю тебе несколько выписок из разных журналов на Булгарина и Пушкина — прочти со вниманием.

Ек. Н. Ушакова — И. Н. Ушакову. 23 мая 1830.

12

В 1831 году он женился на Гончаровой. Все думали, что он влюблен в Ушакову; но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон первой. Женижба была его несчастье, и все близкие друзья его сожалели, что он женился.

Н. М. Смирнов. Из «Памятных записок».

13

Под моими окошками на Фонтанке проходят беспрерывно барки и разного рода лодки, народ копошится, как муравьи, и между ими завидел Пушкина (при сем имени вижу, как вспыхнула Катя). Я закричал, он обрадовался, удивился и просидел у меня два часа.— Много поговорили и о новом и *об старинке*, вспомнили *кой-что* и окончили тем, что я зван в семейственный круг, где на-днях буду обедать; мне велено поторопиться избранием дня, ибо барыня обещает на-днях же другого орангутанца произвести на свет...

*С. Д. Киселев — Ел. Н. Киселевой.
19 мая 1833.*

14

Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературою. Много было у нее женихов; но по молодости лет она не спешила замуж. Старшая, Елизавета, вышла за С. Д. Киселева.— Является в Москву Пушкин, видит Екат. Ник. Ушакову в Благородном собрании, влюбляется и знакомится...

Между Ек. Ник. Ушаковой и Пушкиным завязывается тесная сердечная дружба, и, наконец, после продолжительной переписки, Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж. В это время в Москве жила известная гадалщица, у которой некогда был или бывал даже государь Александр Павлович. Пушкин не раз высказывал желание побывать у этой гадалщицы; но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкин пришел к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадалщицы, которая предсказала ему, что он «умрет от своей жены». Хотя это сказано было как бы в шутку, как нелепое вранье гадалщицы, однако Е. Н. Ушакова взглянула на это предсказание заботливо и объявила Пушкину, что, так как он не послушался ее и был у гадалщицы, то она сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны, предвешание, хотя и несбыточное, все-таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбит, если сделается его женою; поэтому она и решается отказать ему для него же самого. Дело разошлось... Когда Екатерина Николаевна умерла, то приказала дочери подать шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их. Несмотря на просьбы дочери, она никак не желала оставить их, говоря: «Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна: пусть она и умрет с нами».

П. И. Бартенев. Из записной книжки.

Петербургский салон директора Публичной библиотеки, а с 1817 г. и президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина был одним из самых притягательных для Пушкина после выпуска из Лицея. Здесь он встречался с И. А. Крыловым, В. А. Жуковским, Н. И. Гнедичем, Н. М. Карамзиным, К. Н. Батюшковым и многими другими выдающимися людьми русской литературы и искусства. Круг литературного общества «Арзамас» в значительной степени совпадал с оленинским кругом. Арзамасцы — и те, что стали потом декабристами, и те, что повернули «вправо», превратившись в знатных вельмож, были завсегдатаями дома Олениных на Фонтанке (а с 1820 г. — на Мойке). Все это общество нередко собиралось в имении Оленина — на мызе Приютино, в 16 верстах от Петербурга. Уже к 1820 г. ощущались первые порывы той революционной бури, которой предстояло разметать оленинское общество и сделать одних его участников непримиримыми врагами других. Хозяин салона писал об этом в 1827 г.: «непостоянство судеб человеческих рассеяло приютинское общество по лицу земли, многие лежат уже в могиле *, многие влечат тягостную жизнь в дальних пределах све-

---

* Например, М. П. Бестужев-Рюмин — казненный декабрист. С ним Пушкин познакомился у Оленина.

та *, а многие ближние рассеялись по странам **...» Не сочувствуя декабристам, даже осуждая их, Оленин при всем этом оказался после 1825 г. в числе тех высокопоставленных лиц, которые многими нитями были связаны с декабристами.

Оленин был женат на Елизавете Марковне Полторацкой, родной тетке Анны Петровны Керн, и «чудное мгновение», которое довелось пережить и навсегда запомнить в 1819 г. Пушкину, как уже знает читатель, связано именно с домом Олениных. Младшей дочери хозяев дома Анне было тогда только 11 лет. Она впоследствии лишь смутно помнила те годы.

Скоро среди тех, кто испытал «непостоянство судеб человеческих», оказался и Александр Пушкин. Есть сведения, что Оленин участвовал в хлопотах о смягчении его участи. И уж, во всяком случае, в знак сочувствия молодому поэту собственноручно нарисовал изящную виньетку к первому изданию «Руслана и Людмилы». Однако, когда семь лет спустя Пушкин появился в Петербурге, Оленин был совершенно другим человеком. Тайный советник, член Государственного совета, Председательствующий в департаменте гражданских и духовных дел, он, хотя и встретил Пушкина с видимым радушием, но это могло продолжаться только до поры, пока к возвращенному поэту благоволил император.

Зато Анна Алексеевна в восемнадцать лет «расцвела прелестно, неподражаемо», как сказал бы Александр Андреевич Чацкий, окажись он в 1827 г. на месте Пушкина. Поэт увлекался ею бурно и мучительно — тем более, что особого отклика его чувства не находили. Это не помешало Олениной впоследствии вспоминать, что она увидела тогда «самого интересного человека своего времени».

П. А. Вяземский, как это видно из его писем жене, считал, что Пушкин больше притворяется влюбленным, чем был влюблен на самом деле. «Девица Оленина, — писал Вяземский, — довольно бойкая штучка: Пушкин называет ее «драгунчиком» и за этим драгун-

---

* Некоторые осужденные на каторгу декабристы бывали у Оленина, в том числе и Кюхельбекер.

** Например, братья Николай и Александр Тургеневы.

чиком ухаживает» *. В другом письме (7 мая 1828 г.) Вяземский говорит без обиняков: «Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен... и играет ревнивого». Однако Петр Андреевич далеко не всегда верно понимал побуждения Пушкина. В этот раз дело обстояло гораздо серьезнее: именно в мае были написаны самые прекрасные, исключавшие всякое притворство стихи, внушенные Пушкину Олениной: в начале мая «Ее глаза» ** (№ 1); 9 мая — «Увы! язык любви болтливый» (№ 7) в тот же день, после поездки в Кронштадт вместе с Олениной, — «To Dawe, ESQr (№ 2); 23 мая — «Ты и Вы» (№ 3). Это только в мае 1828 г.!

Как нередко бывало с Пушкиным, самые серьезные переживания и творческие труды не мешали ему весело проводить время в Приютино, ухаживая за Олениной и беседуя с Вяземским, Грибоедовым, Глинкой, Мицкевичем. Вяземский писал Вере Федоровне 21 мая: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню, в Приютино, верст за 17. Там нашли мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места сущий ад. Я никогда не видал подобного множества; поневоле пляшешь комаринскую. Я никак не мог прожить тут и день один. На другой день я, верно, сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Мицкевич говорил, что это кровавый день. Пушкин был весь в прыщах и, осажденный комарами, нежно восклицал: сладко!»

В первых числах июня Пушкин услышал у Олениных привезенную с Кавказа А. С. Грибоедовым и обработанную М. И. Глинкой грузинскую мелодию. Анна Алексеевна, как показалось Пушкину, прекрасно

---

* Во французском оригинале письма Вяземского игра слов: dragon по-французски имеет два значения: «драгун» и «дракон», а в переносном смысле — «злая, злоязычная женщина» (указано А. Лацисом).

** Это ответ Вяземскому, восхищавшемуся глазами А. О. Росет-Смирновой:

Южные звезды, черные очи!
Неба чужого огни!
Вас ли встречают взоры мои
На небе хладном бледной полночи?

пела ее. Тогда, 12 июня, было создано изумительное стихотворение «Не пой, красавица, при мне» (№ 4). Можно, конечно, обратить внимание на то, что Пушкин вспоминает в нем черты другой «далекой, бедной девы», но все же эти стихи, без сомнения, обращены и к Олениной. Между прочим, она и в самом деле была очень музыкальна и даже пыталась сочинять музыку — например, к думе К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака». Вдобавок она и вправду была красавица и умница, хотя и отличалась несомненной склонностью к самолюбованию. «Автохарактеристика», оставленная ею в дневнике, слегка настораживает: «Я люблю спорить потому, что знаю, что спорю умно, разумно, что доказательства мои не суть доказательства пустые. Когда читаю книги и потом рассуждаю о них, часто сама отвечаю на мысли сочинителей, спрашиваю мнение отца, сообщаю ему свои суждения и так часто получаю от него одобрение, что это заставляет меня думать, что я сужу здраво. Вот почему я люблю спорить серьезно. Когда же я шучу, то, конечно, принимаюсь за софизмы, доказывая, что белое — черное, и обратно. Весело так спорить, когда видишь, что твой соперник горячится, и когда сама чувствуешь, что говоришь против себя же. Весело заставлять его сперва соглашаться, а потом заставить его переменить мнение. Есть у меня достоинство — умею невинно бесить». Дневник писался для себя: ни позы, ни кокетства в нем нет, зато есть немалая доля самоуверенности и избалованности. Напомним, кстати, что первые шесть строчек стихотворения «Вы избалованы природой» (см. подборку об Е. Н. Ушаковой, № 4 и примеч.) были первоначально адресованы Олениной. Пушкин ей этих стихов не отдал, а в дальнейшем закончил их и вписал в альбом Ел. Н. Ушаковой.

На полях рукописи Пушкина той поры постоянно встречается имя Олениной: по-русски, по-французски — в обратном чтении — Eninelo или даже в не оставляющем сомнений варианте: «Annete Pouchkine» *. Пушкин и в самом деле скоро сделал предложение, но мать Олениной Елизавета Марковна решительно и резко ему отказала. Вмешались политические при-

---

* Анета Пушкина (фр.).

чины: началось следствие о «Гавриилиаде», и Алексей Николаевич был в числе разбирающих это дело; Пушкин опять оказался поднадзорным («Снова тучи надо мною...»).

Но были и другие мотивы. Полвека, или чуть более спустя племянник Анны Алексеевны приступил к старушке с расспросами о былых временах. «Пушкин делал мне предложение»,— вспоминала Анна Алексеевна. «Почему же вы не вышли?»— спросил племянник. «Он был вертопрах, не имел никакого положения в обществе и, наконец, не был богат».

В воспоминаниях племянника Олениной, опубликованных Т. Г. Цявловской, есть и более пространная запись на эту тему. Она относится к 80-м годам прошлого столетия, когда Анна Алексеевна, давно уже не Оленина, а Андро, приезжала из Варшавы, где постоянно жила, погостить в Москву. «Это была древняя, но бойкая старушка,— вспоминает ее родственник,— сохранившая память и ясность ума. По вечерам она любила нам рассказывать о своих молодых годах. Ведь она знала решительно всех выдающихся своим умом и талантами лиц, бывавших в доме ее отца. С особенной теплотой она вспоминала о Пушкине, о его блестящих дарованиях, о том, что где бы он ни показывался, он сейчас же делался центром собрания. Меня очень интересовало, почему она не вышла за него замуж. Она всегда отмалчивалась, но в конце концов можно было вывести такое заключение: она не была настолько влюблена в Пушкина, чтобы идти наперекор семье. Семья же ее была против этого брака, ввиду, главным образом, буйной, неудержной натуры Пушкина, которая, по ее понятиям, не могла обеспечить тетушке мирное благоденственное житье. Тем не менее тетушка была весьма увлечена Пушкиным. Это видно из того, что она имела с ним тайные свидания». Сначала насчет свиданий: они, верно, были, хотя происходили в Летнем саду в присутствии гувернантки молодой девушки и... всего Петербурга. Но главный вывод нащупан мемуаристом правильно: Анна Алексеевна не любила Пушкина. А он довольно долгое время любил ее и страдал. Отказ Олениных оказался болезненным ударом и для самолюбия поэта.

1 сентября 1828 г. Пушкин писал Вяземскому: «Я пустился в свет, потому что бесприютен». Вяземский отвечал 18 сентября: «Ты говоришь, что бесприютен: разве уж тебя не пускают в Приютино?» Обычно в последней строке видят игру слов Вяземского — непревзойденного каламбуриста. Но, скорее всего, каламбур был уже в письме Пушкина, а Вяземский лишь чутко его подхватил. В Приютино и в самом деле «пускали» неохотно. 19 октября Пушкин оставил столицу — об этом говорится в стихотворении «Город пышный, город бедный» (№ 6). В декабре 1828 г. и январе 1829 ушаковский альбом заполняется несколькими изображениями Олениной, в том числе и явно сатирическими. Под одним из них подпись: «Прочь! прочь отойди! — Какой беспокойный! — Прочь! прочь! Отвяжись, — руки недостойный».

Но шутки шутками, а обида была большая. И рассеялась она только благодаря появлению на горизонте «неприступного Карса» — Натальи Николаевны Гончаровой. Пожалуй, это единственный случай в биографии Пушкина, когда он резко (хоть и не навсегда) порвал с семьей «несостоявшейся невесты». В декабре 1829 г. в Петербурге Пушкин принялся за 8-ю главу «Евгения Онегина». В гостиную Татьяны-княгини автор (в черновых вариантах) «привел» и семейство Олениных. Сначала было прямо сказано: «Annete Olenine * тут была»; потом Пушкин заменил фамилию: «Лиза Лосина» (намек слишком прямолинейный: Лосина почти что Оленина); наконец, появился еще один вариант:

Тут... дочь его была
Уж так жеманна, так мала,
Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость.

Если добавить, что в тех же черновиках выведен и Оленин-отец: «Тут был отец ее пролаз // Нулек на ножках», то картина «поэтического мщения» будет полной. Но нельзя забывать, что Пушкин писал это для себя одного: в беловой текст романа строки об «Олениных-Лосиных» не вошли.

---

* Анета Оленина (фр.).

В другом произведении Пушкина — поэме «Тазит», относящейся примерно к тому же времени, что и 8-я глава, тема неудачного сватовства приобретает совсем иное — не сатирическое, а трагическое звучание:

И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскую,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден, но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей — приверженный супруг».

На полях черновиков поэмы — профильные портреты А. Н. Оленина * и его дочери с возведенными горé очами. Текст «Тазита» завершается цитированными строками, но в черновых вариантах текстологам удалось прочесть ответ отца девушки герою поэмы:

«Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя!
Ты мой рассудок иссушаешь
Иль празднословия, иль шутя.
Ступай, оставь меня в покое».
Глубоко в сердце молодое
Тяжелый врезался укор,
Тазит сокрылся — с этих пор
Ни с кем не вел он разговора
И никогда на деву гор
Не возводил несчастный взора.

Рисунки Пушкина на полях «Тазита» не оставляют сомнения в конкретном адресе приведенных строк.

Существуют еще по меньшей мере два стихотворных произведения Пушкина **, которые подчас, с той или иной степенью уверенности связывают с именем Анны Алексеевны Олениной. Одно из них знаменитейшее из знаменитых — «Я вас любил...» (1829). Главное свидетельство на сей счет принадлежит внучке Олениной О. Н. Оом (№ 10) и оставлено оно в предисло-

---

* Определен художником Ю. Л. Керцелли.

** Что касается прозы, то «оленинскую тему» некоторые пушкинисты усматривают в «Романе в письмах» (Владимир и Елена).

вии к изданию «Дневника» Олениной (Париж, 1936). Однако альбом, который упоминает О. Н. Оом, утрачен и проверить точность ее свидетельств невозможно. Но даже, если все действительно так, как уже в глубокой своей старости писала внучка Олениной, то и это не решает вопроса о «лирической принадлежности» глубочайшего творения Пушкина. Можно лишь согласиться с покойным пушкинистом Т. Г. Цявловской в том, что загадка стихотворения «Я вас любил...» еще не решена. С кем прощался Пушкин в 1829 г.? И было ли это прощание вполне конкретным? На эти вопросы точного ответа нет. Но что это прощание волнует сердца миллионов — факт непреложный.

Двоюродный брат Олениной, известный библиофил и библиограф С. Д. Полторацкий — человек любознательный и в библиографических делах пунктуальный — 7 марта 1849 г. записал на особом листке: «Оленина Анна Алекс... Стихи о ней и к ней Александра Пушкина: 1) Посвящение поэмы «Полтава»... 2) «Я вас любил...» 3) «Ее глаза»... Подтвердила мне это сама, сегодня, и сказала еще, что стихотворение «Ты и Вы» относится к ней (СПб., воскр. 11 дек. 1849)». Среди многочисленных рукописных библиографических трудов С. Д. Полторацкого был и «Мой словарь русских писательниц», над которым он работал вплоть до 1878 г. В нем есть аналогичная запись: «Оленина Анна Алексеевна 1828*. Посвящение ей «Полтавы»... Две строфы. 16 стихов... Печатано курсивом без обозначения имени Олениной».

Что все это значит? Неужели ошибся П. Е. Щеголев, обнаруживший строку «Сибири хладная пустыня», а за ним и все другие пушкинисты? Едва ли. Скорее всего ошибся (невольнo) С. Д. Полторацкий, приняв на веру утверждение Олениной. Однако надо иметь в виду, что «Полтава» действительно писалась в кульминационный момент разрыва с Олениной; черновики поэмы хранят прямые подтверждения этому: профили Анны Алексеевны и ее инициалы. Доказывает ли это ее правоту? Нисколько — это только указывает на источник ее искреннего заблуждения. Вспомним, как много знакомых Пушкина с полной уверенностью

---

* Дата сочинения «Полтавы».

ощущали себя «Татьянами», «Онегиными», «Ленскими» и т. д., и не будем строго судить Оленину. По крайней мере за это.

К новому 1830 г. Пушкин задумал разослать знакомым свои визитные карточки и составил необходимый для этого список. Сначала в нем была фамилия Олениных, но потом Пушкин ее вычеркнул. 13-м января 1830 г. помечена странная, казалось бы, запись в дневнике Д. Ф. Фикельмон. Графиня рассказывает о том, как большая компания с участием Пушкина «в домино и масках» доставила себе удовольствие «поехать по разным домам». Они побывали и у Олениных. Исследователи давно интересуются этой записью. Почему Пушкин ездил к Олениным? Не исключено, что разгадка проста: она ведет к «турецкой крепости» под названием «Карс» (то-есть к Наталье Гончаровой). Душевная боль прошла.

Миниатюрные изящные ножки на полях черновиков Пушкина, профили Анны Алексеевны, ее инициалы... Может быть, шутивное ухаживание — и только. А мы с легкостью зачисляем ее в друзья? Нет, такой подход был бы поверхностным и несправедливым. Стихи такой глубины мысли, остроты чувства и великого мастерства, как те, что посвящены Олениной, не пишутся «просто так». Вспомним Анну Ахматову, сказавшую о Пушкине:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

Основная литература

Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.-Л., 1958.

Ф. Я. Прийма. Пушкин и кружок А. Н. Оленина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.-Л., 1958.

Л. Ф. Керцелли. Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976.

1

ЕЕ ГЛАЗА

(В ответ на стихи кн. Вяземского)

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.
1828 А. С. Пушкин

2

TO DAWE, ESQ^r *

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,

---

* Дау, эсквайру (*англ.*).

Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

1828

А. С. Пушкин

3

* * *

Увы! язык любви болтливый,
Язык неполный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон,
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,
· · · · ·
Иль клевету, иль заточенье,
И редко хладную хвалу.

1828

А. С. Пушкин

4

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.

Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

1828

А. С. Пушкин

5

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

А. С. Пушкин

6

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

1828

А. С. Пушкин

7

* * *

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

А. С. Пушкин

Я говорю от третьего лица, пропускаю первые годы, перехожу прямо к делу...

Однажды на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин.

Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапской профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие — вот все *достоинства* телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия.

Говорили еще, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно все знать; что он распутный человек, но, впрочем, вся молодежь почти такова.

Итак, все, что Анета могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен.

Среди особенностей поэта была та, что он питал страсть к маленьким ножкам, о которых он в одной из своих поэм признавался, что предпочитает их даже красоте. Анета соединяла с посредственной внешностью две вещи: у нее были глаза, которые порой бывали хороши, порой глупы. Но ее нога была действительно очень мала, и почти никто из ее подруг не мог надеть ее туфель.

Пушкин заметил это преимущество, и его жадные глаза следили по блестящему паркету за ножками молодой Олениной.

Он только что вернулся из шестилетней ссылки. Все — мужчины и женщины — старались оказывать ему внимание, которое всегда питают к гению. Одни делали это ради моды, другие — чтобы иметь прелестные стихи и приобрести благодаря этому репутацию, иные, наконец, вследствие истинного почтения к гению, но большинство — потому, что он был в милости у государя Николая Павловича, который был его цензором.

Анета знала его, когда была еще ребенком. С тех пор она с восторгом восхищалась его увлекательной поэзией.

Она тоже захотела отличить знаменитого поэта: она подошла и выбрала его на один из танцев; боязнь, что она будет осмеяна им, заставила ее опустить глаза и покраснеть, подходя к нему. Небрежность, с которой он спросил у нее, где ее место, задела ее. Предположение, что Пушкин мог принять ее за дуру, оскорбило ее, но она ответила просто и за весь остальной вечер уже не решалась выбрать его.

Но тогда он, в свою очередь, подошел выбрать ее исполнить фигуру, и она увидела его, приближающегося к ней.

Она подала ему руку, отвернув голову и улыбаясь, потому что это была честь, которой все завидовали...

...21 сентября [1828].

Вчера к обеду приехал к нам милый, благородный Алексей Петрович Чечурин. Он приехал прощаться, и это слово одно заставило меня покраснеть...

Последний раз, как он здесь был, он выпросил у меня стихи Пушкина на мои глаза. Я ему их списала и имела неблагоразумие подписать свою фамилию. То же сделала на стихах Вяземского, Козлова и других стихах Пушкина. Я написала ему на бумажке просьбу, чтоб он вычеркнул мое имя, и, когда спросила, делает ли он это, он ответил:

— Неужели вы думаете, что я не исполню малейшего вашего желания?

Я извинилась тем, что боюсь, чтобы стихи не попали в чужие руки.

А. А. Оленина.

9

В это время он очень усердно ухаживал за одной особой, к которой были написаны стихи: «Город пышный, город бедный...» и «Пред ней, задумавшись, стою...». Несмотря, однако ж, на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, он никогда не говорил об *ней* с нежностью и однажды, рассуждая о маленьких ножках, сказал: «Вот, например, у *ней* вот какие маленькие ножки, да черт ли в них?» В другой раз, разговаривая со мною, он сказал: «Сегодня Крылов просил, чтобы я написал *что-нибудь* в ее альбом». — «А вы что сказали?» — спросила я. «А я сказал: *Ого!*» В таком роде он часто выражался о предмете своих воздыханий.

А. П. Керн. Воспоминания о Пушкине.

10

Анна Алексеевна тщательно берегла альбомы с автографами и рисунками Пушкина (все больше ножки гирляндю вокруг стихотворений 1828 года), не любила, чтобы мы выражали о них наше мнение ... Под некоторыми стихотворениями Пушкина Анной Алексеевной были сделаны пометки. Так, под «Ты и Вы» было написано: «А. А. ошиблась, говоря Пушкину «ты», и на следующее воскресенье он привез эти стихи». На стихотворении «Ее глаза», написанном в 1828 году в ответ на «Черные очи» кн. П. А. Вяземского, ею отмечено, что второй стих в оригинале «Твоя Рос-

сети егоза» впоследствии смягчен и заменен словами: «Придворных витязей гроза».

Зная, как я интересовалась ее прошлым, бабушка оставила мне альбом, в котором, среди других автографов, Пушкин в 1829 г. вписал стихи «Я Вас любил, любовь еще быть может...». Под текстом этого стихотворения он в 1833 г. сделал приписку: «plusquerap-fait» * — давно прошедшее. 1833».

О. Н. Оом (внучка А. А. Олениной)

11

А. Н. Оленин был чрезвычайно общительный и гостеприимный человек. О количестве гостей, посещающих семейство Оленина, можно судить по тому, что на даче Алексея Николаевича, Приютино, за Пороховыми заводами, находилось 17 коров, а сливок никогда не доставало. Гостить у Олениных, особенно на даче, было очень привольно: для каждого отводилась особая комната, давалось все необходимое и затем объявляли: в 9 час. утра пьют чай, в 12 — завтрак, в 4 часа — обед, в 6 часов полудничают, в 9 — вечерний чай; для этого все гости созывались ударом в колокол; в остальное время дня и ночи каждый мог заниматься, чем угодно: гулять, ездить верхом, стрелять в лесу из ружей, пистолетов и из лука, причем Алексей Николаевич показывал, как нужно натягивать тетиву. Как на даче, так и в Петербурге, игра в карты у Олениных никогда почти не устраивалась, разве в каком-нибудь исключительном случае; зато всегда, особенно при Алексее Николаевиче, велись очень оживленные разговоры. А. Н. Оленин никогда не просил гостей-художников рисовать, а литераторов читать свои произведения.

Ф. Г. Солнцев. Моя жизнь и художественно-археологические труды.

---

* давно прошедшее (фр.).

Кружок Олениных состоял, с одной стороны, из представителей высшей аристократии,— и писателей, художников и музыкантов — с другой; никакого раздвоения в этом кружке не было; все жили дружно, весело, душа в душу; особенно весело проводил время оленинский кружок в Приютино,— так называлась дача Елизаветы Марковны около Петербурга, за Охтой; дача эта отличалась прекрасным местоположением: барский дом стоял здесь над самою рекою и прудом, окаймленными дремучими лесами. Из забав была здесь особенно в ходу игра в шарады, которая в даровитой семье оленинского кружка являлась особенно интересною; особенно уморителен был в этой игре Крылов, когда он изображал героев своих басен. Между играми тут же часто читали молодые писатели свои произведения, а М. И. Глинка разыгрывал свои произведения.

Семнадцать лет Анна Алексеевна была назначена фрейлиною к императрицам: Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне; при дворе она считалась одною из выдающихся красавиц, выделяясь, кроме того, блестящим и игривым умом и особенно любовью ко всему изящному.

П. М. Устимович. А. А. Андро.

В перечне людей, у которых Пушкин искал тогда наставлений, нельзя забыть об А. Н. Оленине. Почтенный председатель Академии художеств, будучи родственником и почитателем Г. Р. Державина, разумеется, склонялся на сторону «Беседы» и не совсем одобрительно смотрел на полемические замашки «Арзамаса», но он имел важное качество. По званию артиста и по прямому знакомству с классическим искусством, он понимал эстетические законы, которые ле-

жат в основании художнического производства вообще, а потому мог уразуметь изящество произведения, если бы даже оно явилось и не с той стороны, откуда он привык его ожидать. Так, он был один из первых, которые признали поэтическое достоинство «Руслана и Людмилы». Качество это сделало самый дом его нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположных воззрений, что облегчалось еще необычайной любезностью хозяйки, урожденной Полторацкой, а потом, через несколько лет, приветливостью красавицы-дочери, воспетой Пушкиным. Поэт наш был у них, как свой человек, и по семейным их преданиям, часто беседовал с А. Н. Олениным об искусстве.

П. В. Анненков

14

Известный любитель словесности и художеств, А. Н. Оленин, лично знавший Пушкина, желая на деле показать любовь свою к его таланту, сам сочинял рисунки к «Руслану и Людмиле», а Н. И. Гнедич, с которым Пушкин сошелся у Оленина, принял на себя хлопоты издания. Самая рукопись оставлена была у брата, Льва Сергеевича, который, вместе с товарищем своим С. А. Соболевским, доканчивал печатание. Последний рассказывает, что много было труда разбирать шестую песнь, не перебеленную сочинителем.

П. И. Бартенев

Бывает так, что те или иные эпизоды биографии Пушкина, те или иные его личные творческие связи в какой-то момент неожиданно оказываются в центре внимания пушкиноведения. Как правило, это связано с появлением в научном обращении документальных материалов, прежде неизвестных исследователям. Так было, например, с письмами Карамзиных (см. Т. I). Дружественной Пушкину семье Хитрово-Фикельмон на протяжении нескольких десятилетий «повезло» в этом отношении несколько раз.

Все началось 12 октября 1925 г., когда в Ленинграде при разборке библиотеки в бывшем особняке князей Юсуповых (Набережная Мойки, 94) была обнаружена тетрадь большого формата в синей обложке с письмами Александра Сергеевича Пушкина, адресованными Елизавете Михайловне Хитрово. Вскоре 27 никому тогда не ведомых подлинных писем великого поэта были переданы в Пушкинский дом Академии наук. Была создана комиссия виднейших пушкинистов для научного издания, комментирования, подготовки вступительных статей и т. п. В результате уже в 1927 г. Пушкинский дом выпустил в серии своих трудов книгу «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово», обогащенную, помимо самих писем, еще и первыми публикациями некоторых других документов из архива Е. М. Хитрово и ее старшей дочери

Е. Ф. Тизенгаузен, найденного в том же особняке. Это был огромный материал, позволивший специалистам (Б. Л. Модзалевский, Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский, М. Д. Беляев) заново рассмотреть отношения Пушкина с семейством Тизенгаузен — Хитрово — Фикельмон, выявить ряд фактов и сделать важные выводы.

В 1940-х годах будущему автору широко известных книг «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили» Н. А. Раевскому удалось обнаружить подлинники и получить фотокопии прежде неизвестного письма Пушкина к Дарье Федоровне Фикельмон (№ 7) и дневника Д. Ф. Фикельмон, который она вела в Петербурге в 30-х годах и в котором многие страницы непосредственно связаны с Пушкиным, а все остальные — с событиями, его волновавшими, и людьми, к нему в той или иной степени близкими. В исследовании дневника Фикельмон в дальнейшем приняли участие ученые нескольких стран — Чехословакии, Италии, но более всего, естественно, — Советского Союза. Помимо Н. А. Раевского, детальным изучением дневника Фикельмон и связей всей семьи с Пушкиным занимались Н. В. Измайлов, М. И. Гиллельсон и другие пушкинисты. В научно-художественной форме все факты, к этому относящиеся, читатель найдет в книге Н. А. Раевского «Портреты заговорили».

Однако открытия по теме «Пушкин и семья Хитрово — Фикельмон» в 1925 г. и в 1940-х годах не завершились. 18 апреля 1961 г. Т. Г. Цявловская нашла в Центральном Государственном архиве литературы два письма Е. М. Хитрово к Пушкину: одно, от 14 августа 1830 г., посвящено в основном политическим новостям; другое, датируемое первыми числами ноября 1836 г., полно отчаяния в связи с оскорбительным для чести Пушкина и его жены пасквилем, полученным друзьями поэта, в том числе и Е. М. Хитрово (№ 17).

Наконец, новые сведения об этих людях, отделенных от нас уже почти полутора веками, но не забытых прежде всего благодаря своей близости к Пушкину, были опубликованы советскими корреспондентами в Италии и научными работниками И. Бочаровым и Ю. Глушаковой в книгах «Русский клуб у фонтана

Треви» и «Венецианская пушкиниана». Мало сказать, что исследователи обнаружили целый ряд портретов членов семьи Хитрово — Фикельмон, они, в ходе поисков, добавили немало интереснейших сведений в общую сводку данных об отношениях интересующей нас семьи с Пушкиным и по-новому истолковали ряд известных фактов.

Словом, о семье Хитрово—Фикельмон и о дружбе ее с Пушкиным известно теперь очень многое, хотя, конечно, далеко не все. Ведь когда появляются новые документы, то открываются и новые горизонты поисков, возникают и новые вопросы. В «Основной литературе» перечислены названия книг и статей, с которых читатели могут начать свое путешествие по страницам биографии Пушкина, связанным с этой семьей. Мы же сообщим лишь необходимые сведения о двух ее представительницах.

ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА ХИТРОВО *

(19.IX.1783—3.V.1839)

Строго говоря, правильнее было бы озаглавить этот раздел «Семья Голенищевых—Кутузовых—Тизенгаузен—Хитрово—Фикельмон». Елизавета Михайловна была дочерью великого русского полководца. Она патристически гордилась своим происхождением и иногда даже подписывалась «урожденная княжна Кутузова-Смоленская», хотя ее отец получил титул светлейшего князя Смоленского уже после замужества дочери. Первый муж ее Федор Иванович Тизенгаузен был любимцем Кутузова. Фельдмаршал, в семье которого были только дочери, относился к нему как к сыну. В 1805 г. Ф. И. Тизенгаузен участвовал в войне с Наполеоном. Елизавета Михайловна, оставив в России двух маленьких дочек, Екатерину и Дарью (Доротею, или, по-семейному, Долли), следовала в ближайших тылах за армией, где сражались ее отец и муж. 20 ноября в Аустерлицком бою русские войска отступили. Кутузов был ранен. Флигель-адъютант Федор

---

* Пушкин писал эту фамилию «Хитрова» и склонял ее по падежам. Мы придерживаемся варианта, принятого в современных изданиях.

Тизенгаузен со знаменем в руках повел в атаку батальон солдат, но тотчас упал, сраженный пулей. Рассказ об этом, зафиксированный историками, послужил впоследствии Л. Н. Толстому основой для описания подвига Андрея Болконского в Аустерлицком сражении. После смерти Тизенгаузена Кутузов писал дочери: «Лизанька, мой друг сердечный, у тебя детки маленькие, я лучший твой друг и матушка, побереги себя для нас... Поезжай поскорее к своим деткам и к матушке, и я скоро к вам приеду. Боже тебя благослови и подкрепи».

Елизавета Михайловна вдовела до 1811 г., а потом вышла замуж за генерала Хитрово. Под этой, третьей фамилией она и известна в литературе о Пушкине. Ее второй муж был довольно образованный человек, приятель Василия Львовича Пушкина, не отличавшийся, однако, если верить сохранившимся свидетельствам, высокими моральными качествами. В 1815 г. Н. Ф. Хитрово был назначен русским поверенным в делах во Флоренцию, куда вместе с ним отправилась и Елизавета Михайловна с дочерьми. Однако пробыл он на этом посту недолго, поскольку в 1817 г. заболел, а в 1819-м — скончался. Между тем жизнь в Италии (Елизавета Михайловна оставалась там до 1826 г., лишь однажды, в 1823 г., побывав в России) отложила заметный отпечаток на уклад и взгляды всей семьи, на образование дочерей, направленность их интересов*. До сих пор исследователи находят в Италии и в других европейских странах материалы, связанные с Хитрово—Фикельмонами. Разумеется, все это неотделимо и от того факта, что в 1821 г. младшая дочь Е. М. Хитрово, внучка Кутузова, Долли, вступила в брак с австрийским военным и дипломатом К.-Л. Фикельмоном.

Дом Е. М. Хитрово в Неаполе, куда они переехали из Флоренции, стал своего рода русским общественным центром. Блестяще образованные, очаровательные дочери (младшая — Долли — была ослепительной красавицей) и умная, хотя и несколько экзальтированная мать, сумевшая сделаться скорее подругой

---

* Навсегда оставив Россию вскоре после смерти Пушкина, младшая дочь Е. М. Хитрово, Долли, также жила в основном в Италии и Австрии.

своих дочерей, чем их наставницей, привлекали всеобщее внимание, которое, конечно, увеличивалось и оттого, что они были потомками великого русского полководца — победителя Наполеона. Однако истинная дочь Кутузова, настроенная патриотически, Елизавета Михайловна, не собиралась превращаться в эмигрантку, твердо намереваясь вернуться в Россию. В конце 1826 г. или в самом начале 1827 г. она вместе со старшей дочерью Екатериной Тизенгаузен осуществила свое намерение.

* * *

Пушкин познакомился с Елизаветой Михайловной и Екатериной Федоровной, по-видимому, вскоре после своего приезда в Петербург весной 1827 г. О Екатерине Тизенгаузен мы подробно рассказывать не будем — она в какой-то мере оказалась «на втором плане», как бы оттесненная общественным положением матери и красотой сестры, да и с Пушкиным тесной дружбы у нее не было. Напомним только один эпизод, отразившийся в творчестве Пушкина. 1830 год петербургская знать открывала костюмированным балом в Аничковом дворце. Каждая «маска» должна была обратиться к императорской чете со стихами, специально приготовленными по этому случаю. Фрейлина Тизенгаузен выбрала для бала костюм циклопа и попросила Пушкина помочь со стихами, тем более что русским языком дочери Елизаветы Михайловны владели тогда еще слабо. Пушкин ответил довольно церемонным письмом в блестящем французском эпистолярном стиле, которым, по отзывам самих французов, он владел неподражаемо, и русским стихотворением «Циклоп»:

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

Стихотворение, произнесенное Е. Ф. Тизенгаузен, и сама она, наряженная циклопом, имели шумный успех. Стихи и в самом деле отмечены неповторимым пуш-

кинским мастерством, хотя в них, пожалуй, заметна рассчитанная галантная холодность заказанного мадригала.

С Елизаветой Михайловной отношения Пушкина были довольно запутанные. Не перечисляя конкретных эпизодов, частично раскрывающихся в подборке материалов, остановимся на основных чертах этих отношений. Начать с того, что Елизавета Михайловна Хитрово воспылала к Пушкину «языческой», как шутил Вяземский, любовью. Она была на шестнадцать лет старше и взаимностью поэта вряд ли могла пользоваться долго, да и не рассчитывала на это. Пожалуй, нежные чувства Елизаветы Михайловны отразились лишь в страстном тоне ее писем и записочек к Пушкину, отправленных до его женитьбы. В это время она, видимо, и в самом деле основательно надоедала Пушкину изъявлениями нежности, чем и объясняются его шуточные или даже иронические упоминания о ней в письмах к Вяземскому и некоторым другим корреспондентам. Впоследствии тот же тон при имени Хитрово проскальзывает в письмах поэта к жене. Но бесплодные «романические мечты» нисколько не отразились на ее самоотверженно-дружеском поведении, которое вообще стало определяющим моментом в отношении Хитрово к Пушкину. Она служила гению — иногда с излишним шумом, но трогательно и неизменно. По словам Вяземского, Хитрово «питала к Пушкину самую нежную, страстную дружбу», сохраняя и в данном случае «доблестные кутузовские традиции: большое уважение к проявлениям общественной деятельности и горячую любовь ко всему, что составляет славу русского имени».

Интерес Пушкина к Елизавете Михайловне — во всяком случае первоначально — в немалой степени также определялся ее «кутузовским происхождением». Известно, как любил Пушкин узнавать исторические предания из уст живых свидетелей событий, лично знавших героев истории. А тут перед ним была дочь человека, чей образ всегда вызывал у поэта преклонение и патриотические чувства. Не случайно Пушкин послал Елизавете Михайловне стихотворение «Перед гробницею святой», прозрачно намекая на то, что в николаевской России нет человека, который мог

бы, подобно Кутузову, гордо пронести славу русского оружия, обнаженного ее великим отцом во имя справедливого дела:

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Рассказы Елизаветы Михайловны об отце и о событиях, в центре которых он стоял, были неоценимы для Пушкина.

Елизавета Михайловна и особенно ее дочь Долли, о которой еще расскажем, привезли с собой в Петербург горячую атмосферу бурлящей, готовой разразиться революциями Европы, чрезвычайно интересовавшей Пушкина. В письме Елизавете Михайловне из Москвы он как-то пожаловался, что не в состоянии жить «среди орангутангов», не обращающих внимания на окружающий мир. В этом отношении салоны Хитрово и Фикельмон были исключением: там собирались люди, осведомленные о европейских делах и заинтересованные (каждый по-своему, разумеется) в активной роли России в мировых событиях. У Елизаветы Михайловны и Фикельмонов, как писал Вяземский, «дипломаты и Пушкин были дома». Как ни дороги были поэту его «осенние досуги» в деревне, как ни любопытны литературные беседы у Карамзиных или общение с литературной молодежью у Плетнева, все же ему при его всеобъемлющем гении, огромном интересе к истории и современности необходимо было общение с людьми политически образованными. Эту возможность давала Пушкину семья Хитрово—Фикельмон. В ярких воспоминаниях Вяземского сказано об этом достаточно ясно (№ 21). Подчас избегая личных свиданий с Елизаветой Михайловной (№ 1, 2), Пушкин никогда не избегал салонов дочери и внучки Кутузова.

Трудно назвать какую-либо сторону жизни Пушкина в 30-х годах, в которой Елизавета Михайловна не играла бы или не пыталась играть роль доброго ангела-покровителя. Она помогала Пушкину получить хоть отчасти подходящую ему службу, а затем улаживала

А. А. ОЛЕНИНА.
Рисунок О. А. Кипренского.
1828 г.

Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН.
Литография с рисунка
Ф. Агриколы. 1838 г.

Е. М. ХИТРОВО.
Рисунок О. А. Кипренского.
1816—1817 гг.

А. О. СМЕРНОВА-РОССЕТ.
Художник А. Варнек.
Холст, масло. 1841 г.

Н. Н. ПУШКИНА.
Акварель А. П. Брюллова.
1832 г.

К. К. ДАНЗАС.
Рисунок неизвестного художника.
1830-е гг.

недоразумения, связанные с отставкой; храбро сражалась за его литературную репутацию и однажды даже попыталась выступить в защиту обруганной булгаринской шатией VII главы «Онегина»; снабжала Пушкина иностранными книгами и журналами, в том числе и нелегально ввезенными в Россию; опекала, пока это было нужно, в высшем свете жену Пушкина; сентиментально (до назойливости!) заботилась о его здоровье; успешно хлопотала об устройстве Льва Сергеевича в армию; тщетно пыталась по просьбе Пушкина помочь Анне Петровне Керн в имущественных делах; использовала свои немалые связи, чтобы добиться для Пушкина разрешения на издание журнала, помогала и «Литературной газете». Последнее ее «литературное вмешательство» в жизнь Пушкина относится к концу 1836 г. Елизавета Михайловна с негодованием отвела наветы на Пушкина, якобы унижившего ее отца в стихотворении «Полководец» (посвященном Барклаю де Толли). Она была способна стать выше толпы, не поддаваться на уловки тех, кто пытался поссорить ее с Пушкиным (№ 16).

Прочитайте, например, фрагмент письма Елизаветы Михайловны Пушкину от 18 марта 1830 г., и вы ощутите ту «судорожную нежность», которую она к нему испытывала (№ 4). В ответ Пушкин, добродушно посмеиваясь на ее счет с друзьями, писал ей серьезные письма, искренне благодарил, скажем, за драму Гюго «Эрнани», которую с помощью Хитрово получил одним из первых в России, и, даже отмахиваясь от ее любовных признаний, не собирался порывать с нею крепкой дружбы.

Вяземский заметил эту «двойственность» в отношениях Пушкина к Хитрово. «Скажи Пушкину, что он плут,— писал Вяземский жене в 1830 г.— Тебе говорит о своей досаде, жалуется на Эрминию*, а сам к ней пишет... Я на днях видел у нее письмо от него. Не прочел, но прочел на лице ее, что она довольна. Неужели в самом деле пишет она ему про *Любовь*?

---

* Пушкин и Вяземский называли Елизавету Михайловну Эрминией — по имени героини поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», безнадежно влюбленной в Танкреда. Эрминия все время тревожится за Танкреда, врачует его раны, прибегает к хитрости, чтобы добиться свидания с ним.

Или просто тут экзальтация...» По-видимому, и то и другое, но если Пушкин прощал Елизавете Михайловне эти крайности, то тем более простительны они в глазах потомков.

В июле 1830 г. Пушкин ненадолго приехал из Москвы в Петербург. «Александр был у Эрминии,— сообщала мать поэта его сестре,— а вчера был у нее в ложе». 10 августа Пушкин снова отправился в Москву, а вдогонку ему помчалось письмо Елизаветы Михайловны: «Вспомните ли вы хоть раз о фанатической старухе, которой суждено вскоре умереть от душевного страдания... Пришлите мне или поручите Льву прислать мне ваш адрес. Сущее наказание писать какому-то третьему лицу, когда сердце переполнено друзьями. У меня ужасный кашель, который начался в то время, когда вы пришли ко мне вчера. Я лелею его как драгоценное воспоминание!» Пушкин отвечал немедленно, сердечно благодаря за...! ту доброту, с которой Елизавета Михайловна посвящает его в европейские события. В ее письме и вправду было много полезной информации, остального он «не заметил». После женитьбы Пушкин пишет ей еще церемоннее, а Наталье Николаевне, например, в таком духе: «Да кланяйся и всем моим прелестям: Хитровой первой. Как она перенесла мое отсутствие? Надеюсь, с твердостью, достойной дочери князя Кутузова» (8 октября 1833 г.). Однако было бы ошибочно принимать шутки поэта за пренебрежение к женщине, которая столько для него сделала и так его любила. Он уважал Елизавету Михайловну за многое, она и ее дом составляли часть его жизни. Иногда у исследователей возникает соблазн соткать ткань их отношений исключительно из подтруниваний Пушкина и любовных мук Елизаветы Михайловны Хитрово, но документальный материал, в том числе и приводимый ниже, протестует против такой односторонности.

4 ноября 1836 г. Елизавета Михайловна получила по почте какой-то пакет. Она вскрыла его и, к своему удивлению, обнаружила в нем другой, адресованный Александру Сергеевичу Пушкину. Не зная, что в пакете, Елизавета Михайловна отослала его по адресу. Так поэт получил первый экземпляр мерзкого «диплома ордена рогоносцев», разосланного кем-то его друзь-

ям. В тот же день В. А. Соллогуб пришел к Пушкину с точно таким же и тоже нераспечатанным пакетом. Он вспоминал: «...я отправился к Пушкину и, не подозревая нисколько содержания приносимого мною гнусного пасквиля, передал его Пушкину. Пушкин сидел в своем кабинете. Распечатал конверт и тотчас сказал мне:— Я уж знаю, что такое: я такое письмо получил сегодня же от Елизаветы Михайловны Хитровой: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безыменным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой.

Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами».

К сожалению, письма этого не оказалось в тетрадке, найденной в 1925 г. Но ответное письмо Елизаветы Михайловны, то самое, что обнаружила Т. Г. Цявловская в 1961 г., сохранилось (№ 17). Трудно согласиться с толкованием его в том духе, будто Елизавете Михайловне было безразлично оскорбление, нанесенное Пушкину, и ее беспокоило только то, что она сама оказалась замешанной в это дело. Смысл письма, на наш взгляд, проще и обыденнее: Хитрово было нестерпимо больно, что удар обожаемому ею поэту нанесен как бы через ее посредство. Говоря о жене Пушкина, что «она ангел», Елизавета Михайловна, видимо, текстуально повторяет его пропавшее письмо, подтверждая тем самым и безукоризненную точность воспоминаний Соллогуба. Может быть, конечно, она и преувеличивала значение собственной персоны в этой истории, но уж никак нельзя сказать, что она осталась к Пушкину безучастной.

Елизавета Михайловна приезжала сразу после дуэли к раненому Пушкину и, рыдая, уехала: он не мог ее принять. Но 29 января она появилась снова, пробилась через толпу в прихожей, вошла, не спросив позволения, в кабинет Пушкина и упала на колени перед умирающим. Потом вместе с обеими дочерьми и зятем она присутствовала в Конюшенной церкви на отпевании поэта.

Ей пришлось вытерпеть и еще одну ужасную муку: нашлись клеветники, распространявшие слух, будто подметные письма вышли из дома Хитрово — Фикельмонов. Важными документами, окончательно «добивающими» эти слухи, являются последнее письмо Елизаветы Михайловны к Пушкину и дневник ее дочери. Но, как мы знаем, они были опубликованы лишь в XX веке.

Елизавета Михайловна пережила своего любимого поэта всего на два года. Могила ее — в Александро-Невской лавре. Не отличавшаяся ни изяществом фигуры, ни красотой лица («госпожа Хитрово была очень похожа лицом на фельдмаршала Кутузова», — заметил автор ее некролога), Елизавета Михайловна по доброте души и беззаветной преданности была одной из самых прекрасных женщин, встретившихся Пушкину на его жизненном пути.

Поэтесса Е. П. Ростопчина проводила ее в последний путь стихами:

Прощальный гимн воспойте ей, поэты!
В вас дар небес ценила, поняла
Она душой, святым огнем согретой,—
Она друг Пушкина была!

ДАРЬЯ ФЕДОРОВНА ФИКЕЛЬМОН.
(14.X.1804—10.IV.1863)

О детстве внучек Кутузова мы уже несколько слов сказали. Добавим только, что образование обе они по европейским меркам получили первоклассное. Их отличало блестящее знание нескольких языков и новой литературы, умение ориентироваться в истории и современной политике. К этому присоединялось еще и тонкое понимание музыки и театра. К сожалению, в отличие от своей матери ни русского языка, ни русской литературы, ни русских обычаев Долли Фикельмон, отправляясь в Петербург, почти не знала. И хотя в Петербурге у нее оказался неплохой учитель — знакомый Пушкина и Дельвига О. М. Сомов, вряд ли она могла свободно читать в подлиннике стихи Пушкина. А если и читала, то не могла наслаждаться их истинно русской красотой, выражающейся в нерасторжимом единстве содержания и формы.

Муж Дарьи Федоровны — военный, дипломат, а также и писатель К.-Л. Фикельмон, был старше ее на 27 лет. Это не помешало их долгой и дружной совместной жизни, основанной на душевном благородстве, чувстве долга и разнообразных общих интересах. В 20-х годах Фикельмон был австрийским представителем во Флоренции. Но вскоре после того, как мать и старшая сестра его жены уехали на родину, состоялось его назначение на пост австрийского посланника в Петербурге.

В июле 1829 г. Долли появилась в России и сразу же очаровала высшее петербургское общество. Но уже в 1823-м, когда вместе с матерью она побывала в Москве, ее приезд вызвал следующее замечание П. А. Вяземского в письме к А. И. Тургеневу: «И нашу старушку вскружила Фикельмон. Все бегает за ней; в саду дамы и мужчины толпятся вокруг нее... Впрочем, она в обращении очень мила». В сентябре 1829 г. для австрийского посольства был приготовлен дом Салтыковых (Дворцовая набережная, 4) *, и в Петербурге появился салон, не имевший себе равного по блестящему подбору гостей и, пожалуй, по очарованию хозяйки. Любопытно, что О. С. Павлищева считала Долли Фикельмон способной соперничать красотой с самой Натальей Николаевной Пушкиной!

Уже говорилось о той роли, которую играла для Пушкина возможность общения с кругом друзей и знакомых семьи Хитрово — Фикельмон. Разумеется, дипломатическая часть этого общения проходила в парадных апартаментах Долли — «посольши» или «посланницы», как называли ее в переписке Пушкин и Вяземский. Одним из первых контактов Долли Фикельмон и Пушкина была поездка в маскарадных костюмах по нескольким петербургским домам 12 января 1830 г. (об этом упоминалось в очерке об А. А. Олениной). После этого они встречались сравнительно часто — и в салоне у Фикельмонов, и на балах и раутах, и в домах некоторых знакомых.

Во всяком случае, в апреле 1830 г. они были знакомы уже достаточно близко для того, чтобы Долли

---

* Теперь там помещается Ленинградский институт культуры им. Н. К. Крупской.

написала уехавшему в Москву Пушкину и получила хоть и церемонный, но совершенно дружеский ответ (№ 7). И мать и дочь знали уже, что Пушкин отправляется из Петербурга для помолвки и последующей женитьбы. Приехав из Москвы с Натальей Николаевной 18 мая 1831 г., Пушкин пробыл в Петербурге лишь неделю, а затем на все лето уехал в Царское Село. Но Долли успела за эту неделю повидать Наталью Николаевну. Ее письма к Вяземскому о впечатлении, произведенном четой Пушкиных, многие пушкинисты считают удивительным и единственным в своем роде предвидением.

25 мая 1831 г. Долли писала Вяземскому: «Пушкин к нам приехал к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее; мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его прекрасное создание, но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья у такой молодой особы. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем. У Пушкина видны все порывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину еще только один раз». В декабре того же года, когда Долли познакомилась с женой поэта поближе, впечатление ее только усилилось. Она писала Вяземскому в Москву: «Пушкин у вас в Москве, жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность». Теперь, когда мы знаем последующие события, все эти замечания Дарьи Федоровны Фикельмон и в самом деле кажутся пророчеством. Но если стремиться к полной объективности, то придется признать, что она все-таки не совсем угадала: у Пушкиных были в их недолгом совместном будущем и тихие радости и относительное домашнее спокойствие; нельзя считать также, что «порывы страстей» поэта и «меланхолия отречения от себя» его жены, которые увидела в их лицах Долли Фикельмон, явились, так сказать, абсолютными факторами, определившими их судьбу. Конечно, Дарья Федоровна была человеком умным и проницательным, но для того, чтобы ее наблюдения оказались горьким пророчеством, понадобилось соединение мно-

жества объективных и случайных факторов и обстоятельств, которые она, конечно, не могла предвидеть.

Остальные отзывы Д. Ф. Фикельмон о Пушкине и его жене, а также ее полный сочувствия к судьбе поэта рассказ о его гибели частично приведены в подборках материалов к этому очерку (№ 19) и к очерку об Н. Н. Пушкиной.

Но каковы все же были отношения Пушкина и Долли Фикельмон? Ограничивались ли они обсуждением в салоне австрийского посла животрепещущих новостей политики и литературы? Добавлялась ли к этому только сочувственная симпатия графини Фикельмон к первому поэту и к одному из умнейших людей России? Или было нечто большее, на что намекают или прямо говорят биографы Пушкина, начиная с П. И. Бартенева? Прежде всего необходимо, вслед за Н. А. Раевским, заметить, что дневник Д. Ф. Фикельмон, при всей его информативности и важности для исследователей-пушкинистов, не отличается полной откровенностью. Жена австрийского посла была полной противоположностью своей матери, нередко готовой излить душу друзьям и не очень способной хранить тайны — по крайней мере свои собственные. Долли была замкнута, дипломатична и порой совершенно непроницаема. Это сказалось и в ее дневнике — в большей степени документе эпохи, чем отражении личной жизни автора.

В 1922 г. М. А. Цявловский опубликовал записи бесед П. И. Бартенева с Павлом Воиновичем Нащокиным, из которых можно сделать вывод, что Пушкин рассказывал ближайшему другу о любовном приключении, якобы бывшем у него с Долли в австрийском посольстве. В дальнейшем пушкинисты не раз «ломали копья», стараясь разгадать, в какой степени истинен рассказ Нащокина — Бартенева и в какой мере он действительно восходит к Пушкину. М. А. Цявловский считал эту историю доказанным фактом. Другой видный пушкинист, Л. П. Гроссман, видел в ней «устную новеллу» Пушкина, принятую его друзьями за реальный эпизод. Н. А. Раевский справедливо полагает, что Пушкин никогда бы не позволил себе подобной «устной новеллы» с конкретной, названной им героиней.

Но многие вопросы все же остаются открытыми. Назвал ли Пушкин графиню или имя ее «разгадал» Нащокин? Отдавая себе отчет в том, что поэт не мог скомпрометировать подобным рассказом полюбившую его женщину, как можем мы допустить, чтобы осторожная, обладавшая уже немалым жизненным опытом Долли пошла на риск полной компрометации своей и своего мужа — австрийского посланника? Во всей этой истории, по-видимому, нет ясности. Добавим еще, что и в самой «новелле» стиль Павла Воиновича Нащокина ощущается по меньшей мере в такой же степени, как стиль его великого друга. Но так ли это вообще важно? Ведь, кроме «любовной новеллы», других свидетельств интимных отношений Пушкина с Дарьей Федоровной фактически не существует. Автор книги «Портреты заговорили» блистательно доказал, что встреча Германна и графини в «Пиковой даме» происходит именно в особняке австрийского посольства на Дворцовой набережной. Однако автобиографический элемент этой сцены доказанным считать, на наш взгляд, нельзя. Быть может, глубокой взаимной симпатии, интеллектуального общения и близости мнений во многих вопросах достаточно для того, чтобы признать немалую роль семейства Хитрово — Фикельмон в жизни поэта?

Большой интерес представляют гипотезы пушкинистов о том, что Долли Фикельмон явилась прототипом «молодой величавой красавицы» в «Египетских ночах», выбравшей тему для импровизации, а также «княгини Д» в наброске «Мы проводили вечер на даче». С учетом всех особенностей роли прототипов в творчестве Пушкина эти гипотезы вполне вероятны...

В 1838 г. Дарья Федоровна Фикельмон навсегда покинула Россию. Муж ее до 1840 г. оставался в Петербурге, затем занимал различные дипломатические и министерские посты в Австрии и в Италии. В конце концов его приверженность к России стоила ему служебной карьеры: антирусская позиция правительства Австрии вынудила его уйти в отставку. В 1855 г. Фикельмоны окончательно поселились в Венеции. Там Дарья Федоровна и скончалась в 1863 г., за несколько месяцев до того, как в Петербурге умерла Наталья Николаевна Пушкина (Ланская).

Еще в 1841 г. по заказу Дарьи Федоровны было изготовлено и отправлено в Петербург надгробие из белого мрамора с барельефом Елизаветы Михайловны Хитрово.

Сестра Долли Екатерина Тизенгаузен осталась на родине, лишь иногда навещая сестру. Замуж она не вышла. Единственным близким для нее человеком был общий воспитанник славного «трио» (как называли Елизавету Михайловну с дочерьми) Ф. Эльстон. Семилетним мальчиком он был привезен в Россию в 1827 г. О происхождении его ходили самые различные слухи. Не исключено, что это был «незаконный» сын Екатерины Федоровны. Впоследствии потомки Ф. Эльстона породнились с семьей Юсуповых. Вот почему в особняке на набережной Мойки оказались письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, с которых мы начали наш рассказ.

Основная литература

Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. (Труды Пушкинского Дома. Выпуск XLVIII).— Л., 1927.

Н. А. Раевский. Портреты заговорили.— Алма-Ата, 1974 (1-е изд.).

Т. Г. Цявловская. Известные письма к Пушкину от Е. М. Хитрово.— В кн.: Прометей. Т. X. М., 1974.

И. Бочаров, Ю. Глушакова. Венецианская пушкиниана. М., 1982.

1

Не знаю, сударыня, как выразить вам всю свою благодарность за участие, которое вам угодно было проявить к моему здоровью; мне почти совестно чувствовать себя так хорошо. Одно крайне досадное обстоятельство лишает меня сегодня счастья быть у вас. Прошу принять мои сожаления и извинения, равно как и выражение моего глубокого уважения. (Франц.)

Пушкин — Е. М. Хитрово. 18 июля 1827.

2

Такой скучный больной, как я, вовсе не заслуживает столь любезной сиделки, как вы, сударыня. Но я весьма признателен вам за это чисто христианское и поистине очаровательное милосердие. Я в восхищении, что вы покровительствуете моему другу Онегину; ваше критическое замечание столь же справедливо, как и тонко, как всё, что вы говорите; я поспешил бы придти и выслушать все остальные, если бы не хромал еще немного и не боялся лестниц. Пока что я разрешаю себе бывать только в нижних этажах. (Франц.)

Пушкин — Е. М. Хитрово. 10 февраля 1828.

3

Боже мой, сударыня, бросая слова на ветер, я был далек от мысли вкладывать в них какие-нибудь неподобающие намеки. Но все вы таковы, и вот почему я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки!

С ними гораздо проще и удобнее. Я не прихожу к вам потому, что очень занят, могу выходить из дому лишь поздно вечером и мне надо повидать тысячу людей, которых я всё же не вижу.

Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть, я изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно, и наклонности у меня вполне мещанские. Я по горло сыт интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастье состоять в связи с остроумной, болезненной и страстной особой, которая доводит меня до бешенства, хоть я и люблю ее всем сердцем. Всего этого слишком достаточно для моих забот, а главное — для моего темперамента.

Вы не будете на меня сердиться за откровенность? не правда ли? Простите же мне слова, лишённые смысла, а главное — не имеющие к вам никакого отношения. (Франц.)

Пушкин — Е. М. Хитрово. Август (октябрь?) 1828.

4

Не успела я успокоиться относительно вашего пребывания в Москве, как мне приходится волноваться по поводу вашего здоровья — меня уверяют, что вы заболели в Торжке. Ваше бледное лицо — одно из последних впечатлений, оставшихся у меня в памяти. Я всё время вижу вас, стоящим в дверях. Предполагая увидеть вас на следующий день, я глядела на вас с радостью — но вы, бледный, взволнованный, вероятно, болью, которая, как вы знали, отзовется во мне в тот же вечер, — уже тогда вы заставили меня трепетать за ваше здоровье. Не знаю, к кому обратиться, чтобы узнать правду — я пишу вам уже в четвертый раз. Завтра будет две недели с тех пор, как вы уехали, — непостижимо, почему вы не написали ни слова. Вам слишком хорошо известна моя беспокойная, судорожная нежность. При вашем благородном характере вам не следовало бы оставлять меня без известий о себе. Запретите мне говорить вам о себе, но не лишайте

меня счастья быть вашим поверенным. Я буду говорить вам о большом свете, об иностранной литературе — о возможности перемены министерства во Франции,— увь, я у самого источника всех сведений, мне нехватает только счастья...

Несмотря на мою кротость, безобидность и смирение по отношению к вам (что возбуждает вашу антипатию),— подтверждайте хотя бы изредка получение моих писем. Я буду ликовать при виде одного лишь вашего почерка. Хочу еще узнать от вас самого, мой милый Пушкин,— неужели я осуждена на то, чтобы увидеть вас только через несколько месяцев.

Как много жестокого, раздирающего в одной этой мысли! А все-таки у меня есть внутреннее убеждение, что если бы вы знали, до какой степени мне необходимо вас увидеть, вы пожалели бы меня и вернулись бы на несколько дней! Спокойной ночи — я ужасно устала. (Франц.)

Е. М. Хитрово — Пушкину. 18 марта 1830.

5

Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве. Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи.

Пушкин — П. А. Вяземскому. Март 1830.

6

Велико было мое изумление, сударь, когда я вдруг прочла в сегодняшнем 35-м номере «Северной пчелы», что прелестная седьмая песнь «Онегина» — это пол-

ное падение. Как бы вам, несомненно, ни было неприятно напечатать в вашей газете мою статью, полагаю, что ваша беспристрастность обяжет вас к этому. Друзья г-на Пушкина будут, конечно, сетовать на меня за то, что я пытаюсь отразить эти новые выпады «Северной пчелы». Многие меня уверяли, что его благородному характеру свойственно презирать все прямые и *окольные* нападки. Я знаю также, что его блестящая литературная репутация слишком незыблема, чтобы ее что-либо могло поколебать.

Но что может помешать сказать правду мне, знающей г-на Пушкина лишь по его сочинениям? Меня окружают светские люди, и притом люди, чуждые литературных споров, и, следовательно, вполне беспристрастные, а потому меня чрезвычайно изумило то, о чем я прочла сегодня.

Еще вчера мои гости наперебой превозносили эту самую *седьмую песнь*. Восхищались гармоничностью стихов, описанием зимы, так волшебной изображенной, правдивостью характера *Онегина*, который считают списанным с натуры, характера *Тани*, который делается определенным — и ее печалью, и тем, как упорно она отказывается доверить что-либо своим кузинам, и как твердо сохраняет в потаенных глубинах сердца драгоценную, хотя и мучительную привязанность, — все свидетельствует о том, что отныне участь ее решена. Ее приезд в Москву, размышления автора о Петровском замке были оценены как имеющие величайшее значение. И в самом деле, у какого русского не забьется сердце при чтении этих строк:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

Что до сатирической стороны, то ее нашли исполненной истины и прелести. Словом, если совершенный успех называть *полным падением*, то «Северная пчела» совершенно права. Но когда в том же сегодняшнем номере этого листка я читаю такие же нападки на «Полтаву» — поэму, читанную и перечитанную всеми, которую почитают одним из самых прекрасных

творений нашего поэта, поэму, где каждый стих — это мысль, образ, совершенство, невольно начинаешь думать, что издатель «Северной пчелы» потешается над нами! Неужто пристрастие может заходить еще дальше!

Близкие друзья Александра Пушкина уверяют меня, что их никогда не удивляет красота его творений, которые являются только порождением его души. Один из них, весьма достойный молодой человек, не раз говаривал мне, что, если бы ему надо было доверить тайну или спросить совета, от которого зависела бы его жизнь, он без колебаний обратился бы к Александру Пушкину. Душа его, прибавил он, такая пламенная, такая чистая, что если и есть в нем недостатки, они не могут ни на минуту затмить оную!

*Письмо Е. М. Хитрово к неизвестному издателю.
22 марта 1830. (Черновое).*

7

Графиня,

С вашей стороны очень жестоко быть столь обаятельной и заставлять столь живо ощущать горесть оставаться вдали от вашего салона. Ради бога, графиня, не думайте, однако, что потребовалось неожиданное счастье получить от вас письмо, чтоб сожалеть о местах, которые вы украшаете. Я надеюсь, что нездоровье вашей матушки не имело последствий и не причиняет вам беспокойства. Я хотел бы уже быть у ваших ног и благодарить вас за ваше любезное воспоминание, но сроки моего возвращения еще очень неопределенны.

Разрешите ли вы мне сказать вам, графиня, что ваши упреки настолько же несправедливы, насколько ваше письмо обольстительно. Поверьте, что я останусь всегда самым искренним поклонником вашего очарования, столь простого, вашего разговора, столь приветливого и столь увлекательного, хотя вы имеете

несчастье быть самой блестящей из наших светских дам.

Примите еще раз, графиня, дань моей благодарности и моего глубокого почтения. (*Франц.*)

Пушкин — Д. Ф. Фикельмон. 25 апреля 1830.

8

Я считаю обязательным, чтобы вы написали мне о получении этого письма — впредь у вас не будет более причин для отговорок. Я не имею для вас никакого значения. Расскажите мне о своей женитьбе, о планах на будущее. Все разъезжаются, а хорошей погоды всё нет. Долли и Катрин просят передать вам, что вы можете рассчитывать на них, чтобы ввести вашу Наталью в свет. (*Франц.*)

Е. М. Хитрово — Пушкину. 9 мая 1830.

9

Я боюсь за вас: меня страшит прозаическая сторона брака! Кроме того, я всегда считала, что гению придает силы лишь полная независимость, и развитию его способствует ряд несчастий, — что полное счастье, прочное, продолжительное и, в конце концов, немного однообразное, убивает способности, прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки, чем в великого поэта! И, может быть, именно это — после личной боли — поразило меня больше всего в первый момент...

Я говорила вам, что бог дал мне сердце, чуждое всякого эгоизма. Я размышляла, боролась с собой, страдала, — и вот, я уже дошла до того, что желаю, чтобы вы скорее женились, — поселились со своей прекрасной и очаровательной женой в деревянном, очень чистеньком домике, по вечерам ходили бы к тетушкам играть с ними в карты, возвращались домой

счастливым, спокойным и исполненным благодарности к провидению за дарованное вам *сокровище*, — чтобы вы забыли прошлое, а будущее ваше принадлежало всецело вашей жене и детям!..

Отныне — мое сердце, мои сокровенные мысли станут для вас непроницаемой тайной, а письма мои будут такими, какими им следует быть — океан ляжет между вами и мною — но *раньше* или *позже* — вы всегда найдете во мне для себя — для вашей жены и ваших детей — друга, подобного скале, о которую всё будет разбиваться. — Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть, располагайте мною во всем без стеснения. Обладая характером, готовым для других пойти на всё, я драгоценный человек для своих друзей — я ни с чем не считаюсь, езжу разговаривать с высокопоставленными лицами — не падаю духом, еду опять — время, обстоятельства — ничто меня не пугает. Усталость сердца не отражается на моем теле — я ничего не боюсь — я многое понимаю, и моя готовность услужить другим является в такой же мере даром небес, как и следствием положения в свете моего отца и чувствительного воспитания, в котором всё было основано на необходимости быть полезной другим!

Утопив в слезах мою любовь к вам, я всё же останусь тем же страстно любящим, кротким и безобидным существом, которое готово пойти за вас в огонь и в воду — ибо так я люблю даже тех, кого люблю мало! (*Франц.*)

Е. М. Хитрово — Пушкину. Середина мая. 1830.

Прежде всего позвольте, сударыня, поблагодарить вас за «Эрнани». Это одно из современных произведений, которое я прочел с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв — бесспорно, единственные француз-

ские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв, и, к слову сказать, если в Петербурге возможно достать его «Утешения», сделайте доброе дело и, ради бога, пришлите их мне.

Что касается моей женитьбы, то ваши соображения по этому поводу были бы совершенно справедливыми, если бы вы менее поэтически судили обо мне самом. Дело в том, что я человек средней руки, и ничего не имею против того, чтобы прибавлять жиру и быть счастливым,— первое легче второго. (Извините, сударыня: я заметил, что начал писать на разорванном листе, у меня нет терпения начать сызнава.)

С вашей стороны очень любезно, сударыня, принимать участие в моем положении по отношению к хозяину. Но какое же место, по-вашему, я могу занять при нем? Не вижу ни одного подходящего. Я питаю отвращение к делам и к *бумагам*, как выражается граф Ланжерон. Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что стал бы я делать при дворе? Мне не позволяют этого ни мои средства, ни занятия. Родным моей жены очень мало дела и до нее и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я никогда не изменю их. (*Франц.*)

Пушкин — Е. М. Хитрово. 19—24 мая 1830.

11

Мой отец только что переслал мне письмо, которое вы адресовали мне в деревню. Вы должны быть уверены в моей признательности, так же как я уверен в участии, которое вы изволите принимать в моей судьбе. Поэтому я не буду говорить вам об этом, сударыня. Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям... (*Франц.*)

Пушкин — Е. М. Хитрово. 11 декабря 1830.

12

Большое счастье для вас, сударыня, иметь душу, способную всё понять и всем интересоваться. Волнение, проявляемое вами по поводу смерти поэта в то время, как вся Европа содрогается, есть лучшее доказательство этой всеобъемлемости чувства. Будь вдова моего друга в бедственном положении, поверьте, сударыня, я обратился бы за помощью только к вам. Но Дельвиг оставил двух братьев, для которых он был единственной опорой: нельзя ли определить их в Пажеский корпус?..<...>

Вы говорите об успехе Бориса Годунова: право, я не могу этому поверить. Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году — и потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет. Впрочем, всё хорошее в ней до такой степени мало пригодно для того, чтобы поразить почтенную публику (то-есть ту чернь, которая нас судит), и раскритиковать меня вполне основательно так легко, что я думал доставить удовольствие лишь дуракам, которые могли бы поострить на мой счет. (Франц.)

Пушкин — Е. М. Хитрово. Около 9 февраля 1831.

13

Я была очень счастлива свидеться с нашим общим другом. Я нахожу, что он много выиграл в умственном отношении и относительно разговора. Жена очень хороша и кажется безобидной.

Е. М. Хитрово — П. А. Вяземскому. Май 1831.

14

Мне очень досадно, что я не могу провести вечер у вас. Вещь очень скучная, то-есть обязанность заставляет меня идти зевать сам не знаю, куда. Вот,

сударыня, книги, которые вы были так добры одолжить мне. Легко понять ваше восхищение «Собором Богоматери». Во всем этом вымысле очень много изящества. Но, но... я не смею высказать всего, что о ней думаю. Во всяком случае, падение священника со всех точек зрения великолепно, от него дух захватывает. «Красное и черное» хороший роман, несмотря на фальшивую риторику в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса. (Франц.)

Пушкин — Е. М. Хитрово. Начало июня 1831.

15

Свистунов сказал мне, что увидит вас сегодня вечером; пользуюсь случаем, сударыня, чтобы просить вас об одном одолжении; я предпринял исследование французской революции; покорнейше прошу вас, если возможно, прислать мне Тьера и Минье. Оба эти сочинения запрещены. У меня здесь есть только «*Мемуары, относящиеся к революции*». На днях я рассчитываю на несколько часов приехать в Петербург. Я воспользуюсь этим, чтобы явиться на Черную речку. (Франц.)

Пушкин — Е. М. Хитрово. Июнь 1831.

16

Я только что узнала, что цензурой пропущена статья, направленная против вашего стихотворения, дорогой друг. Особа, написавшая ее, *разъярена на меня* и ни за что не хотела *показать* ее, ни *взять её обратно*. Меня не перестают терзать за вашу элегию — я настоящая мученица, дорогой Пушкин; но я вас люблю за это еще больше и верю в ваше восхищение нашим героем и в вашу симпатию ко мне!

Бедный Чедаев. Он, должно быть, очень несчастен от того, что накопил в себе столько ненависти к своей стране и к своим соотечественникам. (Франц.)

Элиза Хитрова урожденная княжна Кутузова-Смоленская.

Е. М. Хитрово — Пушкину. 4 ноября 1836.

17

Нет, дорогой друг мой, для меня это настоящий позор — уверяю вас, что я вся в слезах — мне казалось, что я достаточно сделала добра в жизни, чтобы не быть впутанной в столь ужасную клевету! На коленях прошу вас не говорить никому об этом глупом происшествии.

Я поражена, что у меня нашелся столь жестокий враг. Что до вашей жены, дорогой Пушкин, то она ангел, и на нее напали лишь для того, чтобы заставить меня сыграть роль посредника и этим ранить меня в самое сердце!

Элиза Х.

Е. М. Хитрово — Пушкину. 5 (?) ноября 1836.

18

Мы провели очаровательный вечер у австрийского посла: этот вечер напомнил мне самые интимные салоны Парижа. Составился кружок из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского министра и вашего покорнейшего слуги. Мы беседовали, что очень редко в настоящее время. Беседа была разнообразной, блестящей и очень интересной, так как Барант рассказывал нам пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он прочел; Вяземский вносил свою часть, говоря свои острые словечки, достойные его оригинального ума. Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты Петра I и Екатерины II, и на этот раз я тоже был на высоте этих корифеев литературных салонов...

А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову. Январь 1837.

1829. 10 декабря. Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом — без притязаний, с увлечением и огнем; невозможно быть более некрасивым — это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах и что-то дикое во взгляде...

1830. 11 августа. Вяземский уехал в Москву и с ним Пушкин, писатель; он приезжал сюда на некоторое время, чтобы устроить дела, а теперь возвращается, чтобы жениться. Никогда еще он не был таким любезным, таким полным оживления и веселости в разговоре — невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться.

1831. 21 мая. Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену, но не хочет еще ее показывать. Я видела ее у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, тонкие черты, красивые черные волосы. Он очень в нее влюблен, рядом с ней его уродливость еще более поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым, его разговор так интересен, сверкающий умом, без всякого педантизма.

1837. 29 января. Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы! И какая печальная и мучительная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный, сияющий светоч, которому как будто предназначено было все сильнее и сильнее освещать все, что его окружало, и который, казалось, имел перед собой еще долгие годы!

Александр Пушкин, вопреки советам всех своих друзей, пять лет тому назад вступил в брак, женив-

---

* Из «Дневника» Д. Ф. Фикельмон.

шись на Наталье Гончаровой, совсем юной, без состояния и необыкновенно красивой. С очень поэтической внешностью, но с заурядным умом и характером она с самого начала заняла в свете место, подобавшее такой неоспоримой красавице. Многие несли к ее ногам дань своего восхищения, но она любила мужа и казалась счастливой в своей семейной жизни. Она веселилась от души и без всякого кокетства, пока один француз по фамилии Дантес, кавалергардский офицер, усыновленный голландским посланником Геккерном, не начал за ней ухаживать. Он был влюблен в течение года, как это бывает позволительно всякому молодому человеку, живо ею восхищаясь, но ведя себя сдержанно и не бывая у них в доме. Но он постоянно встречал ее в свете, и вскоре в тесном дружеском кругу стал более открыто проявлять свою любовь. Одна из сестер госпожи Пушкиной, к несчастью, влюбилась в него, и, быть может, увлеченная своей любовью, забывая о всем том, что могло из-за этого произойти для ее сестры, эта молодая особа учащала возможности встреч с Дантесом; наконец все мы видели, как росла и усиливалась эта губительная гроза! То ли одно тщеславие госпожи Пушкиной было польщено и возбуждено, то ли Дантес действительно тронул и смутил ее сердце, как бы то ни было, она не могла больше отвергать или останавливать проявления этой необузданной любви. Вскоре Дантес, забывая всякую деликатность благоразумного человека, вопреки всем светским приличиям, обнаружил на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине. Казалось при этом, что она бледнеет и трепещет под его взглядами, но было очевидно, что она совершенно потеряла способность обуздывать этого человека и он был решителен в намерении довести ее до крайности. Пушкин тогда совершил большую ошибку, разрешая своей молодой и очень красивой жене выезжать в свет без него. Его доверие к ней было безгранично, тем более что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса — большая,

ужасная неосторожности! Семейное счастье начало уже нарушаться, когда чья-то гнусная рука направила мужу анонимные письма, оскорбительные и ужасные, в которых ему сообщались все дурные слухи, и имена его жены и Дантеса были соединены с самой едкой, самой жестокой иронией. Пушкин, глубоко оскорбленный, понял, что, как бы он лично ни был уверен и убежден в невинности своей жены, она была виновна в глазах общества, в особенности того общества, которому его имя дорого и ценно. Большой свет видел все и мог считать, что само поведение Дантеса было верным доказательством невинности госпожи Пушкиной, но десяток других петербургских кругов, гораздо более значительных в его глазах, потому что там были его друзья, его сотрудники и, наконец, его читатели, считали ее виновной и бросали в нее камни. Он написал Дантесу, требуя от него объяснений по поводу его оскорбительного поведения. Единственный ответ, который он получил, заключался в том, что он ошибается, так же как и другие, и что все стремления Дантеса направлены только к девице Гончаровой, свояченице Пушкина. Геккерн сам приехал просить ее руки для своего приемного сына. Так как молодая особа сразу приняла это предложение, Пушкину нечего было больше сказать, но он решительно заявил, что никогда не примет у себя в доме мужа своей свояченицы. Общество с удивлением и недоверием узнало об этом неожиданном браке. Сразу стали заключаться пари в том, что вряд ли он состоится и что это не что иное, как увертка. Однако Пушкин казался очень довольным и удовлетворенным. Он всюду вывозил свою жену: на балы, в театр, ко двору, и теперь бедная женщина оказалась в самом фальшивом положении. Не смея заговорить со своим будущим зятем, не смея поднять на него глаза, наблюдаемая всем обществом, она постоянно трепетала; не желая верить, что Дантес предпочел ей сестру, она по наивности, или, скорее, по своей удивительной простоте, спорила с мужем о возможности такой перемены в сердце, любовью которого она дорожила, быть может,

только из одного тщеславия. Пушкин не хотел присутствовать на свадьбе своей свояченицы, ни видеть их после нее, но общие друзья, весьма неосторожные, надеясь привести их к примирению, или хотя бы к сближению, почти ежедневно сводили их вместе. Вскоре Дантес, хотя и женатый, возобновил прежние приемы, прежние преследования. Наконец, на одном балу, он так скомпрометировал госпожу Пушкину своими взглядами и намеками, что все ужаснулись, а решение Пушкина было с тех пор принято окончательно. Чаша переполнилась, больше не было никакого средства остановить несчастье. На следующий же день он написал Геккерну-отцу, обвиняя его в сообщничестве, и вызвал его в весьма оскорбительных выражениях. Ответил ему Дантес, приняв на себя вызов за своего приемного отца. Этого-то и хотел Пушкин. В несколько часов все было устроено: г. д'Аршиак из французского посольства стал секундантом Дантеса, а бывший школьный товарищ Пушкина по фамилии Данзас — его секундантом. Все четверо поехали на острова, и там, среди глубокого снега, в пять часов пополудни состоялась эта ужасная дуэль. Дантес выстрелил первый, Пушкин, смертельно раненный, упал, но все же имел силы целиться в течение нескольких секунд и выстрелить в него. Он ранил Дантеса в руку, видел, как тот пошатнулся, и спросил: «Он убит?» — «Нет», — ответили ему. «Ну, тогда придется начать все снова». Его перевезли домой, куда он прибыл, чувствуя себя еще довольно крепким. Он попросил жену, которая подошла к двери, оставить его ненадолго одного. Послали за докторами. Когда они прозондировали рану, он захотел узнать, смертельна ли она. Ему ответили, что на сохранение его жизни очень мало надежды. Тогда он послал за своими близкими друзьями: Жуковским, Вяземским, Тургеневым и некоторыми другими. Он написал императору, поручая ему свою жену и детей. После этого он разрешил войти своей глубоко несчастной жене, которая не хотела ни поверить своему горю, ни понять его. Он повторял ей тысячу раз, и все с возрастающей нежностью, что

считает ее чистой и невинной, что должен был отомстить за свою поруганную честь, но что он сам никогда не сомневался ни в ее любви, ни в ее добродетели. Когда пришел священник, он исповедался и исполнил все, что полагалось. Император, всегда великодушный и благородный в тех случаях, где нужно сердце, написал ему эти драгоценные строки: «Я тебя прощаю. Если нам не суждено больше увидеться на этой земле, утешь меня, умри христианином и исполни свой последний долг. Что касается твоей жены и детей, будь спокоен — они будут моими». Пушкин, которого так часто упрекали в либерализме, в революционном духе, поцеловал это письмо императора и велел ему сказать, что он умирает с сожалением, так как хотел бы жить, чтобы быть его поэтом и историком! Агония продолжалась 36 часов. В течение этих ужасных часов он ни на минуту не терял сознания. Его ум оставался светлым, ясным, спокойным. Он говорил о дуэли только для того, чтобы получить от своего секунданта обещание не мстить за него и чтобы передать своим отсутствующим шурьям запрещение драться с Дантесом. К тому же все, что он сказал своей жене, было ласково, нежно, утешительно. Он ни от кого ничего не принимал, кроме как из ее рук. Обернувшись к своим книгам, он им сказал: «Прощайте, друзья!» Наконец он как бы заснул, произнеся слово «Кончина!»—«Все кончено». Жуковский, который любил его, как отец, и все эти часы сидел около него, рассказывает, что в это последнее мгновение лицо Пушкина как бы озарилось новым светом, а в серьезном выражении его лица было словно удивление, точно он увидел нечто великое, неожиданное и прекрасное. Эта очень поэтическая мысль достойна чистой, невинной, глубоко верующей, ясной души Жуковского!

Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние. Император был великолепен во всем, что он сделал для этой несчастной семьи.

Самой оживленной, самой «эклектической», чтобы выразиться модным словом, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рождению не принадлежали к петербургской знати, но доблестное положение, которое занял в истории России фельд-маршал, выдвинуло их на первое место. У Кутузова было пять дочерей. Самую из них известной и самую привлекательной была, разумеется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранником, что в те времена была большая редкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особенным умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встречается в настоящих больших барынях. В ее салоне, кроме представителей большого света, ежедневно можно было встретить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединского-Мелецкого и двух-трех других тогдашних модных литераторов. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала следующий анекдот. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне; когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть, г-жа Хитрово останавливала его: «Нет, не садитесь на это кресло, это Пушкина,— говорила она,— нет, не на диван — это место Жуковского; нет, не на этот стул — это стул Гоголя,— садитесь ко мне на кровать: это место всех!»

В. А. Соллогуб. Воспоминания.

В летописях петербургского общежития имя Е. М. Хитрово осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет. Утра ее

(впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмон, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная — имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площадях. Так и в двух этих салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут обозрение и текущих событий, был и *premier* * *Petersbourg* с суждениями своими, а иногда и осуждениями, был и легкий фельетон, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, — эта всемирная, изустная разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вежливая и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах! Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок, система *free trade* **, приложенная к разговору. Не то что в других обществах, в которых задирчиво и стеснительно господствует запретительная система: прежде, чем выпустить свой товар, свою мысль, справляешься с тарифом; везде заставы и таможни.

В числе сердечных качеств, отличавших Елизавету Михайловну Хитрово, едва ли не первое место должно занять, что она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить немудрено, но в ней дружба возвышалась до степени

* «весь цвет Петербурга» (фр.).

** свободная торговля (англ.).

доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала их, не жалея себя, не опасаясь за себя неблагоприятных последствий, личных жертвований от этой битвы не за себя, а за другого. Несчастная смерть Пушкина, окруженная печальной и загадочною обстановкою, породила много толков в петербургском обществе, она сделалась каким-то интернациональным вопросом. Вообще жалели о жертве, но были и такие, которые прибегали к обстоятельствам, облегчающим вину виновника этой смерти, и если не совершенно оправдывали его (или, правильнее, их), то были за них ходатаями. Известно, что тут замешано было и дипломатическое лицо. Тайна безымянных писем, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрения почти неопровержимые, но нет положительных юридических улик. Хотя Елизавета Михайловна по семейным связям своим и примыкала к дипломатической среде, но здесь она безусловно и исключительно была на русской стороне. В Пушкине глубоко оплакивала она друга и славу России.

Помню, что при возвращении из-за границы в Петербург, при выходе моем с парохода на берег, узнал я о недавней кончине Елизаветы Михайловны. Грустно было первое впечатление, приветствовавшее меня на родине: не стало у меня внимательной, доброй приятельницы; вырвано главное звено, которым держалась золотая цепь, связывающая сочувственный и дружеский кружок; опустел, замер один из петербургских салонов, и так уже редких в то время.

П. А. Вяземский. Старая записная книжка.

О ней написаны научные труды и мемуары; популярные очерки и эмоциональные эссе; романы и повести; рассказы и драмы; а стихов за полтора века сочинено о ней столько, что не скоро все отыщешь и перечесть. И все же есть ли среди этого многообразия книга, где была бы сказана *истина* о жене поэта? Да, такая книга есть, и ее можно, положив руку на сердце, рекомендовать читателям. Эта книга — письма Александра Сергеевича Пушкина.

Сколько людей — среди них и друзья поэта, в том числе некоторые из тех, о ком мы рассказали, — беспощадно и жестоко осуждали Наталью Николаевну! Сколько людей неуклюже и снисходительно «защищали ее», с легкостью присвоив себе это право! Создается впечатление, что Пушкин предвидел будущее и заранее отвел все поклепы и благоглупости. Впрочем, это не впечатление, а факт, ибо, умирая, Пушкин утешил ее: «Будь спокойна, ты невинна в этом». А врачу он сказал: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском». Как вспоминала Е. А. Мещерская, «посреди самых ужасных физических страданий Пушкин думал только о жене и о том, что она должна была чувствовать по его вине. В каждом промежутке между приступами мучительной боли он ее призывал, старался утешить, повторял, что считает ее неповинною в своей смерти и что ни-

когда, ни на одну минуту не лишал ее своего доверия и любви». Но много раньше, в письмах к жене, Пушкин ответил будущим ее «прокурорам» и «адвокатам».

Софья Николаевна Карамзина в 1837 г. сетовала: «Наш добрый, наш великий Пушкин *должен был бы* иметь совсем другую жену» (см. Т. I, «Семья Карамзиных»). Пушкин ответил ей еще в 1834 г. в письме к Наталье Николаевне: «Я *должен был* на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив».

Сергей Александрович Соболевский сурово обвинял Наталью Николаевну в легкомыслии или, коротко говоря, в том, что, разорив мужа, она способна разорить и детей (см. раздел «С. А. Соболевский», № 11). Пушкин возразил еще до своей женитьбы: «Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, все, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование». Пушкин выполнил свое обещание, и ни у кого нет права его судить за это.

Евпраксия Николаевна Вревская недоумевала и несколько злословила по тому поводу, что Наталья Николаевна якобы «не слишком переживает» смерть Пушкина (см. «Семья Осиповых-Вульф», № 47—49). Ответом на невольную бестактность служат, например, слова В. Ф. Вяземской о том, что она «не может забыть страданий Натальи Николаевны в предсмертные дни ее мужа. Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после, начинаясь обыкновенно в 11 часов вечера». Прочитайте еще воспоминания о поздних годах Натальи Николаевны, которыми заканчивается подборка документов (№ 102), и вы убедитесь, как опасны скороспелые, необдуманные и трафаретные выводы.

Петр Андреевич Вяземский писал одной из своих корреспонденток: «Пушкин был прежде всего жертвою (будь сказано между нами) бестактности своей жены и ее неумения вести себя...» Но еще в 1834 г. Пушкин в письме к жене великой силой любви поста-

вил подобные рассуждения и осуждения как бы вне морального закона: «Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобой в разлуке так же глупо, как и тяжело».

Дарья Федоровна Фикельмон через четыре года после смерти Пушкина писала сестре из Вены в Москву: «По-видимому, г-жа Пушкина снова появляется на балах. Не находишь ли ты, что она могла бы воздержаться от этого? Она стала вдовою вследствие такой ужасной трагедии, и ведь она была ее причиною, хотя и невинною». И такой «поворот обвинений» (правда, неожиданный в устах умной и чуждой предвзятости Долли Фикельмон) Пушкин тоже предусмотрел. Прощаясь с женою, он сказал ей: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

Пушкин в письмах сделал, кажется, невозможное. Он опроверг и хулителей своей жены из будущих поколений, угадав «направление удара». Даже Марина Ивановна Цветаева, в ослеплении любви к Пушкину, боли и обиды за него, оказалась в стане «врагов» Натальи Николаевны. Цветаева писала: «Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая как меч. И — сразила». Странно, как можно, прочитав письма Пушкина, не понять, что любовь, поднявшаяся до такой высоты, не может не быть взаимной! Но Пушкин «ответил Цветаевой» письмом к жене 21 августа 1833 г.: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица».

Поистине у Натальи Николаевны Пушкиной был один, но самый могущественный покровитель. Он позаботился о том, чтобы камения, в нее брошенные, упали, не долетев. Он оборонил ее надежно, безоговорочно и навсегда.

* * *

Наталья Гончарова родилась в самое тяжелое время Отечественной войны 1812 года. Война вынудила ее семью покинуть Калужское имение Полотняный

Завод (в октябре в доме Гончаровых расположился штаб Кутузова) и уехать в поместье Кариан Тамбовской губернии. Там и появилась на свет третья дочь Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича Гончаровых Наталья Николаевна — Таша, как называли ее домашние.

Летом 1813 г. Гончаровы с детьми жили уже снова в Полотняном Заводе. А потом случилось вот что: вся семья перебралась в Москву, а любимицу деда — Афанасия Николаевича Гончарова — Ташеньку, вняв его просьбе, оставили в Заводе. Там, на приволье, она и росла лет пять или шесть. Впечатления детства не забываются, и многое, что с самого начала, еще до пушкинского влияния, отличало Натали от жеманных «московских барышень», которых Пушкин не жаловал, пошло оттуда — с первых детских лет.

Родители взяли Ташу в Москву, и вольное, спокойное житье кончилось. Дальше годы пошли тяжелые, недобрые. Отца ее терзала неизлечимая душевная болезнь — «травматического происхождения», как сказали бы теперь медики. Мать, и до того не отличавшаяся ровным характером и мягким нравом, после несчастья, случившегося с мужем, стала истеричной и даже, порой, жестокой к детям. Все они, дочери — в особенности, боялись мать и лишнего слова не решались вымолвить в ее присутствии. Может быть, это и привело к некоторой замкнутости Натальи Николаевны, к ее неумению мгновенно включаться в светскую беседу, блестящими мастерицами которой были, скажем, Россет-Смирнова или Долли Фикельмон.

Однако образование дети Гончаровых получили неплохое. Разговоры о том, что Натали до свадьбы не слыхивала о стихах Пушкина и вообще ничего не знала, кроме фигур в танцах и французского языка, неосновательны. В доме на Большой Никитской изучали российскую и всемирную историю, русскую словесность, географию, немецкий и английский языки. Даже стихи друг другу в альбомы писали.

Пушкин увидел Натали на балу у танцмейстера Иогеля, в доме на Тверском бульваре, зимой 1828 — 1829 гг. Ей тогда минуло 16 лет. В белом, воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в первый вечер их знакомства поразила Пушкина царственной,

гармонической, одухотворенной красотой, прекраснее которой для него ничего не было. Он потерял покой, «голова пошла кругом», как он признавался. Ни остроумие и самоотверженная преданность Екатерины Ушаковой, ни изящество Анны Олениной и «детская простота» во взоре ее не могли отвлечь Пушкина от Натальи Гончаровой. Два года, переходя от отчаяния к надежде, осаждал Пушкин «неприступный Карс» *. Он боролся за свое будущее счастье и победил.

Пушкин не сразу отважился появиться в доме Гончаровых; «первый раз в жизни я был робок», — сознавался он. Ввел Пушкина в гостиную Гончаровых старый знакомый Федор Иванович Толстой, скоро ставший его сватом. Пушкину не отказали, но и согласия не дали. Наталья Ивановна была наслышана о его политической «неблагонадежности» и вдобавок опасалась, что жених потребует приданого, а его не было. В конце концов пришлось Пушкину писать к Бенкендорфу, чтобы тот подтвердил отсутствие политических претензий к поэту. По логике «жёнится — остепенится» такое подтверждение было получено. От каких бы то ни было капиталов за невестой Пушкин не только отказался, но и сам дал будущей теще 11 тысяч на шитье приданого. В начале апреля 1830 г. согласие матери Натальи Николаевны было завоевано.

Когда порой пишут, что Натали даже не была увлечена Пушкиным до свадьбы, что она подчинилась решению матери — лишь бы выскользнуть из родительского дома, то ни на какие документальные доказательства не опираются. Между тем есть документ, подтверждающий, что безразличия сердца не было с ее стороны. 5 мая 1830 г. Натали писала нежно любившему ее деду:

«Любезный дедушка!

Узнав... сомнения ваши, спешу опровергнуть оные и уверить вас, что все то, что сделала маменька, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не ве-

---

* См. очерк «Е. Н. Ушакова».

рить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма и что вы согласитесь составить мое счастье, целую ручки ваши и остаюсь навсегда покорная внучка ваша

Наталья Гончарова».

Как видно, Наталья Николаевна первая защитила Пушкина от клеветы. Ему ли было не стоять за ее честь насмерть — что бы потом ни случилось? Современница, видевшая их вместе в 1830 г., отмечала, что юная Гончарова кажется увлеченной своим женихом (№ 94).

Между тем Пушкин испытывал колебания. Он сделал все, что он него требовалось: получил нелепое свидетельство благонадежности от Бенкендорфа; заочное благословение родителей и даже имущественный дар от отца (часть нижегородского имения); добыл деньги на приданое невесте. Но мучительные сомнения одолевали его: Натали было 18 лет, Александру Сергеевичу — 31; он знал, что разум его и все силы души будут отданы творческому труду до последнего часа; он был не богат, скорее даже — беден; будет ли она с ним счастлива? Этим настроением Пушкина и объясняется появление поразительного документа — письма его Наталии Ивановне Гончаровой от 5 апреля 1830 г. (№ 5).

Тогда же, в мае 1830 г., был написан неоконченный отрывок «Участь моя решена...» с «хитрым» подзаголовком — *с французского*. Это произведение художественное, и поэтому мы не вводим его в документальную подборку. Однако оно автобиографично — в той мере, в какой автобиографичны самые личные, самые сокровенные сочинения Пушкина. Прочсть его иначе, вне судьбы поэта, невозможно:

«Участь моя решена. Я женюсь...

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, — боже мой — она... почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание послед-

ней заматавшейся карты, угрыzenie совести, сон перед поединком — всё это в сравнении с ним ничего не значит<...>

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечною, прихотливою независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того не полную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?».

Сон перед поединком!.. На «мальчишнике», который устраивал Пушкин накануне свадьбы, он был мрачен. Все заметили это, и многие предрекали несчастливый брак. И ошиблись.

* * *

Пушкин был счастлив в семейной жизни. Сомневающимся вновь адресуем к его письмам. За шесть лет, которые они прожили вместе, Наталья Николаевна родила четверых детей. Муж ее проводил годы в непрестанных заботах, напряженных трудах, необходимых разъездах. Порой он ласково пенял жене: «Смотри, женка. Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня—искокетничаешься». Или: «не страшай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить». Бывало, не мог скрыть огорчения: «нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства». Случалось даже, что делал настоящие выговоры, сразу, правда спохватываясь: «...хоть я в тебе и уверен, но не должно свету подавать повод к сплетням. Вследствие сего деру тебя за ухо и целую нежно, как будто ни в чем не бывало». И еще: «Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет». Писем Натальи Николаевны к Пушкину у нас нет, однако по его частым оправданиям видно, что и жена его была ревнива: то и дело не совсем уж без оснований упрекала его в «волокитестве». Но в каких семьях этого не бывало — в пушкинское время, разумеется?

Однако неизмеримо больше в письмах Пушкина к

жене совсем других речей. «Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу»,— признается поэт, умевший выражать в своих произведениях тончайшие оттенки чувств; «не можешь вообразить какая тоска без тебя»,— печалится он; «я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя!»,— тревожится в другом письме; «Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя»,— жалуется снова. 26 августа 1833 г. Пушкин пишет: «Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи». Обратите внимание, как он каламбурит с Натальей Николаевной («твоего ангела, мой ангел», «заочно — в очи»). Так можно обращаться к тому, кто на лету схватит каламбур. Оказывается, Пушкин писал так не только к остроумцам вроде Вяземского или Соболевского! И все-таки письма надо читать внимательно — одно за другим. Выдержки, даже и пространные, как в нашей подборке, не передают всей нежности и любви, которая царила в этом обыкновенном необыкновенном семействе.

Верный признак семейственного спокойствия, в котором склонны были отказывать Пушкиным многие, изучавшие их короткую супружескую жизнь,— общая забота и тревога о детях. Писем матери семейства нет — иначе мы бы получили тьму доказательств такой совместной заботы. Но и в письмах отца их предостаточно. 22 сентября 1832 г. Пушкин беспокоится о дочери-первенце: «А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский?» *. 2 октября 1833 г., работая в Болдине, места себе не находит: «Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь». 11 октября 1833 г.— снова о Маше: «Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки?» Но тут же теперь и о старшем сыне: «Саше подсвистываю». 21 октября 1833 г.: «Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы! — а каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? не ожидал я этого от него. Машку, Сашку рыжего и тебя целую и крещу». 18 мая 1834 г., накануне Машиного двухлетия: «поздравляю тебя с Машиним рождением, целую тебя и ее. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник». 14 мая 1836 г. из Москвы: «Ни строчки от тебя; уж не роди-

---

* Домашний врач Пушкиных.

ла ли ты? сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье». Это последний год жизни Пушкина и последнее упоминание о детях в письме к жене. Григорию исполнился годик. Наталья родилась через девять дней — 23 мая. «Уж не родила ли ты», — единственное о ней упоминание. Трудно оторваться от этих писем Пушкина к матери его детей...

Вряд ли можно себе представить счастливую семью, где жена вовсе не интересовалась бы делами мужа — тем, что составляет содержание его жизни. Это относится и к Пушкиным. Обсуждения конкретных творческих вопросов в письмах не нужно искать — Наталья Николаевна не профессиональный литератор, и эти вопросы Пушкин, уж если вообще обсуждал в переписке, то скорее с Вяземским или с Плетневым. И все же Наталья Николаевна знала о его трудах, многим интересовалась, а иной раз и помогала. Около 30 сентября 1832 г. Пушкин рассказывает ей в письме из Москвы: «Мне пришел в голову роман, и я, вероятно, за него примусь; но покамест голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею?» 26 июля 1834 г. он пишет: «Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов («Истории Пугачева». — В. К.) вдруг, пишу примечания...». Летом 1834 г. Пушкин работает не только над корректурой «Пугачева», но и над «Историей Петра». Наталья Николаевна интересуется этим. Он отвечает: «Ты спрашиваешь меня о Петре? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник...». Осенью 1835 г. из Михайловского просит прислать книги: «Я взял у них (Вревских. — В. К.) Вальтер-Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского. Кстати: пришли мне, если можно, *Essays de M. Montagne* * — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи». На некоторых книгах библиотеки Пушкина есть пометы рукою Натальи Николаевны.

Особенно много деловых вопросов затрагивается в последнем «цикле» переписки Пушкина с женой — семи письмах, отправленных из Москвы в мае 1836 г.

---

* «Опыты» М. Монтеня (фр.).

Здесь и издание «Современника» — Наталья Николаевна выполняла редакционные поручения в отсутствие Пушкина в Петербурге; и вопросы цензуры; и мечты о работе в архиве; и подготовка к московской премьере «Ревизора» Н. В. Гоголя; и отношения с книгопродавцами. А какую важную помощь оказала Пушкину Наталья Николаевна, добыв через брата Дмитрия бумагу для «Современника»! Напрашивается вывод, что интерес Натальи Николаевны к литературно-издательским делам мужа и ее компетентность в них годами увеличивались. Жена Пушкина становилась серьезнее — заботы мужа постепенно все больше превращались и в ее собственные. Ей поверял он теперь все самое важное, ей написал и горькие слова: «Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом...»

Пушкин всегда дорожил семейным благополучием и спокойствием. Именно поэтому так нестерпимо больно было ему семейное благополучие и спокойствие терять.

* * *

Не будем снова ворошить преддуэльную историю, перебирая день за днем ее горестные подробности. Тем более что читатель имеет возможность, даже не выходя за рамки этого двухтомника, получить информацию и узнать позицию Жуковского и Вяземского, Карамзиных и Фикельмон, Осиповых-Вульф и Соболевского. Попытаемся лучше сделать заключение, к которому подводит весь огромный материал о жизни Александра Сергеевича и Натальи Николаевны и о гибели поэта.

Пушкин был счастлив в семейной жизни. Не его и не жены его вина в том, что они жили в обществе, не желавшем терпеть счастье поэта. «Он должен быть мал и мерзок, как мы^{*}, а если он не таков, мы его погубим», — примерно такой представляется психология высокопоставленной черни. «Он гениален, а мы бездарны, но мы докажем, что он способен страдать и корчиться на наших глазах. Мы уничтожим его, чтобы он не открыл всем правду о нас», — так могли

---

* Слова Пушкина о Байроне из письма к Вяземскому.

бы они сказать, хоть вслух и не говорили. «Уязвимое место поэта там, где он не может ответить ударом на удар — в сокровенной и дорогой ему семейной жизни. Ее и надо отравить», — думали те, кому мешало само присутствие Пушкина на земле, и первый среди них — самодержец всероссийский. Дело даже не в том, что Николай I «приволакивался» за красавицей — женой поэта; и не в том, что, скорее всего, зная о дуэли, он не захотел ее предотвратить. Дело в том, что имущие власть не желали, чтобы Пушкин *был*, как не пожелали через четыре года, чтобы *был* Лермонтов. Они избрали его кроткую, добрую, не способную разобраться в их адских кознях жену мишенью отвратительной клеветы. И поэт погиб.

Виновата ли Наталья Николаевна? Кокетничала ли она с красавцем-кавалергардом, облепленным, как панцирем, грязью того круга, к которому принадлежал, и собственной мерзостью? Виновата — кокетничала, не замечая грязи. Однако это ли убило Пушкина? Нет, не это. Поэта убили люди, убедившиеся в том, что его невозможно заставить жить по их законам. Так вправе ли потомки винить жену Пушкина — ту, которую он любил так искренно, так нежно? Ту, о которой сказал перед смертью: «жена моя ангел»? Ту, за которую отдал великую жизнь?

* * *

Наталья Николаевна выполнила завет мужа. Почти два года она прожила в деревне — Полотняном Заводе. К ней приезжали отец поэта Сергей Львович, Нащокин, Жуковский. Она писала С. Н. Карамзиной: «Я выписала сюда все его сочинения и пыталась их читать, но у меня нехватает мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его — все равно что слышать его голос, а это так тяжело!» Потом она возвратилась в Петербург. Растила детей. Заботилась о средствах к жизни. Поехала — впервые — в Михайловское. Поставила памятник на могиле Пушкина. Долго еще не выходила замуж. Благодаря недавним публикациям ее писем (см. «Основную литературу») о последующих годах жизни Натальи Николаевны известно больше, чем о тех, что были прожиты с Пушкиным. По-видимому, она во многом изменилась, при-

бавив полученную горьким опытом мудрость к редкостной доброте, незаурядному уму и неповторимому очарованию.

В 1844 г. Наталья Николаевна приняла предложение генерала Петра Петровича Ланского, командира конногвардейского полка, и вышла замуж во второй раз. Ему было в то время 45 лет, прежде он женат не был. Детей Пушкина Петр Петрович принял как родных. У Натальи Николаевны были от второго брака три дочери. Вся большая семья — нередко гостили племянник Ланского и сын сестры Пушкина, Лев Павлищев, — была дружна и безмерно уважала Наталью Николаевну.

Вопрос о том, забыла ли она Пушкина, — абсурден. Их дети были для нее — он, его книги — тоже; о племяннике поэта Льве Павлищеве она писала: «горячая голова, добрейшее сердце — вылитый Пушкин». Виделась, вероятнее всего, с «первым бесценным» другом Пушкина Иваном Ивановичем Пушиным, когда он возвратился из сибирской ссылки. Он многого не знал о ней, что знаем теперь мы, и писем Пушкина к ней никогда не читал. Мог ли он понять ее до конца, мог ли хоть отчасти не винить ее в душе своей?

Наталья Николаевна берегла рукописи Пушкина и позаботилась об их дальнейшей судьбе. Его письма хранились у Натальи Николаевны в семи особых пакетах с ее собственноручными пометками, например: «из Петербурга. 1834», «из Москвы. 1836» и т. д. Ее собственные письма к мужу были также возвращены ей после посмертного жандармского обыска в кабинете поэта в 1837 г. Незадолго до кончины Наталья Николаевна произвела раздел наследства между детьми. Все рукописи Пушкина достались старшему сыну Александру Александровичу и впоследствии поступили в Московский Румянцевский музей (ныне — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Только для писем Пушкина, адресованных к ней, Наталья Николаевна сделала исключение: она передала их младшей дочери Наталье Александровне, остро нуждавшейся тогда в материальной поддержке. Мать надеялась, что когда-нибудь, передавая письма в архив, дочь получит за них немалую сумму. В 1876 г. младшая дочь Пушкина передала через

посредство И. С. Тургенева письма Пушкина к жене для частичной публикации. Впоследствии и они оказались в архиве.

Объективности ради, надо сказать, что благодаря этому мы теперь обладаем бесценным материалом для того, чтобы судить о действительных отношениях в семье Пушкиных. Те друзья поэта, высказывания которых мы приводили в начале очерка, такой возможности не имели. Что касается писем Натальи Николаевны к мужу, то судьба их по сей день неизвестна. Время от времени появляются утверждения о том, что когда-то и они хранились в Румянцевском музее, но потом таинственно исчезли. Несравненно более убедительными представляются, однако, документальные разыскания самих работников архива, подтверждающие, что писем Натальи Николаевны в музее никогда не было. Вполне возможно, что она сочла нужным их уничтожить.

Осенью 1863 г. в семье Александра Александровича Пушкина родился мальчик — также Александр. По просьбе сына Наталья Николаевна отправилась из Петербурга в Москву — на крестины внука. Она и раньше страдала легочным заболеванием, а тут еще простудилась. Возвратившись в Петербург, слегла с тяжелым воспалением легких и скончалась 26 ноября 1863 г.

Могила со скромной надписью «Наталья Николаевна Ланская» на кладбище Александро-Невской лавры долго не привлекала особенного внимания. Теперь все изменилось. Светлая ей память и низкий поклон за то, что она дала шесть счастливых лет Пушкину!

Основная литература

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина (изд. 2-е). М., 1978. Редактор и автор вступит. статьи Д. Д. Благой.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина. М., 1980. Редактор и автор вступит. статьи Д. Д. Благой.

1

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829

А. С. Пушкин

2

МАДОННА

Сонет

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

А. С. Пушкин

5

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа — он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня нехватило мужества объясниться, — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, — а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы соблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объяснить.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз;— может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа,— эта мысль для меня — ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И всё же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?.. (Франц.)

Пушкин — Н. И. Гончаровой. 5 апреля 1830.

Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.

Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год — м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость.

Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что вы придете мне на помощь. (Франц.)

*Пушкин — Н. О. и С. Л. Пушкиным. 6—11 апреля
1830. (черновое)*

7

Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твоё счастье. — Я хотел бы написать ей, но покуда еще не решаюсь, из боязни, что не имею на это права. С бóльшим чем когда бы то ни было нетерпением ожидаю я Льва, чтобы поговорить с ним о тебе или, вернее, чтобы он о тебе мне рассказал. Оленька как раз была у нас, когда принесли твоё письмо. Ты легко можешь представить себе, какое впечатление произвело это на нее... (Франц.)

*С. Л. и Н. О. Пушкины — Пушкину.
16 апреля 1830.*

8

Генерал,

С крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству, но мое положе-

ние и внимание, которое вы до сего времени изволили мне оказывать, меня к тому обязывают.

Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось. Окончив Лицей в 1817 году с чином 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по праву, так как начальники мои обходили меня при представлениях, я же не считал нужным напоминать о себе. Ныне, несмотря на всё мое доброе желание, мне было бы тягостно вернуться на службу. Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности. Итак, мне нечего об этом и думать. Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность... (Франц.).

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу. 16 апреля 1830.

Передал ли вам брат мое письмо и почему вы не присылаете мне расписку в получении, как обещали? Я жду ее с нетерпением, и минута, когда я ее получу, вознаградит меня за скуку моего пребывания здесь.

Надо вам рассказать о моем визите к Наталье Кирилловне. Приезжаю, обо мне докладывают, она принимает меня за своим туалетом, как очень хорошенькая женщина прошлого столетия.— Это вы женитесь на моей внучатой племяннице? — Да, сударыня.— Вот как. Меня это очень удивляет, меня не известили, Наташа ничего мне об этом не писала. (Она имела в виду не вас, а маменьку). На это я сказал ей, что брак наш решен был совсем недавно, что расстроенные дела Афанасия Николаевича и Натальи Ивановны и т. д. и т. д. Она не приняла моих доводов; Наташа знает, как я ее люблю, Наташа всегда писала мне во всех обстоятельствах своей жизни, Наташа напишет мне,— а теперь, когда мы породнились, надеюсь, сударь, что вы часто будете навещать меня... (Франц.)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой. Июль 1830.

10

Я мало бываю в свете. Вас ждут там с нетерпением. Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей. (Франц.)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 30 июля 1830.

11

Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей,— я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны,

как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь. (*Франц.*)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой.

Конец августа 1830.

12

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство.

Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это — часть деревни из 500 душ, и нужно будет произвести раздел. Я постараюсь это устроить возможно скорее. Еще более опасаясь я карантин, которые начинают здесь устанавливать. У нас в окрестностях — Cholera morbus * (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать! Вот сколько для меня причин торопиться!.. (*Франц.*)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 9 сентября 1830.

13

Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой

---

* холера (*лат.*).

дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен). Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантин. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же, мой ангел. (Франц.)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 30 сентября 1830.

14

Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы? Добровольно подвергать себя опасности заразы было бы непростительно... (Франц.)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 11 октября 1830.

15

Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте. Письмо ваше от 1-го октября получил я 26-го. Оно огорчило меня по многим причинам: во-первых, потому, что оно шло ровно 25 дней. 2) что вы первого октября были еще в Москве, давно уже зачумленной. 3) что вы не получили моих писем. 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тем как я пренесчастное животное уж без того. Где вы? что вы? я писал в Москву, мне

не отвечают. Брат мне не пишет, полагая, что его письма, по обыкновению, для меня неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму проколотому; знаешь, что по крайней мере жив, и то хорошо. Если вы в Калуге, я приеду к вам через Пензу; если вы в Москве, т. е. в Московской деревне, то приеду к вам через Вятку, Архангельск и Петербург. Ей богу не шучу — но напишите мне, где вы, а письмо адресуйте в *Лукояновский уезд* в село Абрамово, для пересылки в Болдино. Скорей дойдет. Простите. Целую ручки у матушки; кланяюсь в пояс сестрицам.

Пушкин — Н. Н. Гончаровой. Октябрь 1830.

16

Сейчас приехал к *Нащокину на Пречистенском Валу, в дом 2-жи Ильинской*. Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет устал. Целую тебя, женка, мой ангел.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 6 декабря 1831.

17

Нащокина не нашел я на старой его квартире; на силу отыскал его у *Пречистенских ворот в доме Ильинской* (не забудь адреса). Он всё тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах. Твою комиссию исполнил: поцеловал за тебя и потом объявил, что Нащокин дурак, дурак Нащокин. Дом его (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха. Видел я Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чаадаева, Горчакова, Дениса Давыдова. Все тебе кланяются; очень расспрашивают о тебе, о твоих успехах; я поясняю сплетни, а сплетен много. Дам

московских еще не видал; на балах и в собрание, вероятно, не явлюсь<...>

Надеюсь увидеть тебя недели через две; тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы. Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи два часа в сутки по комнате, и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. Брюллов пишет ли твой портрет? была ли у тебя Хитрова или Фикельмон? Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрилей не пляши ничего; напиши, не притесняют ли тебя люди, и можешь ли ты с ними сладить. Засим целую тебя сердечно.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 8 декабря 1831.

18

Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу; с тех пор как здесь, я только и думаю, как бы удрать в Петербург к тебе, женка моя.

Распечатываю письмо мое, мой милый друг, чтоб отвечать на твое. Пожалуйста не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике. Я не шучу, а говорю тебе серьезно и с беспокойством. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сделала, что отослала. Дело не о чине, а всё-таки нужное. Жду его. На днях опишу тебе мою жизнь у Нащокина, бал у Солдан, вечер у Вяземского — и только. Стихов твоих не читаю. Чорт ли в них; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе — о своем здоровье. На хоры не езд. — это место не для тебя.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. Декабрь 1831.

19

Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит. А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский? Ах, женка душа! что с тобою будет? Прощай, пиши.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 22 сентября 1832.

20

Вчера только успел отправить письмо на почту, получил от тебя целых три. Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать. Нехорошо только, что ты пускаешься в разные кокетства; принимать Пушкина тебе не следовало, во-первых, потому, что при мне он у нас ни разу не был, а во-вторых, хоть я в тебе и уверен, но не должно свету подавать повод к сплетням. Вследствие сего деру тебя за ухо и целую нежно, как будто ни в чем не бывало.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 27 сентября 1832.

21

По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1) Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) В Москве письма принимаются до 12 часов — а я въехал в Тверскую заставу ровно в 11, следственно, и отложил писать к тебе до другого дня. Видишь ли, что я прав, а что ты кругом виновата? виновата 1) потому, что всякий вздор забираешь себе в голову, 2) потому, что пакет Бенкендорфа (вероятно, важный) отсылаешь, с досады на меня, бог ведает куда, 3) кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да еще жалуешься на свое положение.

ние, будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка!.. но оставим это. Ты, мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счета, доишь кормилицу. Ай-да хват баба! что хорошо, то хорошо. Здесь я не так-то деятелен. Насилу успел написать две доверенности, а денег не дождусь. Оставляю неоконченное дело на попечение Нащокину.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. Октябрь 1832.

22

Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих походов — из антресолей вашего Никитского дома, куда прибыл я вчера благополучно из Яропольца. В Ярополец приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Много говорили о тебе, о Машке, и о Катерине Ивановне. Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью. Ей очень хотелось бы, чтоб ты будущее лето провела у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки. Дорошенки, к которому ходил я на поклонение.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 26 августа 1833.

23

Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь. M-me Sichler etc., у тебя не хватает денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься — сердисься на меня — и поделом.

А это еще хорошая сторона картины—что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие, непредвиденные случаи... Пугачев не стоит этого. Того и гляди, я на него плюну — и явлюсь к тебе. Однако буду в Симбирске и там ожидаю найти писем от тебя. Ангел мой, если ты будешь умна, т.е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится. Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у вас? Гуляешь ли ты по Черной речке или еще заперти? Во всяком случае береги себя. Скажи тетке, что хоть я и ревную ее к тебе, но прошу Христом и богом тебя не покидать и глядеть за тобою. Прощайте, дети, до Казани. Целую всех вас равно крепко — тебя в особенности.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 2 сентября 1833.

24

Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж — то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю: что ж будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 19 сентября 1833.

25

Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня — думал здесь найти от тебя письма, и не нашел ни одного. Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь. Подъезжая к

Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия, так что, не найдя о тебе никакого известия, я почти обрадовался — так боялся я недоброй вести. Нет, мой друг; плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому! ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда поехал я в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подписали за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь, первый по моему выезду. Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха, и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда. Въехав в границы Болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром все эти встречи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на бога да на тетку. Авось сохранят тебя от искушений рассеянности. Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 2 октября 1833.

Две вещи меня беспокоят: то, что я оставил тебя без денег, а может быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду. Слава богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но дом наняла. Не страшай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего

не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить. Вот уже неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов и заживем припеваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковского, поцелуй его за меня и поздравь с возвращением и звездою; каково его здоровье? напиши. Карамзиным и Мещерским мой сердечный поклон. Софье Николаевне объясни, что если я не был к ним в Дерпт, то это единственно по недостатку прогонов, которых нехватило на лишних 500 верст. А не писал им, полагая всё приехать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смешна после своей поездки в Германию.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 8 октября 1833.

27

Что твои обстоятельства? что твое брюхо? Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября. Не мешай мне, не стращай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с царем, ни с женихом княжны Любы. Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин аккуратен. На днях пришлю ему стихов. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше. Прости, целую вас и благословляю. Тетке целую ручку. Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки? Саше подсвистываю. Прощай.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 11 октября 1833.

Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: *уважения*. Радоваться своими победами тебе нечего <...> Подумай об этом хорошенько и не беспокой меня напрасно. Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу,— для чего? — Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc, etc.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 6 ноября 1833.

Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чем дальше едешь, тем тебе легче; а мне!.. Сестры твои тебя ждут; воображаю вашу радость; смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей, третьего выкинула, береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй понемножку, а пуще скорее добирайся до деревни. Целую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? чай, куда рада, что может вволю воевать!..

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 19 апреля 1834.

Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно, и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам

к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет. Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуйста, побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи; не пляши на бале до заутрени. Гуляй умеренно, ложись рано<...>

Воскресение. Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь прстоишь у всеночной, и теперь лежишь врасстяжку в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит, мой ангел. Так, что голова кругом идет и что ничто другое в ум не лезет. Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала!..

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

20 и 22 апреля 1834.

Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив.

Я отправил тебя из Петербурга с большим беспокойством; твое письмо из Бронницы еще более меня взволновало. Но когда узнал я, что до Торжка ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась, и я не стал сызнова хандрить. Письмо твое очень мило; а опасения насчет истинных причин моей дружбы к Софье Карамзиной очень приятны для моего самолюбия. Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у Карамзиных, ей не встать брѹха на такую лестницу; кажется, она уже на даче; графиня Соллогуб там также не бывает, но я видел ее у княгини Вяземской. Волочиться я ни за кем не волочусь...

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 12 мая 1834.

32

С трудом я решилась написать тебе, так как мне нечего сказать тебе и все свои новости я сообщила тебе с оказией, бывшей на этих днях. Даже мама едва не отложила свое письмо до следующей почты, но побоялась, что ты будешь несколько беспокоиться, оставаясь некоторое время без известий от нас; это заставило ее побороть сон и усталость, которые одолевают и ее и меня, так как мы целый день были на воздухе. Из письма мамы ты увидишь, что мы все чувствуем себя очень хорошо, оттого я ничего не пишу тебе на этот счет; кончаю письмо, нежно тебя целуя, я намереваюсь написать тебе побольше при первой возможности.

Итак, прощай, будь здоров и не забывай нас.
(Франц.)

Н. Н. Пушкина — Пушкину. 14 мая 1834.

33

Прежде чем ответить на ваше письмо, мой дорогой Александр Сергеевич, я начну с того, что поблагодарю вас от всего сердца за ту радость, которую вы

мне доставили, отпустив ко мне вашу жену с детьми; из-за тех чувств, которые она ко мне питает, встреча со мной, после 3 лет разлуки, не могла не взволновать ее. Однако, она не испытала никакого недомогания; повидимому, она вполне здорова, и я твердо надеюсь, что во время ее пребывания у меня я не дам ей никакого повода к огорчениям; единственно, о чем я жалею в настоящую минуту,—это о том, что она предполагает так недолго погостить у меня. Впрочем, раз вы так уговорились между собой, я конечно не могу этому противиться. Я тронута доверием, которое вы мне высказываете в вашем письме, и, принимая во внимание любовь, которую я питаю к Натали и которую вы к ней питаете,—вы оказываете мне это доверие не напрасно, я надеюсь оправдывать его до конца моих дней. Дети ваши прелестны и начинают привыкать ко мне, хотя вначале Маша прикрикивала на бабушку.—Вы пишете, что рассчитываете осенью ко мне приехать; мне будет чрезвычайно приятно соединить всех вас в домашнем кругу. Хотя Натали, повидимому, чувствует себя хорошо у меня, однако легко заметить ту пустоту, которую ваше отсутствие в ней вызывает. До свиданья, от глубины души желаю вам ненарушимого счастья. Верьте, я навсегда ваш друг. (Франц.)

Н. И. Гончарова — Пушкину. 14 мая 1834.

Мой ангел! поздравляю тебя с Машиним рождением, целую тебя и ее. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что несмотря на то, что беспокоиться по пустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я должен был из Яропольца получить по крайней мере два письма. Здорова ли ты и дети? спокойна ли ты? Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попало в полицию и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что

ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 18 мая 1834.

35

Хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль. Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петре? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок. Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вьельгорского, Вяземского — все тебе кланяются. Тетка меня всё балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой — так что боюсь поносом

встретить 36-й год бурной моей жизни. Сегодня еду к ней с твоим письмом. Покаместь прощай, мой друг. У меня желчь, так извини мои сердитые письма. Целую вас и благословляю.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 26 мая 1834.

36

Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на четырех страницах, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое. У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе всё, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 8 июня 1834.

37

Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 30 июня 1834.

38

Ты, женка моя, пребезалаберная (насилу слово написал). То сердишься на меня за Соллогуб, то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду. Подумай обо всем, и увидишь, что я перед тобой не только прав, но чуть не свят. С Соллогуб я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам, тебе известным, не еду к тебе по делам, ибо и печатаю Пугачева, и закладываю имения, и вожусь и хлопочу — а письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 11 июля 1834.

39

Все вы, дамы, на один покрой. Куда как интересны похождения дурачка Д. и его семейственные ссоры. А ты так и радуешься. Я чай, так и раскокетничалась. Что-то Калуга? Вот тут поцарствуешь! — Впрочем, женка, я тебя за то не браню. Всё это в порядке вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. Целую тебя от сердца — теперь поговорим о деле. Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна под одной* кровлей: муж, жена, дети — покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейственного спокойствия не будет.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 14 июля 1834.

40

Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом.

Пушкин — Н. И. Гончаровой. Август 1834.

41

Пишу тебе из Тригорского. Что это, женка? вот уж 25-е, а я всё от тебя не имею ни строчки. Это меня сердит и беспокоит. Куда адресуешь ты свои письма? Пиши *Во Псков*, ее высокородию, Прасковье Александровне Осиповой для доставления А. С. П. известному сочинителю — вот и всё. Так вернее дойдут до меня твои письма, без которых я совершенно одурею. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? что дом наш, и как ты им управляешь? Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а всё потому, что не спокоен.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 25 сентября 1835.

42

Что это, женка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты? сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе. В архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть, что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сажу дома — вижу только мужеск пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею. На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена вы-

кинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно. С литературой московскую кокетничаю как умею; но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 14 и 16 мая 1836.

43

Твои петербургские новости ужасны. То, что ты пишешь о Павлове, помирило меня с ним. Я рад, что он вызывал Апрелева.— У нас убийство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэля и подвергается одному наказанию — и не смертной казни. Утопление Столыпина — ужас! неужто невозможно было ему помочь! У нас в Москве всё слава богу смирно: бой Киреева с Яром произвел великое негодование в чопорной здешней публике. Нащокин заступает за Киреева очень просто и очень умно: что за беда, что гусарский поручик напился пьян и побил трактирщика, который стал обороняться? Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном кабачке, и нам не доставалось, и немцы получали тычки сложа руки? По мне драка Киреева гораздо простительнее, нежели славный обед ваших кавалергардов и благообразие молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платком, смекая, что если выдет история, так их в Аничков не позовут. Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: *vous avez trompé* * и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов

---

* вы не оправдали (обманули) (франц.).

будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Целую тебя.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 18 мая 1836.

* * *

44

Первая любовь всегда является делом чувственности: чем она глупее, тем больше оставляет по себе чудесных воспоминаний. Вторая, видите ли, — дело чувственности. Параллель можно было бы провести гораздо дальше. Но у меня на это совершенно нет времени. Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 душ крестьян, которых я заложу в ломбард, а вас, дорогая княгиня, прошу быть моей посаженной матерью. (Франц.)

*Пушкин — В. Ф. Вяземской.
Конец апреля 1830.*

45

Я сей час с обеда Сергея Львовича, и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифирует и что ты точно жених. Гряди жених в мои объятия! А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая, экстренная бутылка шампанского, которую отец твой разлил нам при получении твоего последнего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому. — Поздравляю тебя от всей души. Дай бог тебе счастья и засияй отныне в жизни твоей новая эра. Я слышал, что ты будто писал к государю о женитьбе. Правда ли? Мне кажется, что тебе в твоём положении и в твоих отношениях с царем необходимо про-

силь у него позволения жениться. Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать «Бориса», представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твое благосостояние. Может быть, царь и вздумает дать приданое невесте твоей.

П. А. Вяземский — Пушкину. 26 апреля 1830.

46

Князь Вл. Голицын

Никитушка! скажи, где Пушкин царь-поэт?

Никита

Давным-давно, судáрь, его уж дома нет,
не усидит никак приятель Ваш на месте:
то к дяде на поклон, то полетит к невесте.

Князь Влад. Г.

А скоро ль женится твой мудрый господин?

Никита

Осталось месяц лишь гулять ему один...

Вот моя беседа с вашим камердинером, я продолжил бы ее в стихах, если бы не так стремился сказать вам прозой, как бесконечно я раздосадован, что не застал вас дома. Всего лучшего.

*В. С. Голицын — Пушкину.
Июль или август 1830.*

47

Я уезжаю, рассорившись с г-жей Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить.

Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. Мне не хотелось говорить об этом с князем, скажите ему сами, и оба сохраните это втайне. Ах, что за проклятая штука счастье! (Франц).

*Пушкин — В. Ф. Вяземской.
Конец августа 1830.*

48

Отправляюсь, мой милый, в зачумленную Москву — получив известие, что невеста ее не покидала. Что у ней за сердце? твердою дубовою корой, тройным булатом грудь ее вооружена, как у Горациева мореплавателя. Она мне пишет очень милое, хотя бестемпераментное письмо.

Пушкин — П. А. Вяземскому. 5 ноября 1830.

49

Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes *. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскисаться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не

---

* Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах (франц.).

в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью.

Пушкин — Н. И. Кривцову. 10 февраля 1831.

50

Любезный дедушка!

Имею счастье известить вас наконец о свадьбе моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположению. С моей же стороны чувства преданности, любви и почтения никогда не изменятся. Сердечно надеюсь, что вы по-прежнему останетесь моим вернейшим благодетелем. При сем целую ручки ваши и честь имею пребыть навсегда покорная внучка. (Франц.).

*Н. Н. Пушкина — А. Н. Гончарову.
24 февраля 1831.*

51

Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился. Посылаю вам визитную карточку — жены дома нет, и потому не сама она рекомендуется Степаниде Александровне.

Прости, мой друг. Что баронесса? память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования. Обнимаю тебя и Жуковского.

Пушкин — П. А. Плетневу. 24 февраля 1831.

52

Мой брат со своей женой приехал и устроится здесь, а пока проводит лето в Царском Селе. Они очень приглашают меня жить у них в ожидании твоего возвращения. Но так как срок моего дома еще не истек, я воспользуюсь этим временем для размышления и ознакомлюсь с их образом жизни. Они очень

довольны друг другом, моя невестка совершенно очаровательна, хорошенькая, красивая и остроумная, а со всем тем добродушная... (Франц.)

*О. С. Павлицева — Н. И. Павлицеву.
4 июня 1831.*

53

Моя невестка прелестна: она является предметом удивления в Царском; императрица желает, чтобы она была при дворе; а она жалеет об этом, так как она не глупа; нет, это не то, что я хотела сказать: хотя она вовсе не глупа, но она еще немного застенчива, но это пройдет, и она — красивая, молодая и любезная женщина — поладит и со двором, и с императрицей. (Франц.)

*О. С. Павлицева — Н. И. Павлицеву.
Август 1831.*

54

Женка Пушкина очень милое творение. C'est le mot *. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше.

*В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому
и А. И. Тургеневу. 1831.*

55

Жену мою нашел я здоровою, несмотря на девическую ее неосторожность — на балах пляшет, с государем любезничает, с крыльца прыгает. Надобно бабенку к рукам прибрать. Она тебе кланяется и готовит шитье. Ждет взяток обещанных.

Пушкин — П. В. Нащокину. 8 января 1832.

---

* Вот слово (франц.). Жуковский, видимо, хочет сказать: вдобавок к стихотворениям Пушкина.

По поводу денег у меня к тебе просьба, которая, возможно, удивит тебя, но что делать, я сейчас в таком затруднительном положении и не могу обратиться к мужу, местопребывания которого не знаю, потому что он путешествует по России и только в конце сентября или начале октября будет в своем Нижегородском поместье, вот почему я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стесненном положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей, если, конечно, это тебя не обременит, в противном случае откажи мне наотрез и не сердись, что я обратилась к тебе с этой просьбой. Будь уверен, дорогой друг, что только необходимость вынуждает меня прибегать к твоему великодушию, так как иначе я никогда бы не решилась беспокоить тебя в то время, когда ты чуть ли не собираешься застрелиться.

Мой муж оставил мне достаточно денег, но я была вынуждена все их отдать хозяину квартиры, которую только что сняла; я не ожидала, что придется дать задаток 1600 рублей, вот почему я теперь без копейки в кармане. Ради бога, ответь мне поскорее; до 15 числа этого месяца твое письмо еще может застать меня на Черной речке, а позднее я буду уже в городе. Я дала бы тебе адрес моего нового дома, но я сама еще точно его не знаю; мне кажется, что это дом некоего г-на Оливье, но вряд ли это тебе поможет. Прощай, дорогой Митинька, нежно целую тебя и прошу, пожалуйста, не сердись на меня за мою просьбу и забудь о ней, если ты не можешь ее выполнить. (Франц.)

*Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову.
1 сентября 1833.*

Дорогой Дмитрий Николаевич,
Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался вам писать, чтобы договорить с вами

о моих затруднениях в связи с предстоящими родами Наташи и о деньгах, которые мне будут крайне нужны. Таким образом, наши с вами просьбы скрестились. Между тем мне удалось кое-что сделать. Князь Владимир Сергеевич Голицын сейчас находится здесь, и я с ним говорил о вас и вашем деле. Он мне показался расположенным оказать вам услугу и сказал, что в конце месяца будет в Москве, где вы сможете с ним переговорить. Если вы устроите этот заем, я вас попросил бы *одолжить мне на шесть месяцев** 6000 рублей, в которых я очень нуждаюсь и которые не знаю где взять; так как князю Голицыну совершенно все равно одолжить 35 или 40 000, и даже больше, это тот источник, из которого вы будете так добры почерпнуть, если возможно.— Я не могу сделать этого сам, потому что не могу дать ему иной гарантии, кроме моего слова, и не хочу подвергать себя возможности получить отказ. Так как вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать вам, чтобы поговорить о моих делах. Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и поддерживая семейство, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, так как, конечно, это не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвящать себя литературным трудам, которые давали мне

---

* Подчеркнуто Пушкиным.

средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние. Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это; Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только вы увидите, что он ей неприятен.

Прощайте (Франц.).
Пушкин — Д. Н. Гончарову.
Первая половина (февраль?) 1833.

58

Мой муж поручает мне, дорогой Дмитрий, просить тебя сделать ему одолжение и изготовить для него 85 стоп бумаги по образцу, который я тебе посылаю в этом письме. Она ему крайне нужна и как можно скорее; он просит тебя указать срок, к которому ты сможешь ее ему поставить. Ответь мне, пожалуйста, как только ты получишь это письмо, чтобы он знал, подойдет ли ему назначенный тобою срок, в противном случае он будет вынужден принять соответствующие меры. Прошу тебя, дорогой и любезный брат, не отказать нам, если просьба, с которой мы к тебе обращаемся, не представит для тебя никаких затруднений и ни в коей мере не обременит. (Франц.)

Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову.
18 августа 1835.

Я получила недавно твое письмо, дорогой Дмитрий, и если я не написала тебе раньше, то только потому, что для того, чтобы дать тебе ответ по поводу бумаги, мне надо было повидать Плетнева, который взялся за это дело в отсутствие моего мужа; он тебя очень просит прислать ее в ноябре, к январю это было бы уже слишком поздно. Тысячу раз благодарю тебя от имени моего мужа за то, что ты был так любезен и взялся за это дело...

А теперь я поговорю с тобой о деле, которое касается только меня лично. Ради бога, если ты можешь помочь мне, пришли мне несколько сотен рублей, я тебе буду очень благодарна. Я нахожусь в очень стесненных обстоятельствах. Мой муж уехал и оставил мне только сумму, необходимую для содержания дома. В случае, если ты не можешь этого сделать — не сердись на мою нескромную просьбу, прямо откажи и не гневайся. (*Франц.*)

*Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову.
1 октября 1835.*

Таша обнимает тебя от всего сердца и бесконечно благодарит за деньги, которые пришли как нельзя более кстати, так как она имела в них очень большую нужду. Она очень сердита на мать, у которой она просила содержание 200 рублей в месяц, а мать ей отказала под предлогом плохого состояния ее финансов.

Пушкин две недели тому назад вернулся из своего Псковского поместья, куда ездил работать и откуда приехал раньше, чем предполагал, потому что он рассчитывал пробыть там три месяца; это очень устроило бы их дела, тогда как теперь он ничего не сделал и эта зима будет для них не легкой. Право, стыдно, что мать ничего не хочет для них сделать,

это непростительная беззаботность, тем более, что Таша ей недавно об этом писала, а она ограничилась тем, что дала советы, которые ни гроша не стоят и не имеют никакого смысла. (Франц.)

*А. Н. Гончарова — Д. Н. Гончарову.
1 ноября 1835.*

61

Теперь я поговорю с тобой о делах моего мужа. Так как он стал сейчас журналистом, ему нужна бумага, и вот как он тебе предлагает рассчитываться с ним, если только это тебя не затруднит. Не можешь ли ты поставлять ему бумаги на сумму 4500 в год, это равно содержанию, которое ты даешь каждой из моих сестер; а за бумагу, что он возьмет сверх этой суммы, он тебе уплатит в конце года. Он просит тебя также, если ты согласишься на такие условия (в том случае, однако, если это тебя не стеснит, так как он был бы крайне огорчен причинить тебе лишнее затруднение), вычесть за этот год сумму, которую он задолжал тебе за мою шаль. Завтра он уезжает в Москву, тогда, может быть, ты его увидишь и сможешь лично с ним договориться, если же нет, то пошли ему ответ на эту часть моего письма в Москву, где он предполагает пробыть две или три недели. (Франц.)

*Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову.
28 апреля 1836.*

62

Теперь я хочу немного поговорить с тобой о моих личных делах. Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала

на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне *с помощью матери* содержание, равное тому, какое получают сестры и, если это возможно, чтобы я начала получать его до января, то есть с будущего месяца. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна. И стало быть, ты легко поймешь, дорогой Дмитрий, что я обратилась к тебе, чтобы ты мне помог в моей крайней нужде. Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение; по крайней мере содержание, которое ты мне назначишь, пойдет на детей, а это уже благородная цель. Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что если бы он знал об этом, то, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать. Итак, ты не рассердишься на меня, дорогой Дмитрий, за то, что есть нескромного в моей просьбе, будь уверен, что только крайняя необходимость придает мне смелость докучать тебе. (*Франц.*)

Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову. Июль 1836.

Муж просит меня передать его поздравления и рекомендует своей новой невестке. Он тебя умоляет прислать ему запас бумаги на год, она у него кончается, и если ты исполнишь его просьбу, он обещает

написать на этой самой бумаге стихи, когда появится на свет новорожденный.

Прощай, нежно целую тебя, а также твою жену и Сережу с Ваней. Когда же повар и брат Параши? Мне кажется, судя по письму, которое ты написал Катиньке, что ты рассчитываешь на моего мужа в отношении уплаты половины платежа. Сейчас у него нет ни копейки, я тебе за это ручаюсь. (Франц.)

*Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову.
Начало августа 1836.*

64

Теперь отвечу Вам, дорогой папа, на сообщенную Вами новость о предстоящей свадьбе Екатерины Гончаровой и барона Дантеса, теперь Геккерена. По словам мадам Пашковой, которая писала своему отцу, это событие удивило весь свет. Не потому, что один из самых красивых кавалергардов и один из самых модных молодых людей, располагающий 70 тыс. дохода, женится на девице Гончаровой — она для этого достаточно красива и хорошо воспитана, — но дело в том, что его страсть к Наташе ни для кого не была тайной. Я это отлично знала, когда была в Петербурге, и тоже над этим подшучивала. Поверьте мне, здесь что-то подозрительно или кроется какое-то недоразумение и очень может статься, что этой свадьбе не бывать... (Франц.)

*О. С. Павлицева — С. Л. Пушкину.
24 декабря 1836.*

65

Наталья Николаевна не была у него * в проезд ее через Москву и даже не послала навеститься об нем. На другой день отъезда ее явился к Сергею Львови-

---

* С. Л. Пушкина.

чу брат ее Гончаров со следующей комиссией: «Сестрица приказала вам сказать, что ей прискорбно было ехать через Москву и вас не видеть, но она должна была повиноваться предписаниям своего доктора; он требовал, чтобы она оставила Петербург, жила спокойно в уединении и избегала все, что может произвести малейшее в ней волнение; в противном случае не ручается за последствия. Сестра чрезмерно изнурена, она приказала вам сказать, что она просит у вас позволения летом приехать в Москву именно для того, чтобы пожить с вами две недели, с тем чтобы никто, кроме вас, не знал, что она здесь. Она привезет вам всех своих детей. Сестра не смеет себя ласкать этой надеждою, но ежели бы вы приехали к ней в деревню хотя бы на самое короткое время». Старика поручение это очень тронуло, Наталья Николаевна умно поступила и заставила всех (признаюсь, и меня) переменить мнение на ее счет. Москва о ее приезде дозналась, все узнали, что она не видела Сергея Львовича, и ее немилосердно ругали, особенно женщины. Таковы всегда человеки! Снисходительны к тем, кои в счастье, и строго взыскивают с тех, кои и без того горем убиты.

*А. Я. Булгаков — П. А. Вяземскому.
26 февраля 1837.*

66

Когда его перенесли домой, он сказал Наталье Николаевне, что она не виновата в этом деле. Конечно, это было более чем великодушно, это было величие души, это было более, чем прощение. Я не буду теперь от Вас скрывать, что мнения разделяются: если большинство становится на сторону Александра, то другие, чтобы оправдать Нат. Н., обвиняют его в слепой и безумной ревности. До тех пор, пока сохранится воспоминание о ее молодости и красоте, у нее будет достаточное количество сторонников... (Франц.)

*О. С. Павлицева — С. Л. Пушкину.
3 марта 1837.*

Мой брат уезжает сейчас в Москву, и я спешу поблагодарить вас, батюшка, за доброе отношение ко мне, что вы мне выказываете в вашем трогательном письме. Вы не представляете себе, как мне дорого малейшее доказательство вашего благорасположения ко мне, это такое утешение для меня в моем ужасном несчастье. Я имею намерение приехать в Москву единственно для того, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение и представить вам своих детей. Прошу вас, дорогой батюшка, будьте так добры сообщить мне, когда вам это будет удобнее. Подойдет ли вам, если наше свидание состоится в мае месяце? Потому что только к этому времени я буду иметь возможность остановиться в нашем доме. Мне остается только, батюшка, просить вас молиться за меня и моих детей. Да ниспошлет вам господь силы и мужество перенести нашу ужасную потерю, будем вместе молиться за упокоение его души.

Маминька просит меня передать вам свое почтение, также и сестра, она благодарит вас за память (Франц.)

*Н. Н. Пушкина — С. Л. Пушкину.
21 марта 1837.*

Ваше сиятельство граф Михаил Юрьевич.

Вам угодно было почтить память моего покойного мужа принятием на себя трудной обязанности пещись об несчастном его семействе. Вы сделали для нас много, слишком много; мои дети никогда не забудут имена своих благодетелей, и кому они обязаны обеспечением будущей своей участи; я со своей стороны совершенно уверена в Вашей благородной готовности делать для нас и впредь то, что может принести нам пользу, что может облегчить нашу судьбу,

успокоить нас. Вот почему я обращаюсь к Вам теперь смело с моею искреннею и вместе убедительною просьбой.

Оставаясь полтора года с четырьмя детьми в имении брата моего среди многочисленного семейства, или лучше сказать многих семейств, быв принуждена входить в сношения с лицами посторонними, я нахожусь в положении, слишком стеснительном для меня, даже тягостном и неприятном, несмотря на все усердие и дружбу моих родных. Мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной, с своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребен и прах его. Я говорю о селе Михайловском, находящемся по смерти его матери в общем владении — моих детей, их дяди и тетки. Я надеюсь, что сии последние примут с удовольствием всякое предложение попечительства, согласятся уступить нам свое право, согласятся доставить спокойный приют семейству их брата, дадут мне возможность водить моих сирот на могилу их отца и утверждать в юных сердцах их священную его память.

Меня спрашивают о доходах с этого имения, о цене его. Цены ему нет для меня и для детей моих. Оно для нас драгоценнее всего на свете. О других доходах я не имею никакого понятия, а само попечительство может собрать всего удобнее нужные сведения. Впрочем и в этом отношении могу сказать, что содержание нашего семейства заменит с избытком проценты заплаченной суммы.

И так я прошу Попечителей войти немедленно в сношение с прочими владельцами села Михайловского, спросить об их условиях, на коих согласятся они предоставить оное детям своего брата, выплатить им, если возможно, следующие деньги, и довершить таким образом свои благодеяния семейству Пушкина.

*Н. Н. Пушкина — М. Ю. Виельгорскому.
Весна 1838.*

Дорогой Дмитрий, я думаю ты не рассердишься, если я позволю себе просить тебя за Ташу. Я не вхожу в подробности, она сама тебе об этом напишет. Я только умоляю тебя взять ее под свою защиту. Ради бога, дорогой брат, войди в ее положение и будь так добр и великодушен — приди ей на помощь. Ты не поверишь, в каком состоянии она находится, на нее больно смотреть. Пройми, что такое для нее потерять 3000 рублей. С этими деньгами она еще как-то может просуществовать с семьей. Невозможно быть более разумной и экономной, чем она, и все же она вынуждена делать долги. Дети растут, и скоро она должна будет взять им учителей, следовательно, расходы только увеличиваются, а доходы ее уменьшаются. Если бы ты был здесь и видел ее, я уверена, что был бы очень тронут положением, в котором она находится и сделал бы все возможное, чтобы ей помочь. Поверь, дорогой Дмитрий, бог тебя вознаградит за добро, которое ты ей сделал бы. Я боюсь за нее. Со всеми ее горестями и неприятностями, она еще должна бороться с нищетой. Силы ей изменяют, она теряет остатки мужества, бывают дни, когда она совершенно падает духом. Кончаю, любезный Дмитрий, уверенная, что ты на меня не рассердишься за мое вмешательство в это дело, и сделаешь все возможное, чтобы прийти на помощь бедной Таше. Подумай о нас, дорогой Дмитрий, в отношении 1 февраля, и особенно о Таше. Я не знаю, что отдала бы, чтобы видеть ее спокойной и счастливой, это настоящее страдание (Франц.)

*А. Н. Гончарова — Д. Н. Гончарову.
1839—1840 (?)*

Мое пребывание в Михайловском, которое вам уже известно, доставило мне утешение исполнить сердечный обет давно мною предпринятый. Могила мужа

моего находится на тихом уединенном месте, место расположения однакож не так величаво, как рисовалось в моем воображении; сюда прилагаю рисунок, подаренный мне в тех краях — вам одним решаюсь им жертвовать. Я намерена возвратиться туда в мае месяце, есть ли вам и всему Семейству вашему способно перемещаться, то приезжайте навестить нас...

*Н. Н. Пушкина — П. В. Нащокину.
Декабрь 1841.*

71

Чтобы скрыть мою бедность перед князем Вяземским, который приехал погостить к нам на несколько дней, я была вынуждена идти просить милостыню у дверей моей соседки, г-жи Осиповой. Ей спасибо, она по крайней мере не отказала чайку и несколько свечей. Время идет, уже наступил октябрь, а я не вижу еще момента, когда смогу покинуть нашу лачугу. Что делать, если ты затынешь присылку мне денег дольше этого месяца? У меня только экипажи на колесах, нет ни шуб, ничего теплого, чтобы защитить нас от холода. Поистине можно с ума сойти, ума не приложу как из этого положения выйти. Менее двух тысяч я не могу двинуться, ибо мне нужно здесь долги заплатить, чтоб жить, я занимала со всех сторон и никому из людей с мая месяца жалованья ни гроша не платила.

*Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову.
1 октября 1841.*

72

Вечер с 7 почти до 12 я просидел у Пушкиной жены и ее сестры. Они живут на Аптекарском, но совершенно монашески. Никуда не ходят и не выезжают...

В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе. Она ведет себя прекрасно, нисколько не стараясь этого выказывать.

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 24 августа 1840.

73

Гораздо интереснее после был визит Натальи Николаевны Пушкиной (жены поэта) с ее сестрой. Пушкина всегда трогает меня до глубины души своею ко мне привязанностью. Конечно, она это делает по одной учтивости. Но уже и то много, что она старается меня (не имея большой нужды) уверить, как ценит дружбу мужа ко мне...

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 21 марта 1841.

74

Слушали письмо вдовы Натальи Николаевны Пушкиной от 10-го минувшего сентября, которым она изъясняет, что для приготовления детей ее к помещению в казенные учебные заведения требуется нанять учителей и необходимую прислугу, а также на наем и содержание квартиры ныне требуется денежных сумм более, нежели сколько прежде оных употреблялось и что на все это всемилостивейше пожалованных на воспитание детей ее 6.000 р. ассигнациями в год она находит недостаточным, а потому и просит Опекунство оказать ей в сем случае законное пособие. Вследствие сего опекуны граф Григорий Александрович Строганов и граф Михайло Юрьевич Вильгорский, за отсутствием прочих г. г. опекунов, рассуждая о просьбе вдовы Пушкиной и находя оную вполне заслуживающею уважения, П о л о ж и л и: На наем учителей, квартиры и прислуги для детей покой-

ного А. С. Пушкина выдавать сверх все милостивейше пожалованных 6.000 руб. ассигнац., по 4.000 рублей... в год...».

Журнал заседания Опекунства 1 октября 1841.

75

В понедельник я обедал у Natalie Пушкиной с отцом и братом (Львом Сергеевичем) поэта. Все сравнительно с Александром ужасно ничтожны. Но сама Пушкина и ее дети — прелесть.

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 1 апреля 1842.

76

Чай пил у Пушкиной (жены поэта). Она очень мило передала мне свои идеи насчет воспитания детей. Ей хочется даже мальчиков, до университета, не отдавать в казенные заведения. Но они записаны в пажи — и у нее мало денег для исполнения этого плана. Был там на минуту Вяземский, который как папá нежничает с обеими сестрами...

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 25 ноября 1842.

77

Остаток вечера я с Вяземским провел у Н. Пушкиной. Это был канун смерти ее мужа, почему она и не поехала на придворный бал.

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 30 января 1843.

78

В этом году я буду вынуждена провести лето в городе, хотя и обещала Ване приехать на лето в Ильицыно. Приезд сюда графа Сергея Строганова полно-

стью изменил мои намерения. Он был так добр принять участие в моих детях, и по его совету я решила отдать своих мальчиков экстернами в гимназию, то есть они будут жить дома и ходить туда только на занятия. Но Саша еще недостаточно подготовлен к поступлению в третий класс, а по словам многих первые классы не благоприятны для умственного развития, потому что учеников в них очень много, а следовательно, и надзор не так хорош, и получается, что ученье идет очень медленно, и ребенок коснеет там годами и не переходит в следующий класс. Поэтому я хочу заставить Сашу много заниматься в течение года, что мне остается, потому что он будет поступать в августе будущего года. А теперь, по совету директора гимназии, куда я хочу его поместить, я беру ему учителей, которые подготовят его к сдаче экзамена. Это будет тяжелый год в отношении расходов, но в конце концов меня вознаградит убеждение, что это решение будет полезно моему ребенку. Прежде чем решиться на это, я воспользовалась предоставившимся мне случаем поговорить с самим его величеством, и он не осудил это мое намерение. (Франц.)

*Н. Н. Пушкина — Д. Н. Гончарову.
18 марта 1843.*

79

Зашел к Пушкиной. Она в среду приедет ко мне со всем семейством своим (семь человек) на вечерний чай.

*П. А. Плетнев — Я. К. Гроту.
22 сентября 1843.*

80

На чай из мужчин пришли: Энгельгардт, Кодионец и Петерсон, а из дам — Пушкина, сестра ее, гувернантка и дочь Пушкиной с маленькими двумя братья-

ми... Сперва накрыли чай для детей с их гувернантками. После новый чай для нас в зале. Кончив житейское, занялись изящными искусствами: дети танцевали, а потом Оля играла с Фукс на фортепиано. Александра Осиповна очень полюбила Пушкину, нашед в ней интересную, скромную и умную даму. Вечер удался необыкновенно.

*П. А. Плетнев — Я. К. Гроту.
25 сентября 1843.*

81

Мой муж может извлечь выгоды из своего положения командира полка. Эти выгоды состоят, правда, в великолепной квартире, которую еще нужно прилично обставить на свои средства, отопить, и платить жалованье прислуге 6000. И это вынужденное высокое положение непрочное, оно зависит целиком от удовольствия или неудовольствия его величества, который в последнем случае может не сегодня, так завтра всего его лишить. Следственно, не очень великодушно со стороны моей семьи бросить меня со всеми детьми на шею мужа. Три тысячи не могут разорить мать, а нехватка этой суммы, уверяю тебя, очень чувствительна для нашего хозяйства. Я рассчитываю на твое влияние на ее характер, так как ты единственный в семье можешь добиться от нее справедливости, а я не осмеливаюсь хоть что-нибудь требовать, это значило бы навлечь на себя ее гнев. Строганову удалось с помощью писем получить 1000 рублей за сентябрь; к ним было приложено письмо, в котором ему дали понять, что в дальнейшем на нее не должно рассчитывать. Эти намеки она, кажется, хочет осуществить, так как вот уже апрель, а январские деньги за квартал не поступают, и мы накануне мая, который, я предвижу, также не оправдает мои ожидания. Бога ради, сладь это дело с нею и добейся для меня этого единственного дохода, потому что ты хорошо знаешь, что у меня ничего нет, кроме капитала в 30.000, который

находится в руках у Строганова. Надеюсь только на тебя, не откажи в подобных обстоятельствах в помощи и опоре... (Франц.)

Н. Н. Ланская — Д. Н. Гончарову. 1845(?).

82

Втираться в интимные придворные круги — ты знаешь мое к тому отвращение; я боюсь оказаться не на своем месте и подвергнуться какому-нибудь унижению. Я нахожу, что мы должны появляться при дворе, только когда получаем на то приказание, в противном случае лучше сидеть спокойно дома. Я всегда придерживалась этого принципа и никогда не бывала в неловком положении. Какой-то инстинкт меня от этого удерживает. (Франц.)

Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому. 1849.

83

Несмотря на то, что я окружена заботами и привязанностью всей моей семьи, иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве. Эти минуты сосредоточенности перед иконой, в самом уединенном уголке дома, приносят мне облегчение. Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое часто раньше принимали за холодность и меня в ней упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца. (Франц.)

Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому. 1849.

84

Если бы ты знал, что за шум и гам меня окружают. Это бесконечные взрывы смеха, от которых дрожат стены дома. Саша проделывает опыты над Па-

шей, который попадает в ловушку, к великому удовольствию всего общества. Я только что отправила младших спать и, слава богу, стало немного потише. (Франц.)

Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому. 21 июня 1849.

У меня было намерение после обеда отправиться вместе со всеми на воды, чтобы послушать прекрасную музыку Гунгля и цыганок, и я послала узнать о цене на билеты. Увы, это стоило по 1 рублю серебром с человека, мой кошелек не в таком цветущем состоянии, чтобы я могла позволить себе подобное безрасудство. Следственно, я отказалась от этого, несмотря на досаду всего семейства, и мы решили благоразумно, к великой радости Ази, которая не должна была идти на концерт, отправиться на Крестовский полюбоваться плясунами на канате. Никто не наслаждался этим спектаклем с таким восторгом, как Азя и Лев Павлищев; этот последний хлопал в ладоши и раздражался смехом на все забавные проделки полишинеля. Веселость его была так заразительна, что мы больше веселились, глядя на него, чем на спектакль. Это настоящая ртуть, этот мальчик, он ни минуты не может спокойно сидеть на месте, но при всей своей живости — необыкновенно послушен, и сто раз придет попросить прощения, если ему было сделано замечание. В общем, я очень довольна своим маленьким пансионом, им легко руководить. Я никогда не могла понять, как могут надоедать шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми и довольными. Лев развлекает нас своим пением, музыкой, своим остроумием. Он беспрестанно ссорится и мирится со своей кузиной Машей, но это не мешает им быть лучшими друзьями на свете. (Франц.)

Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому. 29 июня 1849.

86

На днях приходила ко мне мадам Нащокина, у которой сын тоже учится в училище правоведения, и умоляла меня посылать иногда в праздники за сыном, когда отсутствует мадемуазель Акулова, к которой он обычно ходит в эти дни. Я рассчитываю взять его в воскресенье. Положительно, мое призвание — быть директрисой детского приюта: бог посылает мне детей со всех сторон, и это мне нисколько не мешает, их веселость меня отвлекает и забавляет. (*Франц.*)

*Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому.
Лето 1849.*

87

Я тебе очень благодарна за то, что ты обещаешь мне и желаешь еще много детей. Я их очень люблю, это правда, но нахожу, что у меня их достаточно, чтобы удовлетворить мою страсть быть матерью многодетной семьи. Кроме моих семерых, ты видишь, что я умею раздобыть себе детей, не утруждая себя носить их девять месяцев и думать впоследствии о будущем каждого из них, потому что, любя их всех так, как я люблю, благосостояние и счастье их — одна из главных моих забот. Дай бог, чтобы мы могли обеспечить каждому из них независимое существование. Ограничимся благоразумно теми, что у нас есть, и пусть бог поможет нам всех их сохранить. (*Франц.*)

*Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому.
20 июля 1849.*

88

Упрекая меня в притворном смирении, ты мне делаешь комплименты, которые я вынуждена принять и тебя за них благодарить, рискуя вызвать упрек

в тщеславии. Что бы ты ни говорил, этот недостаток мне всегда был чужд. Свидетель — моя горничная, которая всегда, когда я уезжала на бал, видела, как мало я довольна собою. И здесь ты захочешь увидеть чрезмерное самолюбие, и ты опять ошибешься. Какая женщина равнодушна к успеху, который она может иметь, но клянусь тебе, я никогда не понимала тех, кто создавал мне некую славу. Но довольно об этом, ты не захочешь мне поверить, и мне не удастся тебя убедить. (*Франц.*)

*Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому.
7 августа 1849.*

89

Ты совершенно прав, что смеешься над тем, как я говорю о политике, ты знаешь, что этот предмет мне совершенно чужд. Я добросовестно стараюсь запомнить то, что слышу, но половина от меня ускользает, я определенно не в ладах с фамилиями, поэтому когда решаюсь говорить об этом, то это должно выглядеть смешно. Я более привыкла к семейной жизни, это простое, безыскусственное дело мне ближе, и я надеюсь, что исполняю его с бóльшим успехом. (*Франц.*)

Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому. 1849 (?).

90

Что касается того, чтобы их пристроить, то, уверяю тебя, мы все в этом отношении более рассудительны, чем ты думаешь; я всецело полагаюсь на волю божью, но не считаю преступлением иногда помечтать об их счастье. Можно быть счастливыми и не будучи замужем, конечно, но что бы ни говорили — это значило бы пройти мимо своего призвания.

Я не решусь им это сказать, потому что еще на днях мы об этом много разговаривали, и я, иногда даже против своего убеждения, для их блага говорила им многое из того, о чем ты мне пишешь в своем письме, подготавливая их к мысли, что замужество прежде всего не так легко делается, и потом — нельзя смотреть на него как на забаву и связывать его с мыслью о свободе. Говорила им, что это серьезная обязанность и что надо делать свой выбор в высшей степени рассудительно...

Союз двух сердец — величайшее счастье на земле, а вы хотите, чтобы молодые девушки не мечтали об этом, значит, вы никогда не были молоды, никогда не любили. Надо быть снисходительными к молодежи, беда всех родителей в том, что они забывают, что они сами чувствовали, и не прощают детям, если последние думают иначе, чем они. Не следует доводить до крайности эту манию о замужестве, до того, чтобы забывать всякое достоинство и приличия, я держусь такого мнения, но предоставить им невинную надежду на приличную партию — это никому не принесет вреда. (*Франц.*)

*Н. Н. Ланская — П. П. Ланскому.
25 июля 1851.*

91

Быстро перешла бесенок Таша из детства в зрелый возраст, но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорилась воле божьей и нетерпению Дубельта. Один мой страх — ее молодость, иначе сказать — ребячество... За участие, принятое вами, и за поздравление искренно благодарю вас.

*Н. Н. Ланская — П. А. Вяземскому.
6 января 1853.*

Дружба, связывавшая вас с Пушкиным, дает мне право думать, что Вы с участием отнесетесь к известию о свадьбе его дочери.

*Н. Н. Ланская — С. А. Соболевскому.
Январь 1853 (?).*

В будущем 1862 году кончается срок у детей моих Пушкиных на право пользования сочинениями покойного мужа моего, а их отца Александра Сергеевича Пушкина. Из заботливости о участи двух сыновей его и незамужней дочери, я не могу равнодушно видеть приближение срока, зная, что сочинения Пушкина еще далеко не у всех русских читателей в руках, и что с увеличением последних, посторонние люди воспользуются огромными выгодами от предстоящих еще народных его изданий, и труды поэта будут таким образом потеряны для его потомства, обогатив более или менее смышленных спекуляторов. Не того ожидал от них и поэт, который при жизни своей не был в состоянии нажить достаток и оставил детям своим только надежду на благодеяние государя и на будущий успех своих творений. Я и семейство Пушкиных милостями покойного августейшего монарха взысканы превыше меры и для упрочения всех его благодеяний, как и для основы безбедного существования дальнейшему, может быть, потомству поэта решаюсь прибегнуть к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою исходатайствовать у все милостивейшего государя продолжение права исключительного печатания сочинений Пушкина двум сыновьям его по конец их жизни. Память поэта, материнская заботливость о детях и надежда на содействие Вашего Высокопревосходительства ко всему, что упрочивает положение великих деятелей на поприще народного просвещения, как их самих, так

и потомства их, дают мне смелость думать, что Вы не откажете благосклонным принятием всепокорнейшей моей просьбы.

Н. Н. Ланская (Пушкина) — министру народного просвещения А. С. Норову. Ноябрь 1856.

* * *

94

Мы ездили смотреть Семенову, и я признаюсь Вам, мой милый ангел, что эта пьеса Коцебу меня замучила своей длиннотой и нелепостями; в собрании было только 600 человек и зала была довольно пуста. В числе интересных знакомых были Гончарова с Пушкиным. Судя по его физиономии, можно подумать, что он досадует на то, что ему не отказали, как он предполагал. Уверяют, что они уже помолвлены, но никто не знает, от кого это известно; утверждают кроме того, что Гончарова-мать сильно противилась свадьбе своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Она кажется очень увлеченной своим женихом, а он с виду так же холоден, как и прежде, хотя разыгрывает из себя сентиментального...

Н. П. Озерова — С. Л. Энгельгардт. 4 мая 1830.

95

Наталья Ивановна Гончарова была довольно умна и несколько начитана, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах. У нее было несколько человек сыновей и три дочери, Катерина, Александра и Наталья. В Яропольце было около двух тысяч душ, но, несмотря на то, у нее никогда не было денег и дела в вечном беспорядке. В Москве она жила почти бедно, и когда Пушкин приходил к ней в дом женихом, она всегда старалась выпроводить

его до обеда или до завтрака. Дочерей своих бивала по щекам. На балы они иногда приезжали в изорванных башмаках и старых перчатках. Долгорукая помнит, как на одном балу Наталью Николаевну уводили в другую комнату и Долгорукая давала ей свои новые башмаки, потому что ей приходилось танцевать с Пушкиным.

Пушкин оставался женихом чуть ли не целый год до свадьбы. Когда он жил в деревне, Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала ей писать всякую глупость и между прочим делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого.

Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил именье, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны. В самый день свадьбы она послала сказать ему, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег. Венчались в приходе невесты у Большого Вознесения. Во время венчания нечаянно упали с налож крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. «Все плохие предзнаменования», — сказал Пушкин. В день свадьбы большой ужин у Пушкина в доме Хитровой, где распоряжался Левушка.

Наталья Ивановна была очень довольна. Она любила Пушкина, слушалась его. Он с ней обращался, как с ребенком. Может быть, она сознательно и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери. У Пушкиных она никогда не жила. В последнее время она поселилась у себя в Яропольце и стала очень несносна: просто-напросто

пила. По лечебнику пила. «Зачем ты берешь этих барышень?» — спросил у Пушкина Соболевский. «Она целый день пьет и со всеми лакеями...»

Е. А. Долгорукова. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым.

96

1831. 25 октября. Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете; она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, — ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, — но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, всё возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете.

1831. 12 ноября. Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется, и весь ее облик как будто говорит: «Я страдаю». Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!..

1832. 21 ноября. Самой красивой вчера была, однако ж, Пушкина, которую мы прозвали поэтической, как из-за ее мужа, так и из-за ее небесной и несравненной красоты. Это — образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием творца.

Д. Ф. Фикельмон. Из «Дневника».

Женитьба произвела в характере поэта глубокую перемену. С того времени он на все смотрел серьезнее, а все-таки остался верен привычке своей скрывать чувство и стыдиться его. В ответ на поздравление с неожиданною способностью женатым вести себя как прилично любящему мужу, он шутя отвечал: «Я просто хитер». После женитьбы я видела его раз у его родителей во время их обеда. Он сидел за столом, но ничего не ел. Старики потчевали его то тем, то другим кушаньем, но он от всего отказывался и, восхищаясь аппетитом своего батюшки, улыбнулся, когда отец сказал ему, предлагая гуся с кислую капустою: «Это шотландское блюдо», заметив при этом, что он никогда ничего не ест до обеда, а обедает в 6 часов. Быв холостым, он редко обедал у родителей, а после женитьбы почти никогда. Когда же это случилось, то после обеда на него иногда находила хандра. Однажды в таком мрачном расположении духа он стоял в гостиной у камина, заложив назад руки... Подошел к нему Илличевский и сказал:

У печки погружен в молчаньи,
Поднявши фрак, он спину грел
И никого во всей компании
Благословить он не хотел.

Это развеселило Пушкина, и он сделался очень любезен. Потом я его еще раз встретила с женою у родителей, незадолго до смерти матери. Она уже тогда не вставала с постели, которая стояла посреди комнаты, головами к окнам; Пушкины сидели рядом на маленьком диване у стены. Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью; а Александр Сергеевич, не спуская глаз с матери, держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как бы выражая тем ласку к жене и ласку к матери; он при этом ничего не говорил.

*А. П. Керн. Воспоминания о Пушкине,
Дельвиге и Глинке.*

Женитьба несколько его остепенила, но была пагубна для его таланта. Прелестная жена, любя славу мужа более для успехов своих в свете, предпочитала блеск и бальную залу всей поэзии в мире и, по странному противоречию, пользуясь всеми плодами литературной известности мужа, исподтишка немножко гнушалась того, что она, светская дама прежде всего, в замужестве за литератором, за стихотворцем. Брачная жизнь привила к Пушкину семейные и хозяйственные заботы, особенно же ревность, и отогнала его музу. Произведения его после свадьбы были и малочисленны, и слабее прежних. Но здесь представляются, в заключение, два любопытные вопроса: что вышло бы дальше из более зрелого таланта, если б он не женился, и как стал бы он воспитывать своих детей, если б прожил долее?

М. А. Корф. Записка о Пушкине.

Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при ее появлении. На вид всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге, где она блистала, во-первых, своей красотой и в особенности тем видным положением, которое занимал

ее муж,— она бывала постоянно и в большом свете, и при дворе, но ее *женщины* находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею не знакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже не видавших!

В. А. Соллогуб. Из «Воспоминаний».

100

Жену свою Пушкин иногда звал: моя косая Мадонна. У нее глаза были несколько вкось. Пушкин восхищался природным ее смыслом. Она тоже любила его действительно. Княгиня Вяземская не может забыть ее страданий в предсмертные дни ее мужа. Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после, начинаясь обыкновенно в 11 часов вечера.

П. А. и В. Ф. Вяземские. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым.

101

Пушкина называли ревнивым мужем. Я этого не замечала. Знаю, что любовь его к жене была безгранична. Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда даже мыслью, даже намеком на какое-либо подозрение не допускал оскорбить ее. Мой муж также обожал Наталью Николаевну, и всегда, когда она выезжала куда-нибудь от нас, он

нежно, как отец, крестил ее. Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осыпал эти исписанные листочки бумаги поцелуями. В одном ее письме каким-то образом оказалась булавка. Присутствие ее удивило Пушкина, и он воткнул эту булавку в отворот своего сюртука.

В последние годы клевета, стесненность в средствах и гнусные анонимные письма омрачали семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его всегда неизменно веселым, как и в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил ее по-прежнему.

В. А. Нащокина. Рассказы о Пушкине.

102

Я слышала, что один из дней недели, именно пятницу (день кончины поэта — пятница 29 января 1837 г.), она предавалась печальным воспоминаниям и целый день ничего не ела. Однажды ей пришлось непременно быть у Пашенко в одну из пятниц. Все заметили необыкновенную ее молчаливость, а когда был подан ужин, то вместо того чтобы сесть, как все остальное общество, за стол, она ушла одна в залу и там ходила взад и вперед до конца ужина. Видя общее недоумение, муж ее потихоньку объяснил причину ее поступка, сначала очень удивившего присутствующих. Этот последний рассказ я слышала от покойного Ф. К. Яголковского, очевидца-свидетеля происшествия.

Л. Н. Спасская. 1855—1856.

«Умнее Пушкина я никого не знаю», — заметила как-то Александра Осиповна Смирнова (в девичестве Россет). Но и поэт знал немногих женщин, обладавших таким умом и очарованием, как «черноокая Россети». О впечатлении, которое производила она, достаточно полно сказал Вяземский (№ 9). Пушкин назвал ее «смугло-румяной красотой нашей». Александра Осиповна действительно была красива, хотя интерес к ней таких людей как Пушкин, Жуковский, Вяземский, Лермонтов, Гоголь, Аксаков, и многих других определялся не только и не столько этим фактом. Россети была образованна, умна, даже вернее сказать обладала язвительным умом (немного злым при этом), что давало возможность на равных обсуждать с нею самые различные вопросы литературы, политики и вообще все новости. Разумеется, встретить столь компетентного собеседника в очаровательной молодой женщине Пушкину было особенно приятно! Что касается красоты, то кроткий взор Олениной, не говоря уж о прелести Гончаровой, нравились ему больше. На восторженные восклицания Вяземского об очах — «южных звездах» Пушкин возразил довольно решительно:

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами

Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!

В эпиграмматической форме истинные достоинства
Россет-Смирновой «выявил» близкий ее приятель
С. А. Соболевский:

Не за пышные плечи,
Не за черный ваш глаз,
А за умные речи
Полюбил бы я вас.

Беседовать с «грозой придворных рыцарей» было
Пушкину, видимо, интереснее, чем с Олениной. Это
следует из «Записок» и «Автобиографии» Александры
Осиповны, где она не без некоторой рисовки, но прав-
диво рассказывает о своей дружбе с Пушкиным и
Жуковским (№ 3). Рассказанное ею подтверждается
и многими свидетельствами современников.

Стихотворцы прямо-таки состязались в поэтиче-
ском ее прославлении. Пушкин, правда, чуть-чуть
иронизировал, умея буквально одним словом выска-
зать «за и против»:

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти
Те, те, те и те, те, те.

Жуковский умел за шуткой и «галиматьей», как
он говорил, скрыть сердечную привязанность и даже
некоторое увлечение остроумной молодой фрейлиной:

Я на все решиться готов! Прикажете ль кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам
Дюжину теплых калошей, дабы гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли вы? Прикажете ль, уши
Дам отрезать себе, чтобы в летнее время хлопущей
Вам усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам неотступной своей любовью
К вашему смуглому личику...

Приятель Пушкина, поэт Василий Туманский, вы-
ступил в необъявленном «поэтическом турнире» в
честь А. О. Смирновой-Россет с песней, ставшей одним
из немногих его не забытых по сей день стихотво-
рений:

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно;
А эти не глядят, а взглянут,—
Так, словно царь властительный.

На тех порой сверкали слезы,
Любви немые жалобы,
А тут не слезы, а угрозы,—
А то и слез не стало бы.

Вяземский, вообще с трудом способный устоять перед женской красотой, да еще соединенной с остроумием и красноречием, посвятил Александре Осиповне целый ряд стихотворений. Например, в 1830 г. он сделал ей такой комплимент:

И молча бы вы умницей прослыли,
Дар слова, острота,— все это роскошь в вас:
В глаза посмотришь вам — и разглядишь как раз,
Что с неба звезды вы схватили.

Упоминая в 1831 г. в письме Плетневу о «Южной ласточке», Пушкин намекал на другие строки Вяземского:

Красою смуглого румянца
Смотрите, как она южна:
Она желтее померанца,
Живее ласточки она.

Эту персональную «антологию» можно было бы продолжать еще долго. Но мы завершим наш обзор написанным в 1840 г. стихотворением М. Ю. Лермонтова, которое знают многие, но, может быть, не все помнят, кому оно посвящено:

Без вас хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,—
И я в смущении молчу.
Что ж делать? Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

Откуда же появилось это черноокое чудо по имени Александра Осиповна Россет-Смирнова?

Отец ее был француз по происхождению. Воспитанник морского училища, он в ранней молодости перешел на русскую службу и поселился в Одессе, где стал комендантом порта, заведующим карантинном и гребной флотилией. Женился Осип Иванович Россет на 16-летней Надежде Ивановне Лорер (сестре будущего известного декабриста) — отец которой был немецкого происхождения, а мать — грузинка. Так что в Александре Осиповне соединялись грузинская, французская и немецкая кровь. «От Россетов,— писал один из ее биографов,— она унаследовала французскую живость, восприимчивость ко всему и остроумие, от Лореров — изящные привычки, любовь к порядку и вкус к музыке, от грузинских своих предков — лень, пламенное воображение, глубокое религиозное чувство, восточную красоту и непринужденность в обращении». Религиозное чувство проявилось у Александры Осиповны уже на склоне лет — под влиянием нелегких обстоятельств и серьезных болезней, а остальные свойства ей и в самом деле были присущи, хотя едва ли они с такой точностью «раскладываются по полочкам» предков.

Однако обстоятельства сложились так, что уже в раннем детстве Александра Осиповна испытала совсем иные влияния и узнала совсем другую жизнь, чем та, которую, казалось бы, сулило ее происхождение. Отец ее умер рано, мать вышла снова замуж, а Сашеньку отдала на воспитание бабушке Екатерине Евсеевне Цициановой, владелице совсем скромного имения Грамаклея-Водино близ Николаева. Там протекали чудесные годы детства, оставившие светлый след в душе и превратившие французско-грузинскую Россет в умную и мечтательную русскую девушку. «Если бы Гоголь стал описывать Грамаклею,— писала потом Александра Осиповна,— не знаю что бы мог он сказать о ней особого, разве только то, что у въезда в деревушку был ключ самой холодной и серебристой воды, да что речка, которая протекала около сада, была темная, глубокая и катилась так медленно меж тростника, что казалась неподвижной». Гоголь, наверно, нашел бы и еще что сказать, но темную, глубокую

речку и «ключ сребристой воды» он бы тоже не пропустил. На впечатлительную Сашу Россет жизнь в Грамаклее оказала сильное влияние и многое определила в ее характере. Она рассказывала в «Записках»: «Я уверена, что настроение души, склад ума, склонности, еще не сложившиеся в привычки, зависят от первых детских впечатлений: я никогда не любила сад, а любила поле, не любила салон, а любила уютную комнатку, где незатейливо говорят то, что думают, т. е. что попало». В письме к Гоголю она признавалась: «Не могу забыть ни степей, ни тех звездных ночей, ни крики перепелов, ни журавлей на крышах, ни песен бурлаков». А какой сочный, прекрасный русский язык выработался у нее в детстве! Все это необходимо иметь в виду, оценивая интерес, который проявляли к личности Александры Осиповны сначала писатели пушкинского круга, а потом Гоголь и Аксаков, Тургенев и Достоевский.

Однако у бабушки она провела только несколько лет, а потом мать поместила ее в Екатерининский институт в Петербурге. Здесь ей снова повезло: учителем русской словесности был в институте Петр Александрович Плетнев. Встреча с Пушкиным была подготовлена заранее — чтением вслух «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», первых глав «Онегина». Дружеские отношения с Плетневым Россет сохранила навсегда; в то лето 1831 г., которое провела в Царском Селе в непосредственном общении с Пушкиным и Жуковским, она тревожилась о судьбе Плетнева в «осажденной холерой» столице. 19 июля 1831 г. Плетнев просил Пушкина: «Поблаговари Россети за ее ко мне дружбу. Ее беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку. Я не умею сам себе объяснить, чем я заслужил от нее столько участия; но быть за это признательным и преданным очень умею». «Россети вижу часто; она тебя любит и часто мы говорим о тебе», — отвечал Пушкин Плетневу 3 августа 1831 г.

В 1826 г. осиротевшая к тому времени Александра Россет окончила институт и стала фрейлиной императрицы. Ее дядюшка Николай Иванович Лорер был заточен в тюрьму, а затем сослан на Кавказ в числе других декабристов. Есть сведения, что юная Россет

не боялась просить императора о смягчении его участи. Начались для нее тяжелые годы придворной службы, которая способна была лишь развратить душу. Позже она вспоминала: «Утратилось тогда молодое и верное чувство, нас не обманывающее». Но иного выхода не оставалось: у Россет не было ни гроша, а живя во дворце, она ухитрялась помогать и покровительствовать своим четырем братьям.

С Пушкиным Россет познакомилась в конце 1828 г. или в январе 1829 г. на балу у Хитрово (если память не изменила Александре Осиповне). В дальнейшем круг их знакомых был общий. Через Плетнева Россет подружилась с Жуковским, вошла в салон Карамзиных и очень полюбила Екатерине Андреевне. Нельзя сказать, чтобы Россет сразу поняла величие Пушкина. На старости лет на вопрос П. И. Бартевева: «Вы ценили Пушкина, и он вас?», она чистосердечно ответила: «О, нет, ни я не ценила его, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков; мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».

Дружеские их отношения начались позже: в 1831 г., когда Пушкин с молодой женой поселился на лето в Царском Селе, где находился тогда двор, а с ним и фрейлины. Несмотря на все сложности, вызванные «соседством» самодержца, это было для Пушкина чудесное лето. Пушкин и Жуковский много работали, порой даже вступая в творческое состязание, чуть ли не каждый день навещал их молодой литератор Николай Васильевич Гоголь, здесь и познакомившийся со своим будущим близким другом Александрой Осиповной Россет. Жуковский и Пушкин запросто бывали у нее во фрейлинской «келье», а не застав хозяйки, любили беседовать с девушками-горничными. У Александры Осиповны в горничных жила тогда ее тезка родом из Архангельска. Пушкин шутил с нею и, заливаясь смехом, жаловался: «Саша из Архангельска, чистая демократка, никого в грош не ставит». Саша архангелогородская и вправду могла сказать Пушкину: «Да что же мне, что вы стихи пишете — дело самое пустое! Вот Василий Андреевич гораздо почетнее вас». Подобные штрихи из воспоминаний Россет-Смирновой могут показаться мелочами. Да так оно и

есть, не будем забывать только, что в это время были написаны, например, «Сказка о Попе и работнике его Балде» Пушкина и «Сказка о царе Берендее» Жуковского.

Стоит сказать несколько слов о недостоверной легенде, отраженной в одном из вариантов записок Россет-Смирновой и в давнее время подхваченной некоторыми пушкинистами. Речь идет о противопоставлении интеллектуальной и мыслящей Россет-Смирновой — якобы бездумной и безучастной к литературе Наталье Николаевне Пушкиной. В уста последней вложены фразы вроде: «Ах, Пушкин, как ты надоел мне со своими стихами!»; или: «Читай, читай, я все равно не слушаю!» (в ответ на вопрос Александра Сергеевича, не мешает ли жене чтением). Все это не более, чем невинное кокетство (задним числом) Александры Осиповны или ее скромное желание выглядеть равноправным слушателем Пушкина*. В сущности и сама Смирнова отвергает это, рассказывая, с каким интересом Пушкин относился к замечаниям ее и Натальи Николаевны по тексту сказок. Жене Пушкина не исполнилось тогда еще и 19 лет, Смирновой было всего на три года больше. Разумеется, они гуляли, катались в коляске и развлекались в Царском Селе, но Пушкин для обеих был поэт, стихи которого знали и любили чуть ли не с детства. Использовать фразы, вырванные из воспоминаний Смирновой, для характеристики жены Пушкина нет ни малейших оснований.

Жуковский извещал А. И. Тургенева летом 1831 г.: «Мы с Пушкиным вместе проживаем в Царском и вместе проводим вечера у смуглой царскосельской невесты». Действительно, Александра Осиповна была уже сговорена. Жених ее, а с 11 января 1832 г. — муж, Николай Михайлович Смирнов, был добрым приятелем Пушкина. Он оставил краткие воспоминания о «самом замечательном человеке в России».

---

* Мемуары А. О. Смирновой вообще были сначала полностью фальсифицированы ее дочерью Ольгой Николаевной. Понадобилась сложнейшая текстологическая работа советских исследователей, чтобы отделить действительный текст от фальшивого. Все дореволюционные издания «Записок» Смирновой никакой ценности не представляют.

Брак Россет и Смирнова оказался несчастливym. Но тогда, летом и осенью 1831 г., все представляло перед Александрой Осиповной в радужном свете. Она писала жениху: «День прекрасен. Два небольших солнечных луча проникают в мою комнату сквозь овальное окно и освещают самым причудливым образом мое платье. Прощайте, дорогой и милый Николай! Верите ли вы в чувства вашего нежного и преданного друга? Не следует в них сомневаться». Верила ли она сама? Трудно сказать. Замужество казалось Россет единственным выходом из тупика: не по ее свободному характеру было долго оставаться при дворе, с его интригами, с его душной последекабрьской атмосферой, с его развратом и клеветой всех на каждого.

Николай Михайлович Смирнов был богат, имел звание камер-юнкера, служил на дипломатической службе. Иногда его называют человеком ограниченным и заурядным. Однако из упоминаний Пушкина о нем и других документальных свидетельств это ни в коей мере не вытекает. Это был человек неглупый, порядочный, порой вспыльчивый до ярости, но вовсе не заурядный. Смирнов дослужился до камергерского ключа, в 1850—60-х годах был губернатором Калужским, а потом Петербургским. С Александрой Осиповной они характерами не сошлись, но прожили долго и окончательно расстались лишь на склоне лет.

После того, как Россет стала Смирновой, упоминания Пушкина о ней (в письмах к Наталье Николаевне и в дневнике 1834 г.) в основном касаются ее здоровья. Она тяжело и неудачно рожала в первый раз: ребенок умер. Во второй раз она родила двойню. Пушкин хотя и каламбурил по этому поводу в письме к жене (27 июня 1834 г.), но всерьез тревожился за «чернооую Россети».

В марте 1832 г. Пушкин явился к Александре Осиповне и по случаю дня рождения подарил ей купленный на Невском альбом с большими листами. На первой странице рукою Пушкина написано «Исторические записки А. О. С.», потом шел текст стихотворения, которым открывается наша подборка материалов (№ 1). Конечно его следует читать не как именинный мадригал, а как замечательную по лаконизму и верности характеристику владелицы альбома.

Это был один из многочисленных случаев, когда поэт побуждал друзей писать записки об их жизни. Помните, так было, например, с Матюшкиным и Нащокиным. Не случайно преподнес поэт альбом для записей и Александре Осиповне. Он руководствовался, во-первых, тем, что ей было о чем рассказать — о своем детстве, о древнем роде Цициановых, о жизни во дворце; во-вторых, — тем, что она умела рассказывать и превосходно владела русским литературным слогом. Впоследствии Александра Осиповна оправдала надежды Пушкина, оставив интересные записки. И самые яркие страницы в них посвящены ему, Пушкину.

В 1833 г. Александра Осиповна лечилась за границей. В августе они с мужем возвратились в Петербург, но Пушкин был уже в Яропольце и вернулся лишь в ноябре. В начале 1834 г. поэт бывал в их богатом и хлебосольном доме. Николай Михайлович Смирнов вспоминал, как Пушкин, придя к ним, «печально ходил по комнатам надув губы, и, опустив руки в карманы, уныло повторял: «Грустно! Тоска!» Шутка, острое слово оживляли его электрическою искрою, — он громко захохочет и обнаружит ряд белых, блестящих зубов, которые с толстыми губами были в нем остатками полуарабского происхождения. И вдруг снова, став к камину... запоем протяжно: «Грустно! тоска!». Как известно, в 1834 г. Пушкин мучительно решал вопрос о том, ехать ли ему на житье в деревню или оставаться в холодном «свинском» Петербурге между пасквилями и доносами. Лето 1834 г. прошло для Пушкина в срочной и напряженной работе над корректурой «Истории Пугачева». Реже виделся он и с Александрой Осиповной. «Смирнова велела мне сказать, что она впишет меня в разряд иностранцев, которых велено не принимать», — шутил он в письме к Наталье Николаевне в августе.

В марте 1835 г. Смирновы вновь отправились за границу. Из Берлина Александра Осиповна сообщала Вяземскому, что подписывается на «Современник» и «надеется на вкус Пушкина». Она просит сообщить Пушкину, что готова поставлять для журнала материал о берлинских литературных новостях. Первый номер «Современника» обрадовал ее «Коляской» Го-

голя и «Путешествием в Арзрум» Пушкина, о чем она и рассказала в письме Вяземскому от 4 мая 1836 г.

Весть о гибели Пушкина застала Александру Осиповну в Париже. Андрей Николаевич Карамзин сидел у Смирновых за обеденным столом, когда ему принесли письмо, извещавшее о смерти Пушкина. Вместе с Карамзиным, Гоголем, Соболевским и другими русскими, собравшимися тогда в Париже, Россет-Смирнова горько оплакивала Пушкина. Вяземский написал ей: «Умирая, Пушкин продиктовал записку, кому он что должен; вы там упомянуты. Это единственное его распоряжение. Прощайте». Александра Осиповна ответила: «...Вы должны были бы сообщить мне еще несколько подробностей о горестном событии. Правда, для друзей Пушкина и для друзей России все уже высказано... Ничего нет более раздирающе-поэтического, чем его жизнь и его смерть. Я так же была здесь оскорблена, как и вы, несправедливостью общества... Я молчу с теми, которые меня не понимают. Воспоминание о нем сохраняется во мне недостижимым и чистым. Много вещей имела бы я вам сообщить о Пушкине, о людях и делах; но на словах, потому что я побаиваюсь письменных сообщений».

24 апреля 1837 г. Александра Осиповна написала и Жуковскому: «Одно место в нашем кругу пусто, и никогда никто его не заменит. Потеря Пушкина будет еще чувствительнее со временем. Вероятно, талант его и сам он развились бы с новой силой через несколько лет». Подчеркнем особо эту значительную мысль о еще более великом, неосуществленном будущем Пушкина. Так думали лучшие его друзья...

Александру Осиповну Смирнову ждали впереди еще долгие годы. Все предстояло ей: и сердечные увлечения, и дружба с лучшими людьми века, и душевная депрессия, и склонность к мистицизму и горести, горести, горести. Однако это уже другая жизнь и другая повесть. Все же, как ни судить, пушкинское время, совпавшее с молодостью Александры Осиповны и с расцветом ее красоты и духовных сил, осталось для нее самым прекрасным и неповторимым.

Последние годы Россет-Смирнова провела в постоянных странствиях по России и снова в поездках за рубеж. Была она в родной Одессе, в Константино-

поле, жила на берегу Женевского озера. В 1867 г. она писала: «Все-то я, бедная старуха, таскаюсь по гостиницам. И как скучно и пусто за границей, и как бы хотелось опять в спокойную, отжившую Москву, отжившую для тех, которые не понимают, что это сердце России!»

В № 248 «Московских Ведомостей» за 1882 г. появилось следующее извещение: «Тело умершей 7 июня сего года в Париже вдовы тайного советника Александры Иосифовны Смирновой имеет быть привезено в Москву 8-го, день погребения в Донском монастыре 9 сентября в 11 час. утра. Родственники и знакомые приглашаются в этот день почтить память умершей».

Основная литература

А. О. Смирнова. Записки, дневники, воспоминания, письма. М., 1929.

А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931.

1

* * *

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

1832

А. С. Пушкин

2

Я летом в Павловске познакомилась с семейством Карамзиных. ...Они жили зимой и осенью на Литейной против самой церкви и просили меня у них обедать. После обеда явился Фирс Голицын и Пушкин. Он захотел прочитать свою последнюю поэму «Полтаву». Нельзя было хуже прочитать свое сочинение, чем Пушкин. Он так вяло читал, что казалось, что ему надоело его собственное создание. Когда он кончил, он спросил у всех их мнения и спросил меня, я так оторопела, что сказала только: «Очень хорошо».

...У Потоцкого были балы и вечера. Пушкин всегда был приглашаем на эти вечера, и говорил, когда хотелось пить, ему подавали как прохладительное кофию черного, то то, то другое, и моченые яблоки, и морошку, любимую Пушкиным, бруснику,

брусничную воду, и клюквенный морс, и клюкву замороженную, даже коржики, а сладостям конца не было...

А. О. Смирнова. Автобиография.

3

Часть лета 1830 года мы провели в Петергофе, а потом в Царском Селе до сентября. Тут уже мы часто видались с Жуковским; но в 1831 году в Царском мы видались ежедневно. Пушкин с молодой женой поселился в доме Китаева, на Колпинской улице. Жуковский жил в Александровском дворце, а фрейлины помещались в Большом дворце. Тут они оба взяли привычку приходить ко мне по вечерам, то есть перед собранием у императрицы, назначенным к 9 часам. Днем Жуковский занимался с великим князем или работал у себя. Пушкин писал, именно свои сказки, с увлечением; так как я ничего не делала, то и заходила в дом Китаева. Наталья Николаевна сидела обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас нас зазывал к себе. Кабинет поэта был в порядке. На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с кружовниковым вареньем, его любимым (он привык в Кишиневе к дульчецам). Волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках; книги лежали на полу и на всех полках. В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара, но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука. Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и привирал всякую чепуху насчет своей соседки графини Ламберт. Иногда читал нам отрывки своих сказок и очень серьезно спрашивал нашего мнения. Он восхищался заглавием одной: «Поп — толоконный лоб и служитель его Балда». «Это так дома можно,— говорил он,— а ведь цензура не

пропустит!» Он говорил часто: «Ваша критика, мои милые, лучше всех; вы просто говорите: этот стих нехорош, мне не нравится». Вечером, в 5 или 6 часов, он с женой ходил гулять вокруг озера, или я заезжала в дрожках за его женой; иногда и он садился на перекладинку верхом, и тогда был необыкновенно весел и забавен. У него была неистощимая подвижность ума. В 7 часов Жуковский с Пушкиным заходили ко мне; если случалось, что меня дома нет, я их заставляла в комфортабельной беседе с моими девушками. «Марья Савельевна у вас аристократка; а Саша, друг мой, из Архангельска, чистая демократка. Никого ни в грош не ставит». Они заливались смехом, когда она Пушкину говорила: «Да что же мне, что вы стихи пишете — дело самое пустое! Вот Василий Андреевич гораздо почетнее вас». — «А вот за то, Саша, я тебе напишу стихи, что ты так умно рассуждаешь». И точно, он ей раз принес стихи, в которых говорилось, что

Архангельская Саша
Живет у другой Саши.

Стихи были довольно длинны и пропали у нее. В это время оба, Жуковский и Пушкин, предполагали издание сочинений Жуковского с виньетками. Пушкин рисовал карандашом на клочках бумаги, и у меня сохранился один рисунок, также и арабская головка его руки...

А. О. Смирнова. Воспоминания о
Жуковском и Пушкине.

4

У Доны Sol* был я вчера; писем твоих у ней здесь нет; она не намерена их сжечь et vous accuse de fatuité**. Дело в том, что она чрезвычайно мила, умна и в лицах представляет генеральшу Ламбер и

---

* Дона Соль (исп.).

** и обвиняет тебя в фатовстве (франц.).

камер-лакея немца — в совершенстве. Твое рассуждение о пословице русской не пропадет. К числу благороднейших принадлежит и сия: за тычком не уго니шься, т. е. не хлопочи о полученном тычке. Кстати о тычке: читал ли ты в Телескопе статью Феофилакta Косичкина? Прости, кланяюсь тебе и твоим. Вчера Дона Соль получила при мне и Жуковском письмо от своего брата; он от имени Катерины Андреевны спрашивает у Жуковского его мнения: приезжать ли ей в Петербург или оставаться в Москве. Жуковский сказал, что если б он имел сто языков, то все бы они заговорили: приезжайте к нам, к нам, к нам. Себялюбие в сторону, я точно того же мнения; холера в Петербурге прекратилась, а у вас опять начинается. Экие времена!..

Пушкин — П. А. Вяземскому. 3 сентября 1831.

5

В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий день почти ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои записки», — и на первом листе написал стихи: «В тревоге пестрой и бесплодной» и пр. Почерк у него был великолепный, чрезвычайно четкий и твердый. Князь П. А. Вяземский, Жуковский, Александр Ив. Тургенев, сенатор Петр Ив. Полетика часто у нас обедали. Пугачевский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили; кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один и всегда имел последнее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковского, который, впрочем, не всегда с ним соглашался. Когда же после кофья уселись слушать чтение, то сказали Тургеневу: «Смотри, если ты заснешь, то не храпеть». Александр Иванович, отнекиваясь, уверял, что никогда не спит: и предмет и автор бунта, конечно, ручаются за его внимание. Не прошло и десяти минут, как наш Тургенев захрапел

на всю комнату. Все рассмеялись, он очнулся и начал делать замечания как ни в чем не бывало. Пушкин ничуть не оскорбился, продолжал чтение, а Тургенев преспокойно проспал до конца.

А. О. Смирнова. Воспоминания
о Жуковском и Пушкине.

6

Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее.

А. С. Пушкин. Дневник. 25 апреля 1834.

7

Что это за четвертый том Пушкина, в котором помещены «Гузла» и сказка о *Петушке*? Откуда он появился? Скажите Пушкину, что он мог бы написать мне словечко, *хоть в стихах*, поскольку это ему гораздо удобней. Я читаю Гейне, он сущий дьявол, скажите это Пушкину...

А. О. Смирнова — П. А. Вяземскому.
25 декабря 1835.

8

Ни в ком не было такого ребяческого благодушия, как в Жуковском. Но никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли — бывало, забудет их совершенно. Вяземский, которому очень не хотелось, чтоб Пушкин был его умнее, надуетя и уж молчит, а Жуковский смеется: «Ты, брат Пушкин, черт тебя знает, какой ты — ведь вот и чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею, так ты нас обоих в дураки и записываешь».

Раз я созналась Пушкину, что мало читаю. Он мне говорит: «Послушайте, скажу и я вам по секрету, что я читать терпеть не могу, многого не читал, о чем говорю. Чужой ум меня стесняет. Я такого мнения, что на свете дураков нет. У всякого есть ум, мне не скучно ни с кем, начиная с будочника и до царя». И действительно, он мог со всеми весело проводить время. Иногда с лакеями беседовал...

Однажды говорю я Пушкину: «Мне очень нравятся ваши стихи «Подъезжая под Ижоры».

— Отчего они вам нравятся?

— Да так,— они как будто подбоченились, будто плясать хотят.

Пушкин очень смеялся.

— Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно — «подбоченились»,— а вот как это верно. Говорите же после этого, что книги лучше разговора.

Когда сердце бьется от радости, то, по словам Пушкина, оно:

То так,
То пятак,
То денежка!

Этими словами он хотел выразить биение и тревогу сердца.

Наговорившись с ним, я спрашивала его (поутру у него в комнате):

— Что же мы теперь будем делать?

— А вот что! Не возьмете ли вы меня прокатиться в придворных дрогах?

— Поедемте.

Бывало, и поедем. Я сяду с его женой, а он на перекладинке, впереди нас, и всякий раз, бывало, поет во время таких прогулок:

Уж на Руси
Мундир он носит узкий,
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А. О. Смирнова. Рассказы о Пушкине,
записанные Я. П. Полонским.

В то самое время расцвела в Петербурге одна девица, и все мы, более или менее, были военнопленными красавицы; кто более или менее уязвленный, но все были задеты и тронуты. Кто-то из нас прозвал смуглую южную черноокую девицу *Donna Sol**, главную действующею личностью испанской драмы Гюго. Жуковский, который часто любил облекать поэтическую мысль выражением шуточным и удачно пошлым, прозвал ее *небесным дьяволенком*. Кто хвалил ее черные глаза, иногда улыбающиеся, иногда огнестрельные; кто — стройное и маленькое ушко, эту аристократическую женскую примету, как ручка и как ножка; кто любовался ее красивою и своеобразною миловидностью. Иной готов был, глядя на нее, вспомнить старые, вовсе незвучные стихи Востокова и воскликнуть:

О, какая гармонія
В редкий сей ансамбль влита!

И заметим мимоходом, что она очень бы смеялась этим стихам: несмотря на свое общественное положение, на светскость свою, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьем. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое и все смешное. Изящное стихотворение Пушкина приводило ее в восторг. Переряженная и масляничная поэзия Курдюковой находила в ней сочувственный смех. Обыкновенно женщины худо понимают плоскости и пошлости; она понимала их и радовалась им, разумеется, когда они были не плоско-плоски и не пошло-пошлы. Женщины брезгливы и в деле искусства, у них во вкусе есть своя исключительность, свой педантизм, свой чин чина почитай. Наша красавица умела постигать Рафаэля, но не отворачивалась от Теньера, ни от карикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всех живо-

---

* Донна Соль (исп.).

стью своею, чуткостью впечатлений, остроумием, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность, не лишенную прелести, какую-то южную ленивость, усталость. В ней было что-то от *севильской женственности*. Вдруг эта мнимая бесстрастность расшевелится или теплым сочувствием всему прекрасному, доброму, возвышенному, или (да простят мне барыни выражение) ошетинится скептическим и язвительным отзывом на жизнь и на людей. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были как музыкальные разнозвучия, которые под рукою художника сливаются в какое-то странное, но увлекательное созвучие. В ней были струны, которые откликались на все вопросы ума и на все напевы сердца. Были, может быть, струны, которые звучали пронзительно и просто неприятно, но это были звуки отдельные, обрывистые, мимолетучие. Впрочем, и эта разноголосица имеет свою раздражительную прелесть: когда сердиться на женщину — это несомненный знак, что ее любишь.

Хотя не было в чулках ее ни малейшей синей петли, она могла прослыть у некоторых *академиком в чепце*. Сведения ее были разнообразные, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы. Профессор духовной академии мог быть не лишним в дамском кабинете ее, как и дипломат, как Пушкин или Гоголь, как гвардейский любезник — молодой лев петербургских салонов... Одним словом, в запасе любезности ее было если не всем сестрам по серьгам, то всем братьям по *сердечной загвоздке*, как сказал бы Жуковский. Молодой русский врач С. был также в числе прихваченных гвоздем. Когда говорили о ней и хвалили ее, он всегда прибавлял: «А заметьте, как она славно кушает. Это верный признак здоровой натуры и правильного пищеварения». Каждый смотрел на нее со своей точки зрения: Пушкин увлекался прелестью и умом ее, врач С. — исправностью ее желудка.

Вот шуточные стихи, которые были ей поднесены:

Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец!
Но все нам сладостно и лакомо от вас,
И каждый мыслями и чувствами из нас
Ваш верноподданный и ваш единоведец.
Но всех счастливей будет тот,
Кто к сердцу вашему надежный путь проложит
И радостно сказать вам может:
О, Донна Сахар! Донна Мед!

П. А. Вяземский.

10

А. О. Смирнова была небольшого роста, брюнетка, с непотухающей искрой остроумия в ее черных и добрых глазах. Высокое ее положение в свете и изящество ее манер не помешали многим находить, что наружностью она походила на красивую молодую цыганку.

А. В. Мещерский. Воспоминания.

11

Я застал Смирнову далеко уже не первой молодости... Сухое, бледное лицо ее, черные строгие глаза и правильный тонкий профиль, может быть, и сохраняли еще слабые следы прежней молодой красоты,— но все же, глядя на них, мне не верилось, чтобы она была так хороша, что обвораживала всех, кто случайно попадал в ту атмосферу, где цвела ее молодость. Мне казалась она больной, нервной, беспрестанно собирающейся умереть и чем-то глубоко разочарованной, удрученной женщиной... Иногда при гостях она вдруг как бы оживала. Самым добродушным тоном говорила колкости,— она же умела говорить,— но так, что сердиться на нее никто не мог, даже и те немногие, которые очень хорошо понимали, в чей огород она бросает камешки,— словом, бывали минуты, когда она была неузнаваема. Я не раз удивлялся ей, в особенности ее колоссальной памяти,—

выучиться по-гречески ей ничего не стоило... Я уважал ее за ум, но, по правде сказать, не очень любил ее... Из-под маски простоты и демократизма просвечивался аристократизм самого утонченного и вонючего свойства, под видом кротости скрывался нравственный деспотизм, не терпящий свободомыслия, разумеется, только в тех случаях, когда эта свобода не облечена в ту блистательную, поэтическую дерзость, которая приятно озадачивает светских женщин, и о которой они сами любят всем рассказывать, как о чем-то оригинальном и приятном, великодушно прощать врагам своим. Несмотря на эти недостатки, я все готов был простить Смирновой за ее ум, правда, парадоксальный, но все-таки ум, и за ее колоссальную память. Чего она не знала? На каких языках не говорила?

Я. П. Полонский.

12

Ее красота, столько раз воспетая поэтами, не величаявая и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, пронизательных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя,— искусства, поэзии, знания,— скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение. Дружба с Плетневым и Жуковским свела ее с Пушкиным, и скромная фрейлинская келия на четвертом этаже Зимнего Дворца сделалась местом постоянного сборища всех знаменитостей тогдашнего литературного мира. Она и пред лицом императора Николая... являлась представительницею, а иногда и смелой защитницей лучших в ту пору стремлений русского общества и своих непридворных друзей.

И. С. Аксаков. Некролог А. О. Смирновой.

КОНСТАНТИН КАРЛОВИЧ ДАНЗАС

1801 — 1870.

Данзас был в товарищеских, но не самых близких отношениях с Пушкиным в Лицее, не так уж часто виделся с ним впоследствии, и, не сложись в жизни Пушкина совершенно необычные, безысходные обстоятельства в конце января 1837 г., имени Данзаса скорее всего не было бы в этой книге. Встреча Пушкина с Данзасом в день дуэли долгое время считалась случайностью, тем более что на таком толковании настаивал сам Данзас. Однако недавние исследования, представляющиеся достаточно убедительными, показывают, что Пушкин скорее всего повидался со старым товарищем накануне поединка и выбрал его секундантом отнюдь не случайно. В самом деле, разве в свете известного о Пушкине не выглядит закономерным, что в час смертельного боя рядом с ним оказался один из лицеистов, один из первых его «друзей души»?

Всю жизнь Пушкин был окружен друзьями, и каким-то странным диссонансом показалось бы, если бы за Черной речкой у Комендантской дачи он остался одинок, без преданного друга, знавшего его с детства и не терявшего из вида долгие годы. Поэту нужен был в качестве секунданта человек верный, твердого характера, «свой» до мозга костей, и вместе с тем далекий от высшего общества или, будет уместнее сказать здесь, — светской черни, которая смако-

вала подробности преддуэльной истории, порой сочувствовала Дантесу и гнусно трепала имя жены Пушкина. Сила лицейского братства в глазах великого поэта была огромна. В последние дни для Пушкина эту силу олицетворял Данзас. Умирая, поэт звал Пушина и Малиновского, но звал их, обращаясь именно к Данзасу.

Поэтому несправедливым и неисторичным выглядит упрек, порой адресуемый Константину Карловичу Данзасу с высоты времени: мол, поэта погубили происки врагов, но и друг Пушкина не сделал всего, что должен был сделать для его спасения, оказавшись неподготовленным к роли секунданта на столь необычном поединке. Может быть, Данзас и допустил какие-то неточности в соблюдении дуэльного кодекса, но это был благородный человек, подготовленный не к роли секунданта, а к роли истинного друга Пушкина.

Иван Пущин говорил, что пуля встретила бы его грудь, будь он на месте Данзаса. Всей жизнью своей Пущин подтвердил право на эти слова; в них была решимость спасти Пушкина, но в них не было осуждения Данзаса. Фразу о готовности умереть за Пушкина Пущин написал в письме к Ивану Малиновскому (см. раздел «И. И. Пущин» в т. 1), не зная, что умирающий Пушкин звал их обоих! Как справедливо замечает Н. Я. Эйдельман в книге «Большой Жанно», в Петербурге в январе 1837 г. было по меньшей мере два десятка постоянных друзей Пушкина. Близких друзей, увы, было меньше. И они не смогли остановить руку убийцы! Пущин знал об этом и, воротившись из Сибири, как друга обнял Данзаса в день лицейской годовщины 1858 г.

Был только один человек, который судил невинного по кодексу дворянской чести Данзаса страшным судом совести. Судил всю жизнь, не давая покоя ни на день, ни на минуту. Этот человек — сам Данзас. Пущин понимал, какая неизлечимая боль терзает сердце лицейского товарища и был добр к Данзасу. Нам ли теперь бросать ему запоздалые обвинения?

Сын генерал-майора Константин Карлович Данзас происходил из курляндских дворян. Однако детские годы он провел в Москве, где обучался в университетском пансионе. По ходатайству влиятельной знакомой отца графини С. В. Строгановой он был принят в Лицей. Вступительный экзамен Данзас сдал отлично, но потом репутацию свою не поддержал. Профессор русской и латинской словесности Н. Кошанский аттестовал его не слишком лестно: «Константин Данзас, кажется, мало имеет способностей, или они переменчивы; он не может идти ровным шагом, прилежание его зависит совершенно от глаз надзирателей; он не имеет ни столько соревнования, чтобы сравниться с другими, ни столько рассудительности, чтобы чувствовать пользу, почему и успехи его малы и слабы».

Гувернер М. Пилецкий высказался несколько иначе: «Нельзя сказать, чтобы не имел способностей, но свойственная ему мешковатость, вялость, неловкость и притом и леность делают их бесплодными». Рыжеволосый, большой, неуклюжий, с вечно вздернутыми бровями и наивным взором, Данзас был прозван в Лицее «Медведем». Он оправдывал это прозвище обычным будничным равнодушием ко всему и вспышками ярости, когда его задирали. Директор Лицея Е. А. Энгельгардт отмечал: «его неизящный вид дает повод к поддразниваниям, на которые он отвечает сердитым криком и кулачной расправой... Убедить его, что он когда-нибудь бывает неправ — невозможно». В одной из лицейских «национальных песен» эти характеристики суммированы весьма своеобразно:

Он был медведь, но мишка милый...

Обычно Данзас оказывался в самом хвосте списка лицейстов, составленного по степени успехов в науках. Пушкин недаром вспомнил в одном из вариантов «19 октября» (1825 г.):

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховский сядет первый,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас.

Это единственное упоминание Данзаса в стихах Пушкина. Но они не были вовсе чужды друг другу в Лицее. И не только потому, что сиживали в конце общего стола, но и благодаря некоторым общим интересам. Данзас вместе с Дельвигом выпускал журнал «Лицейский мудрец». Он, правда, слыл в основном «типографщиком», т. е. переписывал каллиграфическим почерком сочинения других, но и сам не чужд был литературе. Энгельгардт удивлялся: «Как ни странно, в нем довольно много склонности к искусству». Словом, Константин Данзас был из тех людей, которые не выдаются в кругу сверстников-соучеников и обнаруживают свои лучшие качества позднее — в живом деле.

Выпущен Данзас был по самому низшему лицейскому стандарту — офицером, но в армию, а не в гвардию. И началась его служба, полная суровых испытаний, опасных сражений и постоянных ссор с начальством из-за полного отсутствия житейской хитрости и из-за пренебрежения к формальной стороне офицерских обязанностей. Однако он был беззаветно храбр в бою и за то любим нижними чинами. Служебный формуляр Данзаса пестрит записями о наградах: золотая полусабля за храбрость (1828); бриллиантовый перстень (1835); там же сказано, что в 1828 г. в бою под стенами крепости Браилов был он «ранен пулею в левое плечо выше ключицы с раздроблением кости». Рана эта долго давала себя знать: даже в 1836 г. в Петербурге Данзас держал левую руку на перевязи. 22 января 1831 г. Энгельгардт писал Матюшкину: «Данзас с простреленным плечом и контузией в ноге, в двух крестах был здесь и на сих днях отправился в армию».

Кочевая жизнь офицера занесла его в начале 1820-х годов в Кишинев, где он мельком виделся со ссылкой Пушкиным. Трижды участвовали они вместе в праздновании лицейских годовщин. Последний раз это произошло 19 октября 1836 г. — в день 25-летия Лицея. Пушкин знал, что подполковник Данзас находится в Петербурге в ожидании нового назначения.

Разумеется, Данзас не мог сказать на допросе после дуэли Пушкина, что поэт сознательно и хоть сколько-нибудь заблаговременно избрал его секундантом. Ведь еще манифестом Екатерины II от 1787 г. секунданты на дуэлях признавались соучастниками «в умышленном причинении смерти» и их ждала неизбежная кара — смертная казнь. По-видимому, все же Пушкин условился с Данзасом не 27 января, в день поединка, будто бы встретив его неожиданно по дороге к К. О. Россету (брату Александры Осиповны), которого собирался пригласить в качестве секунданта, а накануне — 26 января. Об этом говорит и такой, пока не поддающийся проверке аргумент: племянница и единственная наследница Данзаса рассказывала, что у нее хранилась записка Пушкина к ее дяде с приглашением помочь ему в деле чести. Если такой документ существовал, то случайная встреча 27 января уже ничего не решала: Данзас знал обо всем заранее.

О дуэли и последних днях Пушкина рассказывается во многих документах, включенных в наш двухтомник, в том числе исходящих непосредственно от Константина Карловича Данзаса (№ 3). Отметим только, что на его долю пришлось несколько самых страшных ударов: он стал единственным дружественным свидетелем смертельного ранения Пушкина; он был вестником несчастья для Натальи Николаевны; он отнял у Пушкина пистолеты, когда истомленному предсмертными муками поэту пришла мысль покончить с собой; он дольше всех других находился подле умирающего, ощущая полное бессилие хоть чем-то помочь ему. Пушкин завещал Данзасу не мстить за него и умолял друзей не допустить сурового наказания своего секунданта: «Просите за Данзаса. Он мне брат».

После смерти Пушкина его вдова через посредников обратилась к царю с просьбой разрешить Данзасу сопровождать тело Пушкина к месту погребения в Святогорский монастырь. Сразу же пришло письмо Бенкендорфа: «Я немедленно доложил Его Величеству просьбу г-жи Пушкиной дозволить Данзасу проводить тело в его последнее жилище. Государь отвечал, что он сделал все от него зависевшее, дозволив под-

судимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемонии при теле его друга; что дальнейшее снисхождение было бы нарушением закона — и следовательно невозможно». Данзас был предан суду.

Военный суд первой инстанции вынес приговор по всей строгости закона. «Подсудимого подполковника Данзаса, — говорилось в нем, — хотя он и объясняет комиссии, что при изъявлении согласия быть посредником при выше объясненном происшествии, спрашивал секунданта с противной стороны Д'Аршиака не имеет ли средства к примирению ссорящихся мирно, который отозвался, что нет никаких, но как он поступил не по точной силе 142-го воинского артикула и не донес заблаговременно начальству о предпринимаемом ими злом умысле и тем допустил совершиться дуэли и убийству, которое отклонить еще были способы, то его, Данзаса, по долгу верноподданного, не исполнившего своей обязанности, по силе 140-го воинского артикула *повесить*». Вторая инстанция смягчила приговор, постановив отобрать у Данзаса золотую полусаблю, данную ему за храбрость, и разжаловать в рядовые. Однако по мере прохождения указа по дальнейшим инстанциям мера наказания снижалась, пока не достигла двух месяцев содержания в крепости. 19 мая 1837 г. Данзас вышел на свободу.

Долгое время он прослужил в Санкт-Петербургской инженерной команде. Очень скоро вновь не поладил с начальством и был направлен в Тенгинский полк, где оказался прямым начальником М. Ю. Лермонтова. На Кавказе Данзас форменным образом рвался под пули. По отзывам людей бывалых, в частности декабриста Н. И. Лорера, подобной безрассудной храбрости они не видывали. В 1839 г. Данзас был назначен помощником генерала Н. Н. Раевского, возводившего форты Черноморской береговой линии, и встретился со Львом Пушкиным.

В отставку Константин Карлович вышел с чином генерал-майора в начале 1850-х годов. Не терпевший теплых хлебных мест, он не нажил ни гроша, всю жизнь оставаясь неприкаянным и фактически бездомным бедняком. Есть сведения, что он неудачно сватал-

ся к вдове Павла Воиновича Нащокина Вере Александровне. С ростом всенародной славы Пушкина Данзас все мучительнее ощущал свою роль в роковом поединке. В конце концов ему трудно стало говорить о чем-либо другом, кроме ужасной дуэли, при этом он склонялся не к самооправданию, а скорее — к самоистязанию. Некогда весельчак и каламбурист, Константин Карлович превратился в нервного, издерганного человека.

Данзас собирал и хранил печальные сувениры, связанные с Пушкиным, создавая свой собственный пушкинский музей. Помимо упомянутой записки Пушкина к нему и автокопии последнего письма Пушкина к Геккерну, здесь были золотое колечко с бирюзой, перед смертью снятое Пушкиным с руки и подаренное Данзасу; гипсовая маска, сделанная С. И. Гальбергом сразу после кончины Пушкина; бюст поэта работы И. П. Витали; на стенах его жилища висели портреты И. И. Пущина, А. А. Дельвига, В. А. Жуковского, Е. А. Карамзиной.

Секундант Пушкина считал важным оставить потомству правдивые сведения о дуэли и смерти Пушкина. Уже 6-го февраля 1837 г. он в письме Вяземскому (№ 6) внес важные коррективы в описание дуэли, сделанное секундантом Дантеса виконтом Д'Аршиаком, стремившимся хоть как-то облагородить своего «подопечного». Впоследствии все, что знал и помнил об этом, Данзас рассказал своему давнему близкому знакомому А. Н. Аммосову. Последний записывал рассказы Данзаса, показывал ему свои записи и в 1863 г. выпустил их отдельной книгой. Это был сенсационный материал, многое прояснивший в истории гибели Пушкина. Данзас первым выдвинул предположение, что Бенкендорф знал о дуэли, но намеренно послал жандармов в другую сторону. Некоторые важные документы о дуэльной истории, имевшиеся в распоряжении Данзаса, были по его просьбе доставлены А. И. Герцену и опубликованы в «Полярной звезде» в 1861 г.

Скончался Данзас 3 февраля 1870 г. в совершенном одиночестве в Петербурге и был похоронен на казенный счет на католическом кладбище Выборгской

стороны. В 1936 г. прах его был перенесен в Александро-Невскую лавру.

Рассказом о лицейском товарище Пушкина, честном и смелом человеке, который, волею неподвластных ему обстоятельств, оказался причастным к безвременной трагической смерти величайшего поэта России и до конца дней не мог себе этого простить, заканчивается книга «Друзья Пушкина».

Основная литература

М. Руденская, С. Руденская. Они учились с Пушкиным. Л., 1976.

Н. Эйдельман. «Прекрасен наш союз...». М., 1982.

1

Сохранившийся *Лицейский Мудрец* составляет небольшую тетрадь или книжку в форме продолговатого альбома, в красном сафьянном переплете. На лицевой стороне переплета, в золотом венке, читается заглавие и под ним означен год: «1815».

В январе этого года воспитанники перешли в старший курс, а возобновленный журнал стал выходить осенью и продолжался еще в начале 1816 года. В этот период явилось четыре номера, которые все и содержатся в описанной книжке. В конце каждого раскрытые рисунки работы Илличевского, представляющие то воспитанников, то наставников в разных сценах, отчасти описанных в статьях журнала. Издателями, по словам Матюшкина, были: Данзас (будущий секундانت Пушкина) и Корсаков. Статьи по большей части писаны красивым почерком первого, почему в начале книжки и означено: «В типографии Данзаса». Из прибавленной к этому шутки: «Печатать позволяется. Цензор Барон Дельви́г», можно заключить, что этот товарищ, всеми уважаемый за свою основательность, просматривал статьи до переписки их начисто. Почти вся проза принадлежит, кажется, самому Данзасу; по крайней мере, во 2-м уже номере он бранит своих читателей за то, что они ничего не дают в журнал, и грозит им, что если это будет продолжаться; «если, говорит он, ваши Карамзины не развернутся и не дадут мне каких-нибудь смешных разговоров, то я сделаю вам такую штуку, от которой вы не скоро отделаетесь. Подумайте.— Он не будет издавать журнала? — Хуже.— Он натрет ядом листочки *Лицейского Мудреца*.— Вы почти угадали: я подарю вас усыпительною балладою г. Гезеля» (то есть Кюхельбекера). Последний, то под приведенным именем, то с намеком

на пристрастие к дерптским студентам или на дурное произношение русского языка, служит постоянным предметом насмешек на страницах *Лицейского Мудреца*.

Я. К. Грот.

2

УСЛОВИЯ ДУЭЛИ МЕЖДУ г. ПУШКИНЫМ
И г. БАРОНОМ ЖОРЖЕМ ГЕККЕРЕНОМ

1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга, за пять шагов назад от двух барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Противники, вооруженные пистолетами, по данному сигналу, идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут пустить в дело свое оружие.

3. Сверх того принимается, что после первого выстрела противникам не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то если не будет результата, поединок возобновляется на прежних условиях: противники ставятся на то же расстояние в двадцать шагов; сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются непременно посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Нижеподписавшиеся секунданты этого поединка, облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, своею честью строгое соблюдение изложенных здесь условий.

Константин Данзас,
инженер-подполковник.

Виконт Д'Аршиак,
атташе французского посольства.

(Фр.)

Данзас познакомился с Дантесом в 1834 году, обедая с Пушкиным у Дюме, где за общим столом обедал и Дантес, сидя рядом с Пушкиным.

По словам Данзаса, Дантес, при довольно большом росте и приятной наружности, был человек неглупый и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда...

27 января 1837 года К. К. Данзас, проходя по Пантелеймонской улице, встретил Пушкина в санях. В этой улице жил тогда К. О. Россет; Пушкин, как полагает Данзас, заезжал сначала к Россету и, не застав последнего дома, поехал уже к нему. Пушкин остановил Данзаса и сказал:

— Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедем во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора.

Данзас, не говоря ни слова, сел с ним в сани, и они поехали в Большую Миллионную. Во время пути Пушкин говорил с Данзасом, как будто ничего не бывало, совершенно о посторонних вещах. Таким образом доехали они до дома французского посольства, где жил д'Аршиак. После обыкновенного приветствия с хозяином Пушкин сказал громко, обращаясь к Данзасу:

— Я хочу теперь посвятить вас во все,— и начал рассказывать ему все, что происходило между ним, Дантесом и Геккереном, то есть то, что читателям известно...

Пушкин окончил свое объяснение следующими словами: «Теперь единственное, что я хочу вам сказать,— это то, что если дело не окончится сегодня же, то при первой встрече с Геккереном, отцом или сыном, я плюну им в лицо».

Тут он указал на Данзаса и прибавил: «Вот мой секундант».

Потом обратился к Данзасу с вопросом:

— Вы согласны?

После утвердительного ответа Данзаса Пушкин уехал, предоставив Данзасу, как своему секунданту, условиться с д'Аршиаком о дуэли.

Вот эти условия.

Драться Пушкин с Дантесом должен был в тот же день 27 января в 5-м часу пополудни. Место поединка было назначено секундантами за Черной речкой возле Комендантской дачи. Оружием выбраны pistols. Стреляться соперники должны были на расстоянии двадцати шагов, с тем, чтобы каждый мог сделать пять шагов и подойти к барьеру; никому не было дано преимущества первого выстрела; каждый должен был сделать один выстрел, когда будет ему угодно, но в случае промаха с обеих сторон дело должно было начаться снова на тех же условиях. Личных объяснений между противниками никаких допущено не было; в случае же надобности за них должны были объясняться секунданты.

По желанию д'Аршиака условия поединка были сделаны на бумаге.

С этой роковой бумагой Данзас возвратился к Пушкину. Он застал его дома, одного. Не прочитав даже условий, Пушкин согласился на все. В разговоре о предстоящей дуэли Данзас заметил ему, что, по его мнению, он бы должен был стреляться с бароном Геккереном, отцом, а не с сыном, так как оскорбительное письмо он написал Геккерену, а не Дантесу. На это Пушкин ему отвечал, то Геккерен, по официальному своему положению, драться не может.

Условясь с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа, Данзас отправился сделать нужные приготовления. Наняв парные сани, он заехал в оружейный магазин Куракина за pistols, которые были уже выбраны Пушкиным заранее; pistols эти были совершенно схожи с pistols д'Аршиака. Уложив их в сани, Данзас приехал к Вольфу, где Пушкин уже ожидал его.

Было около 4-х часов.

Выпив стакан лимонаду или воды, Данзас не помнит, Пушкин вышел с ним из кондитерской; сели в

сани и отправились по направлению к Троицкому мосту.

Бог весть что думал Пушкин. По наружности он был покоен...

Конечно, ни один сколько-нибудь мыслящий русский человек не был бы в состоянии оставаться равнодушным, провожая Пушкина, быть может, на верную смерть, тем более понятно, что чувствовал Данзас. Сердце его сжималось при одной мысли, что через несколько минут, может быть, Пушкина уже не станет. Напрасно усиливался он льстить себя надеждою, что дуэль расстроится, что кто-нибудь ее остановит, кто-нибудь спасет Пушкина; мучительная мысль не отставала.

На Дворцовой набережной они встретили в экипаже г-жу Пушкину. Данзас узнал ее, надежда в нем блеснула, встреча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкин смотрел в другую сторону.

День был ясный. Петербургское великосветское общество каталось на горах, и в то время некоторые уже оттуда возвращались. Много знакомых и Пушкину и Данзасу встречались, раскланивались с ними, но никто как будто и не догадывался, куда они ехали; а между тем история Пушкина с Геккеренами была хорошо известна всему этому обществу.

На Неве Пушкин спросил Данзаса, шутя: «Не в крепость ли ты везешь меня?» — «Нет, — отвечал Данзас, — через крепость на Черную речку самая близкая дорога».

На Каменноостровском проспекте они встретили в санях двух знакомых офицеров Конного полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкин и Данзас ехали на горы, Голицын закричал им: «Что вы так поздно едете, все уже оттуда разъезжаются?»

Данзас не знает, по какой дороге ехали Дантес с д'Аршиаком; но к Комендантской даче они с ними подъехали в одно время. Данзас вышел из саней и, сговорясь с д'Аршиаком, отправился с ним отыскивать удобное для дуэли место. Они нашли такое са-

жениях в полтораста от Комендантской дачи, более крупный и густой кустарник окружал здесь площадку и мог скрывать от глаз оставленных на дороге извозчиков то, что на ней происходило. Избрав это место, они утоптали ногами снег на том пространстве, которое нужно было для поединка, и потом позвали противников.

Несмотря на ясную погоду, дул довольно сильный ветер. Морозу было градусов пятнадцать.

Закутанный в медвежью шубу, Пушкин молчал, по-видимому, был столько же покоен, как и во все время пути, но в нем выражалось сильное нетерпение приступить скорее к делу. Когда Данзас спросил его, находит ли он удобным выбранное им и д'Аршиаком место, Пушкин отвечал:

— Мне это совершенно безразлично, только постарайтесь сделать все возможно скорее.

Отмерив шаги, Данзас и д'Аршиак отметили барьер своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этих приготовлений нетерпение Пушкина обнаружилось словами к своему секунданту:

— Все ли наконец кончено?..

Все было кончено. Противников поставили, подали им пистолеты, и по сигналу, который сделал Данзас, махнув шляпой, они начали сходитьсь.

Пушкин первый подошел к барьеру и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

— Мне кажется, что у меня раздроблена ляжка.

Секунданты бросились к нему, и, когда Дантес намеревался сделать то же, Пушкин удержал его словами:

— Подождите, у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел.

Дантес остановился у барьера и ждал, прикрыв грудь правую рукою.

При падении Пушкина пистолет его попал в снег, и потому Данзас подал ему другой.

Приподнявшись несколько и опершись на левую руку, Пушкин выстрелил.

Дантес упал.

На вопрос Пушкина у Дантеса, куда он ранен, Дантес отвечал:

— Я думаю, что я ранен в грудь.

— Bravo! — вскрикнул Пушкин и бросил пистолет в сторону.

Но Дантес ошибся: он стоял боком, и пуля, только контузив ему грудь, попала в руку.

Пушкин был ранен в правую сторону живота; пуля, раздробив кость верхней части ноги у соединения с тазом, глубоко вошла в живот и там остановилась.

Данзас с д'Аршиаком подозвали извозчиков и с помощью их разобрали находившийся там из тонких жердей забор, который мешал саням подъехать к тому месту, где лежал раненый Пушкин. Общими силами усадив его бережно в сани, Данзас приказал извозчику ехать шагом, а сам пошел пешком подле саней, вместе с д'Аршиаком; раненый Дантес ехал в своих санях за ними.

У Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякий случай бароном Геккереном, отцом. Дантес и д'Аршиак предложили Данзасу отвезти в ней в город раненого поэта. Данзас принял это предложение, но отказался от другого, сделанного ему в то же время Дантесом предложения, скрыть участие его в дуэли.

Не сказав, что карета была барона Геккерена, Данзас посадил в нее Пушкина и, сев с ним рядом, поехал в город. Во время дороги Пушкин держался довольно твердо; но, чувствуя по временам сильную боль, он начал подозревать опасность своей раны.

Пушкин вспомнил про дуэль общего знакомого их, офицера Московского полка Щербачева, стрелявшегося с Дороховым, на которой Щербачев был смертельно ранен в живот, и, жалуясь на боль, сказал Данзасу: «Я боюсь, не ранен ли я так, как Щербачев». Он напомнил также Данзасу и о своей прежней дуэли в Кишиневе с Зубовым. Во время дороги Пушкин

в особенности беспокоился о том, чтобы по приезде домой не испугать жены, и давал наставления Данзасу, как поступить, чтобы этого не случилось.

Пушкин жил на Мойке, в нижнем этаже дома Волконского. У подъезда Пушкин просил Данзаса выйти вперед, послать людей вынести его из кареты, и если жена его дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна. В передней люди сказали Данзасу, что Натальи Николаевны не было дома, но, когда Данзас сказал им, в чем дело, и послал их вынести раненого Пушкина из кареты, они объявили, что госпожа их дома. Данзас чрез столовую, в которой накрыт уже был стол, и гостиную прошел прямо без доклада в кабинет жены Пушкина. Она сидела с своей старшей незамужней сестрой Александрой Николаевной Гончаровой. Внезапное появление Данзаса очень удивило Наталью Николаевну, она взглянула на него с выражением испуга, как бы догадываясь о случившемся.

Данзас сказал ей сколько мог покойнее, что муж ее стрелялся с Дантесом, что хотя ранен, но очень легко.

Она бросилась в переднюю, куда в это время люди вносили Пушкина на руках.

Увидя жену, Пушкин начал ее успокаивать, говоря, что рана его вовсе не опасна, и попросил уйти, прибавив, что, как только его уложат в постель, он сейчас же позовет ее.

Она, видимо, была поражена и удалилась как-то бессознательно.

Между тем Данзас отправился за доктором. Сначала поехал к Арендту, потом к Саломону; не застав дома ни того, ни другого, оставил им записки и отправился к доктору Персону; но и тот был в отсутствии. Оттуда, по совету жены Персона, Данзас поехал в Воспитательный дом, где, по словам ее, он мог найти доктора наверное. Подъезжая к Воспитательному дому, Данзас встретил выходявшего из ворот доктора Шольца. Выслушав Данзаса, Шольц сказал ему, что он, как акушер, в этом случае полезным быть

не может, но что сейчас же привезет к Пушкину другого доктора.

Вернувшись назад, Данзас нашел Пушкина в его кабинете, уже раздетого и уложенного на диване; жена его была с ним. Вслед за Данзасом приехал и Шольц с доктором Задлером. Когда Задлер осмотрел рану и наложил компресс, Данзас, выходя с ним из кабинета, спросил его, опасна ли рана Пушкина. «Пока еще ничего нельзя сказать»,— отвечал Задлер. В это время приехал Арендт, он также осмотрел рану. Пушкин просил его сказать ему откровенно: в каком он его находит положении, и прибавил, что какой бы ответ ни был, он его испугать не может, но что ему необходимо знать наверное свое положение, чтобы успеть сделать некоторые нужные распоряжения.

— Если так,— отвечал ему Арендт,— то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды.

Пушкин благодарил Арендта за откровенность и просил только не говорить жене.

Прощаясь, Арендт объявил Пушкину, что по обязанности своей он должен доложить обо всем случившемся государю.

Пушкин ничего не возразил против этого, но поручил только Арендту просить от его имени государя не преследовать его секунданта.

Уезжая, Арендт сказал провожавшему его в переднюю Данзасу:

— Штука скверная, он умрет.

По отъезде Арендта Пушкин послал за священником, исповедывался и приобщался.

В это время один за другим начали съезжаться к Пушкину друзья его: Жуковский, князь Вяземский, граф М. Ю. Вельгорский, князь П. И. Мещерский, П. А. Валуев, А. И. Тургенев, родственница Пушкина, бывшая фрейлина Загряжская; все эти лица до самой смерти Пушкина не оставляли его дома и отлучались только на самое короткое время.

Спустя часа два после своего первого визита Арендт снова приехал к Пушкину и привез ему от го-

сударя собственноручную записку карандашом, следующего содержания:

«Любезный друг Александр Сергеевич, если не суждено нам видеться на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение»*.

Арендт объявил Пушкину, что государь приказал ему узнать, есть ли у него долги, что он все их желает заплатить.

Когда Арендт уехал, Пушкин позвал к себе жену, говорил с нею и просил ее не быть постоянно в его комнате, он прибавил, что будет сам посылать за нею.

В продолжение этого дня у Пушкина перебивало несколько докторов, в том числе: Саломон и Буяльский. Домашним доктором Пушкина был доктор Спасский, но Пушкин мало имел к нему доверия. По рекомендации бывшего тогда главного доктора Конногвардейского полка Шеринга, Данзас пригласил доктора провести у Пушкина всю ночь. Фамилии этого доктора Данзас не помнит.

Перед вечером Пушкин, подозвав Данзаса, просил его записывать и продиктовал ему все свои долги, на которые не было ни векселей, ни заемных писем.

Потом он снял с руки кольцо и отдал Данзасу, прося принять его на память. При этом он сказал Данзасу, что не хочет, чтоб кто-нибудь мстил за него, и что желает умереть христианином.

Вечером ему сделалось хуже. В продолжение ночи страдания Пушкина до того усилились, что он решился застрелиться. Позвав человека, он велел подать ему один из ящиков письменного стола; человек исполнил его волю, но, вспомнив, что в этом ящике были пистолеты, предупредил Данзаса.

Данзас подошел к Пушкину и взял у него пистолеты, которые тот уже спрятал под одеяло; отдавая их

---

* Записку эту Арендт взял с собою обратно. (Прим. А. Н. Аммосова.)

Данзасу, Пушкин признался, что хотел застрелиться, потому что страдания его были невыносимы...

Полуночью 29 января он несколько раз призывал жену. Потом пожелал видеть Жуковского и говорил с ним довольно долго наедине. Выйдя от него, Жуковский сказал Данзасу: «Подите, пожалуйста, к Пушкину, он об вас спрашивал». Но когда Данзас вошел, Пушкин ничего не сказал ему особенного, спросил только, по обыкновению, много ли у него было посетителей и кто именно.

Собравшиеся в это утро доктора нашли Пушкина уже совершенно в безнадежном положении, а приехавший затем Арендт объявил, что Пушкину осталось жить не более двух часов.

Подъезд с утра был атакован публикой до такой степени, что Данзас должен был обратиться в Преображенский полк с просьбою поставить у крыльца часовых, чтобы восстановить какой-нибудь порядок: густая масса собравшихся загораживала на большое расстояние все пространство перед квартирой Пушкина, к крыльцу почти не было возможности протиснуться.

Между принимавшими участие были, разумеется, и такие, которые толпились только из любопытства. От этих господ, говорил Данзас, было очень трудно отделяться, они сами не знали, что им было нужно, и засыпали самыми нелепыми вопросами. Данзас был ранен в Турецкую кампанию и носил руку на перевязке. Не ранен ли он тоже на дуэли Пушкина, спросил Данзаса один из этих любопытных господ.

Между тем Пушкину делалось все хуже и хуже, он, видимо, слабел с каждым мгновением. Дружья его: Жуковский, квязь Вяземский с женой, князь Петр Иванович Мещерский, А. И. Тургенев, г-жа Загряжская, Даль и Данзас были у него в кабинете. До последнего вздоха Пушкин был в совершенной памяти, перед самой смертью ему захотелось морошки. Данзас сейчас же за нею послал, и когда принесли, Пушкин пожелал, чтоб жена покормила его из своих рук, ел морошку с большим наслаждением и после

каждой ложки, подаваемой женою, говорил: «Ах, как это хорошо».

Когда этот болезненный припадок аппетита был удовлетворен, жена Пушкина вышла из кабинета*. В отсутствие ее началась агония, она была почти мгновенна: потухающим взором обвел умирающий поэт шкапы своей библиотеки, чуть внятно прошептал: «Прощайте, прощайте»,— и тихо уснул навсегда.

Госпожа Пушкина возвратилась в кабинет в самую минуту его смерти...

Наталя Николаевна Пушкина была красавица. Увидя умирающего мужа, она бросилась к нему и упала перед ним на колени; густые темно-русые букли в беспорядке рассыпались у ней по плечам. С глубоким отчаянием она протянула руки к Пушкину, толкала его и, рыдая, вскрикивала: «Пушкин, Пушкин, ты жив?!»

Картина была разрывающая душу...

От глубоких огорчений, от потери мужа жена Пушкина была больна, она просила государя письмом дозволить Данзасу проводить тело ее мужа до могилы, так как по случаю тяжкой болезни она не могла исполнить этого сама. Государь, не желая нарушить закон, отказал ей в этой просьбе, потому что Данзаса за участие в дуэли должно было предать суду; проводить тело Пушкина предложено было А. И. Тургеневу, который это и исполнил.

К. К. Данзас. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. Аммосова.

4

Еще почитаю обязанностью сказать слово о бедном Данзасе. Он должен быть предан суду. Благоволите позволить, чтобы он, который (больной от горя

---

* Выходя, она, обрадованная аппетитом мужа, сказала, обращаясь к окружающим: «Вот вы увидите, что он будет жив». (Прим. А. Н. Аммосова).

и от ран) не отходил от Пушкина, мог остаться на свободе до совершения похорон и чтобы подвержен был домашнему аресту. Остальное предоставляется вашему милосердию. Он живет одним жалованьем и если в следствие будет куда-нибудь сослан, то погиб, а это несчастье упало на него как бомба: он не мог даже и одуматься,— и предал себя безусловно судьбе Пушкина, его товарища.

*Записка В. А. Жуковского
имп. Николаю Павловичу (Черновик).*

5

Как трогателен секундант Пушкина, его друг и лицейский товарищ полковник Данзас, прозванный в армии «храбрым Данзасом», сам раненный, с рукой на перевязи, с мокрым от слез лицом, он говорил о Пушкине с чисто женской нежностью, нисколько не думая об ожидающем его наказании, и благословлял государя за данное ему милостивое позволение не покидать друга в последние минуты его жизни и его несчастную жену в первые дни ее несказанного горя.

*(Франц.)
С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.
2 февраля 1837.*

6

Милостивый Государь,
Князь Петр Андреевич.

Письмо к вам от г. д'Аршиака, о несчастном происшествии, которому я был свидетелем, я читал. Г. д'Аршиак просит вас предложить мне засвидетельствовать показания его о сем предмете. Истина требует, чтобы я не пропустил без замечания некоторые неверности в его рассказе. Г. д'Аршиак, объяснив, что первый выстрел был со стороны г. Геккерена (Дантеса) и что А. С. Пушкин упал раненый, продолжает:

«les témoins s'approchèrent; il se releva sur son séant et dit: «attendez!» L'arme, qu'il tenait à la main, se trouvant couverte de neige; il en prit une autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du baron Georges de Hekern m'en empêcha»*. Слова А. С. Пушкина, когда он поднялся, опершись левой рукой, были следующие: «Attendez! je me sens assez de force pour tirer mon coup»**. Тогда действительно я подал ему пистолет в обмен того, который был у него в руке и ствол которого набился снегом, при падении раненого. Но я не могу оставить без возражения замечание г. д'Аршиака, будто бы он имел право оспаривать обмен пистолета и был удержан в том знаком Геккерена (Дантеса). Обмен пистолета не мог подать повода, во время поединка, ни к какому спору. По условию каждый из противников имел право выстрелить; пистолеты были с пистонами, следовательно, осечки быть не могло; снег, набившийся в дуло пистолета Александра Сергеевича, усилил бы только удар выстрела, а не отвратил бы его. Никакого знака со стороны г. Геккерена (Дантеса) дано не было. Что до меня касается, то я почитаю оскорблением для памяти Пушкина предположение, будто он стрелял в противника с преимуществами, на которые не имел права. Еще раз повторяю, что никакого сомнения против правильности обмена пистолета сказано не было. Если бы оно могло возродиться, то г. д'Аршиак обязан был объявить возражение и не останавливаться знаком, будто бы от г. Геккерена (Дантеса) поданным. К тому же сей последний не иначе мог бы узнать намерение г. д'Аршиака, как тогда, когда бы оно было выражено словами; но он их не произносил. Я отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во вре-

---

* Секунданты приблизились; он приподнялся и сказал: «Подождите!» Пистолет, который он держал в руке, был покрыт снегом; он взял другой. Я мог бы возразить против этого, но знак барона Жоржа Геккерена удержал меня (фр.).

** Постойте! я чувствую в себе еще столько силы, чтобы выстрелить (фр.).

мя поединка г. Геккереном (Дантесом); но решительно отвергаю, чтобы он произвольно подвергся опасности, которую мог бы от себя отстранить. Не от него зависело уклониться от удара своего противника, после того, как он свой нанес. Ради истины рассказа прибавлю также замечание на это выражение: «Геккерен (Дантес) неподвижный до тех пор — упал». Противники шли друг на друга грудью. Когда Пушкин упал, тогда г. Геккерен (Дантес) сделал движение, чтобы подойти к нему; после же слов Пушкина, что он хотел стрелять, он возвратился на свое место, стал боком и прикрыл грудь свою правую рукою. По всем другим обстоятельствам я свидетельствую справедливость показаний г. д'Аршиака.

С совершенным и проч.

*К. Данзас.
Февраля 6-го дня 1837 года.*

7.

Когда Пушкин после роковой дуэли лежал на смертном одре и к нему пришел его секундант Данзас, то больной просил его подать ему какую-то небольшую шкатулочку. Из нее он вынул бирюзовое колечко и, передавая его Данзасу, сказал:

— Возьми и носи это кольцо. Мне его подарил наш общий друг, Нащокин. Это — талисман от насильственной смерти.

Впоследствии Данзас в большом горе рассказывал мне, что он много лет не расставался с этим кольцом, но один раз в Петербурге в сильнейший мороз, расплачиваясь с извозчиком на улице, он, снимая перчатку с руки, обронил это кольцо в сугроб. Как ни искал его Данзас, совместно с извозчиком и дворником, найти не мог.

В. А. Нащокина. Рассказы о Пушкине.

ПРИМЕЧАНИЯ

Д. В. ДАВЫДОВ
(16.VI.1784—24.IV.1839)

1

Пушкин, II.

Последние две строфы рассматриваются как неоконченные наброски послания к Давыдову.

2

Пушкин, II.

Бурцовой души угрозы — поручик А. П. Бурцов, однополчанин Давыдова, известный гусар-гуляка; последняя строка — неточная цитата из стихотворения Давыдова «Песня старого гусара» («Кивер зверски набекрень»).

3

Пушкин, III.

Первая строка — точный перевод начала стихотворения французского поэта А.-В. Арно, обращенного к Давыдову: «A vous poète, à vous guerrier».

4

Пушкин, X.

Не люблю я Мура — английского поэта Т. Мура Пушкин в другом письме назвал «чопорным подражателем безобразному восточному воображению».

5

Акад., XIII.

В письме Давыдову от 17 апреля 1826 г. английский писатель просит сообщить ему подробности боевых действий русских

партизан против наполеоновской армии. Письма Д. В. Давыдова В. Скотту см.: «Новый мир», 1958, № 8. *Курстанской бротик* — оружие курдских горцев.

6

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917.

7

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому.

8

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому.

9

Пушкин, X.

10

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому.

11

Акад., XV.

Отделений «Пиковой Дамы» — имеется в виду эпиграф к 2-й главе.

Пушкин был в Симбирске и в имении Языковых 9—14 сентября 1833 г.

Сердечные бредни — цикл лирических стихов Д. В. Давыдова 30-х годов; *Парнасского отца и командира* — так Давыдов называл Пушкина (см. также № 3).

12

Акад., XVI.

В записке Вяземского цитируется строчка из послания Н. М. Языкова «Д. В. Давыдову» («Жизни баловень счастливый»).

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому.

Давыдов был в Петербурге в январе 1836 г. См. № 12.

Акад., XVI.

В письме говорится о сотрудничестве Давыдова в пушкинском «Современнике». *Смирдин* — Александр Филиппович, издатель, книгопродавец; Пушкин установил достаточно высокие гонорары в «Современнике» и предварительно оговаривал их с авторами; Е. А. Баратынский участвовал в «Современнике»; А. С. Хомяков не участвовал.

Акад., XVI.

Языков дал в «Современник» сказку «Жар-птица».

Наследник Лукулла — С. С. Уваров, министр народного просвещения, председатель Главного управления цензуры. Пушкин написал о нем резкое памфлетное стихотворение «На выздоровление Лукулла»; *Наблюдатель* — журнал «Московский наблюдатель»; *Строганов* — Сергей Григорьевич, попечитель Московского учебного округа; *Погодин* — Михаил Петрович, историк и писатель; *под твоим начальством* — шутовское возражение на слова Пушкина: «Ты мой отец и командир» (№ 3).

Акад., XVI.

О стихотворном послании Н. М. Языкова к Д. В. Давыдову см. примеч. к № 12.

Пушкин имеет в виду строки: «Ты, боец чернокудрявый, // С белым локоном на лбу».

Акад., XVI.

Давыдов прислал для «Современника» статью «Занятие Дрездена 1813 года 10 марта (из дневника партизана)». Цензура вымарала самые важные места из этой статьи, помещенной лишь в № 4. Заняв Дрезден в 1813 г., Давыдов заключил двухдневное перемирие с французами. Его непосредственный начальник генерал Ф. Ф. Винценгероде, мечтавший сам войти победителем в Дрезден, резко отрицательно отнесся к этому решению и доложил на-

чальству. М. И. Кутузов вступился за Давыдова. Винценгероде умер в 1818 г., но военный министр А. И. Чернышев оберегал его память. Чернышев помешал публикации полного текста статьи Давыдова, что привело к искажению исторической правды; *Бернис* (Берни) — министр при Людовике XV; *Флёри* — кардинал при Людовике XV.

18

Пушкин, X.

В № 2 «Современника» напечатаны «Записки Н. А. Дуровой» и ряд других материалов о Наполеоне. *Твои очи* — стихотворение «Я помню — глубоко...», носившее личный характер, при жизни Давыдова не было напечатано.

19

Акад., XVI.

Речь идет о статье Давыдова «О партизанской войне».

20

Акад., XVI.

Фашинник — ветки и прутья, которые использовались для преодоления болотистой местности.

21

Акад., XVI.

В *Литературной газете* — в 1830 г. Пушкин напечатал в «Литературной газете» статью «О записках Видока», разоблачающую Булгарина как агента III Отделения.

22

Пушкин, X.

От целых четырех — Пушкин имеет в виду цензуру министерства народного просвещения, духовную, военную и, по-видимому, цензуру министерства Двора.

23

Акад., XVI.

В № 3 «Современника» напечатаны статья Давыдова «О партизанской войне», стихотворение «Челобитная», посвященное А. А. Башилову, и ряд других стихов поэта-партизана.

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому.

Русский архив, 1879, № 6.

Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому.

Пушкин, VIII.

Воспоминания, Т. 2.

Воспоминания, Т. 2.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ
(19.II.1800—29.VI.1844)

1

Пушкин, II.

Г. Р. Державин воспел Бессарабию в оде «На взятие Измаила» (1790). *Тень Назона* — древнеримский поэт Овидий Публий Назон был сослан на берега Черного моря, где написал скорбные элегии.

2

Пушкин, II.

3

Пушкин, V.

Певец пиров и грусти томной — в начале творческого пути Баратынский воспринимался прежде всего как поэт-элегик; «Пирры» — поэма Баратынского.

Пушкин, II.

Чухоночка — героиня поэмы «Эда»; *Твой зоил* (критик-очернитель) — Булгарин, отрицательно отозвавшийся об «Эде» в «Северной пчеле» (1826, № 20).

Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Л., 1957.

Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений.

Новинское — место гуляний москвичей. Баратынский вспоминает свои прогулки с Пушкиным; *Поэта в жертвы пригласила* — о какой женщине говорится в стихах, не выяснено.

Пушкин, X.

А. А. Закревский в то время был генерал-губернатором Финляндии, за Баратынского ходатайствовал перед ним Денис Давыдов. Баратынский был произведен в офицеры 21 апреля 1825 г.

Пушкин, X.

По-видимому, Баратынский интересовался Пушкиным в письме к его брату. Текст отрывка не сохранился.

Акад., XIII.

Здесь Баратынский — т. е. в Москве.

Акад., XIII.

Послано из Москвы в Михайловское.

«Эда» вышла только в начале 1826 г.; для *Рылеева* — Пушкин сделал ряд замечаний на полях печатного издания поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский». Об отношениях Пушкина с братом см. Т. I.

Пушкин, Х.

В письме к П. А. Осиповой Пушкин назвал «Эду» образцом «грации, изящества и чувства».

Б. Л. Модзалевский. Пушкин.— Л., 1929.

Ольге — О. С. Пушкиной (Павлищевой), сестре Пушкина.

Акад., XIII.

Соседке — дом тестя Баратынского Л. Н. Энгельгардта находился в Чернышевском переулке, неподалеку от дома Вяземского (ныне — ул. Станкевича); *Элегиаческой* — Вяземский каламбурит: мастер элегии Баратынский воспевал красавиц. Письмо написано в день свадьбы Баратынского.

Пушкин, Х.

П. и С., вып. XVI.

Акад., XIV.

Письмо послано из Москвы.

В ...*тамбовском уединении* — Баратынский жил в Маре с весны до конца 1827 г.; *познакомясь в Москве* — в конце 1826 — начале 1827 г.; *две песни Онегина* — IV и V главы; *портрет ...в Северных цветах* — гравюра Н. И. Уткина с портрета работы О. А. Кипренского; поэма В. Л. Пушкина — «Капитан Храбров»; *Громобой* — герой первой части стихотворной повести Жуковского «Двенадцать спящих дев».

Пушкин, Х.

Записка написана в Москве и послана Вяземскому с нарочным. Собираясь в Петербург, Пушкин прощался с ближайшими друзьями.

ЛН, 58.

Здесь — в Москве.

Пушкин, X.

Акад., XV.

В статье «Обозрение русской литературы на 1831 год» И. Киреевский писал, что Баратынский мог бы создать «поэтическую комедию». Пушкин не соглашался с этим.

Пушкин, X.

Пушкин, X.

Письмо написано из Петербурга. Пушкин рекомендует Баратынскому встретиться с А. Ф. Смирдиным и договориться об издании книги.

Письма А. С. Пушкина, барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому. Пб., 1902.

П. и С., вып. XVI.

Слова Феофана — Феофан Прокопович, церковный и политический деятель петровского времени, писатель, историк.

Пушкин, VII.

Пушкин, VII.

Пушкин, VII.

Неприличная статейка в «Северной Пчеле» — рецензия Булгарина; *слабое возражение в «Московском Телеграфе»* — статья Н. А. Полевого в ч. VIII за 1826 г.; С. П. Шевырев в «Москов-

ском Вестнике» (1828, № 1) писал о Баратынском: «Он принадлежит к числу тех русских поэтов, которые своими успехами в мастерской отделке стихов исключили талант и глубину мысли из числа важных достоинств поэзии».

28

Пушкин, VII.

29

Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений.

В предисловии к «Эде» Баратынский говорит о себе в третьем лице (*он* — автор).

30

П. и С., вып. XVI.

31

П. и С., вып. XVI.

Выжигиных — роман Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829).

32

П. и С., вып. XVI.

33

П. и С., вып. XVI.

34

А. П. Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974.

35

Анненков. Материалы.

СЕМЬЯ РАЕВСКИХ

1

Пушкин, X.

2

Пушкин, II.

Элегия поэтически воплощает те впечатления, которые волновали Пушкина во время совместной поездки с Раевскими. Сти-

хи написаны ночью 19 августа 1820 г. на военном корабле «Мингрелия» по пути в Гурзуф.

3

Пушкин, VIII.

Н. М. Каменский, главнокомандующий русской армии во время турецкой кампании 1810—1811 гг., как пишет в воспоминаниях С. Г. Волконский, «возымел ненависть на Раевского» и назначил его командующим войсками в Молдавии и Валахии, «вне военных действий армии».

4

Пушкин, VII.

Автором «Некрологии..», изданной анонимно, был М. Ф. Орлов. Имя его, как декабриста, не могло быть названо в печати. Заметка в черновике кончалась словами «Дети Н. Н. Раевского — внуки Ломоносова» (точнее — правнуки). Мать жены Н. Н. Раевского Елена Михайловна была дочерью великого ученого и писателя М. В. Ломоносова.

5

Анненков. Пушкин.

При оценке достоверности сообщаемых Анненковым сведений следует иметь в виду, что биограф Пушкина соблюдал сугубую осторожность при упоминании лиц еще живущих или недавно умерших.

6

Бартенев.

7

Пушкин, II.

Стихотворение было напечатано в альманахе «Мнемозина» в 1824 г. и понято многими как конкретный намек на А. Н. Раевского. Неудивительно, что Пушкин написал опровержение (см. № 8).

8

Пушкин, VII.

Незаконченный набросок опровержения конкретного адреса стихотворения «Демон» написан Пушкиным как бы не от себя, а от имени постороннего критика. Относится к 1825 г.

Пушкин, III.

Т. Г. Цявловская (см. Прометей, Т. X.) гипотетически связывает это стихотворение с темой Пушкин — Воронцова — Раевский. Не считая эту гипотезу доказанной, помещаем «Ангела» в этом разделе как своего рода антитезу «Демону».

10

Акад., XIII.

Трактовку этого письма см. М. А. Цявловский «Из записей П. И. Бартечева» — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVIII, вып. 3. 1969. В любом случае оно представляется обдуманно лицемерным.

11

Пушкин, II.

Весьма вероятно, что эти стихи — ответ поэта на лицемерное письмо А. Н. Раевского (№ 10). Однако абсолютно точных данных об этом, как и вообще о том, что «Коварность» посвящена Раевскому, нет.

12

Пушкин, X.

Зная о тесных связях Пушкина с многими декабристами, А. А. Дельвиг опасался его ареста.

13

Пушкин, X.

14

Прометей, Т. X.

Николашка — маленький черкес, приемыш А. Н. Раевского;
Лтилла — собака А. Н. Раевского.

15

Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. I—II. М., 1928.

Господствующей четы — Воронцовых.

Пушкин, IV.

Бешту — Бештау (от тюркского — «пятигорье»), гора близ Пятигорска на Северном Кавказе.

Пушкин, X.

Написано из Михайловского. *Единственная соседка* — П. А. Осипова; *трагедия* — «Борис Годунов»; *Ж. Ф. Лагарп* — французский драматург и критик, автор трагедии «Филоктет» (1783); *П. Корнель* — глава французской классической школы драматургов, автор трагедии «Сид» (1673); *В. Альфиери* — итальянский поэт и драматург XVIII в., автор 21 трагедии; Дон Педро *Кальдерон* де ла Барка — испанский драматург и поэт XVII в.; Лопе де *Вега* — испанский драматург, основатель драматургической школы XVI—XVII вв., автор 2 тысяч пьес; *Г. Фильдинг* — английский романист XVIII в.; *Озлобленный у Байрона* — патриций Лоредано в драме «Двое Фоскари», который, жестоко отомстив своему врагу, говорит: «Он уплатил!» (долг чести).

В этом письме Пушкин впервые подробно развивает свои взгляды на природу драматического вида литературы.

Воспоминания, Т. 2.

Брат И. И. Пущина Михаил по настоянию Л. Н. Толстого написал в 1847 г. мемуары «Встреча с Пушкиным за Кавказом». Воспоминания охватывают июль — сентябрь 1829 г.

Ротмистру Н. Н. Семичеву Раевский поручил охранять Пушкина, рвавшегося в гущу боевых действий. *Юзефович* — Михаил Владимирович, друг Льва Пушкина, впоследствии — реакционный деятель, автор воспоминаний о Пушкине (см. № 19); *Гагки-паша* — турецкий главнокомандующий в Арзруме; *Паскевич* — Иван Федорович, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе.

Воспоминания, Т. 2.

В 1829 г. на Кавказе М. В. Юзефович был адъютантом Н. Н. Раевского.

Генерал М. — по-видимому, генерал Н. Н. Муравьев-Карский.

Пушкин, X.

Письмо это, где Пушкин рассказывает жене о московских встречах, послано из Нижнего Новгорода в Петербург.

21

Пушкин, II.

В издании «Стихотворений» (1826) Пушкин поставил дату: 1819; это было сделано, чтобы избежать конкретной интерпретации стихотворения. В рукописи Пушкина помета: «Гурзуф. 1820». Это позволило исследователям отнести стихотворение к одной из дочерей Н. Н. Раевского — Елене или Екатерине.

22

Пушкин, II.

Некоторые комментаторы относят это стихотворение к Екатерине Раевской.

23

Пушкин, II.

Некоторые комментаторы относят это стихотворение к Екатерине Раевской.

24

Я. К. Грот. Пушкин.

25

Пушкин, IV.

Большинство исследователей теперь принимают утверждение П. Е. Щеголева о том, что «Посвящение» «Полтавы» относится к М. Н. Волконской (Раевской). См. также раздел «А. Н. Оленина».

26

Воспоминания, Т. I.

Александра Григорьевна Муравьева — жена Никиты Михайловича Муравьева, выехала в Сибирь 2 января 1827 г. Пушкин передал ей стихотворение «Во глубине сибирских руд...», сказав при этом: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести».

Акад., XIII.

Мельмот — персонаж романа английского писателя Ч. Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» (1820), символизировал в представлениях пушкинского времени во всем разочарованного человека-веконенавистника. С. Г. Волконский называет здесь Мельмотом Александра Раевского.

28

Прометей, Т. I. М., 1966.

29

Прометей, Т. I.

30

Прометей, Т. I.

31

Прометей, Т. I.

В. Ф. Вяземская переслала М. Н. Волконской «Литературную газету» Пушкина и Дельвига. Заметка «О «Некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского» была напечатана анонимно в отделе «Смесь» «Литературной газеты» за 1830 г., № 1.

32

Прометей, Т. I.

Посылая М. Н. Волконской стихотворение «На холмах Грузии...», В. Ф. Вяземская, по-видимому, сообщила, что оно посвящено Н. Н. Гончаровой. Многие исследователи относят его к самой М. Н. Волконской. Не исключен здесь и «двойной адрес» (в разных вариантах), что иногда бывало у Пушкина.

33

Прометей, Т. I.

Наше общее восхищение — М. Н. Волконская пишет от имени декабристов, которым запрещалось вступать в переписку.

Прометей, Т. I.

Адресат письма — младшая сестра Волконской Софья Николаевна. Письмо отражает декабристскую оценку «Повестей Белкина», резко отличающуюся от печатных критических отзывов.

Записки княгини М. Н. Волконской. Чита, 1960.

Первые восемь декабристов (включая С. Г. Волконского), названные М. Н. Волконской, были отправлены из Петропавловской крепости в Сибирь в период с 21 июля по 1 августа 1826 г.

Проехав Иркутск, жены декабристов теряли право возвратиться обратно.

Пушкин, Х.

Весьма не во-время — за несколько дней до этого Пушкин получил через Бенкендорфа решительный отказ царя на свою просьбу о поездке за границу. *Половина семейства... в изгнании*: М. Н. Волконская — в Сибири, братья Раевские — в Полтаве; Е. Н. Орлова — в имении мужа без права жить в столицах.

Ходатайство Пушкина о назначении пенсии вдове генерала Раевского было удовлетворено.

Н. С. АЛЕКСЕЕВ

(1788—26.II.1854)

1

Пушкин, II.

2

Пушкин, II.

Как Баратынский я твержу — после этого следуют две строки из послания Баратынского Н. М. Коншину «Пора покинуть, милый друг» (1821). В черновике стихотворение Пушкина имело окончание, в котором еще более отчетливо выражена мысль об отказе от соперничества с другом:

Я был рожден для наслажденья,
В моей утраченной весне
Как мало нужно было мне
Для милых снов воображенья.

Зачем же в цвете юных лет
Мне изменило сладострастье?
Зачем же вдруг увяло счастье,
И ни к чему надежды нет?
И что ж, изменой хладнокровной
Я ль стану дружество бесить,
И снова тактики любовной
Уроки тайные твердить?
Нет, милый! если голос томный,
Обман улыбки, нежный взор,
Умильный вид печали скромной
Тобой владеют до сих пор,
Люби; ласкай свои желанья,
Надежде и еврейке верь.
Как тень пройдут любви мечтанья,
И станешь то, что я теперь.

«Еврейка» — М. Е. Эйхфельдт. Некоторые исследователи считают, что мотивы «соперничества» Пушкина и Алексеева из-за «еврейки» отражены в поэме «Гавриилиада».

3

Акад., XIII.

4

Пушкин, X.

Первые две строки — из посвящения Жуковского к «Двенадцати спящим девам»; *Бык* — река в Кишиневе; *еврейка* — см. примеч. к № 2; *Соловкина* — Елена Федоровна, жена полкового командира, кишиневская знакомая Пушкина и Алексеева; *Калипсо* — *Полихрони*, гречанка; *в своих развалинах* — после землетрясения Пушкин некоторое время продолжал жить в нижнем этаже дома И. Н. Инзова; *Пушкин* — Павел Сергеевич, генерал; *Варфоломей* — Егор Кириллович, кишиневский знакомый Пушкина.

Надежды нет иль очень мало — цитата из сказки Пушкина «Царь Никита», не печатавшейся, но хорошо известной Алексееву; *Липранди* — Иван Петрович, близкий знакомый Пушкина и Алексеева по Кишиневу; *За счет казенный* — видимо, Пушкин намекает на арест Липранди по делу декабристов (он был скоро освобожден и даже награжден) и на свою высылку из Одессы.

Возможное объяснение четверостишия см. очерк.

Акад., XIII.

Пушкин, X.

Письмо начинается с первой строки стихотворного послания к Алексею (№ 2). *Пульхерия* Егоровна Варфоломей — кишиневская красавица, знакомая Пушкина и Алексева; *Стамо* — Екатерина Захаровна, молодая жена пожилого чиновника в Кишиневе (Пушкин любил беседовать с нею); *Худобашев* — Артемий Макарьевич, сослуживец Алексева; *Инзов* — Иван Никитич, генерал-лейтенант, под началом которого служил Пушкин в Кишиневе.

Акад., XIV.

Киселев — Павел Дмитриевич, под началом которого служил Алексей в Валахии.

Акад., XVI.

Записки Н. С. Алексева о кишиневском периоде жизни неизвестны, но многими его рассказами и материалами воспользовался П. В. Анненков для биографии Пушкина.

Об экземпляре «Истории Пугачевского бунта» см. очерк.

Воспоминания, т. 2.

Воспоминания И. П. Липранди, в основе которых лежал его дневник 1820-х годов, были написаны в 1866 г.

Старов — Николай Иванович, подполковник. После столкновения в казино между ним и Пушкиным была в Кишиневе дуэль, прерванная из-за непогоды. Известна шутливая записка Пушкина: «Я жив, Старов здоров, дуэль не окончен». Н. С. Алексей помирил противников, впоследствии с уважением отзывавшихся друг о друге.

Настроения Пушкина в Одессе, о которых пишет Липранди, по-видимому, связаны с его отношениями с А. Н. Раевским.

Воспоминания, Т. 1.

Автор мемуаров — Владимир Петрович Горчаков, штабной офицер, один из ближайших друзей Пушкина в Кишиневе. Мемуары, составленные на основании дневниковых записей в 1840-х годах, послужили важным источником для П. И. Бартенева при работе над книгой «Пушкин в Южной России».

Семенова — Екатерина Семеновна, трагическая актриса, которую Пушкин до ссылки видел в спектаклях; *Колосова* — Александра Михайловна, драматическая актриса, которую Пушкин также видел на сцене до ссылки.

11

Воспоминания, Т. I.

Автор воспоминаний — писатель Александр Фомич Вельтман. Мемуары написаны вскоре после гибели Пушкина, которого Вельтман хорошо знал в Кишиневе.

Вельтман цитирует один из рукописных вариантов «К Овидию». Печатную редакцию см.: Пушкин, II.

СЕМЬЯ ОСИПОВЫХ-ВУЛЬФ

1

Н. М. Языков. Стихотворения. М., 1978.

«Приют свободного поэта, // Не побежденного судьбой!» — эти две строки о Пушкине стали теперь как бы афористической эмблемой Михайловского и Тригорского.

2

Пушкин, X.

Где вольные жили — из стихотворения Н. М. Языкова «Тригорское». *Емка* — жженка из рома и вина; *Ловлас* (Ловелас) — герой романа С. Ричардсона «Клариса Гарлоу», знаменитый любовными похождениями.

3

Воспоминания, Т. 1.

Об Л. С. Пушкине см. Т. I настоящего издания.

«*Египетские ночи*» — имеется в виду автобиографический отрывок «Несмотря на великие преимущества...», включенный в текст «Египетских ночей»; *Более никого или почти никого* — Л. С. Пушкин знал, конечно, о приезде Пушкина в Михайловское, но не решился упомянуть это имя.

а) Анненков. Материалы.

Подражания Корану во всех изданиях печатаются с посвящением П. А. Осиповой.

б) Анненков. Пушкин.

Пушкин скоро позабывал все — Анненков несколько недооценивает роль обитателей Тригорского в жизни Пушкина. Приводимые им факты не всегда согласуются с такой оценкой. Однако следует иметь в виду, что это была первая печатная характеристика тригорских друзей Пушкина.

Пушкин, П.

Было вписано в альбом П. А. Осиповой с пометой «С. Михайловское 25 июня 1825». Во всех прижизненных публикациях фамилия адресата была зашифрована: «П. А. О ***».

Но и в дали, в краю чужом — намек на планы Пушкина бежать из Михайловского за границу.

Пушкин, П.

Написано 16 октября 1825 г. Посвящено П. А. Осиповой.

Пушкин, Х.

М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962.

Опасаясь, как бы планы Пушкина бежать за границу не привели к новым неприятностям для него, Осипова решилась обратиться за срочной помощью к Жуковскому.

Пушкин, Х.

Письмо написано из Михайловского в Ригу, куда П. А. Осипова уехала вместе с А. Н. Вульф, Е. Н. Вульф и А. П. Керн. Нарочито «дипломатический» тон письма объясняется некоторой натянутостью в отношениях Пушкина и Осиповой из-за романа поэта с ее племянницей А. П. Керн.

Малютка — Екатерина Ивановна Осипова, младшая дочь хозяйки Тригорского. Ей исполнилось тогда два года; *слухи* — муж А. П. Керн, генерал Е. Ф. Керн, по-видимому, знал о надзоре, учиненном за Пушкиным в Михайловском; *Пещуров* — Алексей Никитич, опочецкий уездный предводитель дворянства, на которого первоначально был возложен надзор за ссыльным Пушкиным. Пещуров ходатайствовал перед начальством о снятии надзора. Пушкин был у него в селе Лямоново; *двоюродный дедушка* — Петр Абрамович Ганнибал. Пушкин побывал у него в селе Петровском и получил материалы о прадеде.

10

Пушкин, Х.

О контексте этого письма см. очерк и подборку материалов об А. П. Керн в настоящем томе. Пушкин отвечает на несохранившееся письмо П. А. Осиповой из Риги; она не получила ответа, так как уже выехала в Тригорское; письмо прочитала А. П. Керн, на что и рассчитывал Пушкин.

Рокотов — Иван Матвеевич, сосед Пушкина и Осиповых, молодой холостяк, ухаживавший за А. П. Керн; *нашли портрет схожим* — словесная характеристика Керн, данная Пушкиным в одном из писем к Осиповой.

11

Пушкин, Х.

Написано из Пскова.

Дибич — Иван Иванович, начальник Главного штаба. По повелению императора И. И. Дибич 31 августа 1826 г. послал псковскому губернатору указание немедленно отправить Пушкина в Москву в сопровождении фельдъегеря. П. А. Осипова записала на своем календаре: «в ночи с 3-го на 4-е число прискакал офицер из Пскова к Пушкину и вместе уехали на заре».

12

Пушкин, Х.

Графиня Орлова — Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, устроившая 17 сентября 1826 г. бал для 1200 приглашенных. *Обе м-ль Анеты* — Анна Николаевна Вульф (в момент отъезда Пушкина из Михайловского она была в Петербурге) и ее кузина Анна Ивановна Вульф.

Пушкин, Х.

Арлекин — персонаж итальянской комедии масок.

Пушкин, Х.

На письме помета П. А. Осиповой: «получено 13 марта 1828». *Песни Онегина* — IV—V (в одной книжке) и VI главы; *Зуёво* — Михайловское.

Пушкин, Х.

Свадьба Евпраксии Вульф с Борисом Александровичем Вревским была 8 июля 1831 г. *Семь казней египетских* — комментаторы указывают на описку Пушкина: библейское выражение — «десять казней египетских»; *Савкино* (Савкина горка) — живописная местность между Михайловским и Тригорским на берегу Сороты. Пушкин мечтал приобрести это небольшое имение для себя и своей семьи, но намерение его не осуществилось.

Акад., XIV.

На случай неудачи с покупкой Савкина Осипова предлагает Пушкину иной вариант.

Акад., XIV.

Анета и Александрина — Анна Николаевна Вульф и Александра Ивановна Осипова (падчерица П. А. Осиповой).

В одном из писем Пушкина к Осиповой (от 29 июля 1831 г.) была приписка Натальи Николаевны: «Разрешите мне поблагодарить вас за все те приятные вещи, которые вы мне говорите в письме к моему мужу; заранее поручаю себя вашей дружбе и дружбе ваших дочерей. Примите выражение моего почтения. Наталья Пушкина».

Акад., XIV.

Пушкин, Х.

Часть библиотеки Пушкина, оставшаяся в Михайловском, благодаря хлопотам Осиповой была отправлена в Петербург. *Архип* — садовник в Михайловском; *Никита* — Козлов, камердинер Пушкина на протяжении ряда лет; *дань памяти... друга* — А. А. Дельвига; *вздорные сказки* — «Сказка о царе Салтане». Евпраксия Николаевна родила сына 21 апреля 1832 г.

Пушкин, Х.

Алымов — родственник хозяйки дома на Фурштадской ул. в Петербурге, где жили тогда Пушкины.

Акад., XV.

Застали вас уже отцом — когда писалось это письмо, дочери Пушкина Марии было три дня.

Пушкин, Х.

Пушкин, Х.

В 1834—1835 гг. Пушкин взял на себя управление всем нижегородским имением отца и советовался с П. А. Осиповой по этим вопросам.

Акад., XVI.

Переписку Пушкина с Павлищевым о судьбе Михайловского после смерти его владелицы, матери Пушкина Надежды Осиповны, см. в т. I. Был момент, когда, утомленный домогательствами зятя, Пушкин готов был продать Михайловское, но затем решил выкупить его у сонаследников. Осипова собиралась купить Михайловское, рассчитывая тем самым сохранить его для Пушкина.

Акад., XVI.

Анета — Анна Николаевна заболела в Петербурге; *Александрина* — А. И. Беклешова (Осипова).

Акад., XVI.

Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. М.—Л., 1960.

О поездке А. И. Тургенева в Святые горы и Тригорское см. т. I. *Мария* — дочь Осиповой; *понравятся стихи* — Тургенев привез Осиповым список стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». *Портрет* — А. И. Тургенева; *коварный, криводушный* (вместо: «завистливый и душный») — вариант строки Лермонтова, попавший в список, привезенный Тургеневым; *надписей в портрете* — девиз Тургеневых (см. т. I).

Пушкин, Исследования и материалы. Т. IV.

Пушкин, Исследования и материалы. Т. IV.

Пушкин, Исследования и материалы. Т. IV.

В письме к Д. В. Давыдову от 9 февраля 1837 г. (одном из многочисленных писем Вяземского, связанных с дуэлью и смертью Пушкина) особенно подчеркнута невинность жены поэта в его гибели.

Керн, Воспоминания.

Керн, Воспоминания.

Пушкин, Х.

Одновременно с этим письмом к Вульфу Пушкин отправил и стихотворное послание к Языкову: «Издревле сладостный союз // Поэтов меж собой связует», уговаривая его приехать в Тригорское. В письме Пушкина есть приписка Анны Николаевны Вульф. *Лайон* — Л. С. Пушкин.

Воспоминания, Т. I.

План побега относится к 1825 г. Впоследствии Пушкин переменил решение: он рассчитывал попасть для лечения в Дерпт, а оттуда перебраться за границу.

Пушкин, Х.

Написано из Малинников — имения П. А. Осиповой (в Тверской губернии) в Петербург. *Петербургское поведение* Вульфа более всего интересовало Елизавету Петровну Полторацкую (сестру А. П. Керн), влюбленную в него.

Марья Васильевна Борисова — молоденькая девушка, жившая в доме П. И. Вульфа (дяди А. Н. Вульфа) в Старице. Пушкин и Вульф ухаживали за нею: *Анна Петровна* — Керн, *баронесса* — С. М. Дельвиг.

Воспоминания, Т. I.

Вопрос о прототипах героев «Евгения Онегина», разумеется, гораздо сложнее, чем это представлялось Вульфу. См. очерк, а также № 4.

Вульф служил в Варшаве одновременно со Львом Пушкиным.

Анненков, Пушкин.

Паулуччи — Филипп Осипович, курляндский генерал-губернатор.

Пушкин, Х.

Написано из Михайловского в Ригу, куда уехала П. А. Осипова с дочерьми.

Последнее издание Байрона вскоре прислала из Риги Пушкину А. П. Керн.

Акад., XIII.

Написано из Малинников, куда Анна Николаевна уехала по настоянию матери.

Акад., XIII.

Пушкин ездил в Псков вместе с П. А. Осиповой и А. Н. Вульф. Оттуда они отправились в Малинники, а он возвратился в Михайловское. *Нетти* — Анна Ивановна Вульф (по мужу — Трувеллер).

Акад., XIII.

Написано в Петербурге и послано в Москву по оказии с П. А. Вяземским.

О доносе на вас — А. Н. Вульф считала, что Пушкин арестован и увезен в Москву для допроса.

Акад., XIII.

Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М., 1932—1951. Т. V. Датировка письма в этом издании не точна.

Письмо Н. Н. Пушкиной к А. Н. Вульф не сохранилось.

Пушкин, П.

Стихотворение написано в альбом Е. Н. Вульф.

Пушкин, П.

Вписано в альбом Е. Н. Вульф 1 июня 1826 г.

П. и С., XIX—XX.

Написано из Петербурга.

П. и С., XIX—XX.

П. и С., XIX—XX.

Я читала его письма — речь идет о Льве Пушкине. С. Л. Пушкин и сама Е. Н. Вревская вскоре переменили мнение об Н. Н. Пушкиной и об ее отношении к смерти мужа.

П. и С., XIX—XX.

Речь идет о возвращении Н. Н. Пушкиной из Полотняного Завода. *К сестре* — А. Н. Вульф.

П. и С., XII

Вревский — Борис Александрович, муж Е. Н. Вульф.

Воспоминания, Т. I.

Н. М. Языков. Стихотворения. М., 1978.

Стихи написаны уже тяжело больным поэтом.

1

Пушкин, II.

Стихи были вручены Пушкиным А. П. Керн 19 июля 1825 г. в день ее отъезда из Тригорского.

С согласия Пушкина А. П. Керн передала стихотворение А. А. Дельвигу для публикации в «Северных цветах» 1827 года. (Оригинал утрачен. Стихотворение печатается всюду по тексту «Северных цветов».)

2

Пушкин, III.

Об этом стихотворении см. воспоминания А. П. Керн (№ 11).

3

Пушкин, X.

Адресат письма Пушкина — Аркадий Гаврилович Родзянко, поэт, приятель Пушкина; Родзянко был соседом Полторацких по украинскому имению близ г. Лубны и поддерживал дружеские отношения с А. П. Керн.

4

Пушкин, X.

Первую часть письма см. в подборке об А. Н. Вульф. Влюбленная в Пушкина А. Н. Вульф была поверенной его чувств к Керн.

Не мила ей прелесть ночи — Керн псла в Тригорском стихи И. И. Козлова «Венецианская ночь» на мотив венецианской баркароллы. *Алексей* — А. Н. Вульф; *баронесса* — шутливое обращение, вероятнее всего вызванное пребыванием в Михайловском барона Дельвига.

5

Пушкин, X.

Ермолай Федорович — генерал Керн, муж Анны Петровны; *Вульф* — Алексей Николаевич.

Пушкин, Х.

Вдохновенного слепца — Иван Иванович Козлов, автор «Венецианской ночи», в возрасте 42 лет потерял зрение.

7

Пушкин, Х.

О характере писем Пушкина к Керн см. очерк.

Нетти — Анна Ивановна Вульф, двоюродная сестра А. П. Керн; *кузина* — А. Н. Вульф; *кузен* — Ал. Н. Вульф.

8

Пушкин, Х.

Двоюродный братец — А. Н. Вульф.

9

Пушкин, Х.

Слова «*вот что такое диагональ*» написаны Пушкиным наискось.

10

Пушкин, Х.

А. П. Керн приезжала с мужем в Тригорское осенью 1825 г., чтобы помириться с П. А. Осиповой. По ее словам, Пушкин «очень не поладил с мужем».

11

Керн, Воспоминания.

Встреча Пушкина с Керн у Олениных произошла в январе или в начале февраля 1819 г. *С братом моим* — Александром Александровичем Полторацким, двоюродным братом Керн. *Сказку про черта* — литератор Владимир Павлович Титов в 1828 г. записал со слов Пушкина и, с согласия истинного автора, напечатал ее в «Северных цветах» за 1827 г. под названием «Уединенный домик на Васильевском». *С черною книгою* — беловой автограф «Цыган» действительно вписан в толстую тетрадь большого формата, заключенную в черный сафьяновый переплет; «*Приют задумчивых дриад*» — строка из «Евгения Онегина» (гл.

II, строфа I, дриады — лесные нимфы); *трактир Демута* — гостиница на набережной Мойки вблизи Невского проспекта, где не раз останавливался Пушкин, приезжая в Петербург; *экземпляр Цыган* — отдельное издание 1827 г.; *Я ехал к вам* — см. № 2, *уехал в Москву* — в начале марта 1829 г.

12

Керн, Воспоминания.

13

Воспоминания, Т. 2.

Автор воспоминаний — популярный в свое время поэт Андрей Иванович Подолинский. *Однажды* — это было 24 февраля 1829 г.; *Шевырев* — Степан Петрович, поэт, критик, близкий знакомый Пушкина. Эпиграмма «В Элизии Василий Тредьяковский», направленная против реакционного журналиста М. Т. Каченовского, принадлежит одному Пушкину. Пародируемое стихотворение А. И. Подолинского — «Портрет», посвященное А. П. Керн. *Гурии Пророка* — по Корану, вечно юные красавицы в мусульманском раю.

14

Воспоминания, Т. 2.

Автор, Екатерина Евграфовна Синицина, — дочь тверского священника, гостившая у Вульфов в Старице и Павловском, где в 1829 г. познакомилась с Пушкиным. Ее воспоминания записал В. Колосков.

А. П. Керн также считала, что в Татьяне — жене генерала Пушкин описал ее.

15

П. и С., I.

Сын А. П. Керн — Александр Александрович Марков-Виноградский.

16

П. и С., I.

Письмо написано из имени друзей А. П. Керн Бакуниных Прямухино.

17

П. и С., I.

1

Пушкин, V.

Впервые посвящение было напечатано перед изданием IV и V глав «Евгения Онегина» с пометой 29 декабря 1827 г.

Посвящение не только раскрывает жанровую природу романа в стихах, но и (в первых 8 строках) очерчивает характер П. А. Плетнева.

2

Пушкин, III.

Неоконченный отрывок, которым Пушкин отвечает на совет Плетнева продолжать «Евгения Онегина». Пропущенное слово в 7-й строке могло быть, например: «прилично» или «пристало».

3

Пушкин, III.

Неоконченный отрывок на ту же тему, что и № 2.

4

Пушкин, III.

Все три приведенных стихотворения обычно комментируются как стихотворный ответ Плетневу.

5

Плетнев, Сочинения, Т. III.

О предыстории стихотворения см. очерк.

6

Пушкин, X.

Ответ на стихотворение Плетнева (№ 5). Пушкин стремится смягчить свой резкий отзыв о поэтических способностях Плетнева, данный в письме к Л. С. Пушкину 4 сентября 1822 г.

7

Пушкин, X.

Ты издал дядю моего — Плетнев в Петербурге помогал выпустить сборник стихотворений В. Л. Пушкина (вышел в 1822 г.);

Беседа — Беседа любителей русского слова, литературное общество архаического направления, враждебное Арзамасу, к которому принадлежали В. Л. и А. С. Пушкины; *Гнедиш* — Николай Иванович, поэт; *Ареопаг* — совет старейшин в Древней Греции. Со- сланный в Михайловское Пушкин просит друзей позаботиться об издании «Евгения Онегина».

Сохранился лишь черновик письма; по-видимому, речь шла о поэме Баратынского «Эда».

8

Акад., XIII.

Письмо Пушкина с поправками к I гл. «Онегина» не сохранилось. «Разговор книгопродавца с поэтом» был напечатан, в виде вступления к роману, вместе с первой главой. В отдельные издания романа «Разговор...» не был включен.

9

Пушкин, X.

Просьба Пушкина к друзьям возобновить хлопоты о его освобождении связана с полученным известием о смерти императора Александра I. Плетнев передал письмо Жуковскому.

10

Пушкин, X.

Пушкин знал уже о восстании декабристов, но только из газетных сообщений. Письмо рассчитано на возможность перлюстрации.

11

Пушкин, X.

Плетнев сообщил Пушкину о болезни Н. М. Карамзина и Н. И. Гнедича, работавшего над полным переводом «Илиады» Гомера. «Гнедич... плох здоровьем. Беда как мы останемся без конца «Илиады», — писал Плетнев 6 февраля. *Несть Феб* — Пушкин шутивно переиначивает библейское «нет бога»; *Сле-Пушкину* — поэт-крестьянин Федор Никифорович Слепушкин был в 1825 г. удостоен золотой медали Российской академии за сборник стихов «Досуги сельского жителя»; *Академический четвертак* — жетон, который получали члены Российской академии.

Акад., XIII.

Плетнев не писал Пушкину не только из-за болезни, но, видимо, и из-за слезки, которая началась за ним в Петербурге. Данное письмо — последнее до освобождения поэта из ссылки.

Письмо Жуковскому — от 7 марта 1826 г.; *Жуковский болен* — Жуковский уехал за границу на воды 11 мая 1826 г. Карамзин умер 22 мая 1826 г. Гнедич отправился на Кавказские минеральные воды.

Акад., XIII.

Адресовано из Петербурга в Москву.

Москва счастливее — в Москве Пушкин принял участие в организации журнала «Московский вестник»; *Фаддей* — Булгарин, напечатавший в «Северной пчеле» извещение о том, будто «Московский вестник» издается Пушкиным (издателем на самом деле был М. П. Погодин). «*Цыганы*» вышли в Москве 10 мая 1827 г., в издании помогал Пушкину С. А. Соболевский.

Акад., XIV.

Дело было обдуманно — согласие Н. И. Гончаровой на брак Пушкина с ее младшей дочерью было получено в начале апреля 1830 г. До этого все было неясно, и Пушкин не рассказал о своих планах Плетневу; *контрфакция* (контрафакция) — незаконное издание, предпринятое без разрешения автора; *потерпят... библиоманы* — Плетнев считал, что увеличение тиражей и относительно частые переиздания будут полезны для Пушкина, хотя принесут большой доход и Смирдину (библиоманы, заинтересованные в приобретении редких книг, оказались бы в этом случае в проигрыше); «*Руслана*» и «*Пленника*» — вторые издания «*Руслана и Людмилы*» и «*Кавказского пленника*» были выпущены Смирдиным в 1828 г. по особому соглашению с Пушкиным.

Пушкин, X.

Напечатать «Годунова» — борьбу за право публикации «*Бориса Годунова*» Пушкин вел с осени 1826 г. После неоднократных

отказов и проволочек 28 апреля 1830 г. царь через Бенкендорфа разрешил печатать (с купюрами). Это было связано с предстоящей женитьбой поэта и его письмом к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г.

Фон Фок — Максим Яковлевич, управляющий III Отделением, его резолюция после разрешения царя была формальностью; *Предисловие* к «Борису Годунову», где Пушкин собирался намекнуть, что Булгарин обокрал его в романе «Дмитрий Самозванец», написано не было (по совету Плетнева); *отзыв «Северной пчелы»* — ругательная рецензия Булгарина в №№ 35 и 39 за 1830 г.; «*Фаддей Выжигин*» — см. статью Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» и включенный в нее план сатирического романа «Настоящий Выжигин» (Пушкин, VII); статья «О Записках Видока» (см. Пушкин, VII); *заклучай условия* — право распоряжаться переизданием всех книг Пушкина, выпущенных до 1 апреля 1830 г., было передано Смирдину на 4 года; он же издавал «Бориса Годунова».

16

Пушкин, X.

Контекст письма см. очерк «Н. Н. Пушкина».

Жизнь жениха... — на сцене театров в то время шла переводная пьеса В. Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

17

Пушкин, X.

Щеглов — Николай Прокофьевич, цензор, отвечавший за выпуск «Литературной газеты» в 1830 г.; *не прежде месяца* — Пушкин вынужден был из-за карантинных пробыть в Болдине до начала декабря.

18

Пушкин, X.

Повесть... октавами — «Домик в Коломне»; *5 повестей* — «Повести Белкина».

19

Пушкин, X.

Ширяев — Александр Сергеевич, издатель, владелец университетской книжной лавки в Москве (Страстной бульвар, 10); *же-*

нюсь в сем месяце — свадьба была 18 февраля 1831 г.; что скажет Марья Алексевна — намек на последнюю реплику «Горя от ума» А. С. Грибоедова; *Что газета наша?* — Пушкин был недоволен тем, что «Литературная газета» под редакцией Дельвига слишком часто опускается до полемики с Булгариным.

20

Акад., XIV.

Петр Степанович — Молчанов, писатель и переводчик, близкий друг Плетнева, как и Дельвиг, умерший в 1831 г.; *Лобанов* — Михаил Евстафьевич, писатель.

Ответ Пушкина на это письмо см. в разделе «Дельвиг» в Т. I наст. изд.

21

Пушкин, X.

Баронесса — вдова Дельвига; *Хитровой* — Елизавете Михайловне Хитрово (9 февраля 1831 г. Пушкин просил ее помочь определить двух братьев Дельвига в Пажеский корпус); *долг Дельвигу* — С. Л. Пушкин возвратил 500 руб. С. М. Дельвиг в июле 1831 г.; *портрет* Пушкина работы О. А. Кипренского, принадлежавший Дельвигу, был выкуплен Пушкиным после его смерти; *Михаил Александрович* — Салтыков, отец С. М. Дельвига; *статья* — некролог Дельвига был помещен Плетневым в «Литературной газете» 16 января 1831 г.

22

Акад., XIV.

Е. А. Баратынский биографию Дельвига не написал.

23

Акад., XIV.

Послано из Петербурга в Царское Село.

Тяжелое настроение Плетнева было вызвано главным образом смертью друзей — А. А. Дельвига и П. С. Молчанова.

24

Пушкин, X.

Летописи Литературного музея. Кн. V. М., 1939 (Архив Опеки Пушкина).

Адресат письма — двоюродный дядя Н. Н. Пушкиной граф Григорий Александрович Строганов, возглавивший после гибели поэта опеку над детьми и имуществом Пушкина. Опека высказывала претензии Плетневу в связи с публикацией в «Современнике» без ее ведома имевшихся в его распоряжении рукописей Пушкина.

Воспоминания, Т. 2.

Воспоминания, Т. 2.

Коломна — район в Петербурге; семья Пушкиных жила в одном доме с семьей М. А. Корфа, лицейского товарища поэта. В XXI строфе «Домика в Коломне» описана встреча с графиней Екатериной Александровной Стройновской в церкви Покрова:

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!)
Бывало грешен! всё гляжу направо,
Всё на нее.

ЛН, 16—18.

Балабины — семья генерала, петербургского домовладельца Петра Ивановича Балабина, где давал уроки русской словесности Н. В. Гоголь. Уверенность Плетнева в том, что в Ленском отражены черты Кюхельбекера, представляет несомненный интерес. См. очерк о Кюхельбекере в Т. I.

Воспоминания, Т. 2.,

Написанные в 1838 г. статьи Плетнева остаются первоисточником многих представлений о жизни Пушкина.

Доброе семейство — Осиповы-Вульф.

П. А. Плетнев. Сочинения и переписка. Т. III. СПб., 1885.
Статья «Александр Пушкин». См. также: Воспоминания, Т. 2.

П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России.

Воспоминания, Т. 2.

Литературные салоны и кружки. М., 1930.

Автор воспоминаний — Виктор Павлович Гаевский, историк и литератор, биограф Дельвига.

И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем. Т. 11, М., 1983.

Воспоминания написаны в 1869 г.

Грановский — Тимофей Николаевич, ученый и общественный деятель-западник, профессор Московского университета, пользовавшийся большой популярностью у студентов.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ
(10.IX.1803—6.X.1870)

ЛН, 58.

Пушкин, Х.

В начале ноября 1826 г. Пушкин отправился в Михайловское — за своими пожитками и для работы над запиской «О народном воспитании», которую должен был представить царю.

Бранил тебя — в дороге у Пушкина сломалась коляска, расшатанная в Москве Соболевским; «*Жил да был петух индейский*» («Цапли») — шуточная песенка, сочиненная Соболевским и

Баратынским. *Гальяни* — итальянец, содержатель трактира в Твери; *кольони (coglione)* — плут, глупец; *пармазан* — сыр; *Пожарский* — трактирщик в Торжке. Соболевский собирался в ноябре 1826 г. выехать в Петербург.

3

Пушкин, Х.

О твоём горе — в начале июля 1827 г. умерла мать Соболевского А. И. Лобкова. Ее поместья отошли к законным наследникам (дальним родственникам). Соболевский оказался в тяжелом материальном положении. Пушкин срочно переслал ему свой долг; *Полторацкий* — Сергей Дмитриевич, близкий друг Соболевского, приятель Пушкина.

4

Пушкин. Письма. Т. II. М.— Л., 1928.

5

Пушкин, Х.

Анна Петровна — Керн; *2-я часть* — вторая глава «Онегина», которую Соболевский перепечатывал в Москве и сильно запоздал с этим; *Калибан* — персонаж комедии Шекспира «Буря» — «дикий и уродливый»; *Трубецкой* — по-видимому, Никита Петрович, на которого Соболевский перевел заемное письмо Пушкина; *Погодин* — Михаил Петрович, историк, редактор «Московского вестника».

6

ЛН, 16—18.

Уезжая за границу в 1828 г., Соболевский оставил свою библиотеку семье Киреевских-Елагиных.

7

Пушкин, Х.

П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Петербурга в ноябре 1833 г.: «Ну, начиналась потеха 17-го числа! Бешеная Нева, пена у рта, корячилась, вскакивала на дыбы, лягала, кусала берега, ржала, ревела, коробила мосты, сбивала барки с ног; но, по

счастью, сидел на ней не самый лютый ездок заморский, а какой-то побочный ездок, который гнал ее не прямо, а как-то с бока, и мы уцелели; а то при продолжительном напоре, да если бы на хребте Невы сидел ветер 7 ноября 1824 г., то еще было бы больше бед, чем в то время».

И это я прогулял — во время предыдущего разрушительного наводнения 7 ноября 1824 года Пушкин был в ссылке. Соболевский возвратился в Петербург из-за границы 22 июля 1833 г., они вместе с Пушкиным выехали из Петербурга 16 августа. Во время этой поездки Соболевский сообщил Пушкину много важных европейских впечатлений и передал том стихотворений Мицкевича. *Ярополец* — имение тещи Пушкина Н. И. Гончаровой в Волоколамском уезде Московской губернии.

8

Пушкин, Х.

Альманах, который собирал Соболевский, в свет не вышел.

9

Акад., XV.

Из сей бумаги — по просьбе Пушкина Соболевский запросил в Опекунском совете справку о положении дел по займам С. Л. Пушкина под залог крепостных душ, приложенную к этому письму. Данные, сообщенные Соболевским, Пушкин передал своему зятю Н. И. Павлищеву.

10

ЛН, 16—18.

11

Искусство, 1929, № 3—4.

Соболевский, будучи в Париже, получил известие о смерти Пушкина из нескольких источников: письма к нему И. С. Мальцова; письма П. А. Вяземского к А. О. Смирновой; письма Карамзиных к А. Н. Карамзину; письма А. И. Тургенева к брату Н. И. Тургеневу. Первой заботой Соболевского было применить свои деловые качества для обеспечения детей Пушкина. Что именно предпринято по приказу Николая I, он не знал. На пись-

ме стоит обращение: «Василий Андреевич» (т. е. первоначально оно адресовалось Жуковскому), но Соболевский решил, что Плетнев лучший партнер для деловых переговоров, и направил письмо ему. Предложения Соболевского приняты не были, но многие меры, о которых он пишет, в той или иной форме были впоследствии осуществлены.

Беллизар и *Гауэр* — владельцы магазинов иностранных книг в Петербурге. Из числа лиц, упомянутых Соболевским, только Жуковский стал членом Опеки. *Загряжская* — Екатерина Ивановна, тетка Н. Н. Пушкиной, много помогавшая ей при жизни и после смерти поэта; *Гончаров* — Дмитрий Николаевич, брат Н. Н. Пушкиной, принявший на себя с 1832 г. управление Полотняным Заводом; *Александра Осиповна* — Смирнова (Россет); *Карамзин* — Андрей Николаевич.

О характеристике Н. Н. Пушкиной, данной Соболевским, см. очерк, ей посвященный, в настоящем томе.

12

Летописи Литературного музея. Кн. V (Архив Опеки).

О. С. Павлищева и Л. С. Пушкин дали Соболевскому доверенность на ведение дел с Опекой по дальнейшей судьбе Михайловского. Опека собиралась выкупить имение у брата и сестры Пушкина для его детей. Соболевский защищал интересы своих доверителей. Соглашение было достигнуто в 1842 г. — Михайловское осталось за семьей поэта. О. С. Павлищева и Л. С. Пушкин получили материальную компенсацию; С. Л. Пушкин ранее отказался от своей части в пользу дочери.

13

Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л., 1929.

О. С. Павлищева была недовольна тем, что без ее ведома П. И. Бартеневу (через С. А. Соболевского) стали известны записи ее воспоминаний о Пушкине. *Мелочность литераторов* — соперничество биографов Пушкина.

14

П. и С., XXXI—XXXII.

«Материалы для биографии А. С. Пушкина», составившие 1-й том «Собрания сочинений» Пушкина, были выпущены Анненковым в 1855 г. Все издание в 7 т. вышло за три года (1855—1857).

«Прозерпину» — стихотворение и поныне относят во всех собраниях сочинений к 1824 г., основываясь на дате белого автографа; А — П. В. Анненков; В Академии Наук заседает князь Дундук — эпиграмма Пушкина, адресатом которой был вице-президент Академии наук М. А. Дондуков-Корсаков; о Гавриилиаде — Соболевский знал, сколько неприятностей доставила Пушкину эта поэма, и считал преждевременным упоминание о ней даже в 1855 г. О каких причинах холодности между братьями, «не делающих вреда Льву», говорит Соболевский, не совсем ясно; Волконской — Зинаиды Александровны (сведений о чтении у нее «Бориса Годунова» нет). В Дерпте Пушкин не был — это ошибка Анненкова. Соболевский был одним из опекунов детей Льва Пушкина. Мистификация Мериме — связанная со сборником «Гузла».

15

Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л., 1924.

Князь Петр Владимирович Долгоруков — один из тех, кого поныне подозревают в сочинении и распространении гнусного пасквиля, полученного Пушкиным в ноябре 1836 г. В 1860 г. в печати появилась статья Долгорукова о М. С. Воронцове («полумилорде»), которую сын его С. М. Воронцов счел оскорбительной для памяти отца. Было начато судебное дело по обвинению П. В. Долгорукова в клевете. С этим связано письмо Соболевского С. М. Воронцову, характеризующее участие Долгорукова в травле Пушкина.

Другое дело — т. е. помимо процесса, начатого против Долгорукова С. М. Воронцовым; Гагарин — Иван Сергеевич. Его также долгое время считали причастным к составлению пасквиля. Мнение Соболевского очень важно для решения вопроса о составителях и распространителях пасквиля.

16

ЛН, 58.

Соболевский рассказывает о портрете Пушкина работы В. А. Тропинина.

к. Оболенский — князь Михаил Андреевич, купивший портрет в 1850-х годах.

17

Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л., 1924.

Начало воспоминаний Соболевского о Пушкине в черновом

варианте сохранилось в сборнике его бумаг, находящемся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

Педагогическом университете — описки Соболевского (надо — институте); *Тальма* — французский актер.

18

Воспоминания, Т. 2.

Воспоминания написаны в форме письма к М. П. Погодину.

Лонгинов — Михаил Николаевич, критик и библиограф-пушкинист (в 1870-х годах встал на реакционные позиции); *Веневи-тинов* — Дмитрий Владимирович, поэт; *Киреевский* — Иван Васильевич.

19

Воспоминания, Т. 2.

Автор — Ксенофонт Алексеевич Полевой, критик и журналист, брат издателя «Московского Телеграфа» Н. А. Полевого.

Семик — Троицын день, праздник встречи весны; *Александр Алексеевич Муханов*, литератор. Статья Пушкина «О г-же Сталь и о г. А. М-ве» помещена в № 12 «Московского Телеграфа» за 1825 г. под псевдонимом «Старый арзамасец» (см. Пушкин, VII).

20

Воспоминания, Т. 2.

21

Воспоминания, Т. 2.

Статья «Таинственные приметы в жизни Пушкина» — последнее мемуарное свидетельство Соболевского. Оно написано в ответ на несколько печатных упоминаний о вере Пушкина в приметы.

Госпожа Фукс — Александра Андреевна, поэтесса, казанская знакомая Пушкина. Ее воспоминания были напечатаны в 1844 г.; «Воспоминания» Л. С. Пушкина были опубликованы в 1853 г.; Ал. Н. Вульф упомянул о суеверии Пушкина в 1870 г. По рассказам ряда современников, Пушкин в 1819 г. посетил в Петербурге гадалку Кирхгоф — о ее предсказаниях и рассказывает Соболевский; *Корсаков* — Николай Александрович, лицейский товарищ Пушкина, уехал в Италию 19 ноября 1819 г. (это помо-

гает определить дату посещения гадалки); связь разговора Пушкина с А. Ф. Орловым с предсказанием Кирхгоф опровергается современными комментаторами; рассказ Нашокиных П. И. Бартенева см. в разделе «П. В. Нашокин».

Вопрос о том, насколько истинен рассказ о сорвавшейся поездке Пушкина в Петербург, окончательно не решен. Не ясна и точная дата предполагавшейся поездки. Не исключено, что Пушкин получил письмо Пушина, звавшего его в Петербург (см. Н. Я. Эйдельман. «Пушкин и декабристы». М. 1979).

П. В. НАШОКИН
(8.XII.1801—6.XI.1854)

1

Рассказы Нашокина, записанные и обработанные Пушкиным, представляют собой идеальный прообраз художественно-документальной литературы.

Мать моя — Клеопатра Петровна Нелидова; *Александровской ленте* — один из атрибутов ордена св. Александра Невского; *Потемкин-Таврический* Григорий Александрович, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II; *Фридерик II* — Фридрих II Великий — прусский король; *Панкратьевна* — сводня из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед», «вся провонявшая и чесноком и водкой».

2

Пушкин, Х.

Адресат письма — Алексей Николаевич Верстовский, известный музыкант и композитор, близкий приятель Пушкина.

3

Пушкин, Х.

В мае 1831 г. Пушкин с женой, покинув Москву, отправился на житье в Петербург. Лето 1831 г. решено было провести в Царском Селе. Письмо написано из Петербурга, где Пушкины задержались на несколько дней. Дом Китаевой нанял для Пушкиных Плетнев.

4

Акад., XIV.

Письма Нашокина печатаются с исправлением орфографических ошибок, но и синтаксис их весьма характерен.

Это письмо написано, видимо, одновременно с письмом Пушкина (№ 3). Нащокин просил Пушкина заказать свой портрет и прислать ему.

5

Акад., XIV.

Прогулки по Летнему саду — на протяжении недели, которую провели Пушкины в Петербурге перед отъездом в Царское Село.

6

Пушкин, X.

Подрядчик — речь идет о доставке вещей Пушкиных из Москвы в Царское Село; *Рохманов* — Алексей Федорович, с которым Пушкин и Нащокин вели финансовые дела.

7

Акад., XIV.

8

Пушкин, X.

9

Акад., XIV.

1-й том Карамзина — «История государства Российского»; *твоей крестницы* — дочери Нащокина от его гражданской жены цыганки Ольги Андреевны Солдатовой.

10

Пушкин, X.

Юсупов — Николай Борисович, меценат, владелец усадьбы Архангельское под Москвой, умерший в Москве 15 июля 1831 г.; *посылку на имя Чаадаева* — рукопись «Философического письма» (см. Т. I).

11

Акад., XIV.

Клобного повара — т. е. в Английском клубе; *Василий* — повар Пушкина.

Пушкин, Х.

Дело... не распутывается — денежные счета, из-за которых Пушкин приехал в Москву в конце 1831 г.

Пушкин, Х.

Мемории — воспоминания, которые Нащокин собирался писать по настоянию Пушкина (см. № 1); *мой журнал* — предполагавшаяся газета Пушкина «Дневник», издание которой так и не состоялось; *мою статую* — бронзовая статуя Екатерины II («медная бабушка»), находившаяся в имении Гончаровых. Пушкин хлопотал о продаже ее в казну, надеясь несколько поправить этим материальные дела; *Гаврила* — вначале Пушкин собирался так назвать сына в память одного из своих предков. Нащокин был крестным отцом Александра Александровича Пушкина; *ковчегом спасения* — личные дела Нащокина в это время складывались столь сложно, что Пушкин советовал ему уехать в Петербург.

Акад., XV.

Академик — Пушкин был официально избран членом Российской академии 7 января 1833 г.; *Полевой* — Николай Алексеевич, журналист, историк, с 1829 г. резко полемизировавший с Пушкиным и в отдельных случаях сближавшийся с Булгариным. Пушкин посвятил полемике с Полевым статью «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений». Л. С. Пушкин, находившийся в 1831—1832 гг. в Польше, некоторое время не подавал о себе вестей; *роман* — «Дубровский»; *Петр I* — видимо, Нащокин знал, что Пушкин собирает материалы для «Истории Петра I».

Пушкин, Х.

Пушкин, Х.

Домашние обстоятельства — речь идет о разрыве Нащокина с О. А. Солдатовой. Пушкин советовал Нащокину решиться на это; *князь Федор* — Федор Федорович Гагарин (брат В. Ф. Вяземской), приятель Нащокина.

Акад., XV.

Ответ на письмо Пушкина (№ 16).

Пушкин, X.

Пушкин отвечает на неизвестное письмо Нащокина, которым тот извещал его о женитьбе на своей дальней родственнице В. А. Нащокиной. *Мы квиты* — Нащокин одобрил женитьбу Пушкина; в свою очередь, Пушкин был представлен его невесте и похвалил выбор друга.

Акад., XV.

Пушкин оставался должен Нащокину 3500 рублей. Часть денег Пушкин обещал отдать П. А. Вяземскому в уплату долга Нащокина.

Акад., XV.

Заимовал... — Нащокин тщетно пытался получить часть отцовского наследства от старшего брата; *Павел Павлович* — сын Нащокина от О. А. Солдатовой.

Акад., XV.

По-видимому, из-за того, что Нащокин не знал адреса Пушкина, а писал к нему на имя книгоиздателя Смирдина, не все его тульские письма Пушкин получил вовремя. Однако в июне 1834 г. он все же послал Нащокину 1000 рублей, тем самым «выкупив» его из Тулы. Полностью долг был погашен в начале 1835 г.

Пушкин, X.

Дочь Нащокина родилась 19 ноября 1834 г.

Виновностью дружбы — Пушкин не мог себе простить, что безденежье помешало ему вовремя уплатить Нащокину весь долг.

Пушкин, X.

Мое семейство умножается — у Пушкиных было к этому времени трое детей, и Наталья Николаевна ждала четвертого (Н. А. Пушкина родилась 23 мая 1836 г.).

Пушкин, X.

Письмо написано после встречи с Нащокиным в Москве, где Пушкин был в последний раз со 2 по 19 мая 1836 г.

Акад., XVI.

Надежин — Николай Иванович Надеждин. Издававшийся им журнал «Телескоп» был запрещен в связи с публикацией в № 15 за 1836 г. «Философического письма» П. Я. Чаадаева (см. т. I, «П. Я. Чаадаев»); *Белинский* — Виссарион Григорьевич. Пушкин предполагал привлечь его к сотрудничеству в «Современнике» и просил Нащокина узнать о возможных условиях; *Наблюдатель* — журнал «Московский Наблюдатель»; *Греч* — Николай Иванович, издатель «Сына Отечества»; *Щепкин* — Михаил Семенович, артист; *Брюллов* — Карл Павлович, художник; «*Современник*» — Пушкин пересылал через Нащокина экземпляры журнала для раздачи московским литераторам.

Акад., XVI.

Нащокин до последнего момента ничего не знал о событиях в жизни Пушкина в конце 1836—начале 1837 г. На это письмо Нащокин уже не получил ответа.

Квитка — Григорий Федорович, украинский писатель (автор пьесы «Шельменко-денщик»). Комедия «Дворянские выборы» была запрещена к постановке. *П. А. Нащокин* — Павел Александрович, брат жены П. В. Нащокина.

ЛН, 58.

Бюст — работы И. П. Витали, выполненный под наблюдением Нащокина после смерти поэта.

ЛН, 16—18.

Отправлено в Петербург, куда Соболевский возвратился в конце 1837 г.

ЛН, 58.

Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. XII. *Я ему рассказал* — петербургскому богачу Д. Е. Бенардаки, которого Гоголь просил помочь Нащокину с устройством на службу.

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л., 1977.

Адресат письма — поэт, издатель Николай Михайлович Коншин, близкий друг Е. А. Баратынского, знакомый Пушкина.

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. В. А. Жуковский и М. Ю. Виельгорский (близкий знакомый Пушкина, музыкант, сановник) посетили Нащокина в Москве в начале августа 1837 г.

ЛН, 16—18.

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин.

Воспоминания, Т. 2.

Гауеншильд — Федор Матвеевич, профессор немецкого языка и словесности в Лицее, директор Лицейского благородного пансиона. *Настоичка травная* — строки из стихотворения И. П. Мятлева «Восторг», которое любил Пушкин; *Гульянов* — Иван Александрович, ученый и дипломат; *Никита* и *Александр Всеволодовские* — братья Никита Всеволодович и Александр Всеволодович Всеволожские, приятели Пушкина; *Мансуров* — Павел Борисович, приятель Пушкина; *Сосницкий* — Иван Иванович, артист Даль — Владимир Иванович, врач, писатель, близ-

кий знакомый Пушкина, в будущем — автор «Толкового словаря живого великорусского языка»; *Фауст* — пушкинская «Сцена из Фауста».

36

Анненков, Материалы.

Анненков с большой осторожностью подходил к упоминанию лиц, близко знавших Пушкина, поэтому он не привел полностью и фамилию Нащокина.

37

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин.

Речь идет о неосуществленном замысле Пушкина написать роман «Русский Пелам» наподобие произведения английского писателя Э. Бульвера-Литтона «Пельгам, или Приключения одного благородного господина» (1828). Как обычно у Пушкина, Нащокин был не единственным прототипом героя будущего произведения.

38

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин.

Асенкова — речь идет либо о матери Александре Егоровне, либо о дочери Варваре Николаевне Асенковой. Обе они были драматическими актрисами.

39

Воспоминания, Т. 2.

Рассказы В. А. Нащокиной в записи И. Родионова были напечатаны в газете «Новое время» в 1898 г.

Генерал Ланской — Петр Петрович, второй муж Н. Н. Пушкиной (с 16 июля 1844 г.). В. А. Нащокина ошибочно называет его «вдовцом, с детьми от первого брака» (до женитьбы на Н. Н. Пушкиной он был холост).

40

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин.

Об участии В. А. Нащокина в праздновании 100-летнего юбилея Пушкина см. очерк.

Комитет не воспользовался предложением В. А. Нащокиной. Стол, о котором она пишет, сгорел при пожаре.

М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931.

Запись, сделанная журналистом Н. Ежовым, была помещена в газете «Новое время» в 1899 г. Некоторые неточности отмечены в книге Н. А. Раевского.

Н. А. Раевский. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин.

Е. Н. УШАКОВА
(3.IV.1809—19.VI.1872)

1

Пушкин, III.

Вписано в альбом Ушаковой 3 апреля 1827 г.

2

Пушкин, III.

Написано 16 мая 1827 г. перед отъездом Пушкина из Москвы в Петербург. Настроение поэта было тогда невеселое (см. рассказ К. А. Полевого в подборке материалов о Соболевском, № 19). Последняя строка связана с политической слежкой, которая велась за Пушкиным.

3

Пушкин, III.

Письмо, на которое отвечает Пушкин, неизвестно.

Хариты — три богини красоты и веселья, спутницы Афродиты.

4

Пушкин, III.

Начальные шесть строк представляют собой авторскую переадресовку — переделку чернового стихотворения 1828 г., обращенного, видимо, к А. А. Олениной. Начиная с седьмой строки, в первом варианте было так:

Что ваши взоры — сердцу жалы,
Что ваши ножки очень малы,

Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно вас любить сердечно,
Но вы не знаете, конечно.
Что и болтливая молва
Порою правды не умалит,
Что иногда и сердце хвалит,
Хоть и кружится голова.

В последнее время исследователи пришли к выводу, что речь идет не о двух редакциях, а о двух разных произведениях в жанре альбомного мадригала.— См. Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. М., 1983.

Пресненское поле — Пресня начала застраиваться в конце 1820-х годов.

5

Новый мир, 1957, № 3.

Письмо брату, Ивану Николаевичу Ушакову, сестры писали вместе. Начало принадлежит Елизавете, а со слов: «Здравствуйте, дорогой брат...» — Екатерине.

Первое двустишие — перефразировка из «Кавказского пленника»: «Где первую познал он радость...». Второе двустишие — «перевод в женский род» последних двух строк I строфы I гл. «Евгения Онегина».

6

Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899.

Алексей Петрович Ермолов — прославленный генерал, находившийся в опале после того, как обнаружились его связи с декабристами.

7

П. и С., V.

N *** — Ек. Н. Ушакова.

8

Пушкин, X.

Меццерский — Платон Алексеевич, чиновник Московского главного архива министерства иностранных дел, ухаживавший за Н. Н. Гончаровой.

9

Новый мир, 1957, № 3.

Ушаков — Александр Андреевич, генерал-майор; *Карсы* —

т. е. три сестры Гончаровы; *Давыдов* — Алексей Кузьмич, морской офицер.

10

Новый мир, 1957, № 3.

Лиза — Елизавета Николаевна Ушакова, вышедшая в 1830 г. замуж за С. Д. Киселева, приятеля Пушкина; *Лотова жена* — по библейской легенде, жена Лота, нарушив запрет, оглянувшись, уходя из обреченного на гибель города Содома, и превратилась в соляной столб.

11

Новый мир, 1957, № 3.

Свадьба наша — Ел. Н. Ушаковой; *Ток* — женский головной убор (высокий, прямой, без полей);

Четьи Минен — сборник древнерусской церковной литературы (XVI в.).

12

Воспоминания, Т. 2.

Вполне доброжелательный к Пушкину мемуарист (муж А. О. Россет-Смирновой) ошибочно оценивает и визиты поэта к Ушаковым и его женитьбу.

13

ЛН, 58.

14

В. В. Вересаев. Пушкин в жизни. Изд. 5-е. М., 1932.

А. А. ОЛЕНИНА
(11.VIII.1808—15.XII.1888)

1

Пушкин, III.

Стихи Вяземского, см. очерк. См. также «А. О. Смирнова».

Без разрешения Пушкина было напечатано в альманахе «Северная Звезда» за 1829 г., имя Олениной было заменено: «Элодни». В альбоме Олениной сохранился вариант второй строки: «Твоя Россети егоза» (т. е. прямое обращение к Вяземскому).

Пушкин, III.

Написано 9 мая 1828 г. на пароходе во время поездки в Кронштадт, в которой участвовали Пушкин, английский портретист и живописец Джордж Дау, А. А. Оленина, ее брат А. А. Оленин и другие. Рисунок Дау, изображавший Пушкина, не найден.

Пушкин, III.

Черновой набросок.

Пушкин, III.

О контексте стихотворения см. № 10.

Пушкин, III.

Стихотворение написано, по-видимому, под впечатлением пения Олениной, но кого вспоминал Пушкин («черты далекой бедной девы») остается невыясненным.

Пушкин, III.

«Снова тучи надо мною» — поэт имеет в виду расследование о стихотворении «Андрей Шенье» и о «Гавриилиаде».

Пушкин, III.

Говорится о Петербурге. Последние строки посвящены Олениной.

Воспоминания, Т. 2.

Дневник А. А. Олениной, выпущенный в 1936 г. в Париже тиражом 200 экз., передан ее потомками в Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва). В ряде фрагментов дневника автор пишет от третьего лица.

О Е. М. Хитровѣ (по первому мужу — Тизенгаузен) см. раздел, посвященный ей в этом томе; в одной из своих поэм — XXXII строфа I гл. «Евгения Онегина»; *Алексей Петрович Чечурин* — казак, хорунжий, поклонник Олениной.

9

Керн, Воспоминания.

Пред ней задумчиво стою — «Ты и Вы»; *Крылов* — Иван Андреевич, баснописец.

10

Пушкин. Исследования и материалы. Т. II.

Автор воспоминаний — внучка А. А. Олениной.

11

В. В. Вересаев. Пушкин в жизни. Изд. 5-е. М., 1930.

Автор мемуаров — археолог, академик живописи Федор Григорьевич Солнцев, встречавшийся с Пушкиным у Олениных.

12

В. В. Вересаев. Пушкин в жизни.

Мемуарист знал Оленину (Андро) в ее пожилых годах, и воспоминания написаны по ее рассказам.

13

Анненков, Пушкин.

14

Бартенев.

Рисунки к «Руслану и Людмиле» — в письме к Н. И. Гнедичу из Кишинева 24 марта 1821 г. Пушкин благодарил А. Н. Оленина за виньетку к «Руслану...», в которой видел «сладкое доказательство его благосклонности».

СЕМЬЯ ХИТРОВО — ФИКЕЛЬМОН

1

Пушкин, Х.

Пушкин поставил под этим письмом только число: «18 июля», не указав года. Комментаторы считают, что оно написано, вероятнее всего, в 1827 г. и открывает собою переписку поэта с Хитрово.

Пушкин, Х.

О болезни Пушкина в то время точных сведений нет. Вышедшие IV и V главы «Онегина» вызвали ряд отзывов, нередко мелочных и придирчивых. Письмо Хитрово с похвалой этим главам «Онегина» до нас не дошло. Пушкин дорожил поддержкой духовно близких ему людей, какой была Хитрово.

Пушкин, Х.

Пушкин пытается уклониться от настойчивых приглашений Е. М. Хитрово.

Я имею несчастье состоять...— эта часть письма вызвала самые различные толкования. Одни считали, что речь идет о самой Елизавете Михайловне, которой Пушкин намекал на то, насколько она его утомила; другие — что о А. Ф. Закревской, к которой подходит определение «болезненной и страстной особой». Н. В. Измайлов высказал не лишнее оснований предположение, что Пушкин имел в виду свою Музу. В подтверждение приводились стихи «Рифма, звучная подруга...»:

...Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушное дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.
Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

К этому можно добавить и такой аргумент. Пушкин пишет: «Я не прихожу к вам потому, что очень занят, могу выходить из дому лишь поздно вечером». Именно творческая работа (Муза) вынуждала поэта оставаться дома в утренние и дневные часы.

Акад., XIV.

В марте 1830 г. Пушкин выехал в Москву, чтобы вторично сделать предложение Н. Н. Гончаровой. Е. М. Хитрово за две недели послала ему четыре письма.

Пушкин, Х.

Написано из Москвы в Петербург.

Гончаров — Иван Николаевич, брат Н. Н. Гончаровой; *Княгиня Мещерская* — Екатерина Николаевна (урожденная Карамзина; см. Т. I); *Пентефрейха* — по библейской легенде Иосиф Прекрасный, вырываясь из объятий преследовавшей его нежностями жены Пентефрия, оставил ей свой плащ.

Временник Пушкинской комиссии. 1962. Л., 1963.

22 марта 1830 г. в «Северной пчеле» Булгарин опубликовал статью с грубыми нападками на Пушкина в связи с VII гл. «Евгения Онегина». Выступление Булгарина имело характер не только литературный, но и политический: он обвинял Пушкина в «непатриотическом» изображении Москвы в VII гл. Е. М. Хитрово написала письмо-рецензию в защиту Пушкина, предназначенную для одной из редакций. Письмо не было опубликовано и известно только в черновике. Публикатор его Ю. М. Лотман справедливо считает, что этот документ свидетельствует о Хитрово как об «активном организаторе общественного мнения в пользу поэта». Письмо-рецензия Хитрово совпадает по времени с отчаянными ее посланиями Пушкину в Москву (см. № 4).

Знающей Пушкина лишь по его сочинениям — сознательный литературный прием, рассчитанный на публикацию рецензии; *достойный молодой человек* — от третьего лица Хитрово передает свое собственное мнение о Пушкине.

Пушкин, Х.

Единственное известное письмо Пушкина Д. Ф. Фикельмон было обнаружено Н. А. Раевским в 1942 г. и опубликовано по копии в 1949 г.

Письмо послано из Москвы в Петербург и связано с предстоящей женитьбой Пушкина. *Упреки несправедливы* — как предполагает Н. А. Раевский, Д. Ф. Фикельмон заранее упрекала Пушкина в том, что, женившись, он отдалится от прежних друзей.

Варианты перевода и подробное толкование письма см. в кн. Н. А. Раевского «Портреты заговорили».

Акад., XIV.

Написано тотчас после того, как Е. М. Хитрово узнала, что Гончаровы приняли предложение Пушкина.

Акад., XIV.

«Рассчитывайте на меня — на жизнь и на смерть» — таков лейтмотив этого письма.

Пушкин, X.

Ответ на предыдущее письмо.

Драма В. Гюго «Эрнани», поставленная в 1830 г. в Париже на сцене «Комеди франсез», вызвала споры и была самой последней литературной новинкой. *Сент-Бев* — французский поэт и критик.

Я человек средней руки — ответ на опасения Хитрово: «страшит прозаическая сторона брака»; *Ланжерон* — Александр Федорович, одесский знакомый Пушкина. Во французском тексте у Пушкина игра слов: Ланжерон говорил «boumapi», т. е. переиначивал на французский лад русское слово «бумаги».

Пушкин, X.

Хитрово не знала, что Пушкину удалось прорваться через холерные карантин и 5 декабря 1830 г. приехать в Москву.

Слухи о разрыве Пушкина с невестой, основанные на резком разговоре с ним Н. И. Гончаровой перед отъездом поэта в Болдино, дошли до Петербурга, возможно, через В. Ф. Вяземскую.

Пушкин, X.

Ответ на сочувственное письмо Хитрово в связи со смертью А. А. Дельвига. Братья Дельвига были определены в Пажеский корпус. *Успех «Бориса Годунова»* — трагедия Пушкина, вышедшая в самые последние дни 1830 г., мгновенно разошлась в книжной лавке А. Ф. Смирдина в Петербурге.

Щеголев, Дуэль.

Пушкин, Х.

Написано в Петербурге.

«Собор Богоматери» — роман В. Гюго «Собор Парижской богоматери»; «Красное и черное» — роман Стендаля.

Пушкин, Х.

Прислано из Царского Села.

Свиштунов — Алексей Николаевич, знакомый Пушкина и Хитрово. *Тьера и Минье* — обе книги по истории Великой французской революции сохранились в библиотеке Пушкина. Книгу Минье Е. М. Хитрово прислала Пушкину немедленно.

Акад., XVI.

Речь идет о стихотворении Пушкина «Полководец», в котором отдано должное деяниям М. Б. Барклая де Толли. Стихотворение было напечатано в III томе «Современника» 30 сентября 1836 г. Статью, содержащую критику «Полководца», написал и представил в цензуру Л. И. Голенищев-Кутузов. По его утверждению, поэт умалил заслуги М. И. Кутузова. Е. М. Хитрово узнала о статье заранее и настоящим письмом предупредила Пушкина. В начале ноября статья Л. И. Голенищева-Кутузова была выпущена отдельной брошюрой. Хитрово не случайно подписалась «княжна Кутузова-Смоленская». Тем самым она как бы от имени отца поддержала позицию Пушкина.

Бедный Чедаев — Хитрово высказывает свое мнение о публикации «Философического письма».

Акад., XVI.

Контекст письма см. очерк.

Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939.

Речь идет об одном из последних посещений Пушкиным салона Фикельмон.

Барант — французский посол в Петербурге; *Талейран* — французский политический деятель, дипломат, автор знаменитых мемуаров.

19

Воспоминания, Т. 2.

Смесь наружности...— вряд ли Д. Ф. Фикельмон знала о лицейском прозвище Пушкина «смесь обезьяны с тигром». Скорее всего она случайно употребила распространенное в то время выражение.

Рассказ Фикельмон о смерти Пушкина и связанных с ней обстоятельствах представляет большой интерес как свидетельство осведомленного и доброжелательного к Пушкину современника. Вместе с тем не все детали и оценки в нем точны.

20

В. А. Соллогуб, Воспоминания. М.—Л., 1931.

Нелединский-Мелецкий — Юрий Александрович, поэт.

21

П. А. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929.

Н. Н. ПУШКИНА
(27.VIII.1812—26.XI.1863)

1

Пушкин, III.

У стихотворения долгая «комментаторская» история. Некоторые литературоведы считают, что оно обращено к Н. Н. Гончаровой, в которую Пушкин был тогда влюблен: «Тобой, одной тобой...». Их оппоненты полагают, что речь идет о другой женщине, например, о Марии Волконской. В пользу последнего подхода говорит и оставшаяся в рукописи первая редакция:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою —

Тобой, одной тобой — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Стихотворение написано в мае 1829 г. во время путешествия в Арзрум. Как ни сложны лирические мотивы в произведениях такой глубины, Пушкин все же не случайно опубликовал *первую* редакцию стихотворения. Вместе с М. Н. Волконской и В. Ф. Вяземской мы вправе относить его к Н. Н. Гончаровой — той, которую поэт любил в 1829 г. (см. материал о М. Н. Раевской в разделе «Семья Раевских»).

2

Пушкин, III.

Картину, о которой идет речь в стихотворении, Пушкин упомянул и в письме к невесте (№ 10). Старинная картина была выставлена в книжном магазине И. В. Слёнина на Невском проспекте. По-видимому, это была копия с «Бриджуотерской мадонны» Рафаэля (1507), рядом деталей отличавшейся от оригинала. В. Г. Белинский писал: «Недаром Пушкин так любил Рафаэля: он родня ему по натуре». Подробности см. Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967; Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983.

3

Пушкин, III.

Отрывок, носящий сугубо интимный характер, при жизни Пушкина, естественно, не печатался. Обычно его относят к 1831 г.

4

Пушкин, III.

Написано, по-видимому, в июне 1834 г., когда Пушкин тщетно пытался добиться отставки (см., например, раздел «В. А. Жуковский» в Т. I). Со стихотворным отрывком, вероятно, связан и прозаический текст: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь...». По форме — обращение к жене.

Пушкин, Х.

Один из моих друзей — по свидетельству П. А. Вяземского, Иван Дмитриевич Лужин, которого Пушкин просил напомнить Гончаровым о себе.

Пушкин, Х.

Пушкину стоило больших усилий упомянуть в письме к родителям о материальных делах. С. Л. Пушкин отвечал ободряюще: «У меня остается из имения, доставшегося мне по разделу с моим покойным братом, 200 душ совершенно чистых, — и их я передаю тебе в твоё полное и совершенное распоряжение». Восторженный тон С. Л. Пушкина скрывал его полное неведение в хозяйственных делах. См., например, письмо С. А. Соболевского к П. А. Плетневу в разделе «С. А. Соболевский».

Акад., XIV.

См. примечания к № 6.

Пушкин, Х.

Бенкендорф отвечал лицемерным посланием, которое могло успокоить Н. И. Гончарову, но не могло обмануть Пушкина.

Пушкин, Х.

Л. С. Пушкин выехал из Петербурга 20 июля 1830 г. с «рекомендательным» письмом поэта к невесте. *Наталья Кирилловна* — Загряжская, фрейлина времен Екатерины II; ей было уже за 80 лет, она отличалась своеобразием суждений и знанием старины, столь занимавшей Пушкина, записывавшего ее рассказы. Наталья Николаевна приходилась ей внучатой племянницей.

Пушкин, Х.

См. № 2.

Пушкин, Х.

Перед отъездом Пушкина в Болдино для ввода во владение выделенным ему отцом имением произошло неприятное объяснение с Н. И. Гончаровой. «Примирителем» выступила сама Наталья Николаевна.

Пушкин, Х.

В письме к Пушкину невеста, по-видимому, сумела успокоить его, несмотря на то, что, по свидетельству современницы, «мать не позволяла дочери самой (т. е. без ее «цензуры». — В. К.) писать к нему письма». См. № 95.

Пушкин, Х.

По-видимому, рассказ о жестокости деда поэта Л. А. Пушкина, якобы повесившего француза-учителя, которого подозревал в связи со своей женой, преувеличен. Документы свидетельствуют лишь о «непорядочных побоях». Пушкин повторил этот рассказ в «Начале автобиографии».

Пушкин, Х.

В 10-х числах сентября 1830 г. в Москве появилась холера, въезд в город и выезд из него был запрещен. Гончаровы оставались в Москве.

Пушкин, Х.

Единственное письмо к невесте, написанное Пушкиным по-русски. *Брат... не пишет* — Л. С. Пушкин был тогда в Москве и жил у Нащокина.

Пушкин «прорвался» в Москву только 5 декабря.

Пушкин, Х.

Это первое письмо Пушкина к Н. Н. Пушкиной — жене.

Пушкин, Х.

Нащокин дурак — Наталья Николаевна просила Пушкина попенять Нащокину за то, что балует ее подарками; *Вяземские* — П. А. и В. Ф.; *Мещерские* — Петр Иванович и Екатерина Николаевна; *Дмитриев* — Иван Иванович, поэт; *Горчаков* — Владимир Петрович, приятель Пушкина по Кишиневу; *собрание* — «Благородное собрание» московского дворянства зимой по вторникам устраивало балы в том помещении, где теперь Дом союзов; *Брюллов* — Александр Павлович, написавший в 1832 г. известный акварельный портрет Н. Н. Пушкиной.

Пушкин, Х.

Графини — вероятно, Екатерина Марковна и Александра Марковна Ивелич, имевшие дурную репутацию; *Солдан* (Сольдейн) — Вера Яковлевна, знакомая Пушкина, в литературном салоне которой на Пречистенке он бывал; *стихов твоих не читаю* — не совсем ясно, прислала ли Наталья Николаевна Пушкину стихи собственного сочинения или ей кем-либо посвященные.

Пушкин, Х.

В 1832 г. Пушкин присхал в Москву 21 сентября и пробыл там три недели.

Петр, Ирина Кузьминична, Ненила Ануфриевна — прислуга Пушкиных; *Спасский* — Иван Тимофеевич, доктор медицины, лечивший семью Пушкиных.

Пушкин, Х.

Пушкин — Федор Матвеевич Мусин-Пушкин, дальний родственник Н. Н. Пушкиной.

Пушкин, Х.

Как и все письма Н. Н. Пушкиной, то, на которое отвечает Пушкин, до нас не дошло. О его содержании можно судить только по ответу. *Пакет Бенкендорфа* — возможно, деловые бу-

маги, связанные с разрешением газеты, о которой хлопотал Пушкин; *денег не дождусь* — Пушкин пытался перезаложить нижегородское имение, но доверил это дело Нащокину.

22

Пушкин, Х.

О начале этого путешествия см. «С. А. Соболевский», № 7. В Москву Пушкин приехал из имения Н. И. Гончаровой Ярополец 25 августа 1833 г.

С днем ангела — 26 августа, Натальин день, по церковному календарю; *Никитский дом* — дом Гончаровых на Большой Никитской; *в среду* — 23 августа; *Катерина Ивановна* — Загряжская, сестра Н. И. Гончаровой; *будущее лето* — Н. Н. Пушкина провела лето 1834 г. в Яропольце и Полотняном Заводе; *Дорошенко* — Петр Дорофеевич, пращур Н. Н. Пушкиной, живший в XVII в.

23

Пушкин, Х.

Написано из Нижнего Новгорода по дороге на Урал, куда Пушкин отправился для сбора материала к «Истории Пугачева».

M-me Sichler — г-жа Зихлер, владелица модного магазина; *Смирдин извиняется* — видимо, за неуплату денег; *Черная речка* — дачная местность под Петербургом, пользовавшаяся большой популярностью; *сидишь взаперти* — после рождения сына (6 июля) Н. Н. Пушкина некоторое время не появлялась в обществе.

24

Пушкин, Х.

Написано из Оренбурга.

Я и в коляске сочиняю — возможно, речь идет о «Медном всаднике» и о других плодах второй Болдинской осени; Пушкин обычно работал, не вставая, первую часть дня; *человек мой* — Гаврила, слуга, взятый Пушкиным в дорогу.

25

Пушкин, Х.

Атаман — Василий Осипович Покатилов; *все сведения* — в Уральске Пушкин получил важные материалы о восстании Пу-

гачева; *мимо Языкова* — село Языково Корсунского уезда Симбирской губернии; *трех братьев* — Петра Михайловича, Александра Михайловича и Николая Михайловича (поэта); *попов* — священников села Болдина, которые вспоминали потом об этой встрече; *тетку* — Екатерину Ивановну Загряжскую.

26

Дом наняла — квартиру в доме Оливье на Пантелеймоновской ул.; *заплотим половину долгов* — надежды Пушкина на материальный успех «Истории Пугачева» не оправдались; Жуковский возвратился из-за границы в начале сентября 1833 г.; *звезда* — орден св. Станислава 1-й степени, который получил Жуковский; предполагавшаяся поездка Пушкина в Дерпт не состоялась; *Смирнова* — Александра Осиповна, возвратившаяся из поездки в Германию в конце августа.

27

Пушкин, Х.

Жених княжны Любы (Любови Александровны Хилковой) — С. Д. Безобразов.

28

Пушкин, Х.

29

Пушкин, Х.

Н. Н. Пушкина с детьми выехала 15 апреля 1834 г. Пушкин проводил ее до станции Ижоры; *сестры* — Александра Николаевна и Екатерина Николаевна жили тогда в Москве в доме Гончаровых.

30

Пушкин, Х.

Это письмо было вскрыто на почте, содержание его доложено царю, что вызвало резкий протест Пушкина.

К наследнику — праздновалось совершеннолетие будущего императора Александра II; *трех царей* — Павла I, Александра I и Николая I; *порфирородный тезка* сына Пушкина — наследник престола.

Пушкин, Х.

Н. Н. Пушкина ревновала мужа к Надежде Львовне Соллогуб.

Акад., XV.

Это единственное дошедшее до нас письмо Н. Н. Пушкиной к мужу — точнее, приписка к письму ее матери (№ 33).

Акад., XV.

Пушкин, Х.

Письмо Н. Н. Пушкиной от 14 мая в Петербурге еще не было получено.

Пушкин, Х.

О Петре — т. е. о работе над «Историей Петра»; *Сперанский* — Михаил Михайлович, видный государственный деятель. В 1834 г. Пушкин общался с ним в связи с печатанием «Истории Пугачева» в подведомственной ему типографии — они беседовали на различные исторические темы; *Вельгорский* — Матвей Юрьевич; *тетка* — Е. И. Загряжская.

Пушкин, Х.

Не смей писать — Пушкин имеет в виду перлюстрацию писем; *о Болдине* — комментаторы считают, что Н. Н. Пушкина советовала мужу одному уехать в Болдино осенью для работы; *денежными обязательствами* — Пушкин получил ссуду на печатание «Истории Пугачева»; *как Ломоносов* — выражение Ломоносова: «у... земных владельцев дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога» (ниже — ни даже).

Пушкин, Х.

Пушкин, Х.

Соллогуб см. примеч. к № 31. *Коротко и холодно* — Пушкин на некоторое время изменил тон писем, когда обнаружил, что корреспонденция вскрывается.

Пушкин, Х.

Н. Н. Пушкина ездила из Полотняного Завода с визитами и на бальные вечера в Калугу.

Д. — неустановленное лицо: *сестер привезти* — несмотря на возражения Пушкина, обе сестры Н. Н. Пушкиной поселились с ними в Петербурге, и поэт снял квартиру на Гагаринской набережной в доме Баташева.

Пушкин, Х.

Написано из Полотняного Завода, куда Пушкин приехал к семье 21 августа 1834 г., в Ярополец.

Пушкин, Х.

С 10 сентября 1835 г. Пушкин был в Михайловском. 23 октября он возвратился в Петербург.

Пушкин, Х.

Письмо принадлежит к последнему «циклу» писем Пушкина к жене — из Москвы в мае 1836 г. Пушкин приехал для работы в архивах и по делам, связанным с «Современником».

Наталья Александровна Пушкина, младшая дочь поэта, родилась 23 мая 1836 г., за несколько часов до возвращения Пушкина; *Чертков* — Александр Дмитриевич, историк, археолог, библиофил; *Наблюдатели* — редакция журнала «Московский наблюдатель».

Пушкин, Х.

Чиновник Николай Матвеевич *Павлов* 28 апреля 1836 г. смертельно ранил А. Ф. *Апрелева*, нанесшего оскорбление его

сестре. Павлов был разжалован в солдаты и сослан на Кавказ. Событие это взволновало Петербург; Корнет Павел Григорьевич *Столыпин* утонул в Неве 9 мая 1836 г.; *Киреев* — гусарский поручик, устраивавший громкие скандалы в ресторане Яра.

Брюлов — Карл Павлович, знаменитый художник, тяготившийся зависимостью от царского двора; *Мордвинов* — Александр Николаевич, с 1831 г. управляющий III Отделением.

Несмотря на резкие расхождения с Николаем Полевым, Пушкин лишь в запальчивости поставил его на одну доску с агентом III Отделения Булгариным.

44

Пушкин, X.

Посаженной матерью — перед свадьбой Пушкина В. Ф. Вяземская заболела. Ее заменила Е. П. Потемкина.

45

Акад., XIV.

46

Акад., XIV.

Слухи о скорой женитьбе Пушкина распространялись по Москве. Автор шуточной записи разговора с камердинером поэта Никитой Козловым — Владимир Сергеевич Голицын, генерал-майор, приятель Пушкина.

47

Пушкин, X.

48

Пушкин, X.

Твердою дубовою корой — намек на известное обоим поэтам подражание И. И. Дмитриева одной из од Горация.

49

Пушкин, X.

Адресат письма — Николай Иванович Кривцов, близкий приятель Пушкина, в основном в петербургский (до ссылки) период жизни поэта.

Акад., XIV.

Приписка Н. Н. Пушкиной к письму А. С. Пушкина, адресованному ее дедушке А. Н. Гончарову.

Пушкин, X.

Степанида Александровна — жена П. А. Плетнева; *баронесса* — С. М. Дельвиг.

ЛН, 16—18.

П. и С., XV.

Щеголев, Дуэль.

Пушкин, X.

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина. Изд. 2-е. М., 1978.

О квартире, нанятой Н. Н. Пушкиной, см. № 26.

Временник Пушкинской комиссии 1970. Л., 1972.

Письмо обнаружено И. Ободовской и М. Дементьевым в Центральном Государственном архиве древних актов (фонд Гончаровых) в 1970 г. Это была одна из наиболее значительных в последнее время находок пушкинского текста. Пушкин помогает Д. Н. Гончарову получить заем у В. С. Голицына и в случае успеха просит одолжить ему часть денег.

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина.

Бумага нужна была для задуманного (но не осуществленного) Пушкиным и Плетневым альманаха.

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина.

Письмо написано Александрой Николаевной Гончаровой, сестрой Н. Н. Пушкиной.

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина.

На этот раз бумага нужна была для «Современника».

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина.

К 1836 г. у Пушкина было приблизительно 77 тыс. долга.

И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина.

29 июля 1836 г. Д. Н. Гончаров женился на Елизавете Егоровне Назаровой; *Серезу с Ваней* — братьев Н. Н. Пушкиной; *повар и брат Параши* — Н. Н. Пушкина просила брата прислать ей в услужение крепостных.

ЛН, 16—18.

Написано из Варшавы в Москву.

Мадам Пашкова — по-видимому, М. Т. Пашкова, петербургская знакомая Пушкина. Свадьба Е. Н. Гончаровой с Дантесом состоялась 10 января 1837 г.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина. М., 1980.

Автор письма — московский почт-директор, постоянный корреспондент П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, Александр Яковлевич Булгаков.

Гончаров — Сергей Николаевич.

ЛН, 16—18.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.
Мой брат — Дмитрий Николаевич.

Летописи Литературного музея. Кн. V. Архив Опекы Пушкина. М., 1939.

Михайловское было выкуплено у сонаследников для семьи Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.
3000 рублей — деньги, которые до 1839 г. ежегодно выплачивала Н. Н. Пушкиной мать.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.
П. А. Вяземский навещал семью Пушкина в Михайловском осенью 1841 г.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Летописи Литературного музея. Кн. V. Архив Опекы Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Написано из Петербурга в Полотняный Завод. *Ильцыно* — имение Гончаровых в Рязанской губернии; *Ваня* — Иван Николаевич Гончаров; *Строганов* — Сергей Григорьевич, троюродный брат Н. Н. Пушкиной.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Энгельгардт — по-видимому, Егор Антонович, бывший директор Лицея; *Кодинец* — неустановленное лицо; *Петерсон* — Александр Петрович, московский знакомый Пушкина; *Оля* — дочь Плетнева. *Александра Осиповна* — писательница Ишимова.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

16 июля 1844 г. Н. Н. Пушкина вышла замуж за П. П. Ланского.

Строганов — Григорий Александрович, родственник Н. Н. Ланской.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Саша — А. А. Пушкин; *Паша* — племянник П. П. Ланского, живший в его семье.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Азя — Александра Петровна Арапова (Ланская) — старшая дочь Натальи Николаевны от второго брака; *Маша* — М. А. Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Нащокина — Вера Александровна; старший сын Нащокиных Александр, учившийся в Петербурге, проводил свободные дни в семье Пушкиных-Ланских; *Акулова* (Окулова) — родственница Нащокиных, опекавшая их сына.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Их пристроить — дочерей; *вы хотите* — П. П. Ланской и Г. Фризенгоф (муж А. Н. Гончаровой с 1852 г.).

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Таша — Н. А. Пушкина, младшая дочь поэта; *Дубельт* — Михаил Леонтьевич. Н. А. Пушкина вышла за него замуж в 1853 г.

(брак оказался неудачным). Н. Н. Ланская считала нужным известить о предстоящей свадьбе дочери ближайших друзей Пушкина.

92

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

93

П. и С., XI.

Адресат письма — Авраам Сергеевич Норов, литератор, знакомый Пушкина, в 1852—59 гг. министр народного просвещения.

В будущем — здесь в смысле: «в предстоящем» (через 6 лет после письма). Ходатайство Н. Н. Ланской удовлетворено не было.

94

П. и С., XXXVII.

Автор письма — дочь московского сенатора П. И. Озерова; адресат — сестра жены Баратынского.

Семенова — Екатерина Семеновна, трагическая актриса. В 1828 г. она стала женой князя И. А. Гагарина, оставив сцену. Пушкин и его невеста Н. Н. Гончарова 3 мая 1830 г. видели Семенову в Москве в «Благородном собрании» в любительском спектакле. Шла драма А. Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние».

95

Воспоминания, Т. 2.

Воспоминания записаны П. И. Бартеевым со слов Екатерины Алексеевны Долгоруковой, дочери директора Московского архива коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновского. Эта семья была близка к Пушкиным.

96

Воспоминания, Т. 2.

Здесь — т. е. у Фикельмонов.

Керн, Воспоминания.

Илличевский — Алексей Демьянович, лицейский товарищ Пушкина.

Воспоминания, Т. 1.

Автор «Записки» Модест Андреевич Корф, лицейский товарищ Пушкина. Впоследствии — благонамеренный и ловкий саванник, он и в Лицее не был дружен с Пушкиным. «Записка», содержащая ценный фактический материал, тенденциозна по своей политической направленности. Помимо этого, М. А. Корф плохо понимал Пушкина и не чужд был зависти к нему.

Воспоминания, Т. 2.

Воспоминания, Т. 2.

Воспоминания, Т. 2.

И. Ободовская, М. Дементьев. После смерти Пушкина.

Запись сделана дочерью врача в Вятке, где Ланские жили в 1855 г. (в связи со служебными делами П. П. Ланского).

Пащенко, Яголковский — вятские чиновники.

А. О. СМЕРНОВА
(6.III.1809—7.VII.1882)

Пушкин, III.

Стихотворение, написанное как бы от имени Смирновой, открывает подаренный ей Пушкиным альбом.

Воспоминания, Т. 2.

Фрагмент отражает отношение Смирновой к Пушкину в первый период их знакомства.

Вечер у Карамзиных мог быть не раньше октября 1828 г. и не позднее марта 1829 г. *Потоцкий* — Станислав Станиславович, генерал-адъютант, в конце 20-х годов Пушкин был частым посетителем его петербургского дома.

Воспоминания, Т. 2.

Цензура не пропустит — «Сказка о попе и работнике его Балде» при жизни Пушкина вообще не была напечатана. Но и при первой публикации попа «пожалели», назвав сказку «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде».

Пушкин, X.

24 августа 1831 г. Вяземский в письме к Пушкину просил Россет «сжечь до замужества своего всю мою поэзию и мою прозу, а что они у нее залежались знаю я потому, что она для сме-ха их кому-то показывала»; *генеральша Ламбер* — графиня Ульяна Михайловна Ламберт; рассуждения о пословице — в том же письме Вяземского (см. Переписка А. С. Пушкина. М., 1982, Т. I); *статью Феофилакta Косичкина* — под этим псевдонимом Пушкин опубликовал в журнале «Телескоп» (1831, № 3) свою статью «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов».

Воспоминания, Т. 2.

Пугачевский бунт — этот факт относится уже к 1834 г. (возможно — к 17 ноября, судя по записи в дневнике А. И. Тургенева).

Пушкин, VIII.

ЛН, 58.

Четвертый том — «Стихотворения Александра Пушкина» (часть четвертая) вышли 14 сентября 1835 г. «*Гузла*» — Смирнова имеет в виду «Песни западных славян» (в основе некоторых из них — песни из сборника Проспера Мериме «Гузла»). *Гейне* — Генрих, великий немецкий поэт.

Воспоминания, Т. 2.

Поэт Я. П. Полонский в 1855—1857 гг. был учителем сына А. О. Смирновой и делал записи непосредственно с ее слов.

П. А. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929.

Речь идет о конце 1820-х — начале 1830-х годов. *Донна Соль* — героиня драмы В. Гюго «Эрнани»; *Востоков* — Александр Христофорович, поэт, филолог; поэзия Курдюковой — пародийные сатирические стихи И. П. Мятлева; *синей петли* — т. е. она несколько не походила на «синий чулок»; *академиком в цепце* — см. «Евгений Онегин», гл. III, строфа XXVIII. Шуточные стихи принадлежат П. А. Вяземскому.

В. В. Вересаев. Пушкин в жизни. Изд. 5-е. М.—Л., 1932.

Мемуарист — Александр Васильевич Мещерский, поэт, знакомый Пушкина (лицеист 5-го выпуска).

В. В. Вересаев. Пушкин в жизни.

Воспоминания относятся к 1850-м годам.

В. В. Вересаев. Пушкин в жизни.

Автор некролога — Иван Сергеевич Аксаков, известный писатель, хорошо знавший Смирнову в ее пожилых годах.

1

Я. К. Грот, Пушкин.

2

Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л., 1924.

Некоторые документы о дуэли Пушкина К. К. Данзас передал П. А. Вяземскому. От него они перешли к П. И. Бартеневу. После смерти Бартенева в 1912 г. пачку бумаг его приобрел московский библиофил Л. Э. Бухгейм. Советский пушкинист М. А. Цявловский, разбирая пушкинский архив Бартенева, обнаружил «Условия дуэли...», написанные рукой Данзаса, и опубликовал их в 1924 г.

С этой самой бумагой Данзас был на дуэли. В верхней ее части — пятна. Возможно, это кровь Пушкина, которого Данзас после ранения нес на руках.

Условия существовали в двух экземплярах — для обоих секундантов.

3

Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. СПб., 1863 (в записи А. Н. Аммосова).

А. Н. Аммосов вел записи воспоминаний Данзаса, которые, таким образом, написаны в третьем лице.

Россет — Клементий Осипович, брат А. О. Смирновой; *Голицын* — Владимир Дмитриевич, петербургский знакомый Пушкина; *Головин* — Александр Иванович, знакомый Карамзиных; *Щербачев* — Михаил Николаевич, офицер, смертельно раненный на дуэли Р. И. Дороховым в 1819 г.; *Дорохов* Руфин Иванович — офицер, известный в Петербурге дуэлянт, неоднократно разжаловавшийся в рядовые, знакомый Пушкина; *Арендт*, *Персон*, *Шольц*, *Задлер*, *Саломон*, *Буяльский*, *Шеринг* — петербургские врачи. *Валуев* — Петр Александрович, муж дочери Вяземских Марии Петровны, знакомый семьи Пушкиных.

«*Любезный друг Александр Сергеевич*» — записка Николая I в подлиннике неизвестна, хотя ее существование подтверждается многими мемуаристами.

Данзас не упомянул в рассказе Аммосову, что по просьбе Пушкина он сжег некоторые его бумаги.

4

Щеголев, Дуэль.

5

Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960.

6

Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1863.

По просьбе Вяземского Д'Аршиак и Данзас написали ему о подробностях дуэли. Данзас дает свой вариант слов Пушкина во время дуэли и отводит всякое подозрение в нарушении дуэльного кодекса со стороны Пушкина и его секунданта, проскользнувшее в письме Д'Аршиака к Вяземскому.

7

Воспоминания, Т. 2.

Список сокращений

- Акад.— А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I—XVII. М.— Л., 1937—1959.
- Анненков, Материалы — П. В. Анненков. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855.
- Анненков, Пушкин — П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874.
- Бартенев — П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России. М., 1914.
- Воспоминания — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1—2. М., 1974.
- Я. К. Грот, Пушкин.— Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы. Изд. 2-е. СПб., 1899.
- Керн, Воспоминания — А. П. Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974.
- ЛН — Литературное наследство.
- П. и С.— Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. I—XXXIX. СПб.; Л., 1903—1930.
- Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.— Л., 1949.
- Пушин, Записки — И. И. Пушин. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956.
- Щеголев, Дуэль — П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Изд. 3-е. М.— Л., 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

Денис Васильевич Давыдов	5
Евгений Абрамович Баратынский	32
Семья Раевских	63
Николай Степанович Алексеев	135
Семья Осиповых — Вульф	152
Анна Петровна Керн	216
Петр Александрович Плетнев	242
Сергей Александрович Соболевский	276
Павел Воннович Нащокин	319
Екатерина Николаевна Ушакова	374
Анна Алексеевна Оленина	391
Семья Хитрово — Фикельмон	410
Наталья Николаевна Пушкина	445
Александра Осиповна Смирнова	517
Константин Карлович Данзас	538
Примечания	561
Список сокращений	638

ДРУЗЬЯ ПУШКИНА

Том 2

Составитель
Виктор Владимирович
КУНИН

Редактор *Н. Н. Ермолаева*

Оформление художника *Д. Б. Шимилиса*

Художественный редактор *Н. Н. Каминская*

Технический редактор *Л. Ф. Молотова*

ИБ 927

Сдано в набор 26.08.84. Подписано к печати 26.11.84.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30.02. Усл. кр.-отт. 34,44. Уч.-изд. л. 30,06.

Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—250 000).

Заказ № 158. Цена 2 р. 20 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий»
620151, г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Уважаемые товарищи!

С 1974 года организован сбор макулатуры с одновременной продажей популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Применение макулатуры для производства бумаги дает возможность экономить остродефицитное древесное сырье, значительно уменьшить расходы по производству бумаги.

Использование одной тонны макулатуры позволяет получить 0,7 тонны бумаги или картона, заменить 0,85 тонны целлюлозы или 4,4 кубического метра древесины. Кроме того, при этом сберегаются леса нашей Родины, чистота ее рек, озер, воздушного пространства.

Сбор и сдача макулатуры — важное государственное дело.

**Сдавайте
макулатуру
заготовительным
организациям!**

ВТОРМА **СОЮЗ
ГЛАВ
ВТОР
РЕСУРСЫ**

20:20 kg